Д. В.
ВЕНЕВИТИНОВ

СТИХОТВОРЕНИЯ
ПРОЗА

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ПАМЯТНИКИ

Д. В. ВЕНЕВИТИНОВ

СТИХОТВОРЕНИЯ
ПРОЗА

Издание подготовили

Е. А. МАЙМИН,
М. А. ЧЕРНЫШЕВ

МОСКВА
ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
1980

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ
СЕРИИ «ЛИТЕРАТУРНЫЕ ПАМЯТНИКИ»

М. П. Алексеев, Н. И. Балашов, Г. П. Бердников,
Д. Д. Благой, И. С. Брагинский, А. С. Бушмин,
М. Л. Гаспаров, А. Л. Гришунин,
Л. А. Дмитриев, Н. Я. Дьяконова,
Б. Ф. Егоров (заместитель председателя),
Д. С. Лихачев (председатель), *А. Д. Михайлов,*
Д. В. Ознобишин (ученый секретарь),
Д. А. Ольдерогге, Б. И. Пуришев,
А. М. Самсонов (заместитель председателя),
М. И. Стеблин-Каменский, Г. В. Степанов,
С. О. Шмидт

ОТВЕТСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР
Д. Д. БЛАГОЙ

Составление, статья, примечания
© Издательство «Наука», 1980 г.

$В\frac{70401—009}{042(02)—80}$ 479—79.4702010100

Д. В. Веневитинов
Портрет работы А. Лагрене.
1826 г. *ГИМ*.

I

СТИХОТВОРЕНИЯ

Издавая сочинения Дмитрия Веневитинова, столь рано похищенного смертию, мы думаем исполнить священный долг, которым обязаны его памяти и нашим соотечественникам, знавшим талант сего юного поэта из немногих напечатанных его произведений. В сем собрании предлагаем публике все, что он по себе оставил. Она конечно пожалеет, что подававший столь блестящие надежды не успел их исполнить; и скорбь истинных друзей его о преждевременной его кончине, верно, найдет неложное участие и во всех друзьях отечественной словесности.

Дмитрий Веневитинов не достигнул тех лет, когда человек может равно действовать всеми своими способностями; но он уже успел выразить свои отличительные качества. Читатели найдут в его сочинениях отпечаток прекрасной, высокой души. Верный признак истинного таланта есть та искренность, то непритворство, с которыми он предается своим внушениям и высказывает оные. Эта искренность не подлежит сомнению в произведениях Веневитинова: везде видны излияние свободного чувства, оригинальность дарования, и по ним отчасти можно разгадать его характер; ибо самая жизнь его, еще не успев раскрыться в сфере обыкновенной деятельности, была не что иное, как сцепление пиитических чувств и впечатлений. Все, что способно возбудить чувство высокое, занять сердце пылкое, но пламенеющее для одного изящного, все то

проходило не вскользь по душе его; другие страсти были ему неизвестны, и следы прежних, даже младенческих порывов остались в нем неизгладимы. Оттого сохранил он до конца невинную простоту характера: друзьям его было знакомо доброе бескорыстие его сердца; им простодушно вверял он все его тайны, им открывался весь, каким знал себя.

Д. Веневитинов родился в Москве, 14 сентября 1805 года, и большую часть краткой своей жизни провел в сем городе. Он обучался дома. Рано обнаружились в нем необыкновенные способности к живописи и музыке; но занятия важнейшие не позволили ему предаться им совершенно. Прилежно изучив многие древние и новейшие языки, он с жадностью перечитывал творения классиков, и в часы свободные переводил в стихах отрывки, особенно его поражавшие. Жаль, что он не сохранил сих первых опытов своей юности, в которых уже видно было дарование. Чтение критических книг было также с ранних лет одним из любимых его занятий. Почувствовав со временем всю бедность суждений, основанных на одних частных наблюдениях, он ревностно стал изучать критиков немецких и с жаром принялся за ту науку, которой цель есть познание нас самих и которая, стремясь все привести к единству, имеет ныне видимое влияние на все отрасли знаний. С тех пор предметом его размышлений было его собственное, внутреннее чувство. Поверять, распознавать его, было главным занятием его рассудка. Оттого, несмотря на веселость, даже на самозабвение, с которым он часто предавался минутному расположению духа, характер его был совершенно *меланхолический*; оттого и в произведениях его господствует более чувство, нежели фантазия. Но чувство сие

было глубокое: все мгновенные порывы души старался он удержать навеки в самом себе, и в себе единственно искал ответа на все загадки жизни. Он сам выразил это в следующих стихах:

Теперь гонись за жизнью дивной
И каждый миг в ней воскрешай,
На каждый звук ее призывной —
Отзывной песнью отвечай.

Желание служить отечеству не только словом, но и делом, отторгло его от семейства, в кругу которого дотоле находил он истинное счастие. В конце 1826 года, он переселился в Петербург и ревностно стал заниматься службою по Министерству иностранных дел.— Но здоровье его было уже расстроено. Нет сомнения, что причиною преждевременной его смерти были частые, сильные потрясения пылкой, деятельной души его. Они расстроили его внутренний организм, и, наконец, сильная нервическая горячка пресекла в 8 дней юную жизнь его, не богатую случаями, но богатую чувствованиями. Он скончался 15 марта 1827 года, на 22 году от рождения. Скорбь друзей есть лучшая похвала его душевным качествам. Они вечно будут хранить в памяти отличительные черты его благородного сердца.— Предоставляем публике по сим немногим произведениям, большею частию отрывочным, судить об его возраставшем таланте.

1827 года

ОТДЕЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

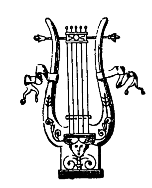
К ДРУЗЬЯМ

Пусть искатель гордой славы
Жертвует покоем ей!
Пусть летит он в бой кровавый
За толпой богатырей!
Но надменными венцами
Не прельщен певец лесов:
Я счастлив и без венцов,
С лирой, с верными друзьями.

Пусть богатства страсть терзает
Алчущих рабов своих!
Пусть их златом осыпает,
Пусть они из стран чужих
С нагруженными судами
Волны ярые дробят:
Я без золота богат
С лирой, с верными друзьями.

Пусть веселий рой шумящий
За собой толпы влечет!
Пусть на их алтарь блестящий

Каждый жертву понесет!
Не стремлюсь за их толпами —
Я без шумных их страстей
Весел участью своей
С лирой, с верными друзьями.

ЗНАМЕНИЯ ПЕРЕД СМЕРТЬЮ ЦЕЗАРЯ

(Отрывок из Виргилиевых «Георгик»)

О Феб! тебя ль дерзнем обманчивым назвать?
Не твой ли быстрый взор умеет проникать
До глубины сердец, где возникают мщенья
И злобы бурные, но тайные волненья?
По смерти Цезаря ты с Римом скорбь делил,
Кровавым облаком чело твое покрыл;
Ты отвратил от нас разгневанные очи,
И мир, преступный мир, страшился вечной ночи.
Но все грозило нам — и рев морских валов,
И вранов томный клик, и лай ужасный псов.
Колькраты зрели мы, как Этны горн кремнистой
Расплавленны скалы вращал рекой огнистой
И пламя клубами на поле изрыгал.
Германец трепетный на небеса взирал;
Со треском облака сражались с облаками,
И Альпы двигались под вечными снегами.
Священный лес стенал; во мгле густой ночей
Скитался бледный сонм мелькающих теней.
Медь по́том залилась (чудесный знак печали!),
На мраморах богов мы слезы примечали.
Земля отверзлася, Тибр устремился вспять,
И звери, к ужасу, могли слова вещать;
Разлитый Эридан кипящими волнами
Увлек дремучий лес и пастырей с стадами;
Во внутренности жертв священный взор жрецов
Читал лишь бедствия и грозный гнев богов;
В кровавые струи потоки обращались;

Волки, ревущие средь стогн, во мгле скитались;
Мы зрели в ясный день и молнию, и гром,
И страшную звезду с пылающим хвостом.
И так вторицею орлы дрались с орлами.
В полях Филипповых под теми ж знаменами
Родные меж собой сражались вновь полки,
И в битве падал брат от братниной руки.
Двукраты рок велел, чтоб римские дружины
Питали кровию фракийские долины.
Быть может, некогда в обширных сих полях,
Где наших воинов лежит бездушный прах,
Спокойный селянин тяжелой бороною
Ударит в шлем пустой — и трепетной рукою
Поднимет ржавый щит, затупленный булат,—
И кости под его стопами загремят.

К ДРУЗЬЯМ НА НОВЫЙ ГОД

Друзья! настал и *новый год*!
Забудьте старые печали,
И скорби дни, и дни забот,
И все, чем радость убивали;
Но не забудьте ясных дней,
Забав, веселий легкокрылых,
Златых часов, для сердца милых,
И старых, искренних друзей.

Живите новым в новый год,
Покиньте старые мечтанья
И все, что счастья не дает,
А лишь одни родит желанья!
По-прежнему в год новый сей
Любите муз и песен сладость,
Любите шутки, игры, радость
И старых, искренних друзей.

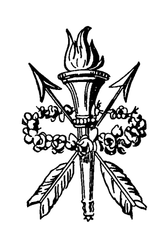
Друзья! встречайте новый год
В кругу родных, среди свободы:
Пусть он для вас, друзья, течет,
Как детства счастливые годы.
Но средь Петропольских затей
Не забывайте звуков лирных,
Занятий сладостных и мирных,
И старых, искренних друзей.

ВЕТОЧКА

В бесценный час уединенья,
Когда пустынною тропой
С живым восторгом упоенья
Ты бродишь с милою мечтой
В тени дубравы молчаливой,—
Видал ли ты, как ветр игривой
Младую веточку сорвет?
Родной кустарник оставляя,
Она виется, упадая
На зеркало ручейных вод,
И, новый житель влаги чистой,
С потоком плыть принуждена,
То над струею серебристой
Спокойно носится она,
То вдруг пред взором исчезает
И кроется на дне ручья;
Плывет — все новое встречает,
Все незнакомые края:
Усеян нежными цветами
Здесь улыбающийся брег,
А там пустыни, вечный снег
Иль горы с грозными скалами.
Так далей веточка плывет
И путь неверный свой свершает,

Пока она не утопает
В пучине беспредельных вод.
Вот наша жизнь! — так к верной цели
Необоримою волной
Поток нас всех от колыбели
Влечет до двери гробовой.

ПЕРВЫЙ ОТРЫВОК ИЗ НЕОКОНЧЕННОЙ ПОЭМЫ

Шуми, Осетр! Твой брег украшен
Делами славной старины;
Ты роешь камни мшистых башен
И древней твердыя стены,
Обросшей давнею травою.
Но кто над светлою рекою
Разбросил груды кирпичей,
Остатки древних укреплений,
Развалины минувших дней?
Иль для грядущих поколений
Как памятник стоят оне
Воинских, громких приключений?
Так,— брань пылала в сей стране;
Но бранных нет уже: могила
Могучих с слабыми сравнила.
На поле битв — глубокий сон.
Прошло победы ликованье,
Умолкнул побежденных стон;
Одно лишь темное преданье
Вещает о делах веков
И веет вкруг немых гробов.

Взгляни, как новое светило,
Грозя пылающим хвостом,
Поля рязански озарило
Зловещим пурпурным лучом.
Небесный свод от метеора

Багровым заревом горит.
Толпа средь княжеского двора
Растет, теснится и шумит;
Младые старцев окружают
И жадно ловят их слова:
Несется разная молва.
Из них иные предвещают
Войну кровавую иль глад;
Другие даже говорят,
Что скоро, к ужасу вселенной,
Раздастся звук трубы священной
И с пламенным мечом в руках
Промчится ангел истребленья.
На лицах суеверный страх,
И с хладным трепетом смятенья
Власы поднялись на челах.

ВТОРОЙ ОТРЫВОК
ИЗ НЕОКОНЧЕННОЙ ПОЭМЫ

Средь терема, в покое темном,
Под сводом мрачным и огромным,
Где тускло, меж столбов, мелькал
Светильник бледный, одинокий,
И слабым светом озарял
И лики стен, и свод высокий
С изображеньями святых,—
Князь Федор, окружен толпою
Бояр и братьев молодых.
Но нет веселия меж них:
В борьбе с тревогою немою,
Глубокой думою томясь,
На длань склонился юный князь,
И на челе его прекрасном
Блуждали мысли, как весной
Блуждают тучи в небе ясном.
За часом длился час, другой;
Князья, бояре все молчали —
Лишь чаши звонкие стучали
И в них шипел кипящий мед.
Но мед, сердец славянских радость,
Душа пиров и враг забот,
Для князя потерял всю сладость,
И Федор без отрады пьет.
В нем сердце к радости остыло:

. . . .

Ты улетел, восторг счастливый,

И вы, прелестные мечты,
Весенней жизни красоты,
Ах! вы увяли, как средь нивы
На миг блеснувшие цветы!
Зачем, зачем тоске унылой
Младое сердце он отдал?
Давно ли он с супругой милой
Одну лишь радость в жизни знал?
Бывало, братья удалые
Сбирались шумною толпой:
Меж них младая Евпраксия
Была веселости душой,
И час вечернего досуга
В беседе дружеского круга,
Как чистый, быстрый миг, летел.

ПЕСНЬ КОЛЬМЫ

Ужасна ночь, а я одна
Здесь на вершине одинокой.
Вокруг меня стихий война.
В ущелиях горы высокой
Я слышу ветров свист глухой.
Здесь по скалам с горы крутой
Стремится вниз поток ревучий,
Ужасно над моей главой
Гремит Перун, несутся тучи.
Куда бежать? где милый мой?
Увы, под бурею ночною
Я без убежища, одна!
Блесни на высоте, луна,
Восстань, явися над горою!
Быть может, благодатный свет
Меня к Сальгару приведет.
Он, верно, ловлей изнуренный,
Своими псами окруженный,
В дубраве иль в степи глухой,
Сложивши с плеч свой лук могучий,
С опущенною тетивой,
И, презирая гром и тучи,
Ему знакомый бури вой,
Лежит на мураве сырой.
Иль ждет он на горе пустынной,
Доколе не наступит день

И не рассеет ночи длинной.
Ужасней гром; ужасней тень;
Сильнее ветров завыванье;
Сильнее волн седых плесканье!
И гласа не слыхать!
О верный друг! Сальгар мой милый,
Где ты? ах, долго ль мне унылой
Среди пустыни сей страдать?
Вот дуб, поток, о брег дробимый,
Где ты клялся до ночи быть!
И для тебя мой кров родимый
И брат любезный мной забыт.
Семейства наши знают мщенье,
Они враги между собой:
Мы не враги, Сальгар, с тобой.
Умолкни, ветр, хоть на мгновенье!
Остановись, поток седой!
Быть может, что любовник мой
Услышит голос, им любимый!
Сальгар! здесь Кольма ждет;
Здесь дуб, поток, о брег дробимый;
Здесь все: лишь милого здесь нет.

К С‹КАРЯТИНУ›

при посылке ему водевиля

Не плод высоких вдохновений
Певец и друг тебе приносит в дар;
Не Пиэрид небесный жар,
Не пламенный восторг, не гений
Моей душою обладал:
Нестройной песнею моя звучала лира,
И я в безумье променял
Улыбку му́з на смех сатира.
Но ты простишь мне грех безвинный мой;
Ты сам, прекрасного искатель,
Искусств счастливый обожатель,
Нередко для проказ забыв восторг живой,
Кидая кисть — орудье дарованья,
Пред музами грешил наедине
И смелым углем на стене
Чертил фантазии игривые созданья.
Воображенье без оков,
Оно, как бабочка, игриво:
То любит над блестящей нивой
Порхать в кругу земных цветов,
То к радуге, к цветам небесным мчится.
Не думай, чтоб во мне погас
К высоким песням жар! Нет, он в душе таится,
Его пробудит вновь поэта мощный глас,
И смелый ученик Байрона,
Я устремлюсь на крылиях мечты
К волшебной стороне, где лебедь Альбиона
Срывал забытые цветы.
Пусть это сон! меня он утешает,
И я не буду унывать,

Пока судьба мне позволяет
Восторг с друзьями разделять.
О друг! мы разными стезями
Пройдем определенный путь:
Ты избрал поприще, покрытое трудами,
Я захотел зараней отдохнуть;
Под мирной сению оливы
Я избрал свой приют; но жребий мой счастливый
Не должен славою мелькнуть:
У скромной тишины на лоне
Прокрадется безвестно жизнь моя,
Как тихая вода пустынного ручья.
Ты бодрый дух обрек Беллоне,
И, доблесть сильных возлюбя,
Обрек свой меч кумиру громкой славы.—
Иди! — Но стана шум, воинския забавы,
Все будет чуждо для тебя,
Как сна нежданные виденья,
Как мира нового явленья.
Быть может, на брегу Днепра,
Когда в тени подвижного шатра
Твои товарищи, драгуны удалые,
Кипя отвагой боевой,
Сберутся вкруг тебя шумящею толпой,
И громко зазвучат бокалы круговые,—
Жалея мыслию о прежней тишине,
Ты вспомнишь о друзьях, ты вспомнишь обо мне;
Чуждаясь новых сих веселий,
О списке вспомнишь ты моем,
Иль взор нечаянно остановив на нем,
Промолвишь про себя: мы некогда умели
Шалить с пристойностью, проказничать с умом.

СОНЕТ

К тебе, о чистый дух, источник вдохновенья,
На крылиях любви несется мысль моя:
Она затеряна в юдоли заточенья,
И все зовет ее в небесные края.

Но ты облек себя в завесу тайны вечной:
Напрасно силится мой дух к тебе парить.
Тебя читаю я во глубине сердечной,
И мне осталося надеяться, любить.

Греми надеждою, греми любовью, лира!
В преддверьи вечности греми его хвалой!
И если б рухнул мир, затмился свет эфира

И хаос задавил природу пустотой,—
Греми! Пусть сетуют среди развалин мира
Любовь с надеждою и верою святой!

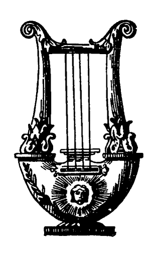
СОНЕТ

Спокойно дни мои цвели в долине жизни;
Меня лелеяли веселие с мечтой;
Мне мир фантазии был ясный край отчизны,
4 Он привлекал меня знакомой красотой.

Но рано пламень чувств, душевные порывы
Волшебной силою разрушили меня:
Я жизни сладостной теряю луч счастливый,
8 Лишь вспоминание от прежнего храня.

О муза! я познал твое очарованье!
Я видел молний блеск, свирепость ярых волн;
11 Я слышал треск громов и бурей завыванье:

Но что сравнить с певцом, когда оп страсти полн?
Прости! питомец твой тобою погибает,
14 И, погибающий, тебя благословляет.

ЧЕТЫРЕ ОТРЫВКА ИЗ НЕОКОНЧЕННОГО ПРОЛОГА «СМЕРТЬ БАЙРОНА» *

I

Байрон

К тебе стремился я, страна очарований!
Ты в блеске снилась мне, и ясный образ твой,
В волшебные часы мечтаний,
На крыльях радужных летал передо мной.
Ты обещала мне отдать восторг целебной,
Насытить жадный дух добычею веков,—
И стройный хор твоих певцов,
Гремя гармонией волшебной,
Мне издали манил с полуденных брегов.
Здесь думал я поднять таинственный покров
С чела таинственной природы,
Узнать вблизи сокрытые черты
И в океане красоты
Забыть обман любви, забыть обман свободы.

II

Вождь греков

Сын севера! Взгляни на волны:
Их вражии покрыли корабли,
Но час пройдет — и наши челны

* План сего пролога неизвестен.

Им смерть навстречу понесли!
Они еще сокрыты за скалою,
Но скоро вылетят на произвол валов.
Сын севера! готовься к бою.

Байрон

Я умереть всегда готов.

Вождь

Да! Смерть сладка, когда цвет жизни
Приносишь в дань своей отчизне.
Я сам не раз ее встречал
Средь нашей доблестной дружины,
И зыбкости морской пучины
Надежду, жизнь и все вверял.
Я помню славный берег Хио —
Он в памяти и у врагов.
Средь верной пристани ночуя,
Спокойные магометане
Не думали о шуме браней.
Покой лелеял их беспечность.
Но мы, мы греки, не боимся
Тревожить сон своих врагов:
Летим на десяти ладьях;
Взвилися молньи роковые,
И вмиг зажглись валы морские.
Громады кораблей взлетели,—
И все затихло в бездне вод.
Что ж озарил луч ясный утра? —
Лишь опустелый океан,
Где изредка обломок судна
К зеленым несся берегам
Иль труп холодный, и с чалмою
Качался тихо над волною.

III

Хор

Валы Архипелага
Кипят под злой ватагой;
Друзья! на кораблях
Вдали чалмы мелькают,
И месяцы сверкают
На белых парусах.

Плывут рабы султана,
Но заповедь Корана
Им не залог побед.
Пусть их несет отвага!
Сыны Архипелага
Им смерть пошлют вослед.

IV

Хор

Орел! Какой Перун враждебной
Полет твой смелый прекратил?
Чей голос силою волшебной
Тебя созвал во тьму могил?
О Эвр! вей вестию печальной!
Реви уныло, бурный вал!
Пусть Альбиона берег дальной,
Трепеща, слышит, что он пал.

Стекайтесь, племена Эллады,
Сыны свободы и побед!
Пусть вместо лавров и награды
Над гробом грянет наш обет:
Сражаться с пламенной душою
За счастье Греции, за месть,
И в жертву падшему герою
Луну поблекшую принесть!

ПЕСНЬ ГРЕКА

Под небом Аттики богатой
Цвела счастливая семья.
Как мой отец, простой оратай,
За плугом пел свободу я.
Но турок злые ополченья
На наши хлынули владенья...
Погибла мать, отец убит,
Со мной спаслась сестра младая,
Я с нею скрылся, повторяя:
За все мой меч вам отомстит.

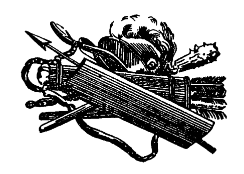
Не лил я слез в жестоком горе,
Но грудь стеснило и свело;
Наш легкий челн помчал нас в море,
Пылало бедное село,
И дым столбом чернел над валом.
Сестра рыдала,— покрывалом
Печальный взор полузакрыт;
Но, слыша тихое моленье,
Я припевал ей в утешенье:
За все мой меч вам отомстит.

Плывем и при луне сребристой
Мы видим крепость над скалой.
Вверху, как тень, на башне мшистой
Шагал турецкой часовой;
Чалма склонилася к пищали —

Внезапно волны засверкали,
И вот — в руках моих лежит
Без жизни дева молодая.
Я обнял тело, повторяя:
За все мой меч вам отомстит.

Восток румянился зарею,
Пристала к берегу ладья,
И над шумящею волною
Сестре могилу вырыл я.
Не мрамор с надписью унылой
Скрывает тело девы милой,—
Нет, под скалою труп зарыт;
Но на скале сей неизменной
Я начертал обет священной:
За все мой меч вам отомстит.

С тех пор меня магометане
Узнали в стычке боевой,
С тех пор, как часто в шуме браней
Обет я повторяю свой!
Отчизны гибель, смерть прекрасной,
Все, все припомню в час ужасной;
И всякий раз, как меч блестит
И падает глава с чалмою,
Я говорю с улыбкой злою:
За все мой меч вам отомстит.

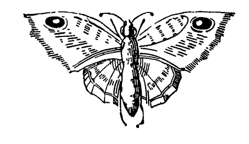
ЛЮБИМЫЙ ЦВЕТ

(Посвящено С⟨офье⟩ В⟨ладимировне⟩ В⟨еневитиновой⟩)

На небе все цветы прекрасны,
Все мило светят над землей,
Все дышат горней красотой.
Люблю я цвет лазури ясный:
Он часто томностью пленял
Мои задумчивые вежды
И в сердце робкое вливал
Отрадный луч благой надежды;
Люблю, люблю я цвет луны,
Когда она в полях эфира
С дарами сладостного мира
Плывет как ангел тишины;
Люблю цвет радуги прозрачной,—
Но из цветов любимый мой
Есть цвет денницы молодой:
В сем цвете, как в одежде брачной,
Сияет утром небосклон;
Он цвет невинности счастливой,
Он чист, как девы взор стыдливой,
И ясен, как младенца сон.

Когда и страх и рой веселий —
Все было чуждо для тебя
В пределах тесной колыбели;
Посланник неба, возлюбя
Младенца милую беспечность,
Тебя лелеял в тишине;

Ты почивала, но во сне,
Душой разгадывая вечность,
Встречала ясную мечту
Улыбкой милою, прелестной...
Что сорвало улыбку ту,
Что зрела ты — мне неизвестно;
Но твой хранитель — гость небесной —
Взмахнул таинственным крылом,—
И тень ночная пробежала.
На небосклоне заиграла
Денница пурпурным огнем,
И луч румяного рассвета
Твои ланиты озарил.
С тех пор он вдвое стал мне мил,
Сей луч румяного рассвета.
Храни его... не даром он
На девственных щеках возжен;
Не отблеск красоты напрасной,
Нет! он печать минуты ясной,
Залог он тайный, неземной.
На небе все цветы прекрасны,
Все дышат горней красотой;
Но меж цветов есть цвет святой —
То цвет денницы молодой.

К. И. ГЕРКЕ

(При послании трагедии Вернера)

В вечерний час уединенья,
Когда, свободный от трудов,
Ты сердцем жаждешь вдохновенья,
Гармоньи сладостной стихов,

Читай, мечтай — пусть пред тобою
Завеса времени падет,
И ясной длинной чередою
Промчится ряд минувших лет!

Взгляни! — уже могучий гений
Расторгнул хладный мрак могил;
Уже, собрав героев тени,
Тебя их сонмом окружил —

Узнай печать небесной силы
На побледневших их челах.
Ее не сгладил прах могилы,
И тот же пламень в их очах...

Но ты во храме. Вкруг гробницы,
Где милое дитя лежит,
Поют печальные девицы —
И к небу стройный плач летит:

«Зачем она, как майский цвет,
На миг блеснувший красотою,

Оставила так рано свет
И радость унесла с собою!»

Ты слушаешь — и слезы пали
На лист с пылающих ланит,
И чувство тихое печали
Невольно сердце шевелит.—

Блажен, блажен, кто в полдень жизни
И на закате ясных лет,
Как в недрах радостной отчизны,
Еще в фантазии живет.

Кому небесное — родное,
Кто сочетает с сединой
Воображенье молодое
И разум с пламенной душой.

В волшебной чаше наслажденья
Он дна пустого не найдет
И воскликнет, в чувствах упоенья:
«Прекрасному пределов нет!»

ПОСЛАНИЕ К Р⟨ОЖАЛИ⟩НУ

Я молод, друг мой, в цвете лет,
Но я изведал жизни море,
И для меня уж тайны нет
Ни в пылкой радости, ни в горе.
Я долго тешился мечтой,
Звездам небесным слепо верил,
И океан безбрежный мерил
Своею утлою ладьей.
С надменной радостью, бывало,
Глядел я, как мой смелый чолн
Печатал след свой в бездне волн.
Меня пучина не пугала:
«Чего страшиться? — думал я,—
Бывало ль зеркало так ясно
Как зыбь морей?» — Так думал я,
И гордо плыл, забыв края.
И что ж скрывалось под волною?
О камень грянул я ладьею,
И вдребезги моя ладья!
Обманут небом и мечтою,
Я проклял жребий и мечты...
Но издали манил мне ты,
Как брег призывный улыбался,
Тебя с восторгом я обнял,
Поверил снова наслажденьям,
И с хладной жизнью сочетал
Души горячей сновиденья.

ОТДЕЛЕНИЕ ВТОРОЕ

1826 [—1827]

ПОЭТ

Тебе знаком ли сын богов,
Любимец муз и вдохновенья?
Узнал ли б меж земных сынов
Ты речь его, его движенья? —
Не вспыльчив он, и строгий ум
Не блещет в шумном разговоре,
Но ясный луч высоких дум
Невольно светит в ясном взоре.
Пусть вкруг него, в чаду утех,
Бунтует ветреная младость,—
Безумный крик, холодный смех
И необузданная радость:
Все чуждо, дико для него,
На все безмолвно он взирает,
Лишь что-то редко с уст его
Улыбку беглую срывает.
Его богиня — простота,
И тихий гений размышленья
Ему поставил от рожденья
Печать молчанья на уста.
Его мечты, его желанья,
Его боязни, ожиданья —
Все тайна в нем, все в нем молчит:

В душе заботливо хранит
Он неразгаданные чувства.
Когда ж внезапно что-нибудь
Взволнует огненную грудь,—
Душа, без страха, без искусства,
Готова вылиться в речах
И блещет в пламенных очах.
И снова тих он, и стыдливый
К земле он опускает взор,
Как будто б слышал он укор
За невозвратные порывы.
О, если встретишь ты его
С раздумьем на челе суровом,—
Пройди без шума близ него,
Не нарушай холодным словом
Его священных, тихих снов!
Взгляни с слезой благоговенья
И молви: это сын богов,
Питомец муз и вдохновенья!

НОВГОРОД

(Посвящено к⟨няжне⟩ А. И. Т⟨рубецкой⟩)

«Валяй, ямщик, да говори,
Далеко ль Новград?» — «Недалеко,
Версты четыре или три.
Вот видишь что-то там высоко,
Как черный лес издалека...»
«Ну, вижу; это облака».
«Нет! Это Нóвградские кровли».

Ты ль предо мной, о древний град
Довольства, славы и торговли!
Как живо сердцу говорят
Холмы рассеянных обломков!
Не смолкли в них твои дела,
И слава предков перешла
В уста правдивые потомков.

«Ну, тройка, духом донесла!»
«Потише. Где собор Софийской?»
«Собор отсюда, барин, близко.
Вот улица, да влево две,
А там найдешь хоть сам собою,
И крест на голубой главе
Уж будет прямо пред тобою».

Везде былого свежий след.
Века прошли... но их полет
Промчался здесь, не разрушая.
«Ямщик! Где площадь вечевая?»
«Прозванья этого здесь нет...»

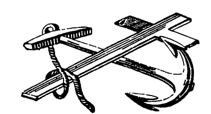
«Как нет?» — «А площадь недалеко:
За этой улицей широкой...
Вот площадь. Видишь шесть столбов;
По сказкам наших стариков,
На сих столбах висел когда-то
Огромный колокол, но он
Давно отсюда увезен».

«Где Волхов?» — «Он перед тобой
Течет под этою горой...»
Все так же он волною шумной,
Играя, весело бежит.
Он о минувшем не грустит.
Так все здесь близко, как и прежде.
Теперь ты сам ответствуй мне,
О Новград! в вековой одежде
Ты предо мной, как в седине,
Бессмертных витязей ровесник.
Твой прах гласит, как бдящий вестник,
О непробудной старине.
Ответствуй, город величавый:
Где времена цветущей славы,
Когда твой голос, бич князей
Звуча здесь медью в бурном вече,
К суду или к кровавой сече
Сзывал послушных сыновей;
Когда твой меч, гроза соседа,
Карал Ливонию и шведа,
И эта гордая волна
Носила дань войны жестокой?
Скажи, где эти времена? —
Они далеко, ах, далеко!

МОЯ МОЛИТВА

Души невидимый хранитель!
Услышь моление мое:
Благослови мою обитель
И стражем стань у врат ее,
Да через мой порог смиренный
Не прешагнет, как тать ночной,
Ни обольститель ухищренный,
Ни лень с убитою душой,
Ни зависть с глазом ядовитым,
Ни ложный друг с коварством скрытым.
Всегда надежною броней
Пусть будет грудь моя одета,
Да не сразит меня стрелой
Измена мстительного света.
Не отдавай души моей
На жертву суетным желаньям,
Но воспитай спокойно в ней
Огонь возвышенных страстей.
Уста мои сомкни молчаньем,
Все чувства тайной осени;
Да взор холодный их не встретит,
И луч тщеславья не просветит
На незамеченные дни.
Но в душу влей покоя сладость,
Посей надежды семена
И отжени от сердца радость:
Она — неверная жена.

ЖИЗНЬ

Сначала жизнь пленяет нас:
В ней все тепло, все сердце греет
И, как заманчивый рассказ,
Наш ум причудливый лелеет.
Кой-что страшит издалека,—
Но в этом страхе наслажденье:
Он веселит воображенье,
Как о волшебном приключенье
Ночная повесть старика.
Но кончится обман игривой!
Мы привыкаем к чудесам.
Потом — на все глядим лениво,
Потом — и жизнь постыла нам:
Ее загадка и завязка
Уже длинна, стара, скучна,
Как пересказанная сказка
Усталому пред часом сна.

ПОСЛАНИЕ К Р<ОЖАЛИ>НУ

Оставь, о друг мой, ропот твой,
Смири преступные волненья:
Не ищет вчуже утешенья
Душа, богатая собой.
Не верь, чтоб люди разгоняли
Сердец возвышенных печали.
Скупая дружба их дарит
Пустые ласки, а не счастье;
Гордись, что ими ты забыт,—
Их равнодушное бесстрастье
Тебе да будет похвалой.
Заре не улыбался камень;
Так и сердец небесный пламень
Толпе бездушной и пустой
Всегда был тайной непонятной.
Встречай ее с душой булатной
И не страшись от слабых рук
Ни сильных ран, ни тяжких мук.
О, если б мог ты быстрым взором
Мой новый жребий пробежать,
Ты перестал бы искушать
Судьбу неправедным укором.
Когда б ты видел этот мир,
Где взор и вкус разочарован,
Где чувство стынет, ум окован
И где тщеславие — кумир;

Когда б в пустыне многолюдной
Ты не нашел души одной,—
Поверь, ты б навсегда, друг мой,
Забыл свой ропот безрассудной.
Как часто в пламени речей,
Носяся мыслью средь друзей,
Мечтé обманчивой, послушной,
Давал я руку простодушно —
Никто не жал руки моей.
Здесь лаской жаркого привета
Душа младая не согрета.
Не нахожу я здесь в очах
Огня, возженного в них чувством,
И слово, сжатое искусством,
Невольно мрет в моих устах.
О, если бы могли моленья
Достигнуть до нéбес скупых,
Не новой чаши наслажденья,
Я б прежних дней просил у них:
Отдайте мне друзей моих;
Отдайте пламень их объятий,
Их тихий, но горячий взор,
Язык безмолвных рукожатий
И вдохновенный разговор.
Отдайте сладостные звуки:
Они мне счастия поруки,—
Так тихо веяли они
Огнем любви в душе невежды
И светлой радугой надежды
Мои расписывали дни.

Но нет! не все мне изменило:
Еще один мне верен друг,

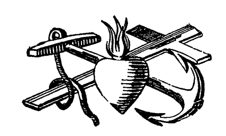
Один он для души унылой
Друзей здесь заменяет круг.
Его беседы и уроки
Ловлю вниманьем жадным я:
Они и ясны и глубоки,
Как будто волны бытия;
В его фантазии богатой
Я полной жизнию ожил
И ранний опыт не купил
Восторгов раннею утратой.
Он сам не жертвует страстям,
Он сам не верит их мечтам;
Но, как создания свидетель,
Он развернул всей жизни ткань.
Ему порок и добродетель
Равно несут покорно дань,
Как гордому владыке мира:
Мой друг, узнал ли ты Шекспира?

ЗАВЕЩАНИЕ

Вот глас последнего страданья!
Внимайте: воля мертвеца
Страшна, как голос прорицанья.
Внимайте: чтоб сего кольца
С руки холодной не снимали; —
Пусть с ним умрут мои печали
И будут с ним схоронены.
Друзьям — привет и утешенье!
Восторгов лучшие мгновенья
Мной были им посвящены.
Внимай и ты, моя богиня!
Теперь души твоей святыня
Мне и доступней и ясней —
Во мне умолкнул глас страстей,
Любви волшебство позабыто,
Исчезла радужная мгла,
И то, что раем ты звала,
Передо мной теперь открыто.
Приближься! вот могилы дверь,
И все позволено теперь —
Я не боюсь суждений света.
Теперь могу тебя обнять,
Теперь могу тебя лобзать,
Как с первой радостью привета
В раю лик ангелов святых
Устами чистыми лобзали,

Когда бы мы в восторге их
За гробом сумрачным встречали...
Но эту речь ты позабудь —
В ней тайный ропот исступленья:
Зачем холодные сомненья
Я вылил в пламенную грудь?
К тебе одно, одно моленье! —
Не забывай... прочь уверенья!
Клянись... Ты веришь, милый друг,
Что за могильным сим пределом
Душа моя простится с телом
И будет жить, как вечный дух,
Без образов, без тьмы и света,
Одним нетлением одета.
Сей дух, как вечно бдящий взор,
Твой будет спутник неотступной,
И если памятью преступной
Ты изменишь... Беда! с тех пор
Я тайно облекусь в укор;
К душе прилипну вероломной,
В ней пищу мщения найду
И будет сердцу грустно, томно,
А я, как червь, не отпаду.

К МОЕМУ ПЕРСТНЮ

Ты был отрыт в могиле пыльной,
Любви глашатай вековой,
И снова пыли ты могильной
Завещан будешь, перстень мой.
Но не любовь теперь тобой
Благословила пламень вечной
И над тобой, в тоске сердечной,
Святой обет произнесла;
Нет! дружба в горький час прощанья
Любви рыдающей дала
Тебя залогом состраданья.
О, будь мой верный талисман!
Храни меня от тяжких ран
И света, и толпы ничтожной,
От едкой жажды славы ложной,
От обольстительной мечты
И от душевной пустоты.
В часы холодного сомненья
Надеждой сердце оживи,
И если в скорбях заточенья,
Вдали от ангела любви,
Оно замыслит преступленье,—
Ты дивной силой укроти
Порывы страсти безнадежной
И от груди моей мятежной
Свинец безумства отврати.

Когда же я в час смерти буду
Прощаться с тем, что здесь люблю,
Тогда я друга умолю,
Чтоб он с моей руки холодной
Тебя, мой перстень, не снимал,
Чтоб нас и гроб не разлучал.
И просьба будет не бесплодна:
Он подтвердит обет мне свой
Словами клятвы роковой.
Века промчатся, и быть может,
Что кто-нибудь мой прах встревожит
И в нем тебя отроет вновь;
И снова робкая любовь
Тебе прошепчет суеверно
Слова мучительных страстей,
И вновь ты другом будешь ей,
Как был и мне, мой перстень верной.

ТРИ РОЗЫ

В глухую степь земной дороги,
Эмблемой райской красоты,
Три розы бросили нам боги,
Эдема лучшие цветы.
Одна под небом Кашемира
Цветет близ светлого ручья;
Она любовница зефира
И вдохновенье соловья.
Ни день, ни ночь она не вянет,
И если кто цветок сорвет,
Лишь только утра луч проглянет,
Свежее роза расцветет.

Еще прелестнее другая:
Она, румяною зарей
На раннем небе расцветая,
Пленяет яркой красотой.
Свежей от этой розы веет,
И веселей ее встречать.
На миг один она алеет,
Но с каждым днем цветет опять.

Еще свежей от третьей веет,
Хотя она не в небесах;

Ее для жарких уст лелеет
Любовь на девственных щеках.
Но эта роза скоро вянет;
Она пуглива и нежна;
И тщетно утра луч проглянет:
Не расцветет опять она.

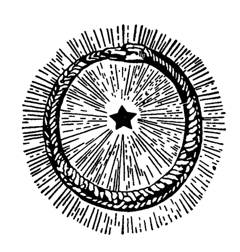
ТРИ УЧАСТИ

Три участи в мире завидны, друзья!
Счастливец, кто века судьбой управляет,
В душе неразгаданной думы тая.
Он сеет для жатвы, но жатв не сбирает:
Народов признанья ему не хвала,
Народов проклятья ему не упреки.
Векам завещает он замысл глубокий:
По смерти бессмертного зреют дела.

Завидней поэта удел на земли.
С младенческих лет он сдружился с природой,
И сердце Камены от хлада спасли,
И ум непокорный воспитан свободой,
И луч вдохновенья зажегся в очах.
Весь мир облекает он в стройные звуки;
Стеснится ли сердце волнением муки —
Он выплачет горе в горючих стихах.

Но верьте, о други! счастливей стократ
Беспечный питомец забавы и лени.
Глубокие думы души не мутят,
Не знает он слез и огня вдохновений,

И день для него, как другой, пролетел,
И будущий снова он встретит беспечно,
И сердце увянет без муки сердечной —
О рок! что ты не дал мне этот удел?

ДОМОВОЙ

«Что ты, Параша, так бледна?»
«Родная! домовой проклятый
Меня звал нынче у окна.
Весь в черном, как медведь лохматый,
С усами, да какой большой!
Век не видать тебе такого».
«Перекрестися, ангел мой!
Тебе ли видеть домового?»

«Ты не спала, Параша, ночь».
«Родная! страшно; не отходит
Проклятый бес от двери прочь;
Стучит задвижкой, дышит, бродит,
В сенях мне шепчет: «отопри!»
«Ну, что же ты?» — «Да я ни слова».
«Э, полно, ангел мой, не ври:
Тебе ли слышать домового?»

«Параша! ты не весела;
Опять всю ночь ты прострадала».
«Нет, ничего: я ночь спала».
«Как ночь спала! ты тосковала,

Ходила, отпирала дверь;
Ты, верно, испугалась снова?»
«Нет, нет, родимая, поверь!
Я не видала домового».

К ПУШКИНУ

Известно мне: доступен гений
Для гласа искренних сердец.
К тебе, возвышенный певец,
Взываю с жаром песнопений.
Рассей на миг восторг святой,
Раздумье творческого духа,
И снисходительного слуха
Младую музу удостой.
Когда пророк свободы смелый,
Тоской измученный по́эт,
Покинул мир осиротелый,
Оставя славы жаркий свет
И тень всемирныя печали,
Хвалебным громом прозвучали
Твои стихи ему вослед.
Ты дань принес увядшей силе
И славе на его могиле
Другое имя завещал.
Ты тише, слаще воспевал
У муз похищенного Галла.
Волнуясь песнею твоей,
В груди восторженной моей
Душа рвалась и трепетала.
Но ты еще не доплатил
Каменам долга вдохновенья;
К хвалам оплаканных могил

Прибавь веселые хваленья.
Их ждет еще один певец:
Он наш,— жилец того же света.
Давно блестит его венец;
Но славы громкого привета
Звучней, отрадней глас поэта.
Наставник наш, наставник твой,
Он кроется в стране мечтаний,
В своей Германии родной.
Досель хладеющие длани
По струнам бегают порой,
И перерывчатые звуки,
Как после горестной разлуки
Старинной дружбы милый глас
К знакомым думам клонят нас.
Досель в нем сердце не остыло,
И верь, он с радостью живой
В приюте старости унылой
Еще услышит голос твой.
И, может быть, тобой плененный,
Последним жаром вдохновенный,
Ответно лебедь запоет
И, к небу с песнию прощанья
Стремя торжественный полет,
В восторге дивного мечтанья
Тебя, о Пушкин, назовет.

К ЛЮБИТЕЛЮ МУЗЫКИ

Молю тебя, не мучь меня:
Твой шум, твои рукоплесканья,
Язык притворного огня,
Бессмысленные восклицанья
Противны, ненавистны мне.
Поверь, привычки раб холодный,
Не так, не так восторг свободный
Горит в сердечной глубине.
Когда б ты знал, что̀ эти звуки,
Когда бы тайный их язык
Ты чувством пламенным проник,—
Поверь, уста твои и руки
Сковались бы, как в час святой,
Благоговейной тишиной.
Тогда б ты не желал блеснуть
Личиной страсти принужденной,
Но ты б в углу, уединенной,
Таил вселюбящую грудь.
Тебе бы люди были братья,
Ты б втайне слезы проливал
И к ним горячие объятья,
Как друг вселенной, простирал.

УТЕШЕНИЕ

Блажен, кому судьба вложила
В уста высокий дар речей,
Кому она сердца людей
Волшебной силой покорила;
Как Прометей, похитил он
Творящий луч, небесный пламень,
И вкруг себя, как Пигмальон,
Одушевляет хладный камень.
Не многие сей дивный дар
В удел счастливый получают,
И редко, редко сердца жар
Уста послушно выражают.
Но если в душу вложена
Хоть искра страсти благородной,—
Поверь, не даром в ней она;
Не теплится она бесплодно;
Не с тем судьба ее зажгла,
Чтоб смерти хладная зола
Ее навеки потушила:
Нет! — что в душевной глубине,
Того не унесет могила:
Оно останется по мне.

Души пророчества правдивы.
Я знал сердечные порывы,
Я был их жертвой, я страдал
И на страданья не роптал;
Мне было в жизни утешенье,

Мне тайный голос обещал,
Что не напрасное мученье
До срока растерзало грудь.
Он говорил: «Когда-нибудь
Созреет плод сей муки тайной
И слово сильное случайно
Из груди вырвется твоей.
Уронишь ты его не даром;
Оно чужую грудь зажжет,
В нее как искра упадет,
А в ней пробудится пожаром».

ЖЕРТВОПРИНОШЕНИЕ

О жизнь, коварная сирена,
Как сильно ты к себе влечешь!
Ты из цветов блестящих вьешь
Оковы гибельного плена.
Ты кубок счастья подаешь,
Ты песни радости поешь;
Но в кубке счастья — лишь измена,
И в песнях радости — все ложь.
Не мучь напрасным искушеньем
Груди истерзанной моей
И не лови моих очей
Каким-то светлым привиденьем.
Тебе мои скупые длани
Не принесут покорной дани,
И не тебе я обречен.
Твоей пленительной изменой
Ты можешь в сердце поселить
Минутный огнь, раздор мгновенный,
Ланиты бледностью покрыть,
Отнять покой, беспечность, радость
И осенить печалью младость;
Но не отымешь ты, поверь,
Любви, надежды, вдохновений!
Нет! их спасет мой добрый гений,

И не мои они теперь.
Я посвящаю их отныне
Навек поэзии святой
28 И с страшной клятвой и мольбой
Кладу на жертвенник богине.

К ИЗОБРАЖЕНИЮ УРАНИИ

(В альбом)

Пять звезд увенчали чело вдохновенной:
 Поэзии дивной звезда,
Звезда благодатная милой надежды,
 Звезда беззакатной любви,
Звезда лучезарная искренней дружбы,
 Что пятая будет звезда?
Да будет она, благотворные боги,
 Душевного счастья звездой.

НА НОВЫЙ 1827 ГОД

Так снова год, как тень, мелькнул,
Сокрылся в сумрачную вечность
И быстрым бегом упрекнул
Мою ленивую беспечность.
О, если б он меня спросил:
«Где плод горячих обещаний?
Чем ты меня остановил?»
Я не нашел бы оправданий
В мечтах рассеянных моих.
Мне нечем заглуши́ть упрека!
Но слушай ты, беглец жестокой!
Клянусь тебе в прощальный миг:
Ты не умчался без возврату;
Я за тобою полечу
И наступающему брату
Весь тяжкий долг свой доплачу.

КРЫЛЬЯ ЖИЗНИ

На легких крылышках
Летают ласточки;
Но легче крылышки
У жизни ветреной.
Не знает в юности
Она усталости
И радость резвую
Берет доверчиво
К себе на крылия.
Летит, любуется
Прекрасной ношею...
Но скоро тягостна
Ей гостья милая,
Устали крылышки,
И радость резвую
Она стряхает с них.
Печаль ей кажется
Не столь тяжелою,
И, прихотливая,
Печаль туманную
Берет на крылия
И вдаль пускается
С подругой новою.
Но крылья легкие
Все боле, более
Под ношей клонятся,

И вскоре падает
С них гостья новая,
И жизнь усталая
Одна, без бремени,
Летит свободнее;
Лишь только в крылиях
Едва заметные
От ношей брошенных
Следы осталися —
И отпечатались
На легких перышках
Два цвета бледные:
Немного светлого
От резвой радости,
Немного темного
От гостьи сумрачной.

ИТАЛИЯ

Италия, отчизна вдохновенья!
Придет мой час, когда удастся мне
Любить тебя с восторгом наслажденья,
Как я любил твой образ в светлом сне.
Без горя я с мечтами распрощаюсь,
И наяву, в кругу твоих чудес,
Под яхонтом сверкающих небес,
Младой душой по воле разыграюсь.
Там радостно я буду петь зарю
И поздравлять царя светил с восходом,
Там гордо я душою воспарю
Под пламенным необозримым сводом.
Как весело в нем утро золотое
И сладостна серебряная ночь!
О мир сует! тогда от мыслей прочь!
В объятьях нег и в творческом покое
Я буду жить в минувшем средь певцов,
Я вызову их тени из гробов!
Тогда, о Тасс! твой мирный сон нарушу,
И твой восторг, полуденный твой жар
Прольет и жизнь, и песней сладких дар
В холодный ум и в северную душу.

ЭЛЕГИЯ

Волшебница! Как сладко пела ты
Про дивную страну очарованья,
Про жаркую отчизну красоты!
Как я любил твои воспоминанья,
Как жадно я внимал словам твоим
И как мечтал о крае неизвестном!
Ты упилась сим воздухом чудесным,
И речь твоя так страстно дышит им!
На цвет небес ты долго нагляделась
И цвет небес в очах нам принесла.
Душа твоя так ясно разгорелась
И новый огнь в груди моей зажгла.
Но этот огнь томительный, мятежной,
Он не горит любовью тихой, нежной,—
Нет! он и жжет, и мучит, и мертвит,
Волнуется изменчивым желаньем,
То стихнет вдруг, то бурно закипит,
И сердце вновь пробудится страданьем.
Зачем, зачем так сладко пела ты?
Зачем и я внимал тебе так жадно
И с уст твоих, певица красоты,
Пил яд мечты и страсти безотрадной?

К МОЕЙ БОГИНЕ

Не думы гордые вздымают
Страстей исполненную грудь,
Не волны невские мешают
Душе усталой отдохнуть,—
Когда я вдоль реки широкой
Скитаюсь мрачный, одинокой
И взор блуждает по брегам,
Язык невнятное лепечет,
И тихо плещущим волнам
Слова прерывистые мечет.
Тогда от мыслей далека
И гордая надежда славы,
И тихоструйная река,
И невский берег величавый;
Тогда не робкая тоска
Бессильным сердцем обладает
И тайный ропот мне внушает...
Тебе понятен ропот сей,
О божество души моей!
Холодной жизнию бесстрастья
Ты знаешь, мне ль дышать и жить?
Ты знаешь, мне ль боготворить
Душой, не созданной для счастья,
Толпы привычные мечты
И дани раболепной службы
Носить кумиру суеты?

Нет! нет! и теплые дни дружбы,
И дни горячие любви
К другому сердце приучили:
Другой огонь они в крови,
Другие чувства поселили.
Что счастье мне? зачем оно?
Не ты ль твердила, что судьбою
Оно лишь робким здесь дано,
Что счастья с пламенной душою
Нельзя в сем мире сочетать,
Что для него мне не дышать...

О, будь благословенна мною!
Оно священно для меня,
Твое пророчество несчастья,
И, как завет, его храня,
С каким восторгом сладострастья
Я жду губительного дня
И торжества судьбы коварной!
И, если б ум неблагодарной
На небо возроптал в бедах,
Твое б явленье, ангел милой,
Как дар небес, остановило
Проклятье на моих устах.
Мою бы грудь исполнил снова
Благоговения святого
Целебный взгляд твоих очей,
И снова бы в душе моей
Воскресло силы наслажденье,
И счастья гордое презренье,
И сладостная тишина.

Вот, вот, что грудь мою вздымает
И тайный ропот мне внушает!
Вот, чем душа моя полна,
Когда я вдоль Невы широкой
Скитаюсь мрачный, одинокой.

XXXV

Я чувствую, во мне горит
Святое пламя вдохновенья,
Но к темной цели дух парит...
Кто мне укажет путь спасенья?
Я вижу, жизнь передо мной
Кипит, как океан безбрежной...
Найду ли я утес надежной,
Где твердой обопрусь ногой?
Иль, вечного сомне́нья полный,
Я буду горестно глядеть
На переменчивые волны,
Не зная, что любить, что петь?

Открой глаза на всю природу,—
Мне тайный голос отвечал,—
Но дай им выбор и свободу.
Твой час еще не наступал:
Теперь гонись за жизнью дивной
И каждый миг в ней воскрешай,
На каждый звук ее призывной —
Отзывной песнью отвечай!
Когда ж минуты удивленья,
Как сон туманный, пролетят,
И тайны вечного творенья
Ясней прочтет спокойный взгляд,
Смирится гордое желанье

Обнять весь мир в единый миг,
И звуки тихих струн твоих
Сольются в стройные созданья.

Не лжив сей голос прорицанья,
И струны верные мои
С тех пор душе не изменяли.
Пою то радость, то печали,
То пыл страстей, то жар любви,
И беглым мыслям простодушно
Вверяюсь в пламени стихов.
Так соловей в тени дубров,
Восторгу краткому послушной,
Когда на долы ляжет тень,
Уныло вечер воспевает
И утром весело встречает
В румяном небе ясный день.

ПОЭТ И ДРУГ

Друг

Ты в жизни только расцветаешь,
И ясен мир перед тобой,—
Зачем же ты в душе младой
Мечту коварную питаешь?
Кто близок к двери гробовой,
Того уста не пламенеют,
Не так душа его пылка,
В приветах взоры не светлеют,
И так ли жмет его рука?

Поэт

Мой друг! слова твои напрасны,
Не лгут мне чувства — их язык
Я понимать давно привык,
И их пророчества мне ясны.
Душа сказала мне давно:
Ты в мире молнией промчишься!
Тебе все чувствовать дано,
Но жизнью ты не насладишься.

Друг

Не так природы строг завет.
Не презирай ее дарами:
Она на радость юных лет

Дает надежды нам с мечтами.
Ты гордо слышал их привет:
Она желание святое
Сама зажгла в твоей крови
И в грудь для пламенной любви
Вложила сердце молодое.

Поэт

Природа не для всех очей
Покров свой тайный подымает:
Мы все равно читаем в ней,
Но кто, читая, понимает?
Лишь тот, кто с юношеских дней
Был пламенным жрецом искусства,
Кто жизни не щадил для чувства,
Венец мученьями купил,
Над суетой вознесся духом
И сердца трепет жадным слухом,
Как вещий голос, изловил! —
Тому, кто жребий довершил,
Потеря жизни не утрата —
Без страха мир покинет он!
Судьба в дарах своих богата,
И не один у ней закон:
Тому — процвесть с развитой силой
И смертью жизни след стереть,
Другому — рано умереть,
Но жить за сумрачной могилой!

Друг

Мой друг! зачем обман питать?
Нет! дважды жизнь нас не лелеет.

Я то люблю, что сердце греет,
Что я своим могу назвать,
Что наслажденье в полной чаше
Нам предлагает каждый день;
А что за гробом, то не наше:
Пусть величают нашу тень,
Наш голый остов отрывают,
По воле ветреной мечты
Дают ему лицо, черты
И призрак славой называют!

Поэт

Нет, друг мой! славы не брани:
Душа сроднилася с мечтою;
Она надеждою благою
Печали озаряла дни.
Мне сладко верить, что со мною
Не все, не все погибнет вдруг,
И что уста мои вещали:
Веселья мимолетный звук,
Напев задумчивой печали
Еще напомнит обо мне,
И сильный стих не раз встревожит
Ум пылкий юноши во сне,
И старец со слезой, быть может,
Труды нелживые прочтет;
Он в них души печать найдет
И молвит слово состраданья:
«Как я люблю его созданья!
Он дышит жаром красоты,
В нем ум и сердце согласились,
И мысли полные носились

На легких крылиях мечты.
Как знал он жизнь, как мало жил!»

Сбылись пророчества поэта
И друг в слезах с началом лета
Его могилу посетил...
Как знал он жизнь! как мало жил!

ПОСЛЕДНИЕ СТИХИ

Люби питомца вдохновенья
И гордый ум пред ним склоняй;
Но в чистой жажде наслажденья
Не каждой арфе слух вверяй.
Не много истинных пророков
С печатью тайны на челе,
С дарами выспренних уроков,
С глаголом неба на земле.

ОТДЕЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Переводы из Гете

ЗЕМНАЯ УЧАСТЬ И АПОФЕОЗА ХУДОЖНИКА

ЗЕМНАЯ УЧАСТЬ ХУДОЖНИКА

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Перед восходом солнечным

Художник за своим станком. Он только что поставил на него портрет толстой, дурной собою кокетки.

Художник

(дотронулся кистью и останавливается.)

Что за лицо! совсем без выраженья!
Долой! нет более терпенья.

(Снимает портрет.)

Нет! я не отравлю сих сладостных мгновений,
Пока вы нежитесь в объятьях сна,
Предметы милые трудов и попечений,
Малютки, добрая жена!

(Подходит к окну.)

Как щедро льешь ты жизнь, прекрасная денница!
Как юно бьется грудь перед тобой!
Какою сладкою слезой
Туманится моя зеница!

(Ставит на станок картину, представляющую во весь рост Венеру Уранию [1].)

Небесная! для сердца образ твой —
Как первая улыбка счастья.
Я чувствами, душой могу обнять тебя,
Как радостный жених с восторгом сладострастья.
Я твой создатель; ты моя;
Богиня! ты — я сам, ты более, чем я;
Я твой, владычица вселенной!
И я лишусь тебя! я за металл презренной
Отдам тебя глупцу, чтоб на его стене
Служила ты болтливости надменной
И не напомнила, быть может, обо мне!..

(Он смотрит в комнату, где спят его дети.)

О дети!.. Будь для них богиней пропитанья!
Я понесу тебя к соседу-богачу
И за тебя, предмет очарованья,
На хлеб малюткам получу...
Но он не будет обладать тобою,
Природы радость и душа!
Ты будешь здесь, ты будешь век со мною,
Ты вся во мне: тобой дыша,
Я счастлив, я живу твоею красотою.

(Ребенок кричит в комнате.)

Художник

О боже!

Жена художника

(просыпается.)

Рассвело.— Ты встал уже, друг мой!
Сходи ж скорее за водой
Да разведи огонь, чтоб воду вскипятить:
Пора ребенку суп варить.

Художник

(останавливается еще на минуту перед своей картиною.)

Небесная!

Старший сын его

(вскочил с постели и босой подбегает к нему.)

И я тебе, пожалуй, помогу.

Художник

Кто? — Ты!

Сын

Да, я.

Художник

Беги ж за щепками!

Сын

Бегу.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Художник

Кто там стучится у дверей?

Сын

Вчерашний господин с женою.

Художник

(ставит опять на станок отвратительный портрет.)

Так за портрет возьмуся поскорей.

Жена

Пиши, и деньги за тобою.

Господин и госпожа входят.

Господин

Вот кстати мы!

Госпожа

А я как дурно ночь спала!

Жена

А как свежи! нельзя не подивиться.

Господин

Что это за картина близ угла?

Художник

Смотрите, как бы вам не запылиться.

(К госпоже.)

Прошу, сударыня, садиться.

Господин

(смотрит на портрет.)

Характер-то, характер-то не тот.
Портрет хорош, конечно так,
Но все нельзя сказать никак,
Что это полотно живет.

Художник

(про себя.)

Чего он ищет в этой роже?

Господин

(берет картину из угла.)

А! вот ваш собственный портрет.

Художник

Он был похож: ему уж десять лет.

Господин

Нет, можно и теперь узнать.

Госпожа

(будто бы взглянув на него.)

Похоже.

Господин

Тогда вы были помоложе.

Жена

(подходит с корзиной на руке и говорит тихонько мужу.)

Иду на рынок я: дай рубль.

Художник

Да нет его.

Жена

Без денег, милый друг, не купишь ничего.

Художник

Пошла!

Господин

Но ваша кисть теперь смелей.

Художник

Пишу, как пишется: что лучше, что похуже.

Господин

(подходит к станку.)

Вот браво! ноздри-то поуже,
Да взгляд, пожалуйста, живей!

Художник

(про себя.)

О боже мой! что за мученье!

Муза

(невидимая для других, подходит к нему.)

Уже, мой сын, теряешь ты терпенье?
Но участь смертных всех равна.

Ты говоришь: *она* дурна!
Зато платить она должна.
Пусть этот сумасброд болтает —
Тебя живой восторг, художник, награждает.
Твой дар не купленный, источник красоты —
Он счастие твое, им утешайся ты.
Поверь: лишь тот знаком с душевным наслажденьем,
Кто приобрел его трудами и терпеньем,
И небо без земли наскучило б богам.
Зачем же ты взываешь к небесам?
Тебе любовь верна, твой сон всегда приятен,
И честью ты богат, хотя ты и не знатен.

АПОФЕОЗА ХУДОЖНИКА

Театр представляет великолепную картинную галерею. Картины всех школ висят в широких золотых рамах. Много любопытных посетителей. Они ходят взад и вперед. На одной стороне сидит ученик и списывает картину.

Ученик

(встает, кладет на стул палитру и кисти, а сам становится позади стула.)

По целым дням я здесь сижу!
Я весь горю, я весь дрожу.
Пишу, мараю, так что сам
Не верю собственным глазам.
Все правила припоминал,
Все вымерял, все рассчитал,
И жадно взор гонялся мой
За каждой краской и чертой.
То вдруг кидаю кисть свою;
Как полубешеный встаю
В поту, усталый от труда,
Гляжу туда, гляжу сюда,
С картины не спускаю глаз,
Стою за стулом битый час —
И что же? для беды моей,
Никак я копии своей
Не превращу в оригинал.
Там жизнь холсту художник дал,
Свободой дышит кисть его,—

Здесь все и сухо и мертво.
Там страстью все оживлено,
Здесь — принуждение одно;
Что там горит прозрачней дня —
То вяло, грязно у меня.
Я вижу, даром я тружусь
И с жаром вновь за кисть берусь!
Но что ужаснее всего,
Что верх мученья моего:
Ошибки ясны мне как свет,
А их поправить силы нет.

Мастер

(подходит.)

Мой друг! за это похвалю:
Твое старанье я люблю.
Недаром я твержу всегда,
Что нет успеха без труда.
Трудись! запомни мой урок —
Ты сам увидишь в этом прок.
Я это знаю по себе:
Что ныне кажется тебе
Непостижимо, высоко,
То нечувствительно, легко
Рождаться будет под рукой,
И, наконец, любезный мой,
Искусство, весь науки плод,
Тебе в пять пальцев перейдет.

Ученик

Увы! как много здесь дурного,
А об ошибках вы ни слова.

Мастер

Кому же все дается вдруг?
Я вижу с радостью, мой друг,
Что с каждым днем твой дар растет.
Ты сам собой пойдешь вперед.
Кой-что со временем поправим,
Но это мы теперь оставим.

(Уходит.)

Ученик

(смотря на картину.)

Нет, нет покоя для меня,
Пока не все постигнул я!

Любитель

(подходит к нему.)

Мне жалко видеть, сударь мой,
Что вы так трудитесь напрасно,
Идете темною тропой
И позабыли путь прямой:
Натура — вот источник ясный,
Откуда черпать вы должны,
В ней тайны все обнажены:
И жизнь телес и жизнь духов.
Натура — школа мастеров.
Примите ж искренний совет:
Зачем топтать избитый след? —
Чтоб быть копистом, наконец?
Натура — вот вам образец!
Одна натура, сударь мой,
Наставит вас на путь прямой.

Ученик

Все это часто слышал я,
Все испытала кисть моя.
Я за природою гонялся,
Случайно успевал кой в чем,
Но большей частью возвращался
С укором, мукой и стыдом.
Нет! это труд несовершимый!
Природы книга не по нас:
Ее листы необозримы,
И мелок шрифт для наших глаз.

Любитель

(отворачивается.)

Теперь я вижу, в чем секрет:
В нем гения нимало нет.

Ученик

(опять садится.)

Совсем не то! хочу опять
Картину всю перемарать.

Другой мастер

(подходит к нему, смотрит на работу и отворачивается, не сказав ни слова.)

Ученик

Нет! вы не с тем пришли, чтоб молча заглянуть.
Я вас прошу, скажите что-нибудь.
Вы можете одни понять мои мученья.
Хотя мой труд не стоит слов.
Но трудолю́бие достойно снисхожденья;
Я верить вам во всем готов.

Мастер

Я, признаюсь, гляжу на все твои старанья
И с чувством радости и с чувством состраданья.
Я вижу: ты, любезный мой,
Природой создан для искусства;
Тебе открыты тайны чувства;
Ты ловишь взором и душой
В прекрасном мире впечатленья;
Ты бы хотел обнять в нем красоту
И кистью приковать к холсту
Его минутные явленья;
Ты прилежанием талант возвысил свой
И быстро ловкою рукой
За мыслью следовать умеешь;
Во многом ты успел и более успеешь —
Но...

Ученик

Не скрывайте ничего.

Мастер

Ты упражнял и глаз и руку,
Но ты не упражнял рассудка своего.
Чтоб быть художником, обдумывай науку!
Без мыслей гений не творит,
И самый редкий ум с одним природным чувством
К высокому едва ли воспарит.
Искусство навсегда останется искусством;
Здесь ощупью нельзя идти вперед,
И только знание к успеху приведет.

Ученик

Я знаю, к красотам природы и картин
Не трудно приучить и глаз и руку:

Не то с наукою; ученый лишь один
Нам может передать науку.
Кто может знанием полезен быть другим,
Не должен бы один им наслаждаться.
Зачем же вам от всех скрываться
И с многими не поделиться им?

Мастер

Нет! в наши времена все любят путь широкий,
Не трудную стезю, не строгие уроки.
Я завсегда одно и то ж пою,
Но всякой ли полюбит песнь мою?

Ученик

Скажите только мне, ошибся ли я в том,
Что перед прочими я выбрал образцом
Сего художника?

(Указывая на картину, которую списывает.)

Что весь живу я в нем?
Что я люблю его, люблю, как бы живого,
Над ним всегда тружусь и не хочу другого.

Мастер

Его чудесный дар и молодость твоя —
Вот что твой выбор извиняет.
Всегда охотно вижу я,
Как смелый юноша свободно рассуждает,
Без меры хвалит, порицает.
Твой идеал, твой образец —
Великий ум, разнообразный гений:
Учися красотам его произведений,
Трудись над ними,— наконец,

Познай ошибки, и умей
Любить в творениях искусство, не людей.

Ученик

Его картинами давно уж я пленился.
Поверьте, не проходит дня,
Чтоб я над ними не трудился,
И с каждым днем они все новы для меня.

Мастер

Ты рассмотри с рассудком, беспристрастно,
И чем он был, и чем хотел он быть;
Люби его, но сам учись его судить.
Тогда твой труд не будет труд напрасной:
Обняв науку красоты,
Не все пред ним забудешь ты.
Для добродетели телесной груди мало;
Ужиться ей нельзя в душе одной:
С искусством точно то ж, и никогда, друг мой,
Одна душа его не поглощала.

Ученик

Так я был слеп до этих пор.

Мастер

Теперь оставим разговор.

Смотритель галереи

(подходит к ним.)

Какой счастливый день для нас!
Картину к нам внесут тотчас.
Давно на свете я живу,

Но ни во сне, ни наяву
Другой подобной не видал.

Мастер

А чья?

Ученик

Его же?
(Указывает на картину, с которой списывал.)

Смотритель

Угадал.

Ученик

Я угадал! мне это
Шепнула тайная любовь.
Какой восторг волнует кровь!
Каким огнем душа согрета!
Куда бежать мне к ней? Куда?

Смотритель

Ее сейчас внесут сюда.
Нельзя взглянуть, не подивясь...
Зато не дешево купил ее наш князь.

Продавец (входит.)

Ну, господа! теперь я смею
Поздравить вашу галерею.
Теперь узнает целый свет,
Как князь искусства ободряет:
Он вам картину покупает,
Какой нигде, ручаюсь, нет.
Ее несут уж в галерею.
Мне, право, жаль расстаться с нею.

Я не обманываю вас —
Цена, конечно, дорогая,
Но радость, господа, такая
Дороже стоит во сто раз.

(Тут вносят изображение Венеры Урании и ставят на станок.)

Теперь взгляните: вот она!
Без рамки, вся запылена.
Я продаю, как получил,
И даже лаком не покрыл.

(Все собираются перед картиной.)

Первый мастер

Какое мастерство во всем!

Второй мастер

Вот зрелый ум! какой объем!

Ученик

Какою силою чудесной
Бунтует страсть в груди моей!

Любитель

Как натурально! как небесно!

Продавец

Я, словом, всем пленился в ней,
И самой мыслью и работой.

Смотритель

Вот к ней и рама с позолотой!
Скорей! Князь скоро будет сам.
Вбивайте гвозди по углам!

(Картину вставляют в раму и вешают.)

Князь

(Входит в залу и рассматривает картину.)

Картина точно превосходна,
И не торгуюсь я в цене.

Казначей

(Кладет кошелек с червонцами на стол и вздыхает.)

Продавец

Нельзя ли взвесить?

Казначей

(считая деньги.)

Как угодно,
Но лишний труд, поверьте мне.

(Князь стоит перед картиною. Прочие в некотором отдалении. Потолок открывается. Муза, держа художника за руку, является на облаке).

Художник

Куда летим? в какой далекий край?

Муза

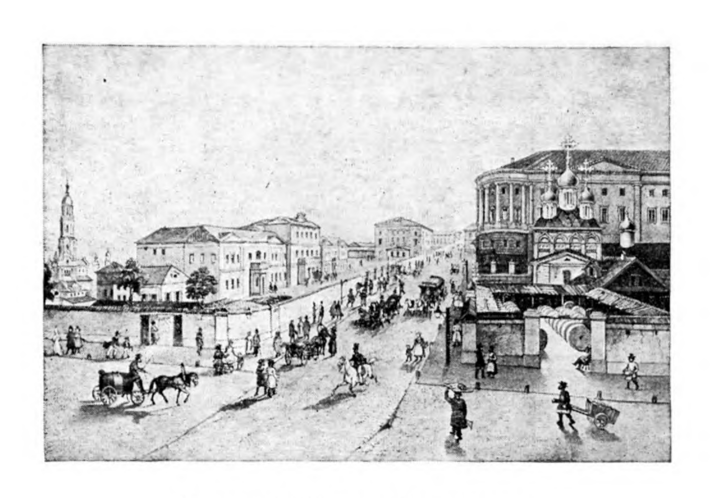
Взгляни, мой друг, и сам себя узнай!
Упейся счастьем в полной мере.

Художник

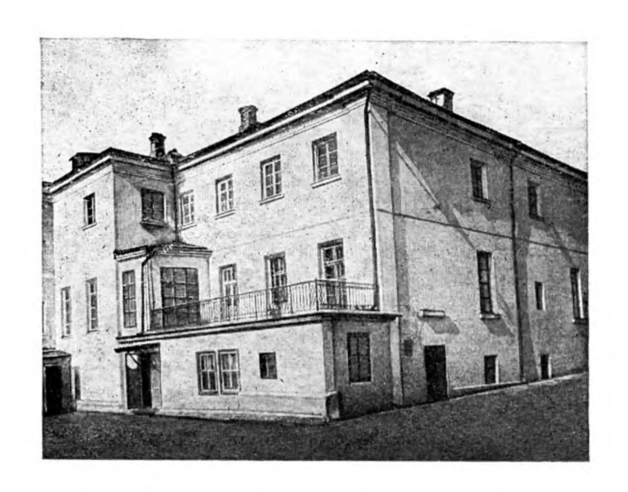
Мне душно здесь, в тяжелой атмосфере.

Муза

Твое созданье пред тобой!
Оно все прочие затмило красотой
И здесь, как Сириус меж ясными звездами,
Блестит бессмертными лучами.
Взгляни, мой друг! Сей плод свободы и трудов —
Он твой! он плод твоих счастливейших часов.
Твоя душа в себе его носила
В минуты тихих, чистых дум:
Его зачал твой зрелый ум,
А трудолюбие спокойно довершило.
Взгляни, ученый перед ним
Стоит и скромно наблюдает.
Здесь покровитель муз твой дар благословляет,
Он восхищен творением твоим.
А этот юноша! взгляни, как он пылает!
Какая страсть в душе его младой!
Прочти в очах его желанье:
Вполне испить твое влиянье
И жажду утолить тобой!
Так человек с возвышенной душой
Преходит в поздние века и поколенья.
Ему нельзя свое предназначенье
В пределах жизни совершить:
Он доживает за могилой
И, мертвый, дышит прежней силой.
Свершив конечный свой удел,
Он в жизни слов своих и дел
Путь начинает бесконечный!

Москва 1820-х гг. Мясницкая
Литография 1820-х гг.

Дом в Кривоколенном переулке в Москве, где жил Д. В. Веневитинов
Современное фото.

З. А. Волконская

Миниатюра Изабей. 1815.

Перстень Д. В. Веневитинова

ГЛМ.

«К моему перстню»

Автограф. *ГБЛ.*

А. С. Пушкин

Портрет работы В. А. Тропинина.
Государственная Третьяковская галерея.

В. К. Кюхельбекер
Гравюра И. Матюшина.

А. С. Хомяков

Портрет работы неизвестного художника.
Музей Ф. И. Тютчева. Мураново.

М. П. Погодин

Литография 40-х годов

«Об «Абидосской невесте»»

Автограф. *ГБЛ.*

Monsieur

Je ne viens que de recevoir les partitions que j'ai l'honneur de vous envoyer. La Psse Volkonsky me charge de vous réitérer son invitation pour demain à 6 heures. En attendant je vous prie de vouloir bien recevoir l'expression de l'estime et de la parfaite considération,

avec laquelle j'ai l'honneur d'être

Monsieur,

Votre très humble et très obéissant serviteur

Dmitri Venevitinof

Nbre 9.
1825.

Письмо Д. В. Веневитинова к Ф. Я. Эвансу

Автограф. ЦГАЛИ.

«Крылья жизни»
Автограф. *ГБЛ.*

Рисунки
Д. В. Веневитинова
ЦГАЛИ.

Рисунки
Д. В. Веневитинова
ЦГАЛИ, ГБЛ, ЦГАЛИ

Мужикъ на крышѣ
кабака
смотрящій на погребальное шествіе
при перевозѣ тѣла Императора
Александра I изъ Московскаго Кремля
въ СПбургъ

Съ натуры

Рисовано Дмитр: Веневитиновымъ
въ моей комнатѣ, на квартирѣ
дяди Алексѣя Петровича Титова
на углу Тверской и Палашов-
скаго переулка домъ купца Лады-
гина — зимою 1825-26 года

Рисунок Д. В. Веневитинова
«Мужик на крыше кабака»
Пояснения В. Титова. ГБЛ.

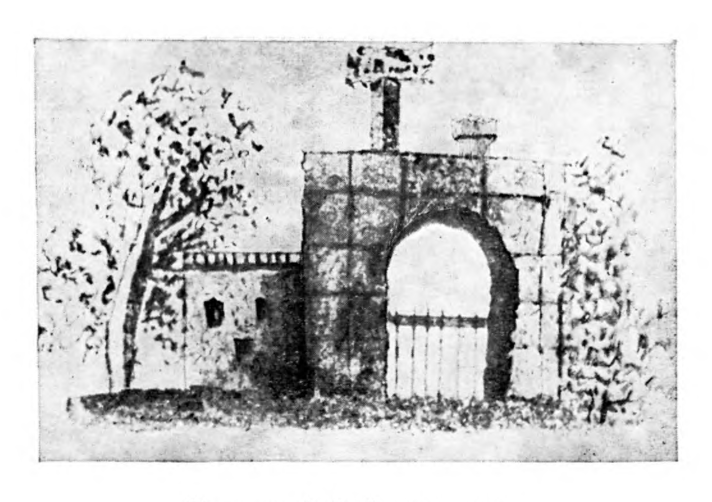

Рисунок Д. В. Веневитинова
ЦГАЛИ.

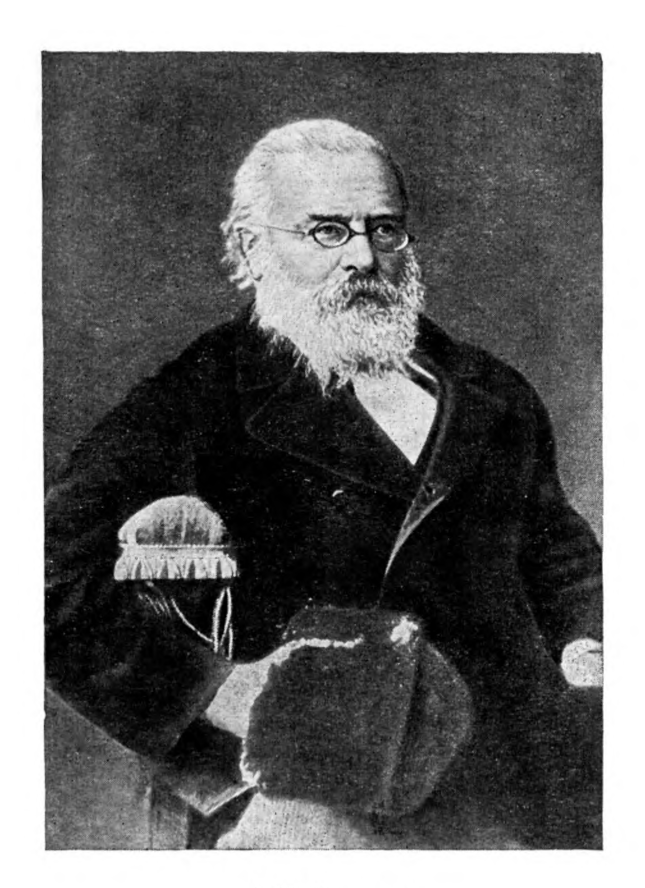
И. В. Киреевский

Рисунок Э. А. Дмитриева-Мамонова.

В. Ф. Одоевский

Литография А Мюнстера с рисунка Бореля.

А. И. Кошелев

Фото начала 80-х годов

Так будешь жить и ты в бессмертье, в славе вечной!

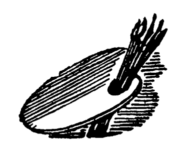
Художник

Я чувствую все, что мне дал Зевес:
И радость жизни быстротечной,
И радость вечную обители небес.
Но он простит мне ропот мой печальной.
Спроси любовника: счастлив ли он,
Когда он с милою подругой разлучен,
Когда она в стране тоскует дальной?
Скажи, что он лишился не всего,
Что тот же свет их озаряет,
Что то же солнце согревает —
И эта мысль утешит ли его?
Пусть славят все мои творенья!
Но в жизни славу знал ли я?
Скажи, небесная моя,
Что мне теперь за утешенье,
Что златом платят за меня?
О, если б иногда имел я сам
Так много золота, как там,
Вокруг картин моих блестит для украшенья!
Когда я в бедности с семейством хлеб делил,
Я счастлив, я доволен был
И не имел другого наслажденья.
Увы! судьба мне не дала
Ни друга, чтоб делить с ним чувства,
Ни покровителя искусства.
До дна я выпил чашу зла.
Лишь изредка хвалы невежды
Гремели мне в глуши монастырей.

Так я трудился без судей
И мир покинул без надежды.

(Указывая на ученика.)

О, если ты для юноши сего
Во мзду заслуг готовишь славу рая,
Молю тебя, подруга неземная,
Здесь на земле не забывай его.
Пока уста дрожат еще лобзаньем,
Пока душа волнуется желаньем,
Да вкусит он вполне твою любовь!
Венок ему на небе уготовь,
Но здесь подай сосуд очарованья,
Без яда слез, без примеси страданья!

ОТРЫВКИ ИЗ «ФАУСТА»

I

ФАУСТ И ВАГНЕР

(за городом.)

Фауст

Блажен, кто не отверг надежды
Раздрать покров душевной тьмы!
Во всем, что нужно, мы невежды,
А что не нужно, знаем мы.
Но нет! печальными речами
Не отравляй даров небес.
Смотри, как кровли меж древес
Горят вечерними лучами...
Светило к западу течет,
И новый день мы схоронили —
К другим странам оно придет
И там жизнь новую прольет.
Что́ нет у нас могущих крылий?
За ним, за ним помчался б я;
Зарею б вечною блистали
Передо мной земли края,
Холмы в пожаре бы пылали,
Дремали долы в мирном сне,
И волны золотом играли,
Переливаяся в огне.
Тогда, утесы и вершины,
Вы мне бы не были предел:
Богоподобный, я б летел
Через эфирные равнины,

И скоро б зрел смущенный взгляд,
Как моря жаркие пучины
В заливах зеркалом лежат...
Но солнце к западу скатилось,—
И вновь желанье пробудилось,
И я стремлю ему вослед,
Меж нощию и днем, меж небом и морями,
Неутомимый свой полет
И упиваюся бессмертными лучами.

Мой друг! прекрасны эти сны,
А солнце скрылось за горою...
Увы! летаем мы мечтою,
Но крылья телу не даны.
И у кого душа в груди не бьется
И, жадная, не рвется от земли,
Когда над ним, невидимый, вдали
Веселый жаворонок вьется
И тонет в зыбях голубых,
По ветру песни рассыпая!
Когда парит орел над высью скал крутых,
Широкие ветрила расстилая,
И через степь, чрез бездны вод
Станица журавлей на родину плывет
К весне полуденного края!

Вагнер

Признаться, и во мне подчас
Затейливо шалит воображенье:
Но не понятно мне твое стремленье.
На поле, на леса насмотришься как раз;
Мне не завидны крылья птицы,
И то ль веселье для души —
Перелетать листы, страницы

Зимой, в полуночной тиши!
Тогда и ночь как будто бы светлее,
По жилам жизнь бежит теплее —
Недаром иногда пороешься в пыли,
И, право, отрывать случалось
Такой столбец, что сам ты на земли,
А будто небо открывалось.

Фауст

Мой друг! из сильных двух страстей
Одна лишь властвует тобою:
О, не знакомься ты с другою!
Но две души живут в груди моей,
Всегда враждуя меж собою.
Одна, обнявши прах земной,
Сковалась с ним любовию земною;
Другая прочь от персти хладной
Летит в эфир, к обители родной.
Когда меж небом и землею
Витаешь ты, веселый рой духов,
Из недра туч, из радужных паров,
Спустись ко мне! за жизнью молодою
Неси меня к другой стране!
О, дайте плащ волшебный мне!
Когда б меня к другому миру
Он дивной силою помчал,
Я бы его не променял
На блеск венца, на царскую порфиру.

Вагнер

Не призывай изведанных врагов:
Их сонм в изгибах облаков
Везде разлился по вселенной

И смертному в вражде неутомленной
Беду несет со всех сторон.
Подует с севера — и острыми зубами,
Как иглами, тебя пронзает он;
С востока налетит — и под его крылами
Иссохнет жизнь в груди твоей.
То с юга, с пламенных степей,
Он зной и огнь скопляет над тобою,
То с запада мгновенно освежит
И вдруг губительной волною
Поля, луга опустошит.
Он внемлет нам, но, обольститель жадной,
Покорствуя, он манит нас к бедам,
И, словно ангел, так отрадно
Он ложь нашептывает нам.

II

ПЕСНЬ МАРГАРИТЫ

Прости, мой покой!
Как камень, в груди
Печаль залегла.
Покой мой, прости!

Где нет его,
Там все мертво!
Мне день не мил
И мир постыл.

О бедная девица!
Что сбылось с тобой?
О бедная девица!
Где рассудок твой?

Прости, мой покой!
Как камень, в груди
Печаль залегла.
Покой мой, прости!

В окно ли гляжу я —
Его я ищу.
Из дома ль иду я —
За ним я иду.

Высок он и ловок;
Величествен взгляд;
Какая улыбка!
Как очи горят!

И речь, как звон
Волшебных струй!
И жар руки!
И чтó за поцелуй!

Прости, мой покой!
Как камень, в груди
Печаль залегла.
Покой мой, прости!

Все тянет меня,
Все тянет к нему.
И душно, и грустно.
Ах, чтó не могу

Обнять его, держать его,
Лобзать его, лобзать
И, умирая, с уст его
Еще лобзанья рвать!

III

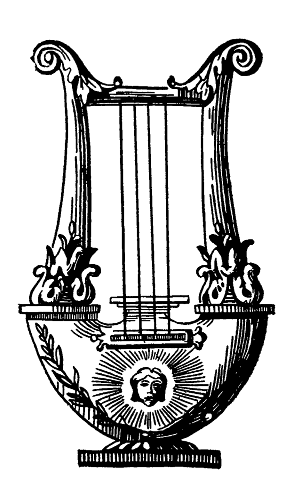
МОНОЛОГ ФАУСТА

(Ночь. Пещера.)

Всевышний дух! ты все, ты все мне дал,
О чем тебя я умолял;
Недаром зрелся мне
Твой лик, сияющий в огне.
Ты дал природу мне, как царство, во владенье;
Ты дал душе моей
Дар чувствовать ее, дал силу наслажденья.
Иной едва скользит по ней
Холодным взглядом удивленья;
Но я могу в ее таинственную грудь,
Как в сердце друга, заглянуть.
Ты протянул передо мною
Созданий цепь — я узнаю
В водах, в лесах, под твердью голубою
Одну благую мать, одну ее семью.
Когда завоет ветр в дубраве темной,
И лес качается, и рухнет дуб огромной,
И ели ближние ломаются, трещат,
И стук, и грохот заунывный
В долине будят гул отзывный,—
Ты путь в пещеру кажешь мне,
И там, среди уединенья,
Я вижу новый мир и новые явленья,
И созерцаю в тишине
Души чудесные, но тайные виденья.
Когда же ветры замолчат
И тихо на полях эфира
Всплывет луна, как светлый вестник мира,
Тогда подъемлется передо мной

Веков туманная завеса,
И с грозных скал, из дремлющего леса
Встают блестящею толпой
Минувшего серебряные тени
И светят в сумраке суровых размышлений.
Но, ах! теперь я испытал,
Что нет для смертных совершенства!
Напрасно я, в мечтах душевного блаженства,
Себя с бессмертными ровнял!
Ты к страшному врагу меня здесь приковал:
Как тень моя, сопутник неотлучный,
Холодной злобою, насмешкою докучной
Он отравил дары небес.
Дыханье слов его сильней твоих чудес!
Он в прах меня низринул предо мною,
Разрушил в миг мир, созданный тобою,
В груди моей зажег он пламень роковой,
Вдохнул любовь к несчастному созданью,
И я стремлюсь несытою душой
В желаньи к счастию и в счастии к желанью.

II

ПРОЗА

ПРЕДИСЛОВИЕ

Некоторые обстоятельства [1] замедлили печатание сей второй части сочинений Д. В. Веневитинова, состоящей из оригинальных и переводных его упражнений в прозе. Статьи сии большею частию отрывочны: некоторые из них даже не были писаны автором для печати; но несмотря на то мы не усомнились их поместить в сем собрании: ибо они более ознакомят публику с родом занятий сего юного писателя, с его мнениями, зрелостию его суждений и с его душою пламенною, благородною. Впрочем мы здесь не будем распространяться о нравственных достоинствах покойного Веневитинова. Как священный клад сохраняем мы память сего незабвенного друга и предоставляем читателям судить об его произведениях.

С целию вышеобъясненною не исключили мы из сего собрания двух критик, писанных автором еще в 1825 году и бывших первыми его печатанными сочинениями. В них находятся некоторые наметки на новый в то время образ суждения, на систему мышления, коей начала отчасти уже с большею ясностию и отчетливостию развиты в письме графине NN о *философии*. Автор, согласившись на просьбу одного приятеля [2], хотел таким образом предложить в письмах целую систему, целый курс философии.— Он не успел довершить своего предприятия, а несколько отрывков о сем же предмете затеряны. Но точка зрения его уже была определена, и во всех последующих своих сочи-

нениях, равно как и в откровенных беседах с друзьями, он следовал всегда одной постоянной нити суждения.

Прочие статьи, здесь помещенные, были большею частию читаны автором в кругу друзей и собеседников и долженствовали войти в состав журнала, коего план, как читатели здесь увидят, был предначертан Д. Веневитиновым. Разбор одной сцены из «Бориса Годунова», писанный на французском языке еще в то время, когда она появилась в «Московском вестнике» в 1827 году, был определен сочинителем для помещения в «Journal de St. Petersbourg»; но по некоторым обстоятельствам статья сия не была тогда напечатана.

Отрывок под заглавием: «Три эпохи любви» принадлежал к неоконченному роману [3], коего некоторые главы отчасти набросаны, но здесь не помещены, потому что, вне связи с целым, они теряют свое достоинство и показались бы неуместными. В замену мы по возможности сообщим из сего романа то, что автор нам изустно передал об его плане, никогда не написанном, но коего общие черты были определены в его уме: ибо роман сей был главным предметом мыслей Д. Веневитинова в последние месяцы его кратковременной жизни.

Владимир Паренский, единственный сын богатого пана польского, известного голосом своим на сеймах, был поручен отцом, перед его смертию, под опеку и на воспитание старому его другу, доктору Фриденгейму, который жил вблизи одного из знаменитейших университетов Германии и соделался впоследствии начальником Медицинской Академии. В доме опекуна своего провел Владимир счастливые года младости. Часы ребяческого досуга разделял он с дочерью своего воспитателя, Бентою, и с ранних лет началась между

сими младенцами тесная, неразрывная дружба, заронилось неясное предчувствие страсти более пламенной, более гибельной. Настало для Паренского время посещения публичных курсов в университете. Вскоре удивил он своих наставников успехами неожиданными. С равною легкостию и жаром следовал он за различными отраслями наук, и, хотя не принадлежал к Медицинскому отделению, но по собственному желанию не пропускал ни одной из анатомических лекций своего наставника и получил со временем весьма основательные понятия о сей науке. Он любил погружаться в глубокие размышления о начале жизни в человеческом теле. Он удивлялся стройности, расположению, бесконечности частей его составляющих. Он старался разгадать этот малый мир, вникнуть в сокровенное, узнать тесную, но тайную связь души и тела. Мысли его стремились далее и далее. В нем родились сомнения. С тайною радостию, может быть, с тайною надеждою взирала Бента на быстрые успехи Паренского, на первенство, которое он возымел над товарищами, на удивление и любовь его наставников, на это видимое предназначение в нем человека необыкновенного, выспреннего. Она не понимала как дорого он искупил сии преимущества!

Пробывши несколько лет в университете, Паренский вздумал путешествовать. Гонимый сомнениями, тревожимый мучительною жаждою познания, он надеялся, что жизнь деятельная, другое направление душевных способностей, рассеют в нем неукротимые порывы мечты; что успехи светские, честолюбие, слава, пленяющая людей, вознаградят его нравственные мучения и даруют ему успокоение, блаженство. Со вниманием и любопытством проехал он многие страны, и наконец

прибыл в Россию, где его связи и дарования вскоре доставили ему значительное и блестящее место по службе. Здесь познакомился он с одною молодою девушкою, которая уже была сговорена за другого. Паренский почувствовал к ней тайное влечение. Не стараясь победить сего чувства, он стал часто посещать ее дом, но вскоре заметил, что, несмотря на ласковое с ним обхождение, та искренняя дружба, которую ему оказывали, не отвечала его усилившейся, пламенной любви. Гордость его была обижена. В нем родилась ревность. Предавшись с отчаянием сему пагубному чувству, он дерзнул на злодеяние. Он более сблизился с своим соперником, бывшим товарищем его в университете, не смея очернить его пред своею возлюбленной. В притворной дружбе с ним он подарил ему образ, в котором сокрыт был яд и чрез несколько времени избавился от него. Он надеялся, что отчаяние молодой девушки укротится, что участие, которое он, по-видимому, принимал в ее положении, мнимая скорбь об умершем друге, наконец, самая дружба с ним и собственные преимущества пред ним мало-помалу вытеснят его память из ее сердца, и что она невольно предастся в расставленные им сети. Но здоровье ее приметно стало слабеть, сильный недуг обуял ее, и Владимир, однажды по утру войдя в ее дом, видит ее холодный труп, лежащий на столе средь комнаты. С отчаянием узнает он образ на ее груди.— Что это? — вскрикивает он. Ему отвечают, что этот образ был снят пред смертию покойным ее женихом с собственной его груди и ей завещан с тем, чтобы она его всегда носила на себе в знак памяти. Для Паренского все открыто. Он сам убийца своей возлюбленной! — Он спешит оставить край, где две грозные тени всюду за ним влачатся.

Снова объезжает он многие страны, но нигде не встречает успокоения души, укрощения совести. Разочарованный, он в Германии опять хочет приняться за любимую свою науку — анатомию. В первый раз как он после многих лет входит в анатомическую залу,— она еще была пуста, слушатели не собирались, профессор еще не приходил. На столе лежало покрытое тело, приготовленное для лекции. Паренский без цели, в раздумии, подходит ко столу, и рассеянно поднимает покрывало. Пред ним труп прекрасной женщины и возле нее лежат инструменты для вскрытия тела. С судорожным движением он отворачивается.— Это зрелище взволновало в нем воспоминания, сожаление, страх, совесть. В огромной зале он один пред обнаженным, мертвым телом.— Для него и все в мире мертво. Он клянется никогда не возвращаться в сие место.

. . . .

Он приезжает в дом доктора Фриденгейма, где все ему знакомо, и ничто не может возбудить прежних чувств. Бента не понимает его перемены. Он бежит от людей, он страшится и ее беседы. Однажды вечером проходит он без цели, по обыкновению своему, по дорожкам сада, и, отягченный думами, усталый бросается на скамью. Все тихо, одна луна плывет на небосклоне, и изредка звезды мелькают в синеве.— Владимир чувствует, что кто-то сзади подходит к нему; он оборачивается и узнает Бенту. Она тихо следовала за ним по тропинкам, собираясь уже давно изведать от него причины его мрачности и равнодушия к ней.— С робостию, в первый раз произносит она слово любви, и пламенные уста Паренского горят на груди дочери его благодетеля. От сей минуты утратилось невинное счастие Бенты! Владимир, ее демон-соблазни-

тель, оторвал от сердца ее покой, и вскоре стыд и скорбь низводят ее в могилу.

Таким образом влекомый от преступления к преступлению, мучимый прежнею совестию, новыми страстями, Владимир Паренский, одаренный от природы качествами необыкновенными, проводит молодые свои года.— Что ж стало с ним впоследствии? Со временем все страсти в нем перегорели, душевные силы истощались; все действия его были без намерения; он сделался человеком обыкновенным; люди простые почитали его даже добродетельным, потому что он не творил зла.— Но он, живой, уже был убит, и ничем не мог наполнить пустоту души.

Роман сей долженствовал составить довольно пространное сочинение [1*]. Предоставляем другим судить об его цели и окончании; но мы передали здесь только то, что слышали от самого сочинителя, когда он с пламенным красноречием о нем рассказывал.

[1*] Прим. Нужно ли прибавить, что промежутки, замечаемые между сими отрывочными сценами, были бы пополнены автором? — К сожалению, он не сообщил нам или мы не упомнили более сего.

ПИСЬМО К ГРАФИНЕ NN

Мог ли я полагать, любезнейшая графиня, что беседы наши завлекут нас так далеко? Начали с простого разбора немецких стихотворцев, потом стали рассуждать о самой поэзии, а теперь уже пишу к вам о *философии*. Не пугайтесь этого имени; вы сами требовали от меня развития философских понятий, хотя выражались другими словами. Не вы ли сами заметили мне, что одно чувство наслаждения, при взгляде на какое-нибудь изящное произведение, для вас неудовлетворительно, что какое-то любопытство заставляло вас требовать от себя отчета в этом чувстве,— спросить, какою силою оно возбуждается, в какой связи находится с прочими способностями человека? Таким образом, сделали вы сами собою первый шаг ко храму богини, которая более всех прочих таится от взоров смертных. Радуясь блистательным вашим успехам, я обещал представить вам, в кратком и простом изложении, такую науку, которая совершенно удовлетворит вашему любопытству, и это обещание решился я исполнить в настоящих письмах о *философии*. Впрочем об имени спорить не будем. Если оно заслужило негодование многих, если большой свет не различает философии от педантизма, то я согласен дать беседам нашим другое название: мы будем не философствовать, будем просто думать, рассуждать... Но к чему такое замечание? Я знаю вас, графиня, и потому буду смело

говорить вам именно о философии. Вы слишком умеете ценить наслаждения умственные, чтобы останавливаться на пустых звуках и не свергнуть оков нелепого предубеждения. Вы знаете, вы всякий день слышите, что философию называют бредом, пустой игрою ума; но в этом случае, верно, никому не поверите, кроме собственного опыта. Итак, испытывайте. Если собственный рассудок ваш оправдает сии укоризны, не верьте философии, или, лучше сказать, не верьте тому, кто вам представил ее в таком виде. Я сам, начиная письма мои, прошу вас не забывать одного условия, и вот оно: если я на одну минуту перестану быть ясным, то изорвите мои письма, запретите мне писать об этом предмете. Между тем пусть суетные безумцы смеются над нашими занятиями,— мы надеемся стать на такую высоту, с которой не слышен будет презрительный их хохот, а они, несчастные, и так уже довольно наказаны судьбою, которая лишила их способа наслаждаться, подобно вам, благороднейшими наклонностями человека.

Прежде нежели посвятите себя таинствам Елевзинским [1], вы, конечно, спросите: для чего учреждены они и в чем заключаются; но недаром они таинства, и этого вопроса не делают при входе. Лишь несколько жрецов, поседелых в служении и гаданиях, могли бы отвечать на него. Они хранят глубокое молчание, и вопрошающий получает только один ответ: «Иди вперед, и узнаешь». То же с философией. Вы хотите знать ее определение, ее предмет, и на это я не могу дать вам решительного ответа. Но мы вместе будем искать его в самой науке и потому сделаем другой вопрос: может ли быть наука, называемая философией, и как родилась она?

Положим себе за правило: на всем останавливать наше внимание и не пропускать ни одного понятия без точного определения. И потому, чтобы безошибочно отвечать на предложенный нами вопрос, спросим себя наперед: что понимаем мы под словом *наука*? Если бы кто-нибудь спросил вас: что такое история? Вы бы, верно, отвечали: наука происшествий, относящихся до бытия народов. Что такое арифметика? — Наука чисел и т. д. Следовательно, история и арифметика составляют две науки, но в определении каждой из них заключается ли определение науки вообще? Рассмотрим ответы подробнее. Арифметика — наука чисел. Что это значит? Конечно, то, что арифметика открывает законы, по которым можно разрешать все численные задачи, или, другими словами, что арифметика представляет общие правила для всех частных случаев, выражаемых числами; так, например, дает она общее правило сложения для всех возможных сложений. Если мы таким же образом рассмотрим и другой ответ, то увидим, что история стремится связать случайные события в одно для ума объятное целое; для этого история сводит действия на причины и обратно выводит из причин действия. В обеих сих науках (в арифметике и в истории) замечаем мы два условия: 1) каждая из них стремится привести частные случаи в теорию, 2) каждая имеет отдельный, ей только собственный предмет. Применим это к прочим, нам известным наукам, и мы увидим, что вообще наука есть стремление приводить частные явления в общую теорию, или в систему познания. Следовательно, необходимые условия всякой науки суть: общее это стремление и частный предмет; другими словами: форма и содержание. Вы позволите мне, любезнейшая графиня, иногда

употреблять сии выражения, принятые всеми занимающимися нашим предметом, и потому прошу вас не терять из виду их значения. Впрочем, объяснимся еще подробнее. Если всякая наука, чтоб быть наукою, должна быть основана на каких-нибудь частных явлениях (то есть иметь содержание) и приводить все эти явления в систему (то есть иметь форму), то форма всех наук должна быть одна и та же; напротив того, содержания должны различествовать в науках, например содержание арифметики — числа, а истории — события. Вы теперь видите, что слово «форма» выражает не наружность науки, но общий закон, которому она необходимо следует.

С этими мыслями возвратимся к философии и заключим: если философия — наука, то она необходимо должна иметь и форму и содержание; но как доказать, что философия имеет содержание или предмет особенный, если мы еще не знаем, что такое философия? Постараемся победить это затруднение и примемся за вопрос: как родилась философия?

Все науки начались с того, что человек наблюдал частные случаи и всегда старался подчинять их общим законам, то есть приводить в систему познания. Рассмотрите ход собственных ваших занятий, и это покажется вам еще яснее. Вы начали читать немецких поэтов. Ум ваш, соединив все впечатления, которые получил от них, составил понятие о литературе немецкой и отличил ее от всякой другой, привязав к ней идею особенного характера. Этого мало; из понятий о частных характерах поэтов вы составили себе общее понятие о поэзии, в ней заключили вы идею гармонии, прекрасного разнообразия; словом, вы окружили ее такими совершенствами, которых мы напрасно бы ста-

ли искать у одного какого-либо поэта. Ибо поэзия для нас богиня невидимая; лишь отдельно рассеяны по вселенной прекрасные черты ее. Чувство, привыкшее узнавать печать божественного, различило разбросанные черты сии на лицах нескольких любимцев неба; из них сотворило оно идеал свой, назвало его поэзией и воздвигло ему жертвенник. В последнем письме своем ко мне, не довольствуясь одною идеей поэзии и безотчетным наслаждением ею, вы обратили внимание на самое чувство, на действие самого ума. Выписываю собственные слова ваши [2]:

«...Не то же ли я чувствую, удивляясь превосходной мадонне Рафаэля и слушая музыку Бетховена? Не так же ли наслаждаюсь прелестною статуей древности и глубокою поэзией Гете? Это заставило меня спросить: как могли бы различные предметы породить одно и то же чувство, если это чувство, эта искра изящного не таилась в душе моей прежде, нежели пробудили ее предметы изящные. Я по сих пор не нахожу ответа и т. д.». Мы найдем его, любезнейшая графиня, вы сами его найдете; но не здесь ему место, и мы возвратимся теперь к предмету, чтобы не выпустить из рук Ариадниной нити.

Как развились собственные ваши понятия, так постепенно развивались и науки. В сем развитии, как вы сами можете заметить, находятся различные степени, определяющие степени образования. Чем более наука привела частные случаи в общую систему, тем ближе она к совершенству. Следовательно, совершеннейшая из всех наук будет та, которая приведет все случаи или все частные познания человека к одному началу. Такая наука будет не математика, ибо математика ограничила себя одними измерениями; она будет не

физика, которая занимается только законами тел, словом, она не может быть такою наукою, которая имеет в виду один отдельный предмет; напротив того, все науки (как частные познания) будут сведены ею к одному началу, следовательно, будут в ней заключаться, и она, по справедливости, назовется наукою наук. Но мы выше заметили, что всякая наука должна иметь содержание и форму; посмотрим, удовлетворяет ли сим условиям наука, которую мы теперь нашли и которую, по примеру многих столетий, назовем философиею.

Если философия должна свести все науки к одному началу, то предметом философии должно быть нечто, общее всем наукам. Мы доказали выше, что все науки имеют одну общую форму, то есть приведение явлений в познание; следовательно, философия будет наукою формы всех наук или наукою познания вообще. Итак, содержание ее будет познание, не устремленное на какой-нибудь особенный предмет; но познание как простое действие ума, свойственное всем наукам, как простая познавательная способность. Формою же философии будет то же самое стремление к общей теории, к познанию, которое составляет форму всякой науки. Заключим: философия есть наука, ибо она есть познание самого познания, и потому имеет и форму и предмет.

Впоследствии мы увидим, как все науки сводятся на философию и из нее обратно выводятся: но для примера припомним опять то, что вы сами чувствовали. Вы видели мадонну — и она привела вас в восторг; вы спросили: отчего эта мадонна прекрасна? и на это отвечала вам наука прекрасного, или эсте-

тика; но вы спросили: отчего чувствую я красоты сей мадонны? какая связь между ею и мною? — и не могли найти ответа. Он принадлежит, как мы увидим впоследствии, к философии; ибо тут дело идет не о законах прекрасного, но о начале всех законов, об уме познающем, принимающем впечатления.

Я не скрою от вас, что философия претерпела удивительные перемены и долго была источником самых несообразных противоречий. Какая наука не подлежала той же участи? Замечательно, однако ж, что она всегда почиталась наукою важнейшею, наукою наук, и, несмотря на то, что обыкновенно была достоянием небольшого числа избранных, всегда имела решительное влияние на целые народы. Впоследствии мы заметим это влияние, особенно у греков. Мы увидим, как философия развилась в их поэзии, в их самой жизни и стремилась свободно к своей цели. Ученые спорили между собою, противоречили друг другу, опровергали системы и на развалинах их воздвигали новые; и при всем том наука шла постоянным ходом, не изменяя общего своего направления. Божественному Платону предназначено было представить в древнем мире самое полное развитие философии и положить твердое основание, на котором в сии последние времена воздвигнули непоколебимый, великолепный храм богини [3]. Чрез несколько лет я буду советовать вам читать Платона. В нем найдете вы столько же поэзии, сколько глубокомыслия, столько же пищи для чувства, сколько для мысли.

Мы не будем разбирать различных определений философии, изложенных в отдельных системах. Иные называли ее наукою человека, другие — наукою природы

и т. д. Мы доказали себе, что она наука познания, и этого для нас довольно; и с этой точки будем смотреть на нее в будущих наших беседах.

АНАКСАГОР

Беседа Платона

Анаксагор

Давно, Платон, давно уроки божественного Сократа не повторялись в наших беседах, и я по сих пор напрасно искал случая предложить тебе несколько вопросов о любимых наших науках.

Платон

Готов удовлетворить твоим вопросам, любезный Анаксагор, если силы мои мне это позволят.

Анаксагор

Ты всегда решал мои сомнения, Платон, и я не помню, чтобы ты когда-нибудь оставил хоть один из наших вопросов без удовлетворительного ответа.

Платон

Если и так, Анаксагор, то не я производил такие чудеса, но наука, божественная наука, которая внушала речи Сократа и которой я решился посвятить всю жизнь свою.

Анаксагор

Недавно читал я в одном из наших поэтов описание золотого века [1], и признаюсь тебе, Платон, в моей слабости: эта картина восхитила меня. Но когда я на несколько времени перенесся в этот мир совершенного блаженства и потом снова обратился к нашим временам, тогда очарование прекратилось, и у меня невольно вырвался горестный вопрос: для чего дано человеку понятие о таком счастии, которого он достигнуть не может? [2] для чего имеет он несчастную способность мучить себя игрою воображения, прекрасными вымыслами?

Платон

Как? неужели ты представляешь себе золотой век вымыслом поэта, игрою воображения? Неужели ты полагаешь, что поэт может что-либо вымышлять?

Анаксагор

Без сомнения; и я думал в этом случае быть с тобою согласным.

Платон

Ты ошибаешься, Анаксагор [3]. Поэт выражает свои чувства, а все чувства не в воображении его, но в самой его природе.

Анаксагор

Если так, то для чего же изгоняешь ты поэтов из твоей республики? [4]

Платон

Я не изгоняю истинных поэтов, но, увенчав их цветами, прошу оставить наши пределы.

Анаксагор

Конечно, Платон; кто из поэтов не согласился бы посетить твою республику, чтоб подвергнуться такому изгнанию? Но не менее того это не доказывает ли, что ты почитаешь поэзию вредною для общества и, следственно, для человека?

Платон

Не вредною, но безполезною. Моя республика должна быть составлена из людей мыслящих, и потому действующих. К такому обществу может ли принадлежать поэт [5], который наслаждается в собственном своем мире, которого мысль вне себя ничего не ищет и, следственно, уклоняется от цели всеобщего усовершенствования? Поверь мне, Анаксагор: философия есть высшая поэзия.

Анаксагор

Я охотно соглашусь с твоею мыслию, Платон, когда ты покажешь мне, как философия может объяснить, что такое золотой век [6].

Платон

Помнишь ли ты, Анаксагор, слова Сократа о человеке? Как называл он человека?

Анаксагор

Малым миром.

Платон

Так точно, и эти слова должны объяснить твой вопрос. Что понимаешь ты под выражением: малый мир?

Анаксагор

Верное изображение вселенной.

Платон

Вообще эмблему всякого целого и, следственно, всего человечества. Теперь рассмотрим человека в отдельности и применим мысль о человеке ко всему человечеству. Случалось ли тебе знать старца, свершившего в добродетели путь, предназначенный ему природою, и приближающегося к концу с богатыми плодами мудрой жизни?

Анаксагор

Кто из нас, Платон, забудет добродетельного Форбиаса, который, посвятив почти целый век любомудрию, на старости лет, казалось, возвратился к счастливому возрасту младенчества?

Платон

Ты сам, Анаксагор, развиваешь мысль мою. Так! всякий человек рожден счастливым, но чтобы познать свое счастие, душа его осуждена к борению с противоречиями мира. Взгляни на младенца — душа его в совершенном согласии с природою; но он не улыбается природе, ибо ему недостает еще одного чувства — совершенного самопознания. Это музыка, но музыка еще скрытая в чувстве, не проявившаяся в разнообразии звуков. Взгляни на юношу и на человека возмужалого. Что значит желание опытности? где причина всех его покушений, всех его действий, как не в идее счастия, как не в надежде достигнуть той степени, на которой человек познает самого себя? Взгляни, наконец, на старца: он, кажется, вдохновенным взором окидывает минувшее поприще и видит, что все бури мира для него утихли, что путь трудов привел его к желанной цели — к независимости и самодовольству. Вот

жизнь человека! она снова возвращается к своему началу. Рассмотрим теперь ход человечества, и тогда загадка совершенно для нас разрешится. В каком виде представляется тебе золотой век?

Анаксагор

Древние наши поэты посвятили все свое искусство описанию какого-то утраченного блаженства, и слова мои не могут выразить моего чувства.

Платон

Не требую от тебя картины; но скажи мне, как представляешь ты себе первобытого человека в отношении к самой природе?

Анаксагор

Он был, как уверяют, царем природы.

Платон

Царем природы может называться только тот, кто покорил природу; и следственно, чтоб познать свою силу, человек принужден испытать ее в противоречиях — оттуда раскол между мыслию и чувством. Объясню тебе эти слова примером. Представим себе Фидиаса [7], пораженного идеею Аполлона. В душе его совершенное спокойствие, совершенная тишина. Но доволен ли он этим чувством? Если б наслаждение его было полное, для чего бы он взял резец? Если б идеал его был ясен, для чего старался бы он его выразить? Нет, Анаксагор! эта тишина — предвестница бури. Но когда вдохновенный художник, победив все трудности своего искусства, передал мысль свою бесчувственному мрамору, тогда только истинное спокойствие водворяется

в душу его — он познал свою силу и наслаждается в мире, ему уже знакомом.

Анаксагор

Конечно, Платон, это можно сказать о художнике, потому что он творит и для того своевольно борется с трудностями искусства.

Платон

Не только о художнике, но о всяком человеке, о всем человечестве. Жить — не что иное как творить — будущее наш идеал. Но будущее есть произведение настоящего, т. е. нашей собственной мысли.

Анаксагор

Итак, Платон, если я понял твою мысль, то золотой век точно существовал и снова ожидает смертных [8].

Платон

Верь мне, Анаксагор, верь: она снова будет, эта эпоха счастия, о которой мечтают смертные. Нравственная свобода будет общим уделом — все познания человека сольются в одну идею о человеке — все отрасли наук сольются в одну науку самопознания. Что до времени? Нас давно не станет,— но меня утешает эта мысль. Ум мой гордится тем, что ее предузнавал и, может быть, ускорил будущее. Тогда пусть сбудется древнее египетское пророчество! пусть солнце поглотит нашу планету, пусть враждебные стихии расхитят разнородные части, ее составляющие!.. Она исчезнет, но, совершив свое предназначение, исчезнет, как ясный звук в гармонии вселенной.

НЕСКОЛЬКО МЫСЛЕЙ В ПЛАН ЖУРНАЛА

Всякому человеку, одаренному энтузиазмом, знакомому с наслаждениями высокими, представлялся естественный вопрос: для чего поселена в нем страсть к познанию и к чему влечет его непреоборимое желание действовать? — К самопознанию,— отвечает нам книга природы. Самопознание — вот идея, одна только могущая одушевить вселенную; вот цель и венец человека. Науки и искусства, вечные памятники усилий ума, единственные признаки его существования, представляют не что иное, как развитие сей начальной и, следственно, неограниченной мысли. Художник одушевляет холст и мрамор для того только, чтобы осуществить свое чувство, чтоб убедиться в его силе; поэт искусственным образом переносит себя в борьбу с природою, с судьбою, чтоб в сем противоречии испытать дух свой и гордо провозгласить торжество ума. История убеждает нас, что сия цель человека есть цель всего человечества; а любомудрие ясно открывает в ней закон всей природы.

С сей точки зрения должны мы взирать на каждый народ, как на лицо отдельное, которое к самопознанию направляет все свои нравственные усилия, ознаменованные печатью особенного характера. Развитие сих усилий составляет просвещение; цель просвещения или самопознания народа есть та степень, на которой он отдает себе отчет в своих делах и определяет сферу своего действия; так, напр⟨имер⟩, искусство древней Греции, скажу более, весь дух ее отразился в творениях Платона и Аристотеля; таким образом, новейшая философия в Германии есть зрелый плод того же эн-

тузиазма, который одушевлял истинных ее поэтов, того же стремления к высокой цели, которое направляло полет Шиллера и Гете.

С этой мыслию обратимся к России и спросим: какими силами подвигается она к цели просвещения? Какой степени достигла она в сравнении с другими народами на сем поприще, общем для всех? Вопросы, на которые едва ли можно ожидать ответа, ибо беспечная толпа наших литераторов, кажется, не подозревает их необходимости. У всех народов самостоятельных просвещение развивалось из начала, так сказать отечественного: их произведения, достигая даже некоторой степени совершенства и входя, следственно, в состав всемирных приобретений ума, не теряли отличительного характера. Россия все получила извне; оттуда это чувство подражательности, которое самому таланту приносит в дань не удивление, но раболепство; оттуда совершенное отсутствие всякой свободы и истинной деятельности.

Началом и причиной медленности наших успехов в просвещении была та самая быстрота, с которою Россия приняла наружную форму образованности и воздвигла мнимое здание литературы без всякого основания, без всякого напряжения внутренней силы. Уму человеческому сродно действовать, и если б он у нас следовал естественному ходу, то характер народа развился бы собственной своей силою и принял бы направление самобытное, ему свойственное; но мы, как будто предназначенные противоречить истории словесности, мы получили форму литературы прежде самой ее существенности. У нас прежде учебных книг появляются журналы, которые обыкновенно бывают плодом учености и признаком общей образованности,

и эти журналы по сих пор служат пищею нашему невежеству, занимая ум игрою ума, уверяя нас некоторым образом, что мы сравнялись просвещением с другими народами Европы и можем без усиленного внимания следовать за успехами наук, столь быстро подвигающихся в нашем веке, тогда как мы еще не вникли в сущность познания и не можем похвалиться ни одним памятником, который бы носил печать свободного энтузиазма и истинной страсти к науке.— Вот положение наше в литературном мире — положение совершенно отрицательное.

Легче действовать на ум, когда он пристрастился к заблуждению, нежели когда он равнодушен к истине. Ложные мнения не могут всегда состояться; они порождают другие; таким образом, вкрадывается несогласие, и самое противоречие производит некоторого рода движение, из которого, наконец, возникает истина. Мы видим тому ясный пример в самой России. Давно ли сбивчивые суждения французов о философии и искусствах почитались в ней законами? И где же следы их? Они в прошедшем, или рассеяны в немногих творениях, которые с бессильною упорностию стараются представить прошедшее настоящим. Такое освобождение России от условных оков и от невежественной самоуверенности французов было бы торжеством ее, если бы оно было делом свободного рассудка; но, к несчастию, оно не произвело значительной пользы; ибо причина нашей слабости в литературном отношении заключалась не столько в образе мыслей, сколько в бездействии мысли. Мы отбросили французские правила не от того, чтобы мы могли их опровергнуть какою-либо положительною системою, но потому только, что не могли применить их к некоторым про-

изведениям новейших писателей, которыми невольно наслаждаемся. Таким образом, правила неверные заменились у нас отсутствием всяких правил. Одним из пагубных последствий сего недостатка нравственной деятельности была всеобщая страсть выражаться в стихах. Многочисленность стихотворцев во всяком народе есть вернейший признак его легкомыслия; самые пиитические эпохи истории всегда представляют нам самое малое число поэтов. Не трудно, кажется, объяснить причину сего явления естественными законами ума; надобно только вникнуть в начало всех искусств. Первое чувство никогда не творит и не может творить, потому что оно всегда представляет согласие. Чувство только порождает мысль, которая развивается в борьбе, и тогда уже, снова обратившись в чувство, является в произведении. И потому истинные поэты всех народов, всех веков были глубокими мыслителями, были философами и, так сказать, венцом просвещения. У нас язык поэзии превращается в механизм; он делается орудием бессилия, которое не может себе дать отчета в своих чувствах и потому чуждается определительного языка рассудка. Скажу более: у нас чувство некоторым образом освобождает от обязанности мыслить и, прельщая легкостью безотчетного наслаждения, отвлекает от высокой цели усовершенствования. При сем нравственном положении России одно только средство представляется тому, кто пользу ее изберет целию своих действий. Надобно бы совершенно остановить нынешний ход ее словесности и заставить ее более думать, нежели производить. Нельзя скрыть от себя трудности такого предприятия. Оно требует тем более твердости в исполнении, что от самой России не должно ожидать никакого участия;

но трудность может ли остановить сильное намерение, основанное на правилах верных и устремленное к истине? Для сей цели надлежало бы некоторым образом устранить Россию от нынешнего движения других народов, закрыть от взоров ее все маловажные происшествия в литературном мире, бесполезно развлекающие ее внимание, и, опираясь на твердые начала философии, представить ей полную картину развития ума человеческого [1], картину, в которой бы она видела свое собственное предназначение. Сей цели, кажется, вполне бы удовлетворило такое сочинение, в коем разнообразие предметов не мешало бы единству целого и представляло бы различные применения одной постоянной системы. Такое сочинение будет журнал, и его вообще можно будет разделить на две части: одна должна представлять теоретические исследования самого ума и свойств его; другую можно будет посвятить применению сих же исследований к истории наук и искусств. Не бесполезно бы было обратить особенное внимание России на древний мир и его произведения. Мы слишком близки, хотя по-видимому, к просвещению новейших народов, и, следственно, не должны бояться отстать от новейших открытий, если мы будем вникать в причины, породившие современную нам образованность, и перенесемся на некоторое время в эпохи, ей предшествовавшие. Сие временное устранение от настоящего произведет еще важнейшую пользу. Находясь в мире совершенно для нас новом, которого все отношения для нас загадки, мы невольно принуждены будем действовать собственным умом для разрешения всех противоречий, которые нам в оном представятся. Таким образом, мы сами сделаемся преимущественным предметом наших разысканий. Древняя

пластика или вообще дух древнего искусства представляет нам обильную жатву мыслей, без коих новейшее искусство теряет большую часть своей цены и не имеет полного значения в отношении к идее о человеке. Итак, философия и применение оной ко всем эпохам наук и искусств — вот предметы, заслуживающие особенное наше внимание, предметы, тем более необходимые для России, что она еще нуждается в твердом основании изящных наук и найдет сие основание, сей залог своей самобытности и, следственно, своей нравственной свободы в литературе, в одной философии, которая заставит ее развить свои силы и образовать систему мышления.

Вот подвиг, ожидающий тех, которые возгорят благородным желанием в пользу России, и, следственно, человечества осуществить силу врожденной деятельности и воздвигнуть торжественный памятник любомудрию, если не в летописях целого народа, то по крайней мере в нескольких благородных сердцах, в коих пробудится свобода мысли изящного и отразится луч истинного познания.

УТРО, ПОЛДЕНЬ, ВЕЧЕР И НОЧЬ

Кто из нас, друзья мои, не погружался в море минувших столетий? Кто из нас не ускорял полета времени и не мечтал о будущем? Эти два чувства, верные сопутники человека в жизни, составляют источник и вместе предмет всех его мыслей. Что нам настоящее? Оно ежеминутно пред нами исчезает, разрушая все надежды, на нем основанные. Между тем мысль о разрушении, об уничтожении, так противоречит всем нашим чувствам, так убийственна для врожденной в нас любви к существованию, к устройству, что мы хоть памятью стараемся оживлять былое, вызываем из гроба тех героев человечества, в коих более отразилось чувство жизни и силы, и, с горестью собирая прах их, рассеянный крылами времени, образуем новый мир, и обещаем ему — бессмертие. С этим миром бессмертия, с этим лучшим из наших упований, сливаем мы все понятия о будущем. Этой мысли посвящаем всю жизнь, в ней видим свою цель и награду. Что может быть утешительнее для поэта, который к ней направляет беспредельный полет свой? Что назидательнее для мыслителя, который в ней открывает желание бесконечного, всеобщей гармонии? Не изгоняйте, друзья мои, из области рассудка фантазии, этой волшебницы, которой мы обязаны прелестнейшими минутами в жизни, и которая, облекая высокое в свою радужную одежду, не искажает светлого луча истины, но дробит его на всевозможные цветы. Не то же ли самое делает природа? Но ежели в ней все явления, все причины и действия сливаются в одно целое, в один закон неизменный,— не для того ли созданы все чув-

ства человека, чтоб на богатом древе жизни породить мысль, сей божественный плод, приуготовляемый цветами фантазии?

Приятно с верным понятием о природе обратиться к самой же природе, в ней самой искать выражения для того, что она же нам внушила.— Все для него поясняется; всякое явление — эмблема; всякая эмблема — самое целое... Так думал я, пробегая однажды те священные памятники, которые век передает другому, и которые, свидетельствуя о жизни и усилиях человечества, возрастают с каждым столетием, и, всегда завещанные потомству, всегда представляют новое развитие. Так думал я, пробегая эту цепь превратностей и разнообразия, в которой каждое звено необходимо, которой направление неизменно. И что ж представилось разгоряченной фантазии? Простите ли вы, друзья мои, сон воображения, быть может, слишком любопытного, и потому, быть может, обманутого?

Врата востока открываются перед нами — все в природе с улыбкою встречает первое утро; луч денницы отражается светом и озаряет одно — беспредельное — вселенную. Как пленителен в эту минуту юный житель юной земли; первое его чувство — созерцание, чувство младенческое, всем довольное, ничего не исключающее. Послушаем первую песнь его, песнь восторга безотчетного; она так же проста, так же очаровательна, как первый луч света, как первое чувство любви.— Но он простирает руку к светилу, его поразившему, и оно для него недостигаемо. Он подымает взор к небу, душа его горит желанием погрузиться в это ясное море; но оно беспредельным сводом простирается высоко, высоко над его главою. Очарование прекра-

тилось; он изгнан из этого рая,— два серафима, память и желание, с пламенными мечами[1] воздвигаются у заветных врат, и тайный голос произносит неизбежный приговор: «Сам создай мир свой». И все оживилось в фантазии раздраженного человека.— Чувства гордости и желание действовать в одно время пробудились в душе его. Он отделяется от природы и везде ищет самого себя. Всякий предмет делается выражением его особенной мысли. Горы, леса, воды — все населяется произведениями его воображения, и обманутое усилие выразиться совершенно — везде открывает строгий закон необходимости, слепо управляющий миром.

Настает полдень. Чувствуя в себе силу, чувствуя волю, человек покидает колыбель свою; обманутый надеждой поработить себе природу,— он хочет властвовать на земле и обоготворить силу. Стихии для него не страшны, океан — не граница; он любит испытывать себя и ищет противоборника в природе. Каждой страсти воздвигнут алтарь, но и в бурю страстей человек не забывает своего высокого предназначения. Небо, утром безмятежное, покрылось в полдень тучами, но природа не узнала тьмы; ибо молния в замену солнца, хотя минутным блеском, рассевала густой мрак.

Все утихает под вечер дня: страсти гаснут в сердце, как следы солнца на небосклоне. Один луч ярким цветом брезжит на западе; одно чувство, но сильнейшее, воспламеняет человека. Вечером соловей воспевает любовь в тени дубрав и песнь любви повторяется во всей природе. Любви жертвует сила своими подвигами. Небо говорит человеку голосом любви; а на земле цветок из рук прекрасной подруги — венец для героя.

Но долго взоры смертного перебегали все предметы... Наконец, усталые вежды сокрыли от него все явления;

тишина ночи склонила его ко сну — к воззрению на самого себя. Только теперь душа его свободна. Предметы, пробудившие ее к существованию, не останавливают ее более; они быстро исчезают перед нею и она созидает свой собственный мир, независимый от того мира, где все ей казалось разноречием. Только теперь познает человек истинную гармонию. Уста его открываются, и он шепчет такие звуки, которые привели бы в трепет младенца, но которые мыслящий старец записал бы в книгу премудрости.— О, с каким восторгом пробудится он, когда новый луч денницы воззовет его к новой жизни,— когда, довольный тем, что он нашел в самом себе, он перенесет чувство из мира желаний в мир наслаждения!

СКУЛЬПТУРА, ЖИВОПИСЬ И МУЗЫКА

Откуда слетели вы к нам, божественные девы? не небо ли было вашей колыбелью? и для чего променяли вы жилище красоты и наслаждения на долину желаний и усилий? Ваши пламенные взоры горят огнем неземным. Вы расточаете ласки свои смертным; но черты вашего лица, как бы предназначенного вечной юности, сохранили всю прелесть красоты девственной. Кто вы, небесные, откройтесь. Вы мне уже знакомы; не ваши ли волшебные образы летали предо мною в те счастливые часы, в которые я мечтал о лучшем мире? Не вас ли везде ищет мое воображение?

— Мы сестры,— отвечала первая богиня,— и все трое царствуем во вселенной; но не нам принадлежит венец бессмертной славы, он будет вечно сиять на главе нашей матери. О смертный! ты часто восхищался этим миром, с восторгом взирал на все тебя окружающее; мы все видимое тобою украсили. Я — старшая из сестер, и меня первую послала мать для того, чтоб оживить вселенную в очах твоих; я указала тебе этот круглый шар, который плывет в воздухе; я вознесла взоры твои на сие небо, которое, как свод, его обнимает; я рассеяла эти горы с утесами, которые, как великаны, возвышаются над долинами; мой искусный резец образовал каждое дерево, каждый лист, каждую жемчужину, сокровенную на глубине раковины.

— Прелестно,— воскликнула вторая богиня,— прелестно было произведение сестры моей, когда я слетела с неба; но взор напрасно искал разнообразия на земле бесцветной. Все было хладно, безжизненно, как те образы, которые представляют серые тучи в день пасмурный. Я взмахнула поясом, и радуги со всех сторон посыпались на землю, ясное светило загорелось в воздухе, по небу разлилась чистая лазурь и море отразило небо; долины и леса оделись зеленым цветом, и я, довольная новым миром, возвратилась к престолу нашей матери.

— Тогда и я слетела на землю,— сказала третья богиня; прелестны были произведения сестер моих; но я напрасно искала в них жизни; ничто не улыбалось мне в природе, мертвая тишина царствовала на земле и стесняла мои чувства; я вздохнула, и вздох мой повторился во вселенной; чувство жизни разлилось повсюду; все огласилось звуками радости, и все эти звуки слились в общую волшебную гармонию.

— С тех пор,— продолжала первая богиня,— с тех пор воздвигнулись три алтаря на земле; я первая встретила смертного и мне первой принес он дары свои. Он был еще странником на новой земле; все поражало его удивлением; все питало в нем то чувство гордости, которое невольно пробуждает первая встреча с незнакомым. Где найду я, говорил он, удовлетворение бесконечным моим желаниям, где найду предмет, достойный моих усилий? Я услышала сетования смертного, и, первая, внушила ему смелую мысль похитить у бессмертных огонь, дающий жизнь. Я вручила ему резец, и вскоре мрамор оживился под его руками, и человек окружил себя собственным миром. Они еще живы, священные памятники его усилий — его славы. Их не коснулась все истребляющая коса времени. О смертный! стремись туда, где на развалинах столицы мира гений минувшего основал свое владычество, и вызывая из праха протекшие столетия, кажется, посмеивается над настоящим. Вступи в сей храм бессмертный, где герои древности, бледные, как произведения сна, в красноречивом безмолвии возвышаются около стен; вступи в сей храм, когда утренний луч солнца озарит сие величественное сонмище и будет скользить на белом мраморе; тогда ты познаешь мое владычество и присутствие тайного божества поразит тебя благоговением.

— И мне повиновался смертный,— воскликнула вторая богиня,— и я была его сопутницей. Когда любовь пролила в сердце его свою очаровательную влагу, напрасно силился он резцом сестры моей изобразить предмет своих желаний. Взор его напрасно искал в очах изображения того же неба, которое таилось под ресницами прекрасной его подруги; напрасно ис-

кал краски стыдливости на мертвых ланитах мрамора; напрасно хотел он окружить образ возлюбленной очарованием бесконечного, к которому стремилась душа его, и в котором являлся ему идеал прекрасной. И что ж? я дала ему кисть, и чувства его вполне вылились на мертвый холст, и мысль о бесконечном сделалась для него понятною. О смертный! хочешь ли видеть небо на земле? Взгляни на сию картину,— взгляни, когда яркий луч полдня прольет на нее свет свой,— ты невольно падешь на колена и тогда познаешь мое владычество.

— Настало и мое царствование,— промолвила последняя богиня.— Случалось ли тебе в безмолвии ночи слышать волшебные звуки, которые тайною силой увлекают душу, тешат ее надеждою и заставляют забывать все окружающее? Это торжество мое. Ты переносишься тогда в новый мир, ты думаешь быть далеко от земли, и ты в самом себе. В тебя вложила я таинственную арфу, которой струны дрожат при каждом впечатлении, и служат как бы дополнением всего, что ты чувствуешь в природе. Не пламенная радость, не улыбка гордости выражают мое владычество; нет! слезы тихого восторга напоминают смертному, что мне покорено его сердце.

— Мой слух прикован к устам вашим, бессмертные богини; но где та, которой вы уготовляете венец славы — где храм, в котором возвышается престол ее, из которого она предписывает законы свои вселенной?

— О смертный! весь мир — престол нашей матери. Ее изображал и мрамор и холст на земле; ее прославляли лиры песнопевцев; но она останется недосягаемою для чувств смертного; наша мать — поэзия; вечность — ее слава; вселенная — ее изображение.

ТРИ ЭПОХИ ЛЮБВИ

(Отрывок)

Три эпохи любви переживает сердце, для любви рожденное. Первая любовь чиста, как пламень; она, как пламень, на все равно светит, все равно согревает; сердце нетерпеливо рвется из тесной груди; душа просится наружу; руки все обнимают, и юноша, в первом роскошном убранстве весны своей, в первом развитии способностей, пленителен, как младое дерево в ранних листьях и цветах. Как бы ни являлась ему красота, она для него равно прекрасна. Взор его не ищет Венеры Медицейской [1], когда он изумляется важному зрелищу издыхающего Лаокоона. Холодные слова строгого Омира и теплые напевы чувствительного Петрарки равнозвучны в устах его, и любовница его — одна вселенная. Это — эпоха восторгов.

Настает другая. Душа упилась; взоры устали разбегаться; им надобно успокоиться на одном предмете. Возьмется ли юноша за кисть: не древний Иосиф [2], не ангел благовеститель рождается под нею, но образ чистой девы одушевляет полотно. Счастлива первая дева, которую он встретит! Какая душа посвящает ей свои восторги! Какою прелестью облекает ее молодое воображение! Как пламенны о ней песни! Как нежно юноша плачет! Эта эпоха — один миг, но лучший миг в жизни.

Что разочаровывает отрока, когда он разбивает им созданную игрушку? Что разочаровывает поэта, когда он предает огню первые, быть может, самые горячие стихи свои? Что заставляет юношу забыть первый идеал свой, забыть тот образ, в который он выливал

всю душу? Мы недолго любим свои созданья, и природа приковывает нас к действительности. Дорого платит юноша за восторги второй любви своей. Чем более предполагал он в людях, тем мучительней для него теперь их встреча. Он молчалив и задумчив. О, если тогда на другом челе, в других очах прочтет он следы тех же чувств, если он подслушает сердце, бьющееся согласно с его сердцем,— с какою радостию подает он руку существу родному! И как ясно понимают они друг друга! Вот третья эпоха любви: это эпоха дум.

РАЗБОР СТАТЬИ О «ЕВГЕНИИ ОНЕГИНЕ»,

помещенной в 5-м № «Московского телеграфа» на 1825 год

Если талант всегда находит в себе самом мерило своих чувствований, своих впечатлений, если удел его — попирать обыкновенные предрассудки толпы, односторонней в суждениях, и чувствовать живее другого творческую силу тех редких сынов природы, на коих гений положил свою печать, то какою бы мыслию поражен был Пушкин, прочитав в «Телеграфе» статью о новой поэме своей, где он представлен не в сравнении с самим собою, не в отношении к своей цели [1], но верным товарищем Байрона на поприще всемирной словесности, стоя с ним на одной точке?

«Московский телеграф» имеет такое число читателей, и в нем встречаются статьи столь любопытные, что всякое несправедливое мнение, в нем провозглашаемое, должно необходимо иметь влияние на суждение если не всех, то, по крайней мере, многих. В таком случае обязанность всякого благонамеренного — заметить погрешности издателя и противиться, сколько возможно, потоку заблуждений. Я уверен, что г. Полевой [2] не оскорбится критикою, написанною с такою целию: он в душе сознается, что при разборе «Онегина» пером его, может быть, управляло отчасти и желание обогатить свой журнал произведениями Пушкина [3] (желание, впрочем, похвальное и разделяемое, без сомнения, всеми читателями «Телеграфа»).

И можно ли бороться с духом времени? Он всегда остается непобедимым, торжествуя над всеми усилиями, отягощая своими оковами мысли даже тех, которые незадолго перед сим клялись быть верными поборниками беспристрастия!

Первая ошибка г. Полевого состоит, мне кажется, в том, что он полагает возвысить достоинство Пушкина, унижая до чрезмерности критиков нашей словесности. Это ошибка против расчетливости самой обыкновенной, против политики общежития, которая предписывает всегда предполагать в других сколько можно более ума. Трудно ли бороться с такими противниками, которых заставляешь говорить без смысла? Признаюсь, торжество незавидное. Послушаем критиков, вымышленных в «Телеграфе».

«*Что такое «Онегин»?* — спрашивают они,— *что за поэма, в которой есть главы, как в книге,* и проч.?»

Никто, кажется, не делал и, вероятно, не делает такого вопроса, и до сих пор, кроме издателя «Телегра-

фа», никакой литератор еще не догадывался заметить различие между *поэмою* и *книгою.*

Ответ стоит вопроса.

«*«Онегин»*,— отвечает защитник Пушкина: — *роман в стихах, следовательно в романе позволяется употребить разделение на главы*; и проч.»

Если г. Полевой позволяет себе такого рода заключение, то не вправе ли я буду таким же образом заключить в противность и сказать:

«Онегин» — роман в стихах; *следовательно*, в стихах непозволительно употребить разделение на главы», но наши смелые силлогизмы ничего не доказывают ни в пользу «Онегина», ни против него, и лучше предоставить г. Пушкину оправдать самим сочинением употребленное им разделение.

Оставим мелочный разбор каждого периода. В статье, в которой автор не предположил себе *одной* цели [4], в которой он рассуждал, не опираясь на *одну основную* мысль, как не встречать погрешностей такого рода? Мы будем говорить о тех только ошибках, которые могут распространять ложные понятия о Пушкине и вообще о поэзии.

Кто отказывает Пушкину в *истинном таланте*? Кто не восхищался его стихами? Кто не сознается, что он подарил нашу словесность прелестными произведениями? Но для чего же всегда сравнивать его с Байроном, с поэтом, который, духом принадлежа не одной Англии, а нашему времени, в пламенной душе своей сосредоточил стремление целого века, и если б мог изгладиться в истории частного рода поэзии, то вечно остался бы в летописях ума человеческого?

Все произведения Байрона носят отпечаток одной глубокой мысли — мысли о человеке, в отношении

к окружающей его природе, в борьбе с самим собою, с предрассудками, врезавшимися в его сердце, в противоречии с своими чувствами. Говорят: в его поэмах мало действия. Правда, его цель — не *рассказ*; *характер его героев* — не *связь описаний*; он описывает предметы не для предметов самих, не для того, чтобы представить *ряд картин*, но с намерением выразить впечатления их на лице, выставленном им на сцену.— Мысль истинно пиитическая, творческая.

Теперь, г. издатель «Телеграфа», повторю вам вопрос: что такое «Онегин»? Он вам *знаком*, вы его *любите*. Так! но этот герой поэмы Пушкина, по собственным словам вашим, «шалун с умом», «ветреник с сердцем», и ничего более. Я сужу так же, как вы, т. е. по одной первой главе; мы, может быть, оба ошибемся и оправдаем осторожность опытного критика, который, опасаясь попасть в *кривотолки*, не захотел произнесть преждевременно своего суждения [5].

Теперь, милостивый государь, позвольте спросить: что вы называете «*новыми приобретениями Байронов и Пушкиных*?» Байроном гордится новейшая поэзия, и я в нескольких строчках уже старался заметить вам, что характер его произведений истинно новый. Не будем оспаривать у него славы изобретателя. Певец «Руслана и Людмилы», «Кавказского пленника» и проч. имеет неоспоримые права на благодарность своих соотечественников, обогатив русскую словесность красотами, доселе ей неизвестными,— но признаюсь вам и самому нашему поэту, что я не вижу в его творениях приобретений, подобных Байроновым, *делающих честь веку*. Лира Альбиона познакомила нас со звуками, для нас совсем новыми. Конечно, в век Людовика XIV никто бы не написал и поэм Пушкина; но

это доказывает не то, что он подвинул век, а только то, что он от него не отстал. Многие критики, говорит г. Полевой, уверяют, что «Кавказский пленник», «Бахчисарайский фонтан» вообще взяты из Байрона [6]. Мы не утверждаем так определительно, чтоб наш стихотворец заимствовал из Байрона планы поэм, характеры лиц, описания; но скажем только, что Байрон оставляет в его сердце глубокие впечатления, которые отражаются во всех его творениях. Я говорю смело о г-не Пушкине; ибо он стоит между нашими стихотворцами на такой ступени, где правда уже не колет глаз.

И г. Полевой платит дань нынешной моде! В статье о словесности как не задеть Батте? Но великодушно ли пользоваться превосходством века своего для унижения старых Аристархов? [7] Не лучше ли не нарушать покоя усопших? Мы все знаем, что они имеют достоинство только относительное; но если вооружаться против предрассудков, то не полезнее ли преследовать их в живых? И кто от них свободен? В наше время не судят о стихотворце по пиитике, не имеют условного числа правил, по которым определяют степени изящных произведений. Правда. Но отсутствие правил в суждении не есть ли также предрассудок? Не забываем ли мы, что в критике должно быть основание положительное, что всякая наука положительная заимствует свою силу из философии, что и поэзия неразлучна с философией?

Если мы с такой точки зрения беспристрастным взглядом окинем ход просвещения у всех народов (оценяя словесность каждого в целом: степенью философии времени; а в частях: по отношению мыслей каждого писателя к современным понятиям о философии), то все, мне кажется, пояснится. Аристотель

не потеряет прав своих на глубокомыслие, и мы не будем удивляться, что французы, подчинившиеся его правилам, не имеют литературы самостоятельной [8]. Тогда мы будем судить по правилам верным о словесности и новейших времен; тогда причина романтической поэзии не будет заключаться в *неопределенном состоянии сердца*.

Мы видели, как издатель «Телеграфа» судит о поэзии: послушаем его, когда он говорит о живописи и музыке, сравнивая художника с поэтом.

«В очерках Рафаэля виден художник, способный к великому: его воля приняться за кисть,— и великое изумит ваши взоры; не хочет он — и никакие угрозы критика не заставят его писать, что хотят другие». Далее:

«В музыке есть особый род произведений, называемых capriccio — и в поэзии есть они. Таков «Онегин».

Как! «в очерках» Рафаэля вы видите одну только способность к великому? Надобно ему «приняться» за кисть и окончить картину для того, чтоб вас изумить? Теперь не удивляюсь, что «Онегин» вам нравится, как «ряд картин», а мне кажется, что первое достоинство всякого художника есть сила мысли, сила чувств; и эта сила обнаруживается во всех очерках Рафаэля, в которых уже виден идеал художника и объем предмета. Конечно, и колорит, необходимый для подробного выражения чувств, содействует красоте, гармонии целого; но он только распространяет мысль главную, всегда отражающуюся в характере лиц и в их расположении. И что за сравнение поэмы эпической с картиною и «Онегина» — с очерком!

«Не хочет он — и никакие угрозы критика не заставят его писать, что хотят другие».

Ужели Рафаэль с г. Пушкиным исключительно пользуются правом не подчиняться воле и угрозам критиков своих? Вы сами, г. Полевой, от этого права не откажетесь, и, напр‹имер›, если не захотите согласиться со мной насчет замеченных мною ошибок, то, верно, угрозы вас к тому не принудят.

В особом роде музыкальных сочинений, называемом *capriccio*, есть также постоянное правило. В *capriccio*, как и во всяком произведении музыкальном, должна заключаться полная мысль, без чего и искусства существовать не могут.— *Таков «Онегин»*? Не знаю — и повторяю вам: мы не имеем права судить о нем, не прочитавши всего романа.

После всех громких похвал, которыми издатель «Телеграфа» осыпает Пушкина и которые, впрочем, для самого поэта едва ли не опаснее *безмолвных громов*, кто ожидал бы найти в той же статье:

«В таком же положении, как Байрон к Попу [9], *Пушкин находится к прежним сочинителям шуточных русских поэм».*

Не надобно забывать, что на предыдущей странице г. Полевой говорит, что у нас «*в сем роде не было ничего сколько-нибудь сносного* [1*]». Мы напомним ему

[1*] Г. издатель «Телеграфа»! Позвольте мне для ясности привести уравнение двух предполагаемых вами отношений в принятую форму. Мы назовем буквою x сумму всех неизвестных, по мнению вашему, русских писателей шуточных поэм и скажем:

Байрон : Попу = Пушкин : x.

Заметим, что здесь x не искомый, что даже трудно его выразить в математике, потому что, если лучше совсем не писать, нежели писать дурно, то x будет менее нуля.— Теперь как нравится вам второе отношение нашей пропорции?

о «Модной жене» [10] И. И. Дмитриева и о «Душеньке» [11] Богдановича.

Несколько слов о народности, которую издатель «Телеграфа» находит в первой главе «Онегина»: «*Мы видим,*— говорит он,— *слышим родные поговорки, смотрим на свои причуды, которых все мы не чужды были некогда*». Я не знаю, что тут народного, кроме имен петербургских улиц и рестораций. И во Франции и в Англии пробки хлопают в потолок, охотники ездят в театры и на балы. Нет, г. издатель «Телеграфа»! Приписывать Пушкину лишнее — значит отнимать у него то, что истинно ему принадлежит. В «Руслане и Людмиле» он доказал нам, что может быть поэтом национальным.

До сих пор г. Полевой говорил решительно; без всякого затруднения определил степень достоинства *будущего* романа «Онегина». Его рецензия сама собою и, кажется, без ведома автора лилась из пера его,— но вот камень преткновения. Порыв его остановился: *для рецензента стихотворений Пушкина, где взять ошибок?* Милостивый государь! Целое произведение может иногда быть одною ошибкою; я не говорю этого насчет «Онегина», но для того только, чтобы уверить вас, что и ошибки определяются только в отношении к целому. Впрочем, будем справедливыми: и в напечатанной главе «Онегина» строгий вкус заметит, может быть, несколько стихов и отступлений, не совсем соответствующих изящности поэзии, всегда благородной, даже и в шутке; касательно же выражений, названных вами неточными, я не во всем согласен с вашим мнением: «вздыхает лира» — в поэзии прекрасно; «возбуждать улыбку» — хорошо и правильно, едва ли можно выразить мысль свою яснее.

Мне остается заметить г. Полевому, что вместо того, чтобы с такою решимостию заключать о романе по первой главе, которая имеет нечто целое, полное в одном только отношении, т. е. как картина петербургской жизни, лучше бы было более распространиться о разговоре поэта с книгопродавцем [12]. В словах поэта видна душа свободная, пылкая, способная к сильным порывам,— признаюсь, я нахожу в этом разговоре более истинного пиитизма, нежели в самом «Онегине».

Я старался заметить, что поэты не летают без цели и как будто единственно на зло пиитикам; что поэзия не есть неопределенная горячка ума, но, подобно предметам своим, природе и сердцу человеческому, имеет в себе самой постоянные свои правила [13]. Внимание наше обращалось то на разбор издателя «Телеграфа», то на самого «Онегина». Теперь, что скажем в заключение?

О статье г. Полевого,— что я желал бы найти в ней критику, более основанную на правилах положительных, без коих все суждения шатки и сбивчивы.

О новом романе г. Пушкина,— что он есть новый прелестный цветок на поле нашей словесности, что в нем нет описания, в котором бы не видна была искусная кисть, управляемая живым, резвым воображением; почти нет стиха, который бы не носил отпечатка или игривого остроумия, или очаровательного таланта в красоте выражения.

ДВА СЛОВА
О ВТОРОЙ ПЕСНИ «ОНЕГИНА»

Вторая песнь, по изобретению и изображению характеров, несравненно превосходнее первой. В ней уже совсем исчезли следы впечатлений, оставленных Байроном; в «Северной пчеле» напрасно сравнивают Онегина с Чайльд-Гарольдом [1], характер Онегина принадлежит нашему поэту и развит оригинально. Мы видим, что Онегин уже испытан жизнию; но опыт поселил в нем не страсть мучительную, не едкую, деятельную досаду, а скуку, наружное бесстрастие, свойственное русской холодности (мы не говорим русской лени); для такого характера все решают обстоятельства. Если они пробудят в Онегине сильные чувства, мы не удивимся: он способен быть минутным энтузиастом и повиноваться порывам души. Если жизнь его будет без приключения, он проживет спокойно, рассуждая умно, а действуя лениво.

РАЗБОР РАССУЖДЕНИЯ Г. МЕРЗЛЯКОВА:

о начале и духе древней трагедии и проч., напечатанного при издании его подражаний и переводов из греческих и латинских стихотворцев

Amicus Plato, ⟨sed⟩ magis amica veritas *

Прискорбно для любителя отечественной словесности восставать на мнения верного ее жреца в то самое время, когда он приносит ей в дар новый плод своих трудов, и в живых переводах, передавая нам дух и красоты древней поэзии, воздвигает памятник изящному вкусу и чистому русскому языку; но чем отличнее заслуги г. Мерзлякова на поприще словесности, тем опаснее его ошибки, по обширности их влияния,— и любовь к истине принуждает нарушить молчание, повелеваемое уважением к достойному литератору.

Рассуждение г. Мерзлякова «О начале и духе древней трагедии» [1] оправдывает истину давно известную, что тот, кто чувствует, не всегда может отдать себе и другим верный отчет в своих чувствах. Красоты поэзии близки сердцу человеческому и, следственно, легко ему понятны; но чтобы произнесть общее суждение о поэзии, чтобы определить достоинства поэта, надобно основать свой приговор на мысли определенной [2], и эта мысль не господствует в теории г. Мерзлякова, в которой главная ошибка есть, может быть, недостаток теории; ибо нельзя назвать сим именем искры чувств, разбросанные понятия о поэзии, часто

* Платон мне друг, но истина дороже (*лат.*)

облеченные прелестью живописного слова, но не связанные между собою, не озаренные общим взглядом и перебитые явными противоречиями. Кто из сего не заметит, что рецензенту предстоит двойной труд? Говоря о таком рассуждении, в котором нет систематического порядка, он находится в необходимости не только опровергать ошибочные мнения, но и упоминать часто о том, что должно бы заключаться в сочинении об отрасли изящных искусств? К несчастию, мы встретим довольно доказательств к подтверждению всего вышесказанного. Приступим к делу. Г-н Мерзляков останавливает нас на первом шагу. Вот слова его:

«*Трагедия и комедия, так как и все изящные искусства, обязаны своим началом более случаю и обстоятельствам, нежели изобретению человеческому*». Нужно ли доказывать неосновательность сего софизма, когда сам автор опровергает его на следующей странице? «*Вероятно*,— говорит он,— *что трагедия не принадлежит одним грекам, одному какому-либо народу; но всем народам и всем векам*». Оно более нежели вероятно; оно неоспоримо, если мы здесь под словом трагедия понимаем драматическую поэзию; но вероятно ли, чтоб эти два периода были писаны одним пером, в расстоянии одной страницы? То, что принадлежит «всем народам», «всем векам», не принадлежит ли, одним словом, человеку, его природе, и может ли быть обязано своим началом «случаю»? *Обстоятельства* ли породили в человеке мысль и чувства? И что значит здесь *человеческое изобретение*? Кто изобрел язык? Кто первый открыл движения тела, выражающие состояние сердца и духа? Но г. Мерзляков, не подтверждая первого своего предложения, тотчас бросает эту мысль, ни с чем не связанную, как неудачно избранный

эпиграф, и продолжает: «*Мудрая учительница наша, природа, явила себя нам во всем своем великолепии, красоте и благах несчетных, возбудила подражательность и передала милое чадо свое на воспитание нашему размышлению, наблюдениям и опыту*» и пр. Положим, что так; но читатель едва ли постигает сокрытое отношение сей мысли к трагедии и комедии. Поэт, без сомнения, заимствует из природы форму искусства; ибо нет формы вне природы; но и «подражательность» не могла породить искусства, которые проистекают от избытка чувств и мыслей в человеке и от нравственной его деятельности. Тайна сей загадки не разрешается, и немедленно после сего следует история козла, убитого Икаром [3], и греческих праздников в честь Вакха [4]. В сем рассказе не заключается ничего особенного. Он находится во всех теориях, которые, не объясняя постепенности существенного развития искусств, облекают в забавные сказочки историю их происхождения. Итак, мы не будем следовать за г. Мерзляковым, когда он сам не следует своей собственной нити в разысканиях и воспоминает давно известное и пересказанное. Заметим только, что при нынешних успехах эстетики мы ожидали в истории трагедии более занимательности. Для чего не показать нам ее развитие из соединения лирической поэзии и эпопеи? Для чего не намекнуть на общую колыбель сих родов поэзии? Из подобных замечаний внимательный читатель заключил бы, что они неотъемлемо принадлежат человеку, как необходимые формы, в которые выливаются его чувства. Мы бы объяснили себе, отчего находим следы их у всех народов; увидели бы, что не стремление к подражанию правит умом человеческим, что он не есть в природе существо единст-

венно страдательное. Но здесь некстати распространяться о понятиях такого рода и воздвигать новую систему на место мною разбираемой теории; тем более, что г. Мерзляков, кажется, отвергает все новейшие открытия и, вероятно, не уважит доказательств, на них основанных. Он говорит решительно, что, «*соблазняемые, к несчастию, затейливым воображением наших романтиков, мы теперь увлекаемся быстрым потоком весьма сомнительных временных мнений*», и видит тут «*судьбу изящных искусств, склоняющихся уже к унижению*». Я осмелюсь вступиться за честь нашего века. Новейшие произведения, без сомнения, не могут сравниться с древними в рассуждении полноты и подробного совершенства. В них еще не определены отношения частей к целому. Я с этим согласен. Но законы частей не определяются ли сами собою, когда целое направлено к известной цели? Нашу поэзию можно сравнить с сильным голосом, который, с высоты взывая к небу, пробуждает со всех сторон отголоски и усиливается в своем порыве [1*]. Поэзия древних пленяет нас как гармоническое соединение многих голосов. Она превосходит новейшую в совершенстве соразмерностей, но уступает ей в силе стремления и в об-

[1*] Заметим, что мы здесь говорим о тех только произведениях, которые определяют общее направление мыслей в нашем веке. Extrema coëunt [Крайности сходятся (*лат.*)]. Весь мир составлен из противоположностей, и наш литературный мир ими богат. Но для чего судить по карикатурам? Бездушные поэмы, в которых нет ни начала, ни конца, бесхарактерные романы и повести, бранчивые критики, писанные единственно во зло врождённым законам логики и условным правилам приличия, еще менее принадлежат к числу романтических сочинений, нежели поэмы Шапелена [5] к поэзии классической.

ширности объема. Поэзия Гете, Байрона есть плод глубокой мысли, раздробившейся на всевозможные чувства. Поэзия Гомера есть верная картина разнообразных чувств, сливающихся как бы невольно в мысль полную. Первая, как бы поток, рвется к бесконечному; вторая, как ясное озеро, отражает небо, эмблему бесконечного. Каждый век имеет свой отличительный характер, выражающийся во всех умственных произведениях; на все равно распространяется наблюдение истинного филолога, и заметим, что науки и искусства еще не близки к своему падению, когда умы находятся в сильном брожении, стремятся к цели определенной и действуют по врожденному побуждению к действию. Где видны усилия, там жизнь и надежда. Но тогда им угрожает неминуемая опасность, когда все порывы прекращаются; настоящее тянется раболепно по следам минувшего, когда холодное бесстрастие восседает на памятниках сильных чувств и самостоятельности, и целый век представляет зрелище безнадежного однообразия. Вот что нам доказывает история философии, история литературы. Но возвратимся к г. Мерзлякову.

Он переносит нас в первые времена Греции и живописует нам начальные успехи гражданственной ее образованности. В этой части рассуждения, как и во многих других, видно клеймо истинного таланта. Ясное воображение автора нередко увлекает читателя; жаль, что мысли его не выходят из сферы, очерченной, кажется, предубеждением. В литературе право давности не должно бы существовать, а г. Мерзляков жертвует ему часто собственным суждением; потому и порывы чувств его бывают подобны блуждающим огням, которые приманивают путника, но сбивают его с дороги.

Кто ожидал бы, чтоб в нашем веке взирали на поэзию, как на «орудие политики»; чтоб мы были обязаны трагедиею «мудрым правителям первобытных обществ»? Как поэзия, «получившая свое существование от случая», должна, сверх того, влачить оковы рабства от самой колыбели? Бесполезно опровергать эту мысль. Тот, кто питает в сердце страсть к искусствам, страсть к просвещению, сам ее отбросит. В первобытном состоянии Греции, без сомнения, политика умела извлекать пользу из произведений великих поэтов. Мы видим, что Солон [6], Пизистрат [7] и Пизистратиды распространяли рапсодии Гомера [8] и действовали тем на дух целого народа; но оно не доказывает ли, что политика, имевшая одну только цель в виду,— любовь к отечеству, свободе и славе, не уклонялась от духа века, который был вечернею зарею героической эпохи, воспетой Гомером? Можно ли из сего заключить, что поэзия была орудием правителей? Нет! она была приноровлена к современным правам и узаконениям — без сомнения, но потому только, что и сама философия, во время рождения трагедии в Греции, была более нравоучительною, нежели умозрительною. Понятия о двух началах, перешедшие в Грецию, вероятно, из Египта, где они были господствующими, начинали уже искореняться; аллегории Гомера, в которых заключалась вся философия их времени, теряли уже высокие свои значения, когда явился Эсхил, облек в форму своих трагедий народные предания и воскресил на сцене забытые мысли древней философии. Многие укоряли его в том, что он обнаруживал в своих творениях сокровенные истины Элевзинских таинств [9], в которых хранился ключ к загадкам древней мифологии. Этот укор не доказывает ли, что сей писатель стре-

мился соединить поэзию с любомудрием? Ав. Шлегель с большею основательностию предполагает [10], что аллегорическое его произведение «Прометей» принадлежит к трилогу, коего две части для нас потеряны. Эта форма, заключающая в себе развитие полной философической мысли, кажется принадлежностию трагедий Эсхила, который в «Агамемноне», «Хоефорах» и «Умоляющих» оставил нам пример полного трилога [11]. Теперь мы легко объясним себе, отчего Гомер был обильным источником для греческих поэтов. И подлинно, где им было черпать, как не в творениях такого гения, который был зеркалом минувшего, являлся им в атмосфере высоких, ясных понятий, дышал свободным чувством красоты и в песнях своих открывал перед ними великолепный мир со всеми его отношениями к мысли человека. После сих замечаний естественно представляется вопрос: был ли Гомер философом? [12] Стремился ли он сосредоточить и развить рассеянные понятия религии? Вопрос тем более любопытный, что, не разрешив его, нельзя определить достоинства поэтов, последователей Гомера, нельзя даже судить об успехах самого искусства.

Этого вопроса не сделал себе г. Мерзляков: оттого, может быть, и ошибается он в своем мнении о начале трагедии и вообще о достоинстве поэзии. Вся философия Гомера заключается, кажется, в ясной простоте его рассказов и в совершенной искренности его чувств. В нем, как в безоблачном возрасте младенчества, нет усилий ума, нет определенного стремления, но везде видно верное созерцание окружающего мира, везде слабые, но пророческие предчувствия высоких истин. Вот характер Гомеровых поэм; они духом близки к счастливому времени, в котором мысли и чувства

соединялись в одной очаровательной области, заключающей в себе вселенную; к тому времени, в котором философия и все искусства, тесно связанные между собою, из общего источника разливали дары свои на смертных, и волшебная сила гармонии, воздвигая стены и образуя общества, в мерных гномах [13] преподавала человечеству простые, но бессмертные законы.

Слабость доводов г. Мерзлякова обнаруживается еще более, когда он приноравливает свою теорию к характеру трех трагиков. Тут тщетно играет его воображение; он теряется в лабиринте мелочных мыслей и часто противоречит даже доказательствам истории и неоспоримой очевидности. Предложим хотя один пример. Г-н Мерзляков, говоря об Еврипиде, объясняется следующим образом: «*Иногда на сцене его являлись государи, униженные судьбою до последней крайности, покрытые рубищами и просящие подаяния на стогнах града. Сии картины, чуждые Эсхилу и Софоклу, сначала вскружили умы*». Но это положение совершенно принадлежит Эдипу Колонейскому [14] и, следственно, не могло быть чуждым Софоклу и составить отличительную черту в характере Еврипида. Г-н Мерзляков говорит далее, что он имел много почитателей как философ. Мне кажется, что тут смешана схоластика с философией. Они имели совсем различный ход и разное влияние. Конечно, схоластика всегда влачилась по стопам философии, но никогда не досягала возвышенных ее понятий и терялась обыкновенно в случайных применениях, распложаясь в сентенциях и притчах. Удивительно ли, что многие частные секты были защитниками Еврипидовых трагедий, когда они все носят печать школы? Но в глазах литератора-философа это не достоинство. Творения Еврипида не отражают души

его; в них нет этого совершенного согласия между идеалом и формою, которое так пленяет воображение в «Эдипе Колонейском» и вообще в трагедиях Софокла. В самых пламенных излияниях его чувств невольно подозреваешь его искренность.

Не буду далее распространяться, чтобы не утомить читателей излишними подробностями. Отдавая им на суд мои замечания на главные предложения г. Мерзлякова, предоставляю им решить, справедливы ли они, или нет. Во всяком случае любопытные могут применить те мнения, которые им покажутся более определенными, к характеру каждого из трагиков, и таким образом оценить статью г. Мерзлякова во всех ее частях. Многие заметят, может быть, что я часто не высказывал своих мыслей и в самых любопытных вопросах налагал на них оковы. Я это делал потому, что понятия, мною кое-где изложенные, требуют подробного развития и постоянной нити в рассуждении, чего не позволяет форма критической статьи, в которой рецензент делается во многих отношениях рабом разбираемого им сочинения.

В дополнение рецензии моей на рассуждение г. Мерзлякова скажу, что если б оно появилось за несколько лет перед сим, то бесспорно бы имело успешное влияние, но теперь уже можно требовать от литератора более самостоятельности. Следы французских суждений исчезают в наших теориях, и Россия может назвать несколько сочинений в сем роде, по всему праву ей принадлежащих. Между ними заслуживает особенного внимания «Амалтея» г. Кронеберга [15], харьковского профессора. В сей книге не должно искать теоретической полноты и порядка; но в ней заключаются ясные понятия о поэзии, и она доказывает, что автор

искренно посвятил себя изящным наукам и следует за их успехами.

Скажем несколько слов о переводах г. Мерзлякова. Они представляют обильную жатву для того, кто бы захотел рассмотреть подробно их красоты. Мы с особенным удовольствием прочли последнюю речь Алцесты [16], разговор Ифигении с Орестом [17], пророчество Кассандры [18] и превосходный отрывок из «Одиссеи». Везде видны дух пламенный и язык выразительный. Хоры г. Мерзлякова исполнены лирического огня. Но вообще в слоге его можно бы желать более гибкости и легкости, в стихах более отделки; например, Тезей говорит к Антигоне и Исмене:

Утешьтесь, нежны дщери,
Страдальцу, наконец, в покой отверсты двери [19].

Здесь слово «покой» представляет явное двусмыслие. Еще можно заметить, что г. Мерзляков, вопреки тирану-употреблению, часто в стихах своих вызывает из пыльной старины выражения, обреченные, кажется, забвению; конечно, чрез такое приращение язык его не беднеет, не теряет своей силы, но он не имеет совершенной плавности, необходимой в нашем веке, как счастливейшей приманки для читателей. Этого нельзя сказать о его прозе, которая всегда останется увлекательною.

Я кончаю так, как начал, уверяя читателя, что одна любовь к науке заставила меня восстать против мнений г. Мерзлякова. Я уверен, что, если критика моя дойдет до него, он сам оправдает в ней по крайней мере намерение, с которым я вооружился против собственного удовольствия, невольно ощущаемого при

чтении такого рассуждения, где кисть искусная умела соединить силу выражения со всею прелестию разнообразия.

Amicus Plato, sed magis amica veritas.

ANALYSE

D'une scène détachée de la tragédie de Mr. Pouchkin insérée dans un journal de Moscou *

De nouveaux éloges ne pourraient rien ajouter à la réputation de Mr. Pouchkin. Depuis longtemps ses productions, qui décèlent toutes un talent aussi varié que fécond, font le charme du public russe. Mais quelque brillants qu'aient été jusqu'à ce jour les succès de ce poète, quelque incontestables que soient ses droits à la gloire les vrais amis de la littérature nationale le voyaient à regret suivre dans tous ses ouvrages une impulsion étrangère et sacrifier la vocation de poète original à son

---

*** Разбор отрывка из трагедии г. Пушкина, напечатанного в «Московском вестнике»**

Новые похвалы ничего не могут прибавить к известности г. Пушкина. Его творениями, которые все обнаруживают талант разнообразный и плодовитый, давно восхищается русская публика. Но хотя и блистательны успехи этого поэта, хотя и неоспоримы его права на славу,— все же истинные друзья русской литературы с сожалением замечали, что он во всех своих произведе-

admiration pour le Barde Anglais, qui s'offrait à ses yeux comme le génie poétique de notre siècle. Ce reproche, si flatteur pour Mr. Pouchkin, est cependant injuste sous un rapport. Il en est de l'éducation du poète comme de tout développement moral: il faut quel'influence d'une force déjà mûre lui donne d'abord la conscience de toutes les impulsions dont il est susceptible, pour mettre en mouvement tous les ressorts de son âme et réveiller ainsi sa propre énergie. Une première impulsion ne détermine pas toujours la tendance du génie; mais c'est à elle qu'il doit son élan, et sous ce rapport Byron a été pour Pouchkin ce que les circonstances d'une vie orageuse ont été pour Byron lui-même. Aujourd'hui l'éducation poétique de Mr. Pouchkin semble être entièrement terminée. l'indépendance de son talent est un sûr garant de sa maturité, et sa Muse, qui ne s'était montrée à nous que sous les traits enchanteurs des Grâces, vient de prendre le double carac-

---

ниях до сих пор следовал постороннему влиянию, жертвуя своею оригинальностью — удивлению к английскому барду [1], в котором видел поэтический гений нашего времени. Такой упрек, столь лестный для г. Пушкина, несправедлив, однако, в одном отношении. При развитии поэта (как вообще при всяком нравственном развитии) необходимо, чтобы воздействие уже зрелой силы обнаружило пред ним самим: каким возбуждениям он доступен. Таким образом, приведутся в действие все пружины его души и подстрекнется его собственная энергия. Первый толчок не всегда решает направление духа, но он сообщает ему полет, и в этом отношении Байрон был для Пушкина тем же, чем были для самого Байрона приключения его бурной жизни. Ныне поэтическое воспитание г. Пушкина, по-видимому, совершенно окончено. Независимость его таланта — верная порука его зрелости, и его муза, являвшаяся доселе лишь в очаровательном образе граций, принимает двойной характер — Мельпомены и Клио [2]. Давно уже ходили слухи о его последнем произ-

tère de Melpomène et de Clio. Depuis longtemps nous avons entendu parler de sa dernière production Boris Godounoff, et un nouveau Journal (Московский Вестник) vient de nous offrir une scène de ce Drame historique, qui n'est connu en entier que de quelques amis du Poète. L'époque, à laquelle il se rattache, nous a déjà été présentée avec un talent admirable par le célèbre historien, dont la Russie regrettera longtemps la perte, et nous ne pouvons nous empêcher de croire que l'ouvrage de Mr. Karamzine n'ait été pour Mr. Pouchkin une source bien riche des détails les plus précieux. Quel est l'ami de la littérature qui verra sans intérêt ces deux génies, pour ainsi dire aux prises, développer le même tableau, chacun selon son point de vue et dans un cadre différent. Tout ce que nous avons pu apprendre sur la tragédie de Mr. Pouchkin nous autorise à croire que si d'un côté l'his-

---

ведении «Борис Годунов», и вот новый журнал («Московский вестник») предлагает нам одну сцену из этой исторической драмы, известной в целом лишь нескольким друзьям поэта. Эпоха, из которой почерпнуто ее действие, уже была с изумительным талантом изображена знаменитым историком, которого потерю долго будет оплакивать Россия, и мы не можем отказаться от убеждения, что труд г. Карамзина [3] был для г. Пушкина богатым источником драгоценных материалов. Кто из друзей литературы не заинтересуется тем, как эти два гения, точно из соревнования, рисуют нам одну и ту же картину, но в различных рамках и каждый с своей точки зрения. Все, что мы могли узнать о трагедии г. Пушкина, заставляет нас думать, что если — с одной стороны — историк, смелостью колорита, возвысился до эпопеи, то поэт, в свою очередь, внес в свое творение величавую строгость истории. Говорят, что трагедия обнимает все царствование Годунова, кончается лишь со смертью его детей и развертывает всю ткань событий, которые привели к одной из самых необычайных катастроф, когда-либо случавшихся

torien s'est élevé, par la hardiesse de son coloris à la hauteur de l'épopée, le poète à son tour a transporté dans sa production l'imposante sévérité de l'histoire. On dit que sa tragédie embrasse toute l'époque du règne de Godounoff, ne se termine qu'à la mort de ses enfants et déroule toute la chaîne des événements, qui ont amené l'une des catastrophes les plus extraordinaires, dont la Russie ait jamais été le théâtre. Un cadre aussi vaste aura certainement obligé Mr. Pouchkin de se soustraire à cette régularité qu'imposent les lois dérivées du principe des trois unités. Toutefois la scène, que nous avons sous les yeux, nous prouve suffisamment, que s'il a négligé dans ses formes quelques règles arbitraires, il n'en a été que plus fidèle aux lois immuables et fondamentales de la poésie et à ce caractère de vraisemblance, qui doit être le résultat de la consciencieuse franchise avec laquelle

---

в России. При исполнении такой обширной программы г. Пушкин был, разумеется, вынужден обходить законы трех единств [4]. Во всяком случае, отрывок, который у нас перед глазами, достаточно удостоверяет, что если поэт и пренебрег некоторыми произвольными требованиями касательно формы, то был тем более верен непреложным и основным законам поэзии и не отступал от правдоподобия, которое является результатом той добросовестной смелости, с какою поэт воспроизводит свои вдохновения. Эта сцена, поразительная по своей простоте и энергии, может быть смело поставлена наряду со всем, что есть лучшего у Шекспира и Гете. Личность поэта не выступает ни на одну минуту: все делается так, как требуют дух века и характер действующих лиц. Названная сцена следует непосредственно за избранием Годунова и должна представить контраст, поистине драматический, с предыдущими сценами, в которых поэт воспроизведет нам то сильное движение, которое должно было сопровождать в столице столь важное для государства событие. Читатель переносится в келью одного из тех монахов, кото-

le poète reproduit ses inspirations. Cette scène frappante de simplicité et d'énergie, peut être placée sans crainte au rang de tout ce que le théâtre de Shakespeare et de Goethe nous offre de plus parfait. L'individualité du poète ne s'y montre pas un moment: tout appartient à l'esprit du temps et au caractère des personnages. Elle vient immédiatement après l'élection de Boris au trône et doit offrir un contraste vraiment théâtral avec les scènes précédentes où le poète aura reproduit le grand mouvement, qui doit accompagner dans la capitale un événement aussi important pour le pays entier. Le lecteur est transporté dans la cellule de l'un de ces moines, auxquels nous devons nos annales. Le calme imposant qu'on ne saurait séparer de l'idée de ces hommes, qui, éloignés du monde, étrangers à ses passions, vivaient dans le passé pour s'en con-

---

рым мы одолжены нашими летописями. Речь старика дышит тем величавым спокойствием, которое неразлучно с самым представлением об этих людях, удалившихся от мира, чуждых страстям, живущих в прошедшем,— чтобы оно через них говорило будущему. Старик бодрствует при свете лампады, и невольное раздумье при воспоминании об ужасном злодействе останавливает его в минуту, когда он доканчивает свою летопись. Он, однако, обязан довести до потомства сказание о злодействе и снова берется за перо. Вдруг просыпается Григорий — послушник, находящийся у него под руководством. Григория преследует сон, который, в глазах суеверия, показался бы предвещанием бурной будущности и в котором разум видит лишь неопределенное проявление честолюбия, которому еще нет простора. Диалог раскрывает с первых слов противоположность между двумя характерами, так смело и глубоко задуманными. Вы слышите рассказ об убиении отрока Димитрия и уже угадываете необыкновенного человека, который скоро воспользуется именем несчастного царевича, чтобы потрясти всю Россию.

stituer l'organe dans l'avenir, caractérise le discours du vieillard. Il veille à la lueur de sa lampe, et une méditation involontaire, un souvenir d'un crime atroce l'arrête au moment où il va terminer sa chronique. Il doit cependant ce récit à la postérité; il reprend sa plume. Dans ce même moment Grégoire, dont il guide les années de noviciat, s'éveille brusquement, poursuivi par un songe, qui serait aux yeux de la superstition le présage d'une destinée orageuse et à ceux de la raison l'expression vague d'une ambition encore comprimée. Le dialogue, qui décèle dès les premières paroles l'opposition de ces deux caractères, conçus avec hardiesse et profondeur, amène le récit de l'assassinat du jeune Dmitri et fait deviner déjà l'homme extraordinaire, qui se servira bientôt du nom de cet infortuné pour bouleverser la Russie. Le besoin d'entreprises hardies, les passions fougueuses, qui doivent se développer plus tard dans le coeur de Grégoire Otrépieff, nous sont précentés avec une vérité admirable dans le discours qu'il tient au vieil annaliste:

Как весело провел свою ты младость!
Ты воевал под башнями Казани,
Ты рать Литвы при Шуйском отражал,
Ты видел двор и роскошь Иоанна!

Жажда смелых предприятий, порывистые страсти, которые со временем развернутся в душе Григория Отрепьева,— все это с поразительной правдой рисуется в словах его, обращенных к летописцу:

Как весело провел свою ты младость!
Ты воевал под башнями Казани,
Ты рать Литвы при Шуйском отражал,
Ты видел двор и роскошь Иоанна!
Счастлив! а я от отроческих лет
По келиям скитаюсь, бедный инок!

Счастлив! а я от отроческих лет
По келиям скитаюсь, бедный инок!
Зачем и мне не тешиться в боях,
Не пировать за царскою трапезой? *

Qu'il est beau le contraste de cette âme ardente avec le calme majestueux du vieillard, impassible témoin des vertus et des crimes de ses compatriotes, de ce vieillard dont l'air imposant produit une si vive impression sur son jeune interlocuteur!

Ни на челе высоком, ни во взорах
Нельзя прочесть его сокрытых дум;
Все тот же вид смиренный, величавый.
Так точно дьяк, в приказах поседелый,
Спокойно зрит на правых и виновных,

Зачем и мне не тешиться в боях,
Не пировать за царскою трапезой?

Как хорош контраст этой пылкой души с величавым спокойствием старца, бесстрастного наблюдателя добродетелей и преступлений своих сограждан,— старца, внушительный взгляд которого производит такое живое впечатление на молодого собеседника!

Ни на челе высоком, ни во взорах
Нельзя прочесть его сокрытых дум;
Все тот же вид смиренный, величавый.
Так точно дьяк, в приказах поседелый,
Спокойно зрит на правых и виновных,
Добру и злу внимая равнодушно,
Не ведая ни жалости, ни гнева.

* «O que ta jeunesse a été riche de plaisirs! Tu as combattu sous les murs de Cazan, tu as suivi Chouïsky à la victoire quand il repoussait les armées de la Lithuanie. Tu as connu Ivan et sa cour fastueuse! homme heureux!.. Et moi dès mes plus jeunes années misérable reclus, je traîne mes ennuis de cellule en cellule. Pourquoi ne devrais-je pas à mon tour goûter la joie des combats? Pourquoi n'irais-je pas m'asseoir au banquet de nos Princes?»

Добру и злу внимая равнодушно,
Не ведая ни жалости, ни гнева **.

Les vers que nous venons de rapporter ne sont pas supérieurs au reste de cet admirable fragment dramatique, où les beautés des détails se perdent pour ainsi dire dans la beauté de l'ensemble. Un caractère de simplicité vraiment antique y règne à côté de l'harmonie et de la justesse d'expressions, qui distinguent les vers de Mr. Pouchkin. Quelques lecteurs y chercheraient peut-être en vain cette fraîcheur de style, répandue sur d'autres productions du même auteur; màis l'élégance moderne, qui ajoutait au mérite de poème d'un genre moins relevé, n'aurait pu que déparer un drame, où le poète se dérobe à notre attention, pour la porter tout entière sur les personnages qu'il met en scène. C'est là qu'est le triomphe de l'art, et nous pensons que Mr. Pouchkin l'a obtenu d'une manière

Стихи, приведенные нами, совсем не лучше остальных в этом дивном драматическом отрывке, где красота частностей теряется, так сказать, в красоте целого, где античная простота является рядом с гармонией и верностью выражения — отличительными качествами стихов г. Пушкина. Некоторые читатели, быть может, напрасно станут искать в этом отрывке той свежести стиля, которая видна в других произведениях того же автора; но изящество в современном вкусе, служащее к украшению поэм не столь возвышенного рода, только обезобразило бы драму, где поэт ускользает от нашего внимания, чтобы тем полнее направить его на изображаемые лица. Здесь видим мы торжество искусства и полагаем, что этого торжества

** «Ni son regard, ni son front élevé ne décèlent ses secrètes pensées. C'est toujours le même aspect tranquille et majestueux. Tel le Diak, vieilli dans les enquêtes, inaccessible à la pitié, comme à la colère, regarde d'un oeil d'indifférence l'innocent et le coupable, entend sans s'émouvoir la voix de la vertu et du crime».

incontestable. Ajoutons un voeu à tous ses éloges, que nous dicte une juste admiration, et souhaitons que toute la tragédie réponde au fragment que nous avons eu sous les yeux! Dès lors la littérature russe aura non seulement fait une acquisition immortelle; mais elle aura enrichi les annales de la Muse tragique d'un chef-d'oeuvre, qui pourra être placé à côté de ce que toutes les langues anciennes et modernes offrent de plus beau en ce genre.

г. Пушкин достиг вполне. К тем похвалам, которые нам внушены вполне законным удивлением, прибавим еще желание,— чтобы вся трагедия г. Пушкина соответствовала отрывку, с которым мы познакомились. Тогда не только русская литература сделает бессмертное приобретение, но летописи трагической музы обогатятся образцовым произведением, которое станет наряду со всем, что только есть прекраснейшего в этом роде на языках древних и новых.

ЕВРОПА

(Отрывок из Герена[1])

Исследователь истории человечества едва ли встречает явление, которое было бы так ясно и вместе так затруднительно для объяснения, как преимущество собственное Европе пред прочими частями света. При самом справедливом, при самом беспристрастном суждении о достоинстве других земель и народов мы увидим истину несомненную: что все благороднейшее, все превосходное во всех родах, чем только гордится че-

ловечество, прозябало или по крайней мере дозревало на почве европейской. Множеством, красотою, разнообразием естественных произведений Азия и Африка преимуществуют пред Европою; но во всем, что есть произведение человека, народы европейские превосходят жителей других частей света. У них семейственное общество, освящая союз *одного* мужчины с *одною* женщиною, получило вообще то образование, без коего облагородствование столь многих способностей нашей природы кажется невозможным. У них преимущественно и почти исключительно образовались правления в таком виде, в каком они должны быть у народов, достигнувших познания прав своих. Тогда как Азия, при всех переменах великих ее государств, представляет нам вечное возрождение деспотизма, на почве Европейской развернулось зерно представительных правительств в самых разнообразных формах, которые оттуда были перенесены и в другие части света. Положим, что простейшие открытия механических искусств принадлежат частию востоку; но как усовершенствовали их европейцы! Как далеко от станка на берегах Индуса до паровой прядильной машины, от указателя часов солнечных до часов астрономических, которые проводят мореплавателя чрез все пространство океана, от Китайской барки до Британского Орксга [2]. И если, наконец, обратим взоры на благороднейшие искусства, которыми человеческая природа превзошла, так сказать, сама себя, какая разница между Юпитером Фидиаса и Индейским идолом, между «Преображением» Рафаеля и творениями китайского живописца! Восток имел своих летописцев, но никогда не произвел ни Тацита [3], ни Гиббона [4]; имел своих песнопевцев и никогда не возвышался до критики; имел

мудрецов, которые нередко сильно действовали поучениями на своих народов; но Платон, Кант не могли созреть на берегах Гангеса и Гоанго.

Менее ли заслуживает удивления то политическое преимущество, которым народы этой малой частицы земли, едва вышедши из состояния дикого, уже немедленно пользуются пред обширными землями больших частей света? И Восток видел великих завоевателей; но только в Европе возникли полководцы, которые изобрели науку воинскую, по всей справедливости заслуживающую имя науки. Македонское царство, заключенное в тесные пределы, едва воспрянуло от младенчества, как уже македоняне владычествовали на берегах Индуса и Нила [5]. Наследником сего миродержавного народа был миродержавный град; Азия и Африка поклонились Цезарю [6]. Напрасно и в средние века, когда умственное превосходство европейцев, казалось, совершенно прекратилось, напрасно восточные народы старались поработить ее. Монголы проникли до Силезии [7], только степи России повиновались им несколько времени; арабы покушались наводнить Запад [8]; меч Карла Мартелла принудил их довольствоваться одною частию Испании [9]; а вскоре Рыцарь Франкский, под знаменем креста, преследовал их в их собственном отечестве [10]. Как ясно слава европейцев озарила мир с тех пор, как открытия Колумба и Васки де Гама зажгли для них утро счастливейшего дня! Новый мир делается их добычею; более трети Азии покорилось Российской державе; купцы берегов Темзы и Зюйдерзее поработили Индию, если по сих пор и удается османам удержать в Европе ими похищенное, всегда ли, долго ли оно будет находиться в их владении? Сознаемся, что завоевания европейцев были сопряже-

ны с жестокостию, однако же европейцы были не только тиранами мира: они были также его наставниками; кажется, с их успехами всегда тесно соединяется образование народов, и если во времена всеобщих превращений еще остается утешительная надежда для будущего, то эта надежда не основана ли на торжестве европейской образованности вне самой Европы?

Откуда это преимущество, это миродержавие тесной Европы? Важная истина представляется здесь, как бы сама собою. Не дикая сила, не простой физический перевес массы — ум подарил ее первенством, и если военное искусство европейцев и было основанием их владычества, то благоразумная политика сохранила им оное. При всем том это еще не ответ на вопрос, нас занимающий; ибо именно мы хотим знать, откуда произошло умственное превосходство европейцев? почему здесь именно и здесь исключительно способности человеческой природы достигли столь обширного и столь прекрасного развития?

Все старания отвечать совершенно удовлетворительно на сей вопрос, были бы тщетны; явление в себе самом слишком богато, слишком значительно. Все охотно допустят, что оно не что иное, как последствие многих содействующих причин. Некоторые из сих причин могут быть отдельно исчислены, могут, следовательно, доставить несколько доказательств. Но исчислить их все, показать, как каждая действовала сама собой в особенности, а все совокупно — такой труд мог бы совершить только тот ум, которому бы дано было с высшей точки, недосягаемой для смертного, обозреть всю ткань истории нашего рода, исследовать ход и сцепление всех ее нитей.

Между тем важное обстоятельство представляется взорам, обстоятельство, на которое однако ж осторожный наблюдатель только с робостию обратит свое внимание. Мы видим, что прочие части света покрыты народами различного, почти везде темного цвета (и если цвет определяет племена, то и различных племен); жители Европы напротив того принадлежат к одному племени. Она не имеет и не имела других природных жителей, кроме белых народов [1*]. Не отличается ли сие белое племя уже большими врожденными способностями? Не самые ли сии способности и дают ему первенство пред прочими? Вопрос, которого не разрешает физиология и на который только с робостию отвечает историк. Если мы скажем, что различие организаций, которое мы в столь многих отношениях замечаем при различии цветов, может ускорить или замедлить развитие умственных способностей, кто будет утверждать противное? С другой стороны, кто может доказать это влияние? Разве тот, кому бы удалось приподнять таинственный покров, скрывающий от взоров наших взаимные узы между телом и духом. Вероятно, однако ж, мы откроем эту тайну: ибо как усиливается эта вероятность, когда мы вопрошаем о том историю! Значительное превосходство, которым во все века, во всех частях света отличались белые народы, есть *дело решенное*, неоспоримое. Можно отвечать, что это было последствие внешних причин, которые им благоприятствовали; но всегда ли так было, и отчего всегда так было? Почему темные народы,

[1*] Цыганы чужие народы; а к какому племени, к белому ли, или к желтому должны быть причислены лапландцы, это еще подвержено сомнению.

которые на сколько-нибудь и выходили из состояния варварства, достигали только *им* назначенной степени, степени, на которой равно остановился и египтянин и монгол, китаец и индеец? Отчего, следуя тому же закону, и между ними черные народы всегда отстают от темных и от желтых? Если такие опыты заставляют нас вообще предположить в некоторых отраслях человеческого рода большие или меньшие способности, то они нимало не доказывают совершенного недостатка способностей в тех из наших братьев, которые темнее нас, и никак не могут быть приняты за единственную причину. Это доказывает только то, что все опыты, доселе нам известные, уверяют нас во влиянии цвета на развитие способностей народов; но мы охотно благословим времена, которые опровергнут этот опыт, которые представят нам и эфиопов образованными.

Как бы то ни было, много ли, мало ли заслуживает внимания сие природное первенство жителей Европы, нельзя не признаться в том, что и физическое устройство сей части света представляет собственные выгоды, которые не мало содействуют к объяснению занимающего нас явления.

Почти вся Европа принадлежит северному, умеренному поясу; значительнейшие земли ее находятся между 40 и 60° с. ш. Ближе к северу постепенно умирает природа. Таким образом наша часть света нигде не представляет роскошного плодоносия тропических земель, не имея также такого неблагодарного климата, который бы заставлял посвящать всю силу человека одной заботе о пропитании жизни. Везде, где только не мешают местные причины, Европа удобна для хлебопашества. Она приглашает и некоторым образом понуждает своих жителей к земледелию, ибо она столь

же мало благоприятствует жизни звероловов, как и пастушеской. Если народы, ее населяющие, в известные времена и переменяли свои жилища, то они никогда не были, собственно, номадами [11]. Они странствовали с намерением делать завоевания или поселяться в других местах, куда привлекала их добыча или большее плодоносие. Европейский народ никогда не жил под шатрами; равнины, покрытые лесами, позволяли им строить хижины, необходимые под небом более суровым. Почве и климату Европы совершенно предназначено приучать к постоянной деятельности, которая составляет источник всякого благосостояния. Положим, что Европа могла хвалиться только немногими отличными произведениями, что, быть может, и ни одно ей исключительно не принадлежало; положим, что благороднейшие ее продукты были перенесены на почву ее из дальных земель; с другой стороны, это самое составляло необходимость воспитывать сии чужеземные продукты. Таким образом, искусство долженствовало соединиться с природою, и это соединение есть именно причина преуспевающего образования рода человеческого. Без напряжения человек не расширяет круга своих понятий; разумеется, что сохранение жизни не должно также занимать все силы: Европа по большей части одарена плодоносием, достаточно вознаграждающим за труды; в ней нет земли значительной, которая бы совсем лишена была оного; в ней нет песчаных пустынь, как в Аравии и Африке, а степи (и те обильно орошенные реками) начинаются только с восточных земель. Горы посредственной величины пересекают обыкновенно равнины; путешественник везде видит приятную смесь возвышенностей и долин, и если природа не является здесь в роскошном убранстве жаркого

пояса, то, пробуждаясь весною, она облекается прелестию, чуждою однообразию земель тропических.

Конечно, большая часть Средней Азии пользуется обще с Европою подобным климатом, и можно спросить: почему же здесь не встречаем тех же явлений, но видим совсем тому противные? Здесь пастушеские народы Татарии и Монголии, кочуя в землях своих, осуждены пребывать в постоянном нравственном бездействии. Свойствами почвы своей, изобилием гор и равнин, числом судоходных рек, а более всего прибрежными землями, лежащими около Средиземного моря, Европа так разительно отличается от вышеупомянутых стран, что одна температура воздуха (притом не совсем одинакая даже под теми же градусами широты: ибо в Азии холод чувствительнее) не может никак служить поводом к сравнению между сими частями света.

Но из физического различия можно ли вывести те нравственные преимущества, которые были следствием вышезамеченного усовершенствования семейственной жизни? С сим усовершенствованием начинается некоторым образом история первого просвещения нашей части света. Самое предание упоминает, что Кекропс, основав свою колонию между дикими жителями Аттики, был первым учредителем правомерных браков [12]: а кто не знает уже из Тацита священного обычая германцев [13], наших предков? Одно ли свойство климата замедляет, сравнивает постепенное развитие обоих полов и вливает в жилы мужчины кровь более холодную? Или утонченное чувство, вложенное в сердце европейца самою природою, высшее нравственное благородство определяет соотношение обоих полов? Как бы то ни было, кто не усматривает важного влияния

отсюда проистекающего? Не на сем ли основании возвышается неразрушимая преграда между народами Востока и Запада? Подлежит ли сомнению, что сие усовершенствование семейственной образованности было необходимым условием нашего общественного устройства? Повторить решительно замечание, сделанное нами в другом месте: никакой народ, у которого позволялось многоженство, никогда не достигал свободного, благоустроенного правления.

Одни ли сии причины решили преимущество Европы? Присоединились ли к ним еще другие, посторонние? Кто может определить это? При всем том бесспорно, что вся Европа может хвалиться сим преимуществом. Если южные народы и опередили жителей Севера, если сии последние блуждали еще полудикими в лесах своих, между тем как те уже достигли своей зрелости, несмотря на это они успели догнать своих предшественников. Настало и их время, то время, в которое они с верным чувством самопознания обратили взоры на южных братьев своих. Эти замечания приводят нас сами собою к важным отличительным свойствам, собственным Югу и Северу нашей части света.

На две части весьма неравные, на южную и на северную, разделяется Европа цепию гор, которая хотя и раскинула многие отрасли к Югу и Северу, но в главном направлении простирается от Запада на Восток и доселе, по неизвестности высоты Тибетских гор, почитается высочайшею в древнем свете.— Сия цепь гор есть хребет Альпов, на запад соединяющийся с Пиренейскими горами посредством Севенских и простирающийся на восток, Карпатскою цепию и Балканом, до берегов Черного моря. Она отделяет три выдавшиеся в Югу полуострова, Пиренейский, Италию и Грецию,

вместе с южною частию Франции и Германии, от твердой земли Европы, простирающейся к северу далее полярного круга. Сия последняя, гораздо пространнейшая половина, заключает в себе почти все главнейшие реки сей части света, исключая Эбро, Рону, По и еще те несколько значительные для судоходства реки, которые вливают волны свои в Средиземное море. Никакая другая цепь гор нашей земли не была столь важна для истории нашего рода, как цепь Альпов. В продолжение многих столетий она разделяла, так сказать, два мира. Под небом Греции и Гесперии [14] давно уже благоухали прекраснейшие цветы просвещения, когда в лесах Севера еще скитались рассеянные племена варваров. То ли бы возвестила нам история Европы, если бы твердыня Альпийских гор, вместо того чтобы простираться близ Средиземного моря, протянулась по берегам Северного? Конечно сия граница кажется менее важною в наше время; предприимчивый ум европейцев проложил себе путь чрез Альпы, так как он проложил себе оный чрез океан; но много значила она в том периоде, который занимает нас в древности, когда север отделялся от юга физически, нравственно и политически; долго сия цепь гор служила благотворной обороною одному против другого, и хотя Цезарь, разрывая, наконец, сии преграды, и раздвинул несколько политические границы, но какое резкое и продолжительное различие видим мы между Римскою и не-Римскою Европою.

Итак, один юг нашей части света может занимать нас в настоящих исследованиях. Если он был ограничен в своем пространстве, если он, по-видимому, едва был поместителен для сильных народов, то за то был он достаточно вознагражден климатом и положением. Кто

из сыновей севера, спускаясь с южной стороны Альпов, не был поражен чувством новой природы, его окружающей? Неужели эта лазурь, более ясная на небе Гесперии и Греции, это дыхание воздуха более теплое, этот рисунок гор более округленный, эта прелесть утесистых берегов и островов, этот сумрак лесов, блистающих золотыми плодами, неужели все это существует в одних песнях стихотворцев? Здесь, хотя далеко от земель тропических, уже угадываешь их прелесть. В южной Италии уже произрастает алое в диком состоянии; Сицилия уже производит сахарный тростник; с вершины Этны взор уже открывает утесистый остров Мальту, где созревает финиковая пальма, а в синей дали — и берега близкой Африки [2*]. Здесь природа нигде не является в этом однообразии, которое так долго ограничивало умы народов, населявших леса и равнины Севера. В сих странах везде сменяются горы посредственной величины приятными долинами, которые Помона [15] ущедрила прекраснейшими дарами. Если ограниченное пространство сих земель и не вмещает больших судоходных рек, то как вознаграждают их за этот недостаток обширные берега, богатые заливами! Средиземное море принадлежит южной Европе и единственно посредством Средиземного моря соделались народы Запада тем, чем они были. Замените ее степью, и мы по сих пор остались бы кочующими татарами, монголами запоздалыми, как эти номады Средней Азии.

Из всех народов Юга только три могут занять нас: греки, македоняне и римляне, завоеватели Италии, а вскоре и вселенной. Мы назвали их в том порядке,

2* *Bartel.* Путешествие по Сицилии [16].

в котором они являются в истории народами первенствующими, хотя различным образом. Мы последуем тому же порядку в их изображении.

СЦЕНЫ ИЗ «ЭГМОНТА»

(Гете)

ДВОРЕЦ ПРАВИТЕЛЬНИЦЫ

Дворец правительницы
Маргарита Пармская, в охотничьей одежде.
Придворные. Пажи. Слуги.

Правительница

Распустите охотников: я сегодня не выезжаю. Скажите Махиавелю, чтоб он пришел ко мне.

(Все удаляются.)

Мысль об этих ужасных происшествиях не дает мне покоя. Ничто меня не тешит, ничто не рассеет; все те же картины предо мной, все те же заботы. Знаю вперед, король скажет, что это следствие моего добросердечия, моей слабости, а совесть ежеминутно говорит мне, что я сделала все нужное, все лучшее. И что ж было мне делать? Усилить, разнести повсюду этот пламень бурею гнева? Я думала поставить пожару границы и этим потушить его. Так! то, что я повторяю себе самой, то, в чем я убедилась, конечно, в глазах моих

меня оправдывает; но брат мой — как примет он такие известия? А можно ли скрыть их? С каждым днем возрастала гордыня пришельцев — учителей; они ругались над нашею святыней, обворожили грубые чувства народа; предали его духу блуждения. Духи нечистые поселились между возмутителями, и что ж? Мы были свидетелями дел ужасных, о которых и думать нельзя без содрогания. Я должна подробно уведомить о них двор — подробно, не теряя времени,— не то предупредит меня всеобщая молва, и король подумает, что мы от него скрываем еще большие ужасы. Не вижу никакого средства, ни строгого, ни кроткого, отвратить зло.

(Входит Махиавель.)

Правительница

Готовы ли письма к королю?

Махиавель

Чрез час я представлю их вам для подписания.

Правительница

Обстоятельно ли описал ты происшествия?

Махиавель

Подробно и обстоятельно, как любит король. Рассказываю, как сперва в С⟨ент⟩-Омене открылся гнусный замысел истребить иконы; как бешеные толпы с палками, топорами, молотами, лестницами, веревками, сопровождаемые немногими вооруженными людьми, нападали на часовни, на церкви и монастыри, разгоняли молельщиков, выламывали ворота, опрокидывали алтари, разбивали святые лики, обдирали иконы, ло-

вили, рвали, топтали все, принадлежащее к святыне; как между тем возрастало число бунтующих, и жители Иперна открыли им ворота города; как они с неимоверной быстротою опустошили соборную церковь и сожгли библиотеку епископа; как потом многочисленная толпа народа, влекомая тем же безумием, устремилась на Менин, Коминес, Фервик, Лилль [1], нигде не встречая сопротивления, и как в одно мгновение почти во всей Фландрии обнаружился и исполнился ужаснейший заговор.

Правительница

Ах! описание твое возобновило все мое горе! К тому же мучит меня и страх, что зло будет возрастать более и более. Скажи, Махиавель, что ты думаешь?

Махиавель

Извините, ваше высочество: мои мысли так похожи на бред. Вы всегда были довольны моими услугами, но весьма редко следовали моим советам. Часто говорили вы мне в шутку: «Ты слишком смотришь вдаль, Махиавель. Тебе быть бы историком. Кто действует, тот заботится только о настоящем». И что ж? Не предвидел ли я, не предсказывал ли всех этих ужасов?

Правительница

Я тоже многое предвижу и не нахожу способа отвратить зло.

Махиавель

Одним словом: вам не подавить нового учения [2]. Не гоните его приверженцев, отделите их от правоверных, дайте им церкви, примите их в число граждан, огра-

ничьте права их, и таком образом вы одним разом усмирите возмутителей. Все прочие средства будут напрасны, и вы без пользы опустошите землю.

Правительница

Разве ты забыл, в какое негодование привел брата моего один вопрос: можно ли терпеть новое учение? Ты знаешь, что он в каждом письме поручает мне всеми силами поддерживать истинное вероисповедание? [3] Что он не хочет приобрести спокойствие и согласие на счет религии? Разве в провинциях у него нет шпионов, которых мы совсем не знаем и которые разыскивают, кто именно склоняется к новым мнениям? Не изумлял ли он нас часто, открывая нам внезапно, что люди, к нам близкие, тайно приставали к ереси? Не приказывал ли он мне быть строгою, непреклонною? А я буду употреблять меры кротости? Я буду советовать ему терпеть, миловать? Не лучший ли это способ лишиться его доверенности?

Махиавель

Я очень знаю, король приказывает, король сообщает вам свои намерения. Вы должны восстановить мир и тишину такими средствами, которые еще более ожесточат умы и зажгут неизбежно войну повсеместную. Подумайте о том, что вы делаете. Купечество заражено; дворянство, народ, солдаты — также. К чему упорствовать в своих мыслях, когда все вокруг нас изменяется? Ах! если б добрый гений шепнул Филиппу, что королю приличнее управлять подданными двух различных вероисповеданий, нежели одну половину царства истреблять другою!

Правительница

Вперед чтоб я этого не слыхала! Я знаю, что политика редко согласуется с правилами веры и честности, что она изгоняет из сердца откровенность, добродушие и кротость. Дела светские, к несчастию, слишком ясно доказывают эту истину. Но неужели мы должны играть богом, как играем друг другом? Неужели мы должны быть равнодушны к истинному учению предков, за которое столь многие жертвовали жизнию? И это учение променяем мы на чужие, неверные нововведения, которые сами себе противоречат?

Махиавель

По этим словам не сомневайтесь в моих правилах.

Правительница

Я знаю тебя, знаю твою верность, и знаю, что человек может быть и честен и благоразумен, забывая иногда ближайшую дорогу ко спасению души своей. Не ты один, Махиавель; есть еще и другие, которых я должна любить и порицать.

Махиавель

На кого намекаете вы мне?

Правительница

Признаюсь тебе, Эгмонт чрезвычайно огорчил меня сегодня.

Махиавель

Чем же?

Правительница

Чем? Обыкновенно чем: своей холодностью, своим легкомыслием. Я получила ужасное известие в то са-

мое время, как выходила из церкви, сопровождаемая многими и в том числе Эгмонтом. Я не могла владеть своей печалию, не могла скрыть ее и громко сказала, обращаясь к нему: вот что происходит в вашей провинции! и вы это терпите, граф! вы, на которого король полагал всю свою надежду?

Махиавель

И что же отвечал он?

Правительница

Он отвечал мне, как будто бы я говорила о безделице, о деле постороннем. Лишь бы нидерландцы не боялись за свои права,— все прочее придет само собою в порядок.

Махиавель

Быть может, в этих словах более истины, нежели приличия и благочестия. Может ли существовать доверенность, когда нидерландец видит, что дело идет более об его имуществе, нежели об истинном его благе — о спасении души его? Все эти новые епископы спасли ли столько душ, сколько ограбили жителей? Не все ли почти они иноземцы? По сих пор места штатгальтерские [4] заняты еще нидерландцами, но не ясно ли видно, что ненасытные испанцы алкают завладеть сими местами? Не лучше ли народу видеть в правителе своего же соотечественника, верного родным обычаям, или иноземца, который наперед старается разбогатеть на счет других, все меряет своим чужестранным аршином и господствует без приязни, без участия к своим подданным?

Правительница

Ты стоишь за наших противников.

Махиавель

Нет! по сердцу, конечно, не за них. Я бы желал, чтоб и рассудок был совершенно за нас.

Правительница

Если так, то мне бы должно уступить им правление. Эгмонт и Оранский очень тешились надеждою занять мое место. Тогда были они противники; теперь они заодно против меня; они стали друзья, друзья неразрывные.

Махиавель

И друзья опасные.

Правительница

Сказать тебе откровенно? Я боюсь Оранского и боюсь за Эгмонта. Недоброе замышляет Оранский; мысли его всегда устремлены вдаль; он скрытен, на все, кажется, согласен, никогда не противоречит и с видом глубокой почтительности, с величайшей осторожностью всегда делает все, что хочет.

Махиавель

Эгмонт, напротив, действует свободно, как будто бы весь мир ему принадлежит.

Правительница

Он так высоко носит голову, как будто бы не висела над ним рука царская.

Махиавель

Внимание всего народа обращено на него; он покорил себе сердца всех.

Правительница

Никогда не боялся он навлечь на себя подозрение, как будто уже некому требовать от него отчета. До сих пор носит он имя Эгмонта; ему приятно называться Эгмонтом, как будто не хочет забыть, что предки его были владетелями Гельдерна[5]. Зачем не называется он принцем Гаврским, как ему следует? Зачем это? Или он хочет восстановить права забытые?

Махиавель

Я считаю его верным слугою короля.

Правительница

О! если б он только хотел, как легко мог бы он заслужить благодарность правительства, вместо того, чтобы так часто огорчать нас до крайности без всякой собственной пользы. Его сборища, его пиры и празднества связали, сроднили дворян между собою теснее, нежели опаснейшие тайные общества. Вино, которое лилось у него за здравие, надолго вскружило головы гостям, и пары его никогда не рассеются. Как часто своими шутками приводил он в движение умы народа, и мало ли удивлялась толпа новым его ливреям и нелепым одеждам его прислужников?[6]

Махиавель

Я уверен, что все это было без намерения.

Правительница

Это-то и несчастно. Опять повторяю: он нам вредит, а себе пользы не приносит. Он дела важные почитает шутками, а мы, чтоб не казаться праздными и слабыми, мы должны самые шутки считать делами важными. Таким образом, одно возбуждает другое, и то, что стараешься отвратить, то именно делается неизбежным. Он опаснее, нежели иной решительный глава заговора. И я почти уверена, что при дворе уже во всем его подозревали. Признаюсь откровенно: мало проходит времени, чтоб он меня не огорчал, не огорчал до крайности.

Махиавель

Мне кажется, он во всем действует по своей совести.

Правительница

Совесть его все показывает ему в зеркале обманчивом. Поведение его часто обидно. Он часто ведет себя как человек, который совершенно уверен в превосходстве своей силы, и только из снисхождения не дает нам ее чувствовать, не хочет прямо выгнать нас из государства, и потому старается все сладить мирным образом.

Махиавель

Нет! его искренность, его счастливый характер, который легко судит о самых важных делах, не так опасны, как вы воображаете. Вы этим только вредите и ему и себе.

Правительница

Я ничего не воображаю. Говорю только о следствиях неизбежных, и знаю его. Звание нидерландского дво-

рянина, орден Золотого Руна[7] на груди: вот что усиливает его самоуверенность, его смелость. Оба сии преимущества могут служить ему защитою против прихоти и гнева царя. Разбери внимательно: не он ли один виновник всех несчастий, которые теперь постигли Фландрию? Он с самого начала не преследовал лжеучителей, не обращал на них внимания; он, быть может, тайно и радовался, что нам готовятся новые заботы. Постой, постой: все, что лежит на сердце, все выпью я наружу при этом случае. Не даром пущу я стрелу; я знаю его слабую сторону, и он умеет чувствовать.

Махиавель

Созвали ли вы совет? Будет ли и Оранский?

Правительница

Я послала за ним в Антверпен. Сложу, сложу на их плеча все бремя отчета; пусть они вместе со мною деятельно воспротивятся злу или также подымут знамя возмущения. Иди, доконча скорее письма, и я подпишу их; тогда ты немедля отправишь Васку в Мадрид; Васка на деле доказал свою неутомимость, свою преданность. Пусть брат мой через него получит фландрские известия, прежде нежели они дойдут до него молвою. Я сама хочу видеть его до его отъезда.

Махиавель

Ваши приказания будут исполнены скоро и точно.

МЕЩАНСКИЙ ДОМ

Клара, мать ее, Бракенбург.

Клара

Что же, Бракенбург? ты не хочешь подержать мне моток?

Бракенбург

Пожалуйста, избавь меня от этого, милая Клара.

Клара

Что с ним опять сделалось? За что отказывать мне в маленькой услуге, когда прошу тебя из дружбы?

Бракенбург

Я как вкопанный должен стоять перед тобой с нитками так, что от взглядов твоих нет спасения.

Клара

Экой бред! держи, держи.

Мать

(сидя в креслах и продолжая вязать чулок.)

Спойте же что-нибудь. Бракенбург так мило подпевает. Бывало, вы всегда так веселы, и мне всегда есть чему посмеяться.

Бракенбург

Бывало.

Клара

Ну, давай петь.

Бракенбург

Что хочешь?

Клара

Но только живее. Споем солдатскую песенку, мою любимую.

(Она мотает нитки и поет вместе с Бракенбургом.)

Стучат барабаны!
Свисток заиграл!
С дружиною бранной
Мой друг поскакал.
Он скачет, качает
Большое копье —
С ним сердце мое!
О, что я не воин!
Что нет у меня
Копья и коня!

За ним бы помчалась
В далеки края,
И с ним бы сражалась
Без трепета я!
Враги пошатнулись —
За ними вослед:
Пощады им нет!
О смелый мужчина!
Кто равен тебе
В счастливой судьбе?

(Бракенбург в продолжение песни несколько раз взглядывал на Клару. Наконец, голос его задрожал, глаза залились слезами; он роняет моток и подходит к окошку. Клара одна допевает песню. Мать с досадою делает ей знак; она встает, приближается на несколько шагов к Бракенбургу, но возвращается в нерешимости и садится.)

Мать

Что там за шум на улице, Бракенбург? Мне слышится, будто идут войска.

Бракенбург

Лейб-гвардия правительницы.

Клара

В эту пору! Что это значит? Нет! это не вседневное число солдат; тут их гораздо больше! Почти все полки. Ах, Бракенбург! поди послушай, что там делается. Верно, что-нибудь необыкновенное. Поди, мой милый; поди, пожалуйста.

Бракенбург

Иду и тотчас ворочусь.

(Уходя, протягивает ей руку,
она подает ему свою.)

Мать

Ты опять его отсылаешь?

Клара

Я любопытна. И притом, признаюсь вам, меня мучит его присутствие. Я не знаю, как с ним обращаться. Я перед ним виновата, и мне больно видеть, что он это так живо чувствует. А мне что делать? Как беде помочь?

Мать

Он такой верный малой.

Клара

Я также не могу отвыкнуть дружески встречать его. Рука моя сама собою сжимается, когда он тихо кладет в нее свою руку. Я сама браню себя за то, что его обманываю, что питаю в сердце его надежду напрасную. Мученье мне, мученье. Клянусь богом, я его не обманываю, я не хочу, чтоб он надеялся, и не могу, однако ж, видеть его в отчаянии.

Мать

Нехорошо, нехорошо.

Клара

Я любила его и по сих пор желаю ему добра от всей души. Я бы согласилась выйти за него замуж, а кажется, никогда влюблена в него не была.

Мать

Ты могла бы с ним быть счастлива.

Клара

То есть, без забот могла бы жить покойно.

Мать

И все это прогуляла ты по своей собственной вине.

Клара

Я нахожусь в странном положении. Когда мне придет в голову спросить себя, как все это сделалось; я хоть и знаю, да не понимаю, а взгляну только на Эгмонта — и все становится мне понятным; ох! при нем для меня и не это одно понятно. Что за человек!

он бог в глазах всех провинций; а мне в объятиях его не считаться счастливейшим созданием в мире!

Мать

Что-то готовит будущее?

Клара

Ах! у меня только одна забота: любит ли он меня. А мне ли это спрашивать?

Мать

От детей только и наживешь, что хлопот, да горе. Чем-то это кончится? Все тоска, да тоска. Нет! не добром это кончится! Ты и себя и меня сделала несчастною.

Клара

(хладнокровно.)

Сначала вы сами позволяли.

Мать

К несчастию, я была слишком добра, я всегда слишком добра.

Клара

Когда, бывало, Эгмонт едет мимо нас, а я побегу к окну, бранили ли вы меня? Не подходили ли сами к окну? И когда он смотрел на нас, улыбался, махал мне рукою и кланялся, гневались ли вы? Не сами ли радовались, что дочка дожила до такой чести?

Мать

Упрекай еще, мне кстати.

Клара (с чувством.)

Когда он стал чаще проезжать нашей улицей, и мы очень чувствовали, что он это делал для меня, не сами ли вы это заметили с тайной радостью? Вы не запрещали мне стоять у окна и поджидать его.

Мать

Могла ли я думать, что шалость завлечет тебя так далеко?

Клара

(дрожащим голосом, но удерживая слезы.)

А помните, вечерком, как он вдруг явился весь закутан в епанче и застал нас за столом у ночника: кто принял его, когда я сидела без памяти и как бы прикованная к стулу?

Мать

Могла ли я бояться, что умная моя Клара так скоро предастся этой несчастной любви? Теперь должно терпеть, чтобы дочь моя...

Клара

(заливаясь слезами.)

Матушка! вы хотите терзать меня! вы радуетесь моему мучению.

Мать

(плачет.)

Плачь еще, плачь! Огорчай меня еще более своим отчаяньем! И так уж мне тоски довольно. И так довольно прискорбно видеть, что дочь моя, дочь единственная, всеми отвержена.

Клара

(вставая и холодно.)

Отвержена! любовница Эгмонтова отвержена! Какая женщина не позавидует участи бедной Клары! Ах, матушка, любезная матушка! вы никогда так не говорили. Успокойтесь, матушка, примиритесь со мною... Что говорит народ? Что шепчут соседки?.. Нет! эта комнатка, этот домик — они стали раем с тех пор, как обитает в них любовь Эгмонтова.

Мать

Его нельзя не любить. Это правда. Он всегда так приветлив, так открыт и свободен.

Клара

В его жилах нет ни капли нечистой крови. Подумайте сами, матушка. Эгмонт велик и славен; а когда ко мне придет — он так мил, так добросердечен. Он всем бы мне пожертвовал — и чином своим и храбростию. Он мною так занят! Он тут просто человек, просто друг, ах! просто любовник.

Мать

Сегодня будет ли он?

Клара

Разве вы не заметили, как я часто подбегаю к окошку? Как вслушиваюсь, когда что-нибудь зашумит за дверью? Хотя и знаю я, что он до ночи не приходит, однако ж, всякую минуту жду его с самого утра,— как только встану. Зачем я не мальчик? Я всегда бы с ним ходила — и при дворе и везде! И в сражении я понесла бы за ним знамя.

Мать

Ты всегда была вертушкой. Бывало, еще ребенком, то резва без памяти, то задумчива. Неужели ты не оденешься немного получше?

Клара

Может статься, матушка. Если мне будет скучно, то оденусь. Вчера — подумайте — прошло несколько из его солдатов: они пели ему похвальные песни. По крайней мере, они в песнях поминали его имя; прочего я не поняла. Сердце у меня так и рвалось из груди; и если бы не стыд остановил, я бы охотно их воротила.

Мать

Смотри, остерегайся. Твое пламенное сердце тебя погубит. Ты явно изобличаешь себя перед честными людьми. Как намедни у дяди — увидела картинку с описанием и вдруг закричала: «Граф Эгмонт!» Я вся покраснела.

Клара

Как мне не вскрикнуть! Это было Гравелингенское сражение[8]! Вверху на картинке вижу букву *C*; ищу *C* в описании, и что же? там написано: «Граф Эгмонт, под которым убита лошадь». Я обмерла, но потом невольно рассмеялась, как увидела напечатанного Эгмонта, который ростом с башню Гравелингенскую и не меньше английских кораблей, представленных в стороне. Когда я вспоминаю, как, бывало, я представляла себе сражение и как воображала себе графа Эгмонта в то время, как вы рассказывали о нем и прочих графах и князьях; когда вспомню и сравню эти картины с нынешними своими чувствами...

(Бракенбург входит.)

Клара

Что нового?

Бракенбург

Никто ничего не знает верного. Говорят, что во Фландрии было недавно возмущение, и что правительница должна смотреть, как бы и здесь оно не распространилось. Замок окружен войсками; у ворот толпятся граждане; улицы кипят народом. Поспешу к старику своему, к отцу.

(Будто хочет идти.)

Клара

Завтра увидим тебя? Я хочу немного лучше одеться. К нам будет дядя, а я так неопрятна. Матушка, помогите мне на минуту. Возьми с собою книгу, Бракенбург, и принеси мне еще такую же повесть.

Мать

Прощай.

Бракенбург

(подавая руку Кларе.)

Ручку.

Клара

(отказываясь.)

Когда воротишься.

(Мать уходит с дочерью.)

Бракенбург

(один.)

Решился тотчас же идти; но она на это согласна, она равнодушно отпускает, и я готов взбеситься. Не-

счастный! И тебя не трогает судьба отечества! Ты хладнокровно видишь возрастающий мятеж! Для тебя все равно, что испанец, что земляк, что власть, что право? Таков ли я был мальчиком в училище? Когда нам задали написать «речь Брута о свободе, для упражнения в красноречии», кто был первый, как не Фриц! и что же сказал ректор? — «Если бы только больше было порядка, да не так все перемешано». Тогда сердце кипело и рвалось. Теперь волочусь за этой девушкой, как будто прикован к глазам ее. И не могу ее оставить. И не может она любить меня. Ах! нет! и не совсем она меня разлюбила! Как, не совсем? Нисколько, нисколько не разлюбила! Она все та же... И все пустое. Долее не стерплю, не могу терпеть. Или поверить тому, что шепнул мне на днях приятель? — что она ночью впускает к себе мужчину, она, которая всегда выгоняет меня из дому, как только начнет смеркаться. Нет! это ложь, ложь постыдная, проклятая. Клара моя так же невинна, как я несчастлив. Она разлюбила меня; для меня нет места в ее сердце. И мне влачить такую жизнь! Я сказал, не стану, не могу терпеть долее. Отечество мое беспрерывно раздирают междоусобные войны, а я... буду смотреть, как полумертвый, на эти раздоры? Нет, я не стерплю. Когда зазвучит труба, когда раздастся выстрел, по мне пробежит холодная дрожь. И меня не тянет лететь своим на помощь, заодно с ними броситься в опасности! Несчастное, позорное состояние! Лучше умереть разом! Давно ли бросился я в воду? пошел ко дну, и что же? природа со своим страхом одержала верх, я чувствовал, что могу плыть, и спасся нехотя. Если бы мог я хоть забыть то время, в которое она меня любила, или тешила любовью! Зачем это счастие взрезалось

в сердце, врезалось в память? Зачем эти надежды, указывая на отдаленный рай, отравили для меня все наслаждения жизни? А первый поцелуй? Ах! первый и последний! Здесь... (*положив руку на стол*) здесь сидели мы одни. Она всегда была ко мне ласкова. Тут показалось, что она была нежнее обыкновенного. Взглянула на меня — все около меня закружилось, и я чувствовал, что губы ее горели на моих. А теперь... теперь? Умри, несчастный! к чему страх и сомненья? (*Вынимает из кармана склянку.*) Недаром я украл тебя из ящика брата, доктора, яд спасительный! Ты все рассеешь: и боязнь, и сомнение, и мучительное предчувствие смерти.

ДОПОЛНЕНИЯ

СТИХОТВОРЕНИЯ

* * *

В чалме, с свинцовкой за спиной
Шагал султан в степи глухой.
Наморщив лоб, поджавши руки,
Он на лисиц свистал от скуки;
В беспечной памяти, как тень,
Мелькал его вчерашний день.
Вдруг он ⟨нрзб.⟩ повернулся,
На ⟨нрзб.⟩ рушенной наткнулся...
Усач толкнул ее ногой
И начал думать сам с собой:
— Бывало, замки здесь стояли,
Бывало, люди не живали,
Как мы — в ущельях да горах,
В броню не прятали ⟨?⟩ свой страх.
Вино всегда лилось в раздолье...
А нынче бродишь в чистом поле,
В ночи не спишь, добычи ждешь.
А без нее домой придешь —
Так без насущного обеда
Невольно вспомнишь сказки деда...
Так думал, думал — и опять
Усач беспечный стал свистать.

ОСВОБОЖДЕНИЕ СКАЛЬДА

(Скандинавская повесть)

Эльмор

Сложи меч тяжелый. Бессильной ли длани
Владеть сим булатом, о мирный певец!
Нам слава в боях, нам опасные брани;
Тебе — сладкозвучного пенья венец.

Эгил

Прости мне, о сын скандинавских царей!
В деснице певца сей булат не бесчестен.
Ты помни, что Рекнер был арфой известен
И храбрым пример среди бранных полей.

Эльмор

Прости, юный скальд, ты певец вдохновенный,
Но если ты хочешь, Эгил, нам вещать
О славе, лишь в битвах тобой обретенной,
То долго и долго ты будешь молчать.

Эгил

Эльмор! иль забыл, что, гордясь багряницей,
Царь скальда обидел и с ближней денницей
Прискорбная мать его, в горьких слезах,
Рыдала над хладною сына гробницей...
Так, с твердостью духа, с угрозой в устах,
Эгил отвечает,— и, быстрой стопою,
Безмолвствуя, оба, с киченьем в сердцах,
Сокрылись в дубраве под лиственной тьмою.

Час целый в безмолвии ночи густой
Гремел меч о меч среди рощи глухой.
Обрызганный кровью и весь изнуренный,
Эгил! из дубравы ты вышел один.
О храбрый Эльмор! Тебя тщетно Армин,
В чертогах семьею своей окруженный,
На пир ждет вечерний под кровлей родной.
Тебе уж из чаши не пить круговой.
Без жизни, без славы твой труп искаженный
Лежит средь дубравы на дерне сухом.
Ты в прах преклонился надменным челом.
Окрест все молчит, как немая могила,
И смерть скандинавцу за скальда отмстила.

Но утром, едва лишь меж сизых паров
Холодная в небе зарделась Аврора,
В дремучей дубраве, при лаянье псов,
Узнали кровавое тело Эльмора.
Узнавши Эльмора черты искаженны,
Незапным ударом Армин пораженный
Не плачет, но грудь раздирает рукой.
Меж тем все восстало, во граде волненье,
Все ищут убийцы, все требуют мщенья.
«Я знаю,— воскликнул Армин,— Ингисфал
Всегдашнюю злобу к Эльмору питал!
Спешите, спешите постигнуть злодея,
Стремитесь, о други, стремитесь быстрее,
Чем молньи зубчатыя блеск в небесах.
Готовьте орудья ко смерти убийцы.
Меж тем пусть врата неприступной темницы
По нем загремят на чугунных крюках».

И все устремились. Эгил на брегах

У моря скитался печальной стопою.
Как туча, из коей огнистой стрелою
Перун быстротечный блеснул в небесах,
На крылиях черных с останками бури
Плывет чуть подвижна в небесной лазури,—
Так мрачен Эгил и задумчив блуждал.
Как вдруг перед ним, окруженный толпою,
К чертогам невинный идет Ингисфал.

«Эльмор торжествует, и месть над убийцей!» —
Так в ярости целый народ повторял.
Но скальд, устремившись в толпу, восклицал:
«Народ! он невинен; моею десницей
Погиб среди боя царевич младой.
Но я не убийца, о царь скандинавян!
Твой сын дерзновенный сразился со мной,
Он пал и геройскою смертию славен».

Трепеща от гнева, Армин повелел
В темницу глубокую ввергнуть Эгила.
Невинный свободен, смерть — скальда удел.
Но скальда ни плен не страшит, ни могила,
И тихо, безмолвствуя, мощный певец
Идет среди воплей свирепого мщенья.
Идет,— как бы ждал его славный венец
Наградой его сладкозвучного пенья.

«О, горе тебе! — восклицал весь народ,—
О, горе тебе! горе, скальд величавый.
Здесь барды не будут вещать твоей славы.
Как тень, твоя память без шума пройдет,
И с жизнию имя исчезнет злодея».
И тяжко, на вереях медных кружась,

Темницы чугунная дверь заперлась,
И скрип ее слился со свистом Борея.

Итак, он один, без утехи; но нет,—
С ним арфа, в несчастьи подруга драгая.
Эгил, среди мрака темницы бряцая,
Последнею песнью Эльмора поет.
«Счастливец! ты пал среди родины милой,
Твой прах будет тлеть под землею родной,
Во гроб не сошла твоя память с тобой,
И часто над хладной твоею могилой
Придет прослезиться отец твой унылый!
И друг не забудет тебя посещать.
А я погибаю в заре моей жизни,
Вдали от родных и от милой отчизны.
Сестра молодая и нежная мать
Не придут слезами мой гроб орошать.
Прощай, моя арфа, прошли наши пенья.
И скальда младого счастливые дни —
Как быстрые волны промчались они.
И скоро, исполнен ужасного мщенья,
Неистовый варвар мой век пресечет,
И злой скандинавец свирепой рукою
Созвучные струны твои оборвет.
Греми же, греми! разлучаясь с тобою,
Да внемлю последней я песне твоей! —
Я жил и в течение жизни своей
Тобою был счастлив, тобою был славен».

Но барды, свершая обряд скандинавян,
Меж тем начинали суровый напев
И громко гремели средь дикого хора:

«Да гибнет, да гибнет убийца Эльмора!»
В их пламенных взорах неистовый гнев
И все, в круговой съединившись руками,
Эльмора нестройными пели хвалами
И, труп обступивши, ходили кругом.

Уже средь обширного поля близ леса
Огромный и дикий обломок утеса
К убийству певца утвержден алтарем.
Булатна секира лежала на нем,
И возле, ждав жертвы, стояли убийцы.
И вдруг, заскрипевши, глубокой темницы
Отверзлися двери, стремится народ.
Увы! все готово ко смерти Эгила,
Несчастному скальду отверста могила,
Но скальд без боязни ко смерти идет.
Ни вопли народа, кипящего мщеньем,
Ни грозная сталь, ни алтарь, ни костер
Певца не колеблют, лишь он с отвращеньем
Внимает, как бардов неистовый хор
Гремит, недостойным Эльмора, хваленьем.
«О царь! — восклицал вдохновенный Эгил,—
Позволь, чтоб, прощаяся с миром и пеньем,
Пред смертью я песни свои повторил
И тихо прославил на арфе согласной
Эльмора, которого в битве несчастной
Сразил я, но так, как героя сразил».
Он рек; но при имени сына Эльмора
От ярости сердце царя потряслось.
Воззрев на Эгила с свирепостью взора,
Уже произнес он... Как вдруг раздалось
Унылое, нежное арфы звучанье.

Армин при гармонии струн онемел,
Шумящей толпе он умолкнуть велел,
И целый народ стал в немом ожиданье.
Певец наклонился на дикой утес,
Взял верную арфу, подругу в печали,
И персты его по струнам заиграли,
И ветр его песню в долине разнес.

«Где храбрый юноша, который
Врагов отчизны отражал
И край отцов, родные горы
Могучей мышцей защищал?
Эльмор, никем не побежденный,
Ты пал, тебя уж боле нет.
Ты пал — как сильный волк падет,
Бессильным пастырем сраженный.

Где дни, когда к войне кровавой,
Герой, дружины ты водил,
И возвращался к Эльве с славой,
И с Эльвой счастие делил?
Ах, скоро трепетной девице
Слезами матерь возвестит,
Что верный друг ее лежит
В сырой земле, в немой гробнице.

Но сильных чтят благие боги,
И он на крыльях облаков
Пронесся в горные чертоги,
Геройских жительство духов.
А я вдоль тайнственного брега,
Ночным туманом окружен,
Всегда скитаться осужден

Под хладными волнами Лега [1*].

О скальд, какой враждебный бог
Среди отчаянного боя
Тебе невидимо помог
Сразить отважного героя
И управлял рукой твоей?
Ты победил судьбой жестокой.
Увы! от родины далеко
Могила будет твой трофей!

Уже я вижу пред собою,
Я вижу алчущую смерть,
Готову над моей главою
Ужасную косу простерть,
Уже железною рукою
Она меня во гроб влечет.
Прощай, прощай, красивый свет,
Навеки расстаюсь с тобою,

А ты, игривый ветерок,
Лети к возлюбленной отчизне,
Скажи родным, что лютый рок
Велел певцу расстаться с жизнью
Далеко от страны родной!
Но что пред смертью, погибая,
Он пел, о них воспоминая,
И к ним перелетал душой.

Уже настал мой час последний,
Приди, убийца, я готов.

[1*] Остров Лего был, по мнению каледонцев, местом пребывания всех умерших, не воспетых бардами.

Приди, рази, пусть труп мой бледный
Падет пред взорами врагов.
Пусть мак с травою ароматной
Растут могилы вкруг моей.
А ты, сын севера, над ней
Шуми прохладою приятной».

Умолкнул, но долго и сами собой
Прелестной гармонией струны звучали,
И медленно в поле исчез глас печали.
Армин, вне себя, с наклоненной главой
Безмолвен сидел средь толпы изумленной,—
Но вдруг, как от долгого сна пробужденный:
«О скальд! что за песнь? что за сладостный глас? —
Всклицал он.— Какая волшебная сила
Мне нежные чувства незапно внушила?
Он пел — и во мне гнев ужасный погас.
Он пел — и жестокое сердце потряс.
Он пел — и его сладкозвучное пенье,
Казалось, мою утоляло печаль.
О скальд... О Эльмор мой... нет. Мщение, мщенье!
Убийца! возьми смертоносную сталь...
Низвергни алтарь... пусть родные Эгила
Счастливее будут, чем горький отец.
Иди. Ты свободен, волшебный певец».
И с радостным воплем толпа повторила:
«Свободен певец!» Благодарный Эгил
Десницу Армина слезами омыл
И пред благодетелем пал умиленный.

Эгил возвратился на берег родной,
Куда с нетерпеньем, под кровлей смиренной,

Ждала его мать с молодою сестрой.
Унылый, терзаемый памятью злою,
Он проклял свой меч и сокрыл под скалою.
Когда же, задумчив, вечерней порой,
Певец любовался волнением моря,
Унылая тень молодого Эльмора
Являлась ему на туманных брегах.
Но лишь на востоке краснела Аврора,
Сей призрак, как сон, исчезал в облаках.

ЕВПРАКСИЯ

ПЕСНЬ ПЕРВАЯ

Шуми, Осетр! Твой брег украшен
Делами славной старины;
Ты роешь камни мшистых башен
И древней твердыя стены,
Обросшей давнею травою.
Но кто над светлою рекою
Разбросил груды кирпичей,
Остатки древних укреплений,
Развалины минувших дней?
Иль для грядущих поколений
Как памятник стоят оне
Воинских, громких приключений?
Так,— брань пылала в сей стране;
Но бранных нет уже: могила
Могучих с слабыми сравнила.
На поле битв — глубокий сон.
Прошло победы ликованье,
Умолкнул побежденных стон;
Одно лишь темное преданье
Вещает о делах веков
И веет вкруг немых гробов.

Взгляни, как новое светило,
Грозя пылающим хвостом,
Поля рязански озарило
Зловещим пурпурным лучом.
Небесный свод от метеора

Багровым заревом горит.
Толпа средь княжеского двора
Растет, теснится и шумит;
Младые старцев окружают
И жадно ловят их слова;
Несется разная молва,
Из них иные предвещают
Войну кровавую иль глад;
Другие даже говорят,
Что скоро, к ужасу вселенной,
Раздастся звук трубы священной
И с пламенным мечом в руках
Промчится ангел истребленья.
На лицах суеверный страх,
И с хладным трепетом смятенья
Власы поднялись на челах.

ПЕСНЬ ВТОРАЯ

Средь терема, в покое темном,
Под сводом мрачным и огромным,
Где тускло меж столбов мелькал
Светильник бледный, одинокий
И слабым светом озарял
И лики стен, и свод высокий
С изображением святых,—
Князь Федор, окружен толпою
Бояр и братьев молодых.
Но нет веселия меж них:
В борьбе с тревогою немою,
Глубокой думою томясь,
На длань склонился юный князь.
И на челе его прекрасном

Блуждали мысли, как весной
Блуждают тучи в небе ясном.
За часом длился час, другой;
Князья, бояре — все молчали,
Лишь чаши звонкие стучали
И в них шипел кипящий мед.
Но мед, сердец славянских радость,
Душа пиров и враг забот,
Для князя потерял всю сладость,
И Федор без отрады пьет.
В нем сердце к радости остыло...
Ты улетел, восторг счастливый,
И вы, прелестные мечты,
Весенней жизни красоты.
Ах, вы увяли, как средь нивы
На миг блеснувшие цветы!
Зачем, зачем тоске унылой
Младое сердце он отдал?
Давно ли он с супругой милой
Одну лишь радость в жизни знал?
Бывало, братья удалые
Сбирались шумною толпой:
Меж них младая Евпраксия
Была веселости душой,
И час вечернего досуга
В беседах дружеского круга,
Как чистый быстрый миг, летел.

. . . .

Но грозные татар полки,
Неистовой отваги полны,
Уже вдоль быстрыя реки
Как шумные несутся волны.
С угрозой дикой на устах

Они готовы в бой кровавый.
Мечи с серебряной оправой
Сверкают в крепких их руках.
Богато убраны их кони...
Не медь и не стальные брони
От копий груди их хранят,
Но тонкие драгие ткани —
Добыча азиатской брани —
На персях хищников блестят.
Батый, их вождь, с булатом в длани
Пред ними на младом коне.
Колчан с пернатыми стрелами
Повешен на его спине,
И шаль богатыми узлами
Играет над его главой.
Взлелеянный среди разбоя,
Но пышной роскоши рукой,
Он друг войны и друг покоя:
В дни праздности, в шуму пиров
Он любит неги наслажденья
И в час веселый упоенья
Охотно празднует любовь;
Но страшен он в жару сраженья,
Когда с улыбкой на устах,
С кинжалом гибельным в зубах,
Как вихрь он на врагов стремится
И в пене конь под ним дымится.

. . . .

Но между тем как над рекой
Батый готовит войско в бой,
Уже под градскими стенами

Дружины храбрые славян
Стояли стройными рядами.
Священный крест — знак христиан —
Был водружен перед полками.
Уже служитель алтарей
Отпел утешную молитву
И рать благословил на битву.
Двенадцать опытных вождей,
Давно покрытых сединами,
Но сильных в старости своей,
Стоят с готовыми мечами.
За ними юный ряд князей,
Опора веры и свободы.
Здесь зрелся молодой Роман,
Надежда лестная славян,
Достойный сана воеводы.
В блестящем цвете юных лет
Он в княжеский вступал совет
И часто мудростью своею
Рязанских старцев удивлял.
Давно испытанный бронею,
Он в многих битвах уж бывал
И половцев с дружиной верной
Не раз на поле поражал.
Но, вождь для воинов примерный,
Князей он негу презирал.
Ему забавы — бранны бури,
И твердый щит — его ночлег.
Вблизи Романа видны Юрий,
Мстислав, Борис и ты, Олег!
Зачем сей юноша красивый,
Дитя по сердцу и летам,
Оставил кров, где он, счастливый,

Ходил беспечно по цветам
Весны безбурной и игривой?
Но он с булатом в юной длани
Летит отчизну защищать
И в первый раз на поле брани
Любовь к свободе показать.

. . . .
Везде лишь вопли пораженных,
И звон щитов, и блеск мечей...
Ни младости безгрешных дней,
Ни старости седин почтенных
Булат жестокий не щадит...
И вдруг раздался стук копыт.
Отряды конницы славянской
Во весь опор стремятся в бой,
Но первый скачет князь рязанский
Роман, за ним Олег младой
И Евпатий, боярин старый
С седою длинной бородой.
Ударам вслед гремят удары.
Всех пылче юноша Олег —
То с левой стороны, то с правой
Блестит его булат кровавый...
Ужасен сих бойцов набег!
Они летят, татары смяты
И, хладным ужасом объяты,
Бегут, рассеясь по полям.
Напрасно храбрый сын Батыя,
Нагай, противится врагам
И всадников ряды густые
Один стремится удержать.

Толпой бегущих увлеченный,
Он сам невольно мчится вспять...
Так челн средь бури разъяренной
Мгновенно борется с грозой,
Мгновенно ветры презирает,
Но вдруг, сраженный быстротой,
Волнам сердитым уступает.

‹ . . . . ›
Вдали, там, где в тени густой,
Во мгле таинственной дубравы
Осетр поток скрывает свой,
Ты зришь ли холм сей величавый,
Который на краю долин,
Как одинокий исполин,
Возносится главой высокой?
Сей холм был долго знаменит.
Преданье старое гласит,
Что в мраке старины глубокой
Он был Перуну посвящен,
Что всякий раз, как злак рождался
И дол соседний улыбался,
В одежде новой облечен,
И в лесе зеленелись ветки,
Стекалися со всех сторон
Сюда с дарами наши предки.
Есть даже слух, что здесь славяне
По возвращеньи с лютых браней
На алтарях своих богов
Ударами их верной стали
Несчастных пленных лили кровь
Иль пламени их предавали

И в хладнокровной тишине
На их терзания взирали.
И если верить старине,
Едва ж с костров волною черной
Взносился дым к лазури горной,—
Вдруг гром в бестучных небесах
При блике молний раздавался,
Осетр ревел в своих брегах
И лес со треском колебался...

СТИХИ ИЗ ВОДЕВИЛЯ

1

Нет, тщетны, тщетны представленья:
Любви нет сил мне победить;
И сердце без сопротивленья
Велит ее одну любить.

2

Она мила, о том ни слова.
Но что вся прелесть красоты?
Она мгновенна, как цветы,
Но раз увянув, ах, не расцветает снова.

3

Бывало, в старые года,
Когда нас азбуке учили,
Нам говорили завсегда,
Чтоб мы зады свои твердили.
Теперь все иначе идет,
И, видно, азбука другая,
Все знают свой урок вперед,
Зады нарочно забывая.

4

В наш век веселие кумиром общим стало,
Все для веселия живут,
Ему покорно дань несут
И в жизни новичок, и жизнию усталый,

И, словом, резвый бог затей
Над всеми царствует умами.
Так, не браните ж нас, детей,—
Ах, господа, судите сами:
Когда вскружился белый свет
И даже старикам уж нет
Спасенья от такой заразы,
Грешно ли нам,
Не старикам,
Любить затеи и проказы.

5

Барсов — известный дворянин,
Живет он барином столицы:
Открытый дом, балы, певицы,
И залы, полные картин.
Но что ж? Лишь солнышко проглянет,
Лишь только он с постели встанет,
Как в зале, с счетами долгов,
Заимодавцев рой толпится.
Считать не любит наш Барсов,
Так позже он освободится:
Он на обед их позовет
И угостит на их же счет.

ЧЕТВЕРОСТИШИЕ ИЗ ВОДЕВИЛЯ «НЕОЖИДАННЫЙ ПРАЗДНИК»

Oui, oui, je fus épris de toi, charmante Laure
Et, comme en un ciel pur un brillant météore,
Tu guidas mon esprit au gré de ton désir
Des forêts du Brésil aux champs de Kaschemyr *.

---

* Да, да, я пленился тобой, прекрасная Лаура,
И, как в чистом небе сверкающий метеор,
Ты вела мой ум по своему желанию
От лесов Бразилии до полей Кашемира.

В изд. 1940 г., где впервые опубликован текст водевиля, дан стихотворный перевод Т. В. Розановой:

Да, да, Лаура, милая, я был тобой пленен.
Как яркий метеор скользит за небосклон,
Так ты вела мой дух по всем дорогам мира —
От чащ Бразилии к долинам Кашемира.

ИМПРОВИЗАЦИЯ

Недаром шампанское пеной играет,
Недаром кипит чрез края:
Оно наслажденье нам в душу вливает
И сердце нам греет, друзья!

Оно мне внушило предчувствье святое!
Так! счастье нам всем суждено:
Мне — пеною выкипеть в праведном бое,
А вам — для свободы созреть, как вино!

НОВГОРОД

(Посвящено к⟨няжне⟩ А. И. Т⟨рубецкой⟩)

«Валяй, ямщик, да говори,
Далеко ль Новград?» — «Не далеко,
Версты четыре или три.
Вон видишь что-то там высоко,
Как черный лес издалека...»
«Ну, вижу; это облака».
«Нет! Это Новградские кровли».
Ты ль предо мной, о древний град!
Отчизна славы и торговли!
Как живо сердцу говорят
Холмы разбросанных обломков!
Не смолкли в них твои дела,
И слава предков перешла
В уста правдивые потомков.
«Ну, тройка! духом донесла!»
«Потише. Где собор Софийской?»
«Собор отсюда, барин, близко.
Вот улица, да влево две,
А там найдешь уж сам собою,
И крест на золотой главе
Уж будет прямо пред тобою».
Везде былого свежий след!
Века прошли... но их полет
Промчался здесь, не разрушая.
«Ямщик! Где площадь вечевая?»
«Прозванья этого здесь нет...»
«Как нет?» — «А, площадь? Недалеко:
За этой улицей широкой.

Вот площадь. Видишь шесть столбов?
По сказкам наших стариков,
На сих столбах висел когда-то
Огромный колокол, но он
Давно отсюда увезен».
«Молчи, мой друг; здесь место свято:
Здесь воздух чище и вольней!
Потише!.. Нет, ступай скорей:
Чего ищу я здесь, безумной?
Где Волхов?» — «Вот перед тобой
Течет под этою горой...»
Все так же он волною шумной,
Играя, весело бежит!..
Он о минувшем не грустит.
Так все здесь близко, как и прежде...
Теперь ты сам ответствуй мне,
О Новград! В вековой одежде
Ты предо мной как в седине,
Бессмертных витязей ровесник.
Твой прах гласит, как бдящий вестник,
О непробудной старине.
Где времена цветущей славы,
Когда твой голос, бич врагов,
Звуча здесь медью в бурном вече,
К суду или к кровавой сече,
Как глас отца сзывал сынов?
Когда твой меч, гроза соседа,
Карал и рыцарей и шведа,
И эта гордая волна
Носила дань войны жестокой?
Скажи, где эти времена?
Они далеко, ах, далеко!

КИНЖАЛ

Оставь меня, забудь меня!
Тебя одну любил я в мире,
Но я любил тебя, как друг,
Как любят звездочку в эфире,
Как любят светлый идеал
Иль ясный сон воображенья.
Я много в жизни распознал,
В одной любви не знал мученья,
И я хочу сойти во гроб,
Как очарованный невежда.

Оставь меня, забудь меня!
Взгляни — вот где моя надежда;
Взгляни — но что вздрогнула ты?
Нет, не дрожи: смерть не ужасна;
Ах, не шепчи ты мне про ад:
Верь, ад на свете, друг прекрасной!
Где жизни нет, там муки нет.
Дай поцелуй в залог прощанья...
Зачем дрожат твои лобзанья?
Зачем в слезах горит твой взор?

Оставь меня, люби другого!
Забудь меня, я скоро сам
Забуду скорбь житья земного.

К ЛЮБИТЕЛЮ МУЗЫКИ

Молю тебя, не мучь меня:
Твой шум, твои рукоплесканья,
Язык притворного огня,
Бессмысленные восклицанья
Противны, ненавистны мне.
Поверь, привычки раб холодный,
Не так, не так восторг свободный
Горит в сердечной глубине.
Когда б ты знал, что̀ эти звуки,
Когда бы тайный их язык
Ты чувством пламенным проник,—
Поверь, уста твои и руки
Сковались бы, как в час святой,
Благоговейной тишиной.
Тогда душа твоя, немея,
Вполне бы радость поняла,
Тогда б она живей, вольнее
Родную душу обняла.
Тогда б мятежные волненья
И бури тяжкие страстей —
Все бы утихло, смолкло в ней
Перед святыней наслажденья.
Тогда б ты не желал блеснуть
Личиной страсти принужденной,
Но ты б в углу, уединенный,
Таил вселюбящую грудь.
Тебе бы люди были братья,
Ты б тайно слезы проливал
И к ним горячие объятья,
Как друг вселенной, простирал.

ПРОЗА

ЧТО НАПИСАНО ПЕРОМ, ТОГО НЕ ВЫРУБИТЬ ТОПОРОМ

1-й эпиграф

21 апреля в понедельник после обеда, накануне дня [1], назначенного торжественным нашим обещанием для дружеской искренней беседы, залогом коей должно оставаться какое-нибудь произведение недели [2], следствие той мысли, которая нас занимала или того чувства, которому мы предавались, я задумал об исполнении сего обещания, думал, думал и, признаюсь, что оно мне показалось несколько странным, несмотря на твердое решение мое его свято соблюдать. Это чувство не ускользнуло от меня, я постарался углубиться в него, вникнуть в причины, возбудившие в нас такой незапный жар, такое неистовое желание видеть и рассматривать на бумаге, как мы глядим в глаза друг другу, взаимные наши мысли, желания, стремления, надежды, боязни и все, что произведут юная горячность жизни и бурные порывы деятельности. Отчего, спросил я довольно наивно, зародилась в нас мысль непременно клеймить еженедельно наши беседы каким-нибудь неизгладимым штемпелем и тогда только верить друг другу, когда мы взаимно поверим себя на бумаге. Мысли только выпросились из головы моей, чтобы отвечать на сей вопрос, и тут постарался я их изложить в том порядке и с тою ясностью, которую позволят мне и собственное волнение и, может быть, обширность сего предмета.

Два друга сошлись мнениями, чувствами, сговорились, поняли друг друга и, несмотря на то, в их разговорах не было еще совершенной искренности, недоставало еще того коренного слова, которое выражает самую личность и должно быть печатью каждого мыслящего и чувствующего человека. Отчего? Неужели недоверчивость может остановить самые чистые порывы непринужденного восторга? Или слово сие столь ужасно обнимает всю жизнь нашу, что мы его пугаемся и не хотим его выразить? Или мы не владеем сим могущим словом? Грустно останавливаться на последнем вопросе и тягостно искать удовлетворительного ответа. Грустно сознаваться, что мы не знаем, не чувствуем самих себя, своей цели, своих средств и возможностей, что мы блуждаем и тешим себя одною игрою жизни, а не обхватили еще его древа и не покушались сорвать его истого плода.

Каждый человек есть необходимое звено в цепи человечества. Судьба бросила его на свет с тем, чтобы он, подвигаясь сам вперед, также содействовал ходу всего человеческого рода и был полезным органом сего всемирного тела. Человек рожден не для самого себя, а для человечества, цель его — польза человечества, круг его действий — собственно им порожденные отношения, отношения семейственные, отношения к известному кругу общества, к сословию, отношения к народу, к государству, к целой системе многих государств, и, наконец, несбыточное по сие время явление, существовавшее только в отвлеченности, чистый космополитизм. Средства, данные человеку для достижения цели его предназначения, столь же многочисленны, сколь многоразличны все отрасли наук, искусств и ремесел. Из этого можно заключить обязанность каж-

дого человека по мере сил своих и своих способностей содействовать благу общему в том круге, который ему предназначен судьбою,— обязанность каждого мыслящего гражданина определенно действовать для пользы народа, которому он принадлежит. К несчастию, эгоизм слишком часто заглушает в человеке это чувство общности, и человек, расширяя круг своей деятельности по необоримому природному влечению, радуется тому влиянию, которое он приобретал и в упоении своем терял из виду или забывал закон своих действий и те условия, в силу коих он пользуется высокими правами человечества.

Теперь обратим мысли к самим себе, то есть вообще к нам, русским молодым людям, получившим европейскую образованность, опередившим, так сказать, свой народ и, по-видимому, стоящим мыслями наравне с веком и просвещенным миром. Сделаем себе наперед искренний вопрос: полезны ли мы? Без сомнения, для нашего народа, для России мы так же полезны, как всякое вещество безусловно и без своего ведома полезно для мира органического. Но приносим ли мы в жертву нашему отечеству тот плод, который, по-видимому, обещает ему наша образованность, наши нравственные способности, который оно вправе ожидать от нас. Нет, решительно нет, и причиною тому наше воспитание, которое в основании своем недостаточно.

Отчего же? Мы любим Россию, имя отечества воспламеняет нас. Мы готовы для него жертвовать своим существованием и не устрашились бы для блага его пролить последнюю каплю крови. Но именно этот самый энтузиазм, благородный в начале своем, часто не позволяет нам холодно измерять недостатки нашего отечества и средства к их улучшению, а сверх того

мы сами, может быть, не способны к определенному действию для существенной пользы России. С тех пор как ум наш стал развиваться собственными силами, с тех пор питался он одними результатами, которые он принимал как истины, но до разрешения которых в других краях доходили в продолжении столетий. Таким образом, мы, по-видимому, сравнялись с остальною Европою; но какая же разница между человеком, собственными трудами и постепенно доходящим до одной истины, которую он отыскивал как жемчужину в море человеческих знаний, и другим, который принимает эту истину как свежую мысль, для которого сия истина пленительна единственно красотою своею, обликом? Скажу более: нам вредит даже всеобщность наших познаний. Мы, играя, перебираем все, что в Европе занимает различные отрасли наук. Сегодня привлекает нас один предмет, завтра другой, и сие непостоянство занятий не позволяет нам предаться одному какому-нибудь путеводительному изучению, которое бы нам дало верные средства к известной цели. Можем ли мы назвать хотя одну науку, одно полезное искусство, которое бы у нас в России соделалось отечественным? А несмотря на то, просвещение почти наравне с остальными государствами в Европе льет щедро дары свои на Россию, и нет открытия, которое бы в непродолжительное время нам не сделалось известным.

Какое же выведу заключение из всего вышесказанного? Конечно, много, много есть причин, вне нас лежащих, которые так же приостанавливают наше полное развитие. Постараемся собственными силами, собственным решением уничтожить сии причины. Постараемся по возможности избрать одну цель занятий,

одно постоянное стремление в науках, одну методу действования, и тогда мы можем уповать, что труды наши, в каком бы роде они ни были, не будут бесполезны. Мы поясним тогда себе все то, что теперь неясно волнует нашу душу; мы положим тогда на алтарь отечества жертву [3], достойную его.

О МАТЕМАТИЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ

(Ответ И. И. Вагнера [1] г-ну Б. Х. Блише)

Вагнер, защищая свои понятия об общей математике, выбирает пример из анатомии, развитый Океном в его философии [2], и, подчинив законы сего анатомического явления следующей геометрической теореме: что «две параллельные линии, пересекаемые третьею линиею, составляют с сею последнею равные углы», доказывает, что сия идея есть общая и может найти применения во всех науках и искусствах.

«Из сего примера,— говорит он,— ясно видно, что математическое выражение всякой идеи есть самое чистое и самое общее, что математика, рассматриваемая с такой точки зрения, действительно есть язык идей, язык ума. Так же ясно, что в таком выражении идей заключается и органическая форма вселенной, или закон мира, и что кроме сего закона мира, не может существовать другой науки, как те, которые, переходя в область частного, развивают изобретение сего общего закона мира в различных случаях; следственно, математика есть единственная общая наука,

единственная философия, и все прочие науки суть только применения сей единственной *чистой науки*, применения в области духовного или физического» [1*].

[1*] Математика есть наука полная, заключающая в себе самой свою цель и свое начало, она есть даже орган всех наук; но можно ли сказать, что она наука наук, закон мира? Мне кажется, что сие заключение выведено несправедливо. Постараемся объяснить себе общее понятие о законе мира и определить сферу математики, как науки. Шеллинг в начале своего «Идеалиста» ясно доказал условия всякого познания: итак, познание мира должно разделяться на два понятия: на идею мира (абсолют) и на развитие сей идеи [3]: если же математика есть высшая наука, то не должна ли она существенно разделяться на две части: на науку абсолютной идеи (абсолютного нуля) и на науку проявления сего нуля? Но математика никак не может удовлетворить сему требованию. В обеих частях своих она является наукою мира конечного: в арифметике представляет бесконечное — *нулъ* в форме *развития*, в геометрии исследует бесконечное — *точку* в форме *появления*. Конечно, математика есть самая точная, самая свободная наука форм, ибо она никогда не вступает в сферу другой какой-либо науки, но служит, напротив того, необходимым условием для всех прочих наук. Она изобретает свои предметы, свои средства. В природе видимой нет точки, нет линии, нет треугольников, они существуют только в идее математики. Отымите у математики все, что ее окружает, и она будет существовать отдельно от всего, сама по себе: но это доказывает только то, что и организм мира имеет все атрибуты целого, единого, бесконечного. Определите грамматику и логику, усовершенствуйте натуральную историю, начертите поэзии постоянную сферу, постоянный ход, и вы увидите, что они все будут отражать постоянный закон мира так же ясно, как и сама математика, с тою только разницей, что предметы их будут находиться вне их, как, например, предмет грамматики и логики в языке и мысли, предмет натуральной истории в царствах природы, и что они все невольно будут выражаться математически. Что же из этого заклю-

Из сего следует, что все науки, как выше помянутый пример из «Натуральной философии» Окена, заимствуют свою реальность от одной математики, что все их истины открываются посредством нее одной и тогда только делаются истинами, когда возвышаются до общего значения.

«Присоединим к доказательству геометрическому другой арифметический пример, и тогда объяснится для нас процесс, которому все следует, равно как в духовном, так и в физическом мире. Сей процесс в самом чистом и в самом общем виде выражается умножением, где переменно и во взаимной зависимости проявляются два числа, заключенные в третьем, синтетическом. В произведении 5×6 шесть повторено пять раз, пять — шесть раз, следственно, каждый из сих факторов перенесен в форму другого. Вот общая теория, или общее выражение всякой синтезы. Таким же образом, в идее фантазия должна принять форму разума, а разум — форму фантазии» и пр.

«Таким образом, математика в общих идеях своих совершенно выражает форму или организм мира; такая математика есть, без сомнения, закон мира, есть наука. Из сего легко заключить можно, что происхождение чисел не что иное, как постепенное развитие единицы,

---

чить можно? Что математика такое же необходимое условие для всех наук, какое пространство, время и числа для всех явлений мира, но как независимо от мира (организованного) существует идея мира (организация), так и независимо от математики как познания, существует идея всякого познания, то есть наука первого познания, наука самопознания, или философия. Итак, в некотором смысле математика есть закон мира (организм абсолютный); но одна философия — наука сего абсолюта.

которая сама себя ограничивает, что происхождение фигур в противоположных между собою направлениях жизни составляет линии, которые пересекаются углами или встречаются в окружностях. Теперь г-н Блише допустит мне, что арифметика представляет закон мира в форме развития, а геометрия в форме появления, что следственно, в арифметике заключается натуральная философия, в геометрии — натуральная история. Я присоединяю также к натуральной философии и натуральной истории другую философию, имеющую предметом то, что подлежит только внутреннему созерцанию, и сию философию называю я частью идеальной философиею (предмет ее о нераздельном), частью историею мира (о человеческом роде); но это нимало не противоречит моему предположению, что натуральная философия относится к натуральной истории, как арифметика к геометрии».

«После сих замечаний г-н Блише, может быть, согласится со мной, когда я говорю [2*], что такая математика, вероятно, была древнейшею наукою древнейших жрецов и исчезла у греков только по смерти Пифагора [4].— На эту идею о математике опирался я [3*], представляя противоположность между древностию и новейшими временами, где я показал, что сии противоположности заключают, что древнейшим народам закон мира был ясен по врожденному чувству природы, между тем как новейшие могут найти сей закон в одном

[2*] См. *Wagner*. Vom Staate.

[3*] См. Religion, Wissenschaft, Kunst und Staat in ihren gegenseitigen Verhältnissen betrachtet. Erlangen, 1819. [Религия, наука, искусство и государство, рассматриваемые в их взаимосвязях. Эрланген, 1819.] (*нем.*).

умозрении; но сверх сего, что в первые времена бытия, человечество, умственно и физически проникнутое законом мира, находилось к природе в совершенно другом отношении, нежели в новейшие времена. Сие отношение древнейших времен к природе, которого слабые следы доселе видим мы в животном магнетизме, было простое и непосредственное; между тем как отношение новейших есть одностороннее, посредственное, искусственное.— Я показал, каким образом по причине сей разности человек выступил из целого своего существования, раздробился, так сказать, на части, и религия утратила свою чистоту».

Вагнер упоминает после сего об усилиях Будды, Моисея и Зороастра преобразовать человека и снова примирить его с природою [5]; он объясняет влияние пророков, приуготовивших в нравственном мире перемену, которою ознаменовалось появление Христа [6]. Потом объясняет он простое отношение первобытного человека к природе, основываясь для сего на законе полярности и развивая действие ума и воли в их соединении. Наконец, распространившись несколько об односторонности опытных познаний и о животном магнетизме, Вагнер заключает статью свою следующим образом:

«Вот точка зрения, с которой я взирал на науку, стараясь объяснить древний мир новейшему. Если я доказал, что органическая форма мира (закон мира) исключительно, ясно и достаточно выражается математикою, то бесспорно, надобно употреблять все усилия, чтобы привести все познания в законы сего математического организма, дабы все общие и высокие открытия свободного ума перешли бы в чувство и в законы нравственности, сделали человека царем природы

и поставили его на такую степень, на которой бы он, как стройный звук, согласовался с общей гармонией вселенной».

ВЫПИСКА ИЗ БЛИШЕ

(Ответ Б. Х. Блише на статью И. И. Вагнера)

Я совершенно согласен, что арифметические формулы и геометрические изображения могут быть приняты во всех науках определенными выражениями *общих идей.* Итак, я допускаю без всякого спора, что математика в общих законах своих совершенно выражает форму и организм мира; но я утверждаю, что сии общие идеи так, как идеи органической формы мира, принадлежат философии; напротив того, формулы и изображения, и вообще математическое выражение идеи и существа мира принадлежит математике. Математика тогда только видит в формулах своих выражение общих идей и в них и идею мира, когда она делается философическою. Итак, я отвергаю заключение г. Вагнера, который говорит, что *такая* математика — самая наука; в сем смысле наука бы в ней ‹была› подчинена форме.— Вся запутанность разрешается, когда мы убеждаемся, что философия к математике в таком же отношении, как существо к форме.— Существо = наука (в абсолютном смысле), форма — представление науки, выражение существа. Итак, я охотно допускаю, что арифметика представляет закон мира в форме развития. Геометрия — в форме появления. Но

познание закона мира в сих формах (когда бы сии последние и были условиями для ясности сего познания) существует совсем отлично от формы и составляет философию. Итак, я не согласен с г. Вагнером, когда он утверждает, что в арифметике заключается натуральная философия, а в геометрии — натуральная история (философическое описание природы); ибо в противном случае я допустил бы, что существо заключается в форме. Форма проистекает из существа, а не существо из формы.

После сего Блише распространяется о «Натуральной философии» Океана, на которую ссылался и Вагнер, определяя общую свою идею математики.

О ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ ИДЕАЛЬНОГО

Дева прекрасная, люби моего юношу! Не ты ли первая любовь этого сердца пламенного? Не ты ли утренняя звезда, блеснувшая в раннем сумраке его жизни? — существо доброе, чистое, нежное?! О! первая любовь — эта Филомела[1] под зеленеющими ветвями молодой жизни — и так уже много претерпевает от заблуждений, судьба жестоко преследует ее и убивает. Если бы хотя однажды две души равно чистые, в цветущем майском убранстве жизни, с свежим источником сладких слез, с блестящими надеждами юности еще полной, с первыми еще беспорочными желаниями, лелея в сердце незабудку любви,— этот первый цветок в жизни, равно как и в году,— если б хотя однажды

два существа родные могли встретиться, слить души свои и в весеннее сие время наслаждения заключить клятвенный союз на все зимнее время земного бытия, если б каждое сердце могло сказать другому: «Какое мне счастье! Ты стало моим в священнейшее время жизни. Ты спасло меня от заблуждений, и я могу умереть, не любив никого более тебя!»

О, Лиана! О, Цезаро! Это счастье уготовлено для прекрасных душ ваших.

ЗОЛОТАЯ АРФА

Под светлым небом счастливой Аравии на берегу Иемена жил старец, известный своею мудростию между поклонниками Корана. Он зрел восемьдесят раз, как соседние долины облекались в веселую одежду весны. Чувствуя, что ему скоро должно будет пройти роковой мост, отделяющий небо от земли, он призвал сына своего и обратился к нему с последнею речью: «Кебу, возлюбленный Кебу, мы скоро расстанемся, я не имею богатства, но в наследство оставляю тебе Золотую Арфу и добрый совет. Всякий раз, когда погаснет солнце на дальнем небосклоне, приходи на этот холм с твоею арфою. Я сам всегда наслаждался гармониею струн ее и никогда жизнь не была для меня бременем; если ты будешь верно наблюдать совет мой, счастие тебе не изменит». Слова старца глубоко врезались в сердце юноши; вскоре смерть похитила у него отца, и он остался один, но окруженным толпою надежд.

Когда наступал час, в который любовник восточной розы в прохладе рощей воспевает благоуханную царицу цветов, юноша приходил на холм и едва [ли] персты его касались звонких струн, на прозрачном облаке слетал к нему легкий гений — сладостны были беседы его с прелестным гостем — небожителем. Его ланиты пылали жаром вдохновения и слезы восторга сверкали в них, он был счастлив.

Но много воды протекло в море, много дней скрылось в вечности с тех пор, как Кебу не посещал знакомого холма.— Что может остановить его? Вот он, наконец, какая перемена! Где прелесть юноши! На лице его приметны глубокие следы страстей и печалей, он был мрачен как утес, на коем гром и бури оставили печать свою.— Но с ним верная арфа; она, может быть, восстановит покой сердца его. Он всходит на холм, бросает вокруг взор свой: все родное, все знакомое — так же улыбается природа, небо так же ясно, тот же соловей в тени дубравы. Звуки арфы раздались под его рукою. Ах, не слетает прежний друг его, благодатный гений. Кебу сильнее ударяет в струны, они звенят и рвутся под его перстами. О несчастный! Юноша бросает арфу и громко зовет небожителя, но клик исступления тщетно теряется в долине.

Глава его склонилась на грудь, глубоко вздохнул он и невольно вскликнул: «Ответь мне, изменник!» Но тайный голос отвечал ему — гармония души твоей разлучилась. Ты в себе самом носил источник вдохновения, но страсти иссушили его и сердце твое остыло к красотам природы.

13 АВГУСТ

Если в семнадцать лет ты презираешь сказки, любезная Сонюшка, то назови мое марание повестию или придумай ему другое название. Но прежде всего дай мне написать эту сентенцию: Tous les contes ne sont pas des fables *.

В счастливой стороне (не знаю, право, где) жила мирная чета. Не будем справляться об ее чине и фамилии, тем более, что родословные книги об ней, конечно, умалчивают и что тебе в том нужды никакой нет. Только то мне известно, что добрый муж с женою усердно поклонялись богам и ежегодно приносили им в жертву по два лучших баранов из своего стада. За то боги недолго были глухи к их молитвам и вскоре наградили их добродетель исполнением их желаний. Счастливый отец с восторгом прижал к груди маленькую дочь свою, ребенка прекрасного, и, любуясь ее живыми, голубыми глазами и свежею невинною краскою ее ланит, назвал ее Пленирою и заклал еще двух баранов в честь богам, для того чтоб они ниспослали на дочь его все блага земные.

Боги вторично услышали его молитву, и три жителя или, лучше сказать, три жительницы небесные явились у него с дарами. Одна блистательная, в одежде яркой, казалось, в один миг промчалась чрез все пространство, отделяющее небо от земли. Если б такая же очаровательница прилетела вдруг ко мне в то время, как я пишу, читаю, мечтаю или наслаждаюсь тем, что италианцы называют: il dolce far niente **, или хоть во сне,

* Сказки — не басни (*фр.*).

** Безделие, приятное ничегонеделание (*итал.*).

то по огню, пылающему в ее очах и на ее ланитах, по волшебному, легкому, но величественному стану, по длинным светлым локонам, развевающимся в быстроте стремления, по дивному голосу и по пламенным речам, возбужденным одним чувством, я бы недолго остался в недоумении и скоро узнал бы в ней богиню искусств. С небесною улыбкою милости она вручила удивленному отцу драгоценную, звучную арфу для Плениры, примолвила, что когда будет семнадцать лет его дочери и когда в первый раз она заиграет на этой арфе, то почувствует всю цену сего подарка, и вдруг исчезла.

Другая, мнилося, сосредоточила в себе все лучи небесных светил. Сквозь тонкую, прозрачную одежду слабые очи смертных не дерзали взирать на пламенный цвет ее тела; все черты лица ее горели огнем, незнакомым для нас, огнем истины. В величественном, быстром и смелом полете своем она, казалось, зажгла вселенную, и яркий свет, разливающийся от нее во все стороны, ослеплял взор. Она держала зеркало, в котором все предметы отражались так же верно, как в сердце еще чистом, и, примолвя, что Пленира в семнадцать лет почувствует всю цену сего подарка, исчезла. После нее в комнате сделалось так темно, что ты подумала бы, милая Сонюшка, что уже настал час ночи и удивилась бы, когда б увидела в окно яркое солнце, которое катилось в ясном небе, в самый полдень.

Третья... Ах, как пленительна она! Нежный, неописуемый стан, покрытый одеждою белою, как снег, скромная и даже неверная походка, самая неопределенность черт лица, выражающих одно гармоническое чувство невинности, таинственность взора, осененного длинными ресницами, сими защитами против испытую-

щих взглядов, все в ней исполняло душу глубоким, очаровательным, неизъяснимым чувством. С алою краскою стыдливости и с улыбкою скромности положила она на Плениру прозрачное, белое покрывало, примолвила, что в семнадцать лет она должна испытать цену сего подарка, и исчезла, как легкий, приятный сон, оставляющий долгое воспоминание.

Я не буду тебе описывать, милая, с какою тщательностию родители старались о воспитании Плениры. Довольно того, что они не щадили никаких стараний, никаких пожертвований для нее, хранили ее, как драгоценный, единственный цветок, блистающий для них на поле жизни, не оставляли ее ни на шаг одну, описали около нее круг, в котором она видела и угадывала одно только доброе, высокое на земле, и из которого в семнадцать лет вылетела бабочка прелестная, с красками свежими, напитанная одним только медом.

С каким нетерпением Пленира ждала решительного дня! Как ей хотелось до времени иметь семнадцать лет, чтобы поскорее насладиться подарками неба. Счастливая! Она не знала, что надежда есть лучшее наслаждение на земле.

Наконец, настало давно ожидаемое время. Плениру поутру нарядили просто; но вся ее одежда так к ней пристала, что ты приняла бы ее за какую-нибудь волшебницу или богиню, слетевшую с неба для того, чтобы обмануть нас собою. В белом легком платье она, казалось, летела, рассекая воздух и не касаясь земли; из прекрасной рамки темнорусых длинных локонов пленительное лицо ее разливало со всех сторон удовольствие, которое она сама чувствовала, и прозрачное покрывало, дар бесценный, небрежно было поднято на лилейном челе.

В этот радостный день родители Плениры созвали своих приятелей и знакомых, чтобы разделить с ними свое счастие. После нескольких забавных игр и веселых речей принесли богатую арфу, на которой Пленира еще никогда не играла, и все в ожидании составили безмолвный круг. Пленира, дыша радостию, с глазами, исполненными огня нетерпения, прислонила к себе арфу, и нежные персты ее покатились по громким струнам. Стройные, величественные звуки остановили внимание всех, и все ожидали, как разрешится волшебная таинственность первого solo. Но когда после нежного, унылого *адажио* слезы брызнули из глаз, и когда вдруг раздалась музыка пламенная, быстрая, и восторг одушевил всех, и все желания невольно устремились к чему-то бесконечному, непонятному, и все, и все исполнилось жизни, то Пленира уже не могла воздержать своей радости. Все черты лица ее были упоены восторгом, в глазах ее горело чувство удовольствия; но то не было довольствие самой себя. Нет. Она восхищалась своими успехами; она радовалась удивлению, возбужденному ею во всех слушателях.

Довольная первым подарком, с любопытством устремилась она в другую комнату к зеркалу, в которое она также еще никогда не смотрела и с которого сдернули завесу. Ах! что увидела она в нем! Какую неизъяснимую красоту, в чертах которой сияла одна радость, один восторг! Пленира не могла отстать от зеркала; она любовалась самой собою, как вдруг покрывало опустилось нечаянно с чела и все закрыло перед ней — и зеркало и прелестное изображение.

Тогда познала она могущество третьей богини. Тайный укор заменил в ней прежнее чувство упоения;

пурпур стыдливости зажег ее ланиты, и в раскаянии своем она хотела разбить зеркало и арфу, виновников первого ее негодования на себя; но нежная рука подымает ее покрывало, и Пленира видит пред собою воздушную, прекрасную деву, со взором скромным, с длинною ресницею. «Ты не узнаешь меня,— тихо говорит дева.— Я подарила тебе это покрывало. Познай теперь всю цену моего подарка. Это покрывало скромности. Носи его всегда на себе, и всякий раз, как чувство новое, тебе незнакомое, овладеет твоею душою, вспомни обо мне, вспомни о покрывале скромности». Дева исчезла.

Пленира поклялась никогда не презирать ее подарка. С тех пор как часто играла она на арфе, как часто смотрела в зеркало, и всегда была довольна собою.

Вот конец моего рассказа. Но ты теперь с любопытством спросишь у меня, кто эта Пленира? Любезная Сонюшка, спроси у других; они, верно, угадали.

ОТВЕТ Г. ПОЛЕВОМУ

Четыре месяца скрылись уже в вечности с тех пор, как я сообщил «Сыну отечества» (в 8 кн.) несколько замечаний [1] на разбор «Евгения Онегина», помещенный в «Московском телеграфе». С того времени многие — во многих журналах восставали против мнений и ошибок г. Полевого [2], но все критики, без исключения, оставались без ответа: казалось, что г. Полевой смотрел

и на все замечания холодным взором совершенного равнодушия; последствие доказало, что равнодушие его было не совсем искреннее и что он дорожил временем для того только, чтоб собраться с силами.

Если бы г. Полевой писал антикритики с тем намерением, чтобы занимать своих читателей литературными прениями, всегда полезными, когда они не выходят из сферы литературы, то, при появлении всякой рецензии, он, конечно бы, заметил мнения, с которыми не согласен, изложил бы свои собственные и предоставил своим читателям судить о победе. Но г. Полевой чуждается литературных споров, нигде не показывает собственного образа мыслей и, как уполномоченный судия в словесности, нигде не терпит суждений других. Для сей цели выбрал он средство совсем новое, но очень простое: ему стоит только вооружиться терпением. Подождав несколько месяцев, он уверен, что читатели почти совсем забыли рецензию, писанную против него, привязывается к нескольким выражениям, вырванным из статьи, рассыпает полную горсть знаков вопрошения и... торжествует. Выдумка счастливая, сознаемся; но заметим, не во зло ему, что антикритика в таком случае не ответ литератора, а голос досады.

Руководствуемый другою целию, я буду действовать другими способами и постараюсь объяснить себе, как можно лучше, ответ г. Полевого. Он сам сознается, что не понял статьи моей, и «не мог добиться, чего я точно хочу». Я смею уверить г. Полевого, что понял его ответ и добился, что он хочет оправдать свои ошибки; но, к несчастию, это желание осталось безуспешным. В заключение моей рецензии (см. № 8 «С‹ына› О‹течества›») я сказал о разборе г. Полевого, «что желал бы видеть в нем критику, более основанную на правилах

положительных». Странно, что теперь г. Полевой не знает, чего я хотел. Если бы он мне доказал, что разбор «Онегина» был точно основан на правилах верных, представлял развитие положительной литературной системы, тогда бы спор наш прекратился, или я бы заметил сочинителю разбора, что не во всем согласен с его системою; но г. Полевой не думает о защите собственных мнений и обращает все свое старание на то, чтобы представить мои мысли в смешном виде. Посмотрим, удачно ли он исполняет свое намерение.

Я рад бы сказать, как г. Полевой: «оставим мелочные привязки», но это невозможно, ибо вся статья его наполнена одними «привязками» и в ней нет ни одной мысли, которая бы могла послужить предметом разбора. Впрочем, у всякого свой вкус: один дорожит своими мыслями, другой — своими словами и шутками. Итак, чтобы не оскорбить авторского самолюбия молчанием, пробежим по порядку все остроумные шутки и важнейшие замечания г. издателя «Телеграфа».

Я говорил, что «Пушкин подарил нашу словесность прелестными произведениями». Г-н Полевой восстает против сих выражений и кончает насмешкою и описанием вшествия царя Михаила Феодоровича в Москву [3]. Соглашаюсь, что его насмешка очень забавна, ибо она очень неудачна, но замечание его почитаю несправедливым и даже натяжкою. Словесность тогда только принимается в смысле общем и представляет понятие целое, нераздельное, когда мы под сим выражением понимаем всю историю просвещения какого-либо народа, всю сферу его умственной деятельности; но в смысле обыкновенном это слово выражает сумму произведений, определяющих одну только степень на-

родной образованности; сию сумму можно умножать, и она всегда умножается; следовательно, словесность можно «обогащать и дарить новыми произведениями».

Благодарю г. Полевого за объяснение «равноположных» понятий [4], но признаюсь, что оно для меня очень неудовлетворительно: он не отгадал моей мысли. Когда я говорил, что «Байрон принадлежит духом не одной Англии, а нашему времени», я хотел сказать (и, кажется, выразился ясно), что Байрон принадлежит характеру не одного народа, но самого века, т. е. характеру просвещения в нашем веке — тут «о целой Европе» ни слова. Далее г. Полевой уверяет, что «слово *целый* может относиться к слову *век* тогда [1*], если мы примем его в смысле столетия». Но я, к несчастию, недоверчив, и мне кажется, что слово *век*, означая в филологическом смысле полный период образованности и представляя, следственно, понятие определенное, очень терпит прилагательное *целый*; наконец, рецензент мой утверждает, что если б я сказал «Байрон соединил (или, положим, хоть сосредоточил) наклонность своего века, то здесь можно бы понять, что Байрон был, так сказать, отпечатком нынешнего времени», но я очень рад, что этого не сказал. Во-первых, *соединить наклонность века* — очень дурно и неправильно выражает мою мысль: *сосредоточить стремление века*; во-вторых, *Байрон — отпечаток нынешнего времени*,— ничего не значит. Отпечаток нынешнего времени есть характер, дух века. Байрон может носить на себе сей отпечаток; но сам не может быть отпечатком нынешнего времени; при том же большая разница между *нашим веком и нынешним временем*. Веку принадлежат те только про-

---

[1*] «Тогда, если» — не чисто по-русски.

изведения, по которым потомство определяет характер века; к нынешнему времени относится все ныне писанное, не исключая даже дурных антикритик.

Но вот венец замечаний г. Полевого: я кончаю период свой следующим образом: «Если б Байрон мог изгладиться в истории частного рода поэзии, то, верно, остался бы в летописях ума человеческого». Толкуя по-своему расположение слов, издатель «Телеграфа» вопрошает: «История поэзии разве не часть летописей ума человеческого?» Поверить ли, что г. Полевой не понял моей мысли? Для всякого случая объясним ее. Если Байрон и мог бы изгладиться в истории трагедии, если бы имя его могло исчезнуть в истории эпопеи и лирической поэзии, то при всем том он, верно, остался бы в летописях ума человеческого, т. е. возвышенных мыслей и глубоких чувств. Г-н Полевой продолжает с восклицаниями: «Разве Тредьяковский может изгладиться в сих летописях» (в летописях ума человеческого)? «Никогда! Он будет в них, как памятник стремления к поэзии без таланта. История поэзии повторит все имена, только не равно о всех отзовется». Здесь маленькая ошибка. Г-н Полевой смешивает летописи ума человеческого с памятниками безумия, невежества и бессилия [5]; но если история поэзии повторяет все имена, то прошу г. издателя «Телеграфа» назначить мне библиотеку, в которой хранится список всех дурных и посредственных поэтов персидских, индейских, греческих, латинских и проч., а я, с своей стороны, доставлю ему имена всех тех, которые действовали на различные сии народы и определяли их различные характеры. Еще вопрос: если бы история поэзии состояла в собрании имен всех возможных поэтов мира и всех различных отзывов, то кто решился бы посвятить

себя изучению такой истории, кто надеялся бы когда-нибудь выпить это море?

Говоря о характере Байроновых произведений, я выразился следующим образом: «Все произведения Байрона носят отпечаток одной глубокой мысли, мысли о человеке в отношении к окружающей его природе, в борьбе с самим собою, с предрассудками, врезавшимися в его сердце, в противоречии с своими чувствами». Это определение называет г. Полевой «набором слов, неудачным подражанием Ансильонову определению поэзии Гете и Шиллера» [6]. Иной подумает, что г. Полевой подтвердит доказательствами столь решительный приговор; но все решается опять с помощью нескольких знаков вопрошения и посредством восклицания: «Как разгадать мысль г.— *ва*?» Как? Изучив со вниманием творения Байрона и составив себе верное, общее понятие о поэзии. Уверяю г. Полевого, что это лучший способ разгадывать все мысли, для нас новые. Я не распространяюсь об Ансильоновом определении; но спрашиваю всякого беспристрастного человека: имеет ли оно сходство с моею мыслию и можно ли обвинить кого-нибудь в подражании [2*], чему же? — определению.

[2*] Г-н Полевой не в первый раз без малейшего основания и единственно по произвольному приговору обвиняет других в подражании. Не он ли недавно говорил о сочинении г. Хомякова «Желание покоя» (см. «Полярную звезду», 1825), *что главная мысль сего стихотворения занята из известного Делилева Дифирамба* [7],— известного, конечно, многим, но, видно, не всем. Я смею уверить издателя «Телеграфа», что главные мысли сих двух сочинений не имеют ни малейшего сходства между собою и что мысль русского поэта и возвышеннее и сильнее выражена. Прочтя обе пиесы, он сам в этом не будет сомневаться.

«Если бы должно было выразить характер Байрона,— говорит г. Полевой,— то всего лучше, повторяю, можно назвать его творения эмблемою нашего века». Прекрасно!!! Вот определение! Не то ли самое выразил я, говоря, что Байрон сосредоточил стремление целого века? Не та же ли мысль — разумеется, в новом виде, украшенная пером издателя «Телеграфа»? Но мысль сия определяет только достоинство Байрона, а не характер его, ибо она еще не показывает нам, в чем состоит дух нашего века. Г-н Полевой продолжает: «Я... очень понимал, что говорю [3*], когда неопределенным, неизъяснимым состоянием сердца хотел означить сущность и причину романтической поэзии». Не знаю, с каким намерением г. Полевой после крупного *я* поставил ряд таинственных точек; но желал бы, чтобы он с нами поделился тем, что *очень понимает* и чего мы понять не можем, ибо «неопределенное, неизъяснимое состояние сердца» ничего не определяет, ничего не изъясняет. Далее г. Полевой повторяет мои слова, и снова восклицания: «Опять сбивчивость в словах и понятиях! Кто из поэтов имел рассказ, т. е. исполнение поэмы, целию и даже кто из прозаиков в творении обширном? Характер героев можно и не можно почесть связью описаний и проч.» Торжествуйте, г. издатель «Телеграфа»! но оглянитесь и посмотрите, над кем вы смеетесь. Я не удивляюсь, что вы забыли собственные свои мысли; но все сии выражения в статье моей напечатаны курсивом и, следственно, могли бы вам напомнить, что они заимствованы из вашего разбора «Онегина». Примерное добродушие! Мы знаем журналы, в которых забавляют читателей баснями,

3* «Я понимал, что говорю»,— назло всякой грамматике.

шутками насчет других, но издатель «Телеграфа» первый собственными мнениями жертвует забаве своих читателей!

После некоторых других вопросов, подобных тем, которые мы видели, г. Полевой продолжает: «Если бы г. — *в* хотел поддержать взведенное на меня мнение, что я равняю Пушкина Байрону, он должен бы противопоставить, например, Дон Жуана Онегину». Мне кажется противное: я не равнял Пушкина Байрону и, следственно, не буду сравнивать их произведений, следственно, и не понимаю требования г. Полевого и забавного его предложения. «Но точно что-то подобное имел, как я[4*] предполагаю (в виду), г.— *в*, делая свой вопрос: *Что такое «Онегин»?* Этот вопрос не мой, а принадлежит г. Полевому, и я, повторяя его, хотел только доказать издателю «Телеграфа», что он этого вопроса решить не может, не прочитав всего романа. «Так, я сказал,— продолжает г. Полевой,— что «Онегин» принадлежит к тому самому роду, к которому принадлежат поэмы Байрона и Гете». Г-н Полевой там сделал ошибку, а здесь ее повторяет. Уверяю его, что Гете никогда не писал поэм вроде «Дон Жуана», «Беппо»[8] и «Онегина». Гете написал только две поэмы: «Hermann und Dorothea» и «Reinecke Fuchs»*; первая, вроде «Луизы» Фосса[10], есть также некоторым образом идиллия и описывает семейственную жизнь маленьких немецких городков; во второй действуют звери, а не люди; следственно, ни одна не развивает характера образованного человека в быту большого света.

[4*] Что точно, того не предполагают.

* «Герман и Доротея» и «Рейнеке-Лис»[9] (*нем.*).

Теперь приступаем к центру, в котором г. Полевой соединил против меня все свое искусство, все свои силы, к тому обвинению, которое заставило меня взять перо и отвечать на антикритику, впрочем, не убийственную. Чуждаясь (может быть, от недостатка времени) вступить в подробное рассмотрение изложенных мною мнений и опровергать их, как литератор, он хотел поразить меня одним ударом и выбрал лучшее средство поссорить меня со всеми образованными читателями, уверяя их, *что я имею скрытое предубеждение против Пушкина.* «Для чего,— говорит он,— закрывать столькими словами мысль, явно видимую, состоящую в том, что г.— *в* почитает Пушкина не великим поэтом, а просто подражателем Байрона?».

Я сказал прежде, что в «Онегине» есть стихи, которыми одолжены мы памяти поэта, скажу, что и в других его поэмах такие стихи попадаются. Где же эта ясность? Где обнаруживаю я такую мысль? Правда, я смотрю на талант совсем с другой точки, нежели г. Полевой, и уверен, что поэт, как Пушкин, пишет не с памяти, но выражает сильные чувства, сильные впечатления, поселенные в нем самим веком, наклонным к глубокой мечтательности, и Байроном — представителем своего века. Из этого г. Полевой выводит, что Пушкин подражатель. Но объявляю ему, что я не думал писать против «Онегина», а восставал против разбора «Онегина», не отказывал г. Пушкину в похвалах, но вооружался против тех, которые наполняли «Телеграф», и до сих пор не понимаю, как г. Полевой смешивает себя с Пушкиным. Для панегириста Пушкина это непростительная ошибка. Скажу более, я не мог писать против «Онегина» по двум причинам: во-первых, потому, что из «Онегина» читал я только первую гла-

ву, и в этом случае не хотел подражать г. Полевому, который судит по ней обо всем романе и уверяет теперь bona fide *, что он определил сочинение Пушкина; во-вторых, я почитаю бесполезным писать против всякого поэта. Издатель «Телеграфа» позволит мне объяснить ему сию вторую причину языком не ученым, но понятным для всякого,— языком, который, следственно, избавит его от лишней траты вопросительных знаков, а меня от лишних буквальных пояснений. Я разделяю вообще поэтов на два класса: на хороших и дурных; хороших читаю, перечитываю и стараюсь определить себе их характер; дурных кладу в сторону. Похвала из уст неизвестного не польстит поэту, но уверяю г. Полевого, что я не раз читал сочинения Пушкина и всегда наслаждался их красотами. Надеюсь, что теперь сам г. Полевой найдет, к чему отнести выражения мои: «целое сочинение может иногда быть одною ошибкою».

Чтоб не оставить ни одного замечания г. Полевого без ответа, рассмотрим, как он объяснил применение очерка картины к «Онегину». «В рассуждении «Онегина»,— говорит он,— пусть г.— *в* вообразит, что Рафаэль, решившись писать картину из многих лиц, сделал очерк одной головы, и он увидит, что мои слова не без смысла». Не вижу этого. Если мы и сравним весь (положим, существующий) роман «Онегина» с полною картиною, то следует ли из сего, что одну «главу» романа можно сравнить с очерком одной «головы» картины? Кажется, нет: в очерке одной головы мы уже видим весь характер изображаемого лица; но для нас еще сокрыта сцена, его окружающая, отношение

* Добросовестно, искренно (*лат.*).

его к прочим лицам. Напротив того, в первой главе «Онегина» поэт уже обозначил общество, к которому принадлежит его герой, очертил сферу его действий; но характер еще не развит, он будет развиваться в продолжение всего сочинения, и мы его только предугадываем. Уверен, что картина г. Пушкина будет прекрасна; желаю, чтоб она была подобна Рафаэлевым.

Стараясь в критике моей на разбор «Онегина» различными способами обличить сбивчивость понятий г. Полевого, который ссылался на живопись и на музыку — все неудачно, я в маленьком примечании доказал ему математически, из собственных же слов его, что он не только унизил достоинство Пушкина, но превратил его в ничто. Г-н Полевой отвечает: «В математическом примере г.— *в* сделал просто ошибку». Это сказано слишком просто; но что сказано, не всегда доказано [5*].

[5*] Трудно полагаться на суждения издателя «Телеграфа» без доказательств. Мы знаем, что он судит о всех науках и искусствах; но он имеет во всех частях сведения совершенно особенные. Не он ли, например, в разборе «Полярной звезды» ставит две словесности в равную параллель? Какой математик разгадает нам такую загадку? [11] Не он ли утверждает, что есть музыка а-мольная?[12] Пусть спросит он у самого ученого музыканта, что такое музыка а-мольная; тот, верно, не найдет ответа. Есть а-мольный тон; могут быть и есть а-мольные симфонии, концерты и т. п., начинающиеся в тоне а-моль, но симфонии и концерты не «музыки», а музыкальные произведения. Не в его ли журнале уверяют, *что богиня подарков не могла называться Strenno* потому, что в латинском языке имена женского рода не могут кончаться на слог no? [13] В какой латинской грамматике г. сочинитель нашел постоянное правило для имен женского рода и к какому роду принадлежит имя Juno? [14] Впрочем, об этом говорим только мимоходом.

Когда г. Полевой утвердительно сказал, что у нас не было ничего сколько-нибудь сносного вроде «Онегина», я напомнил ему о «Модной жене» и о «Душеньке» [15], но он недоволен моим напоминанием. «Модная жена» — сказка, не поэма. Разве «Онегин» — поэма, не роман? Что определяет род поэзии? Название ли произведений, или точка зрения, с которой поэт взирает на предметы? «Душенька» также не идет в сравнение, ибо г. Полевой говорит, «что он разумел те шуточные поэмы, коих предметы заимствованы из общежития». «Дон Жуану»,— говорит он,— противополагаю я «Похищенный локон» [16]; что ж и проч.». Г-н Полевой мог бы быть осторожнее. В «Похищенном локоне» действуют сильфы и гномы; прошу его объяснить мне, к какому общежитию принадлежат такие действующие лица.

Мне остается сказать что-нибудь о *народности*, и что я разумею под сим выражением. Я полагаю народность не в черевиках, не в бородах и проч. (как остроумно думает г. Полевой), но и не в том, где ее ищет издатель «Телеграфа». Народность отражается не в картинах, принадлежащих какой-либо особенной стороне, но в самих чувствах поэта, напитанного духом одного народа и живущего, так сказать, в развитии, успехах и отдельности его характера. Не должно смешивать понятия народности с выражением народных обычаев: подобные картины тогда только истинно нам нравятся, когда они оправданы гордым участием поэта. Так, например, Шиллер в «Вильгельме Телле» переносит нас не только в новый мир народного быта, но и в новую сферу идей: он увлекает, потому что пламенным восторгом сам принадлежит Швейцарии.

Я противоречил г. Полевому на каждом шагу; но надеюсь, что никто не припишет этого упрямству: со всей доброй волею я не мог ни в чем с ним согласиться. Предоставляя читателям судить о достоинстве антикритик, печатанных в «Телеграфе», предлагаю им только на суд мое мнение. Они все, кажется мне, писаны в шутку; ибо кто же не шутя решится опровергать свои собственные мнения, приписывать Гете поэмы, которых он никогда не писал [17], утверждать, что предмет «Похищенного локона» взят из общежития [18] и проч., и проч., и проч.? Г-н Полевой простит мне многие шутки, но, написав статью, в которой я изложил некоторую систему литературы, которая, следственно, могла быть предметом литературного спора и заставить с обеих сторон развивать и определять понятия, мог ли я ожидать такого ответа, каким подарил меня издатель «Телеграфа»? Впрочем, обещаю ему вперед никогда не восставать против его замечаний, тем более, что он сам в начале статьи своей против меня объявляет, что замечания его более библиографические, нежели критические: теперь знаю, с какой стороны должно о них судить. Библиограф извещает о появлении книг, описывает их формат, обозначает число листов и страниц, типографию, цену и место продажи, а во всех сих случаях я готов всегда слепо верить г. Полевому.

СЦЕНА ИЗ «ЭГМОНТА»

Площадь в Брюсселе

Эттер и плотник выступают вместе.

Плотник

Не все ли я предсказывал? Еще за неделю говорил я в цеху, что будут ссоры, и ссоры жестокие.

Эттер

Неужели это правда, что они во Фландрии опустошили церкви?

Плотник

Совсем до конца разорили все церкви и часовни. Оставили одни голые стены. Экой сброд негодяев! И от них должно теперь пострадать наше правое дело. Нам бы, как должно, с твердостью представить права свои правительнице, да и стоять за них. А теперь станем говорить, станем собираться, так как раз запишут в бунтовщики.

Эттер

Правда, теперь всякий думает: куда мне совать нос свой? Ведь от носу-то и до шеи недалеко.

Плотник

Ну, горе нам, если раз заснула чернь, все эти бродяги, которым нечего терять. Те выберут это предлогом, запутают и нас тут же, и беда всему народу.

Соест

(подходя к ним.)

Здорово, господа! Что нового? Правда ли, что иконоборцы идут прямо сюда?

Плотник

Здесь они ничего не тронут.

Соест

Ко мне подходил солдат табак покупать. Я порасспросил его. Правительница, которая всегда была баба твердая и умная, теперь на себя не похожа. Должно быть, что дело идет плохо, когда она прячется за свои войска. Крепость вся обложена. Даже слух носится, что она хочет бежать из города.

Плотник

Нет! ей не должно оставлять города. Ее присутствие отвратит от нее опасность, а мы будем защищать ее лучше всех ее усачей: мы подымем ее на руки, если она удержит за нами наши права, нашу свободу.

Мыловар подходит к ним.

Мыловар

Проклятые ссоры, ужасные ссоры! Того и гляди, что все придет в волнение и не добром окончится. Смотрите, будьте смирны, чтоб и вас не приняли за мятежников.

Соест

Вот вам и семь мудрецов греческих.

Мыловар

Я знаю, многие тайно действуют заодно с кальвинистами, бранят епископов и не боятся короля; но верный подданный, искренний католик...

Мало-помалу присоединяются люди всякого разбора и слушают.

Ванзен

(подходит.)

Бог в помощь, господа! Что нового?

Плотник

Не водитесь с этим, он мерзавец.

Эттер

Это, кажется, писец доктора Витса.

Плотник

Он служил у многих подьячих. Наперед был он писцом, но так как его гоняли из дому в дом за плутовство, то он пустился в ремесло подьячих да стряпчих; он горький пьяница.

Народ стекается более и более и располагается толпами.

Ванзен

Вы также собрались, сомкнули головы в одну кучу. Стоит того, чтобы поговорить. Если бы между вами были люди с душой да к тому же люди с головой, то бы мы одним махом разорвали оковы гишпанские.

Соест

Слушай, сударь, этого не должен ты говорить, мы присягали королю.

Ванзен

А король присягал нам, заметьте.

Эттер

Ага! он говорит толком. Скажите свое мнение.

Несколько вместе

Слышали, он знает дело. Голова-то смышленая.

Ванзен

Я служил старому господину, у которого были пергаменты, столбцы самые древние, договоры и законы; старик любил также самые редкие книги, в одной было написано все наше государственное устройство: как нами, нидерландцами, управляли наперед отдельные князья и приносили с собою свои права, привилегии и обычаи; как наши предки уважали князей своих, когда они правили как должно, и как брали свои меры, когда князь хотел протянуть руку за веревку. Штаты тотчас заступались за правду; ибо в каждой провинции, как бы она мала ни была, находились штаты и представители народа.

Плотник

Молчите, сударь! Это всем давно известно. Всякий честный мещанин знает свое правление, сколько ему нужно знать его.

Эттер

Пускай он говорит, вы узнаете что-нибудь да нового.

Соест

Он совершенно прав.

Мыловар

Рассказывай, рассказывай! Это не всякий день услышишь.

Ванзен

Какие вы, граждане! Живете день на день. Получили ремень от отца и таскаетесь с ним; а там вам и горя нет, что войска вас давят и притесняют. Вы не заботитесь о происхождении, об истории власти и праве властителя — опустили головы, а между тем гишпанец и покрыл вас своей сетью.

Соест

Кто об этом думает? Был бы у всякого насущный хлеб.

Эттер

Проклятое дело! Зачем хоть временем не вырвемся ⟨*1 нрзб*⟩, чтобы поговорить об этом.

Ванзен

Теперь говорю вам это. Король гишпанский, который по счастливому случаю завладел всеми провинциями вместе, должен бы ими править не иначе, как князья, которые в старину владели ими отдельно. Понимаете?

Эттер

Растолкуй нам это.

Ванзен

Оно ясно как солнце. Не должны ли вы судиться по земным правам своим? Откуда это?

Мещанин

Правда!

Ванзен

Мещанин брюссельский не различные ли имеет права с антверпенским? Антверпенский с гентским? Откуда же это?

Другой мещанин

В самом деле.

Ванзен

Но если вы будете на все равнодушны, вам и другое покажут. Тьфу к черту! Чего не мог сделать ни Карл Смелый, ни воинственный Фридрих, ни Карл Пятый, то сделает Филипп и посредством женщины [1].

Соест

Да, да! И старые князья тоже было начинали.

Ванзен

Конечно! Наши предки глядели в оба. Досадит ли им какой-нибудь правитель, они заполонят, бывало, его сына или наследника [2], задержат его и выдадут только на самых выгодных условиях. Отцы наши были истинные люди! Они знали свою пользу. Знали, как за что взяться, как на чем постоять. Прямые люди! Оттого-то права наши так ясны, наши вольности так неприкосновенны.

Мыловар

Что говорите вы про вольности?

Народ

Про наши права, про наши вольности! Скажите еще что-нибудь про наши права.

Ванзен

Все провинции имеют свои преимущества; но мы, брабанцы [3], мы особенно богаты правами. Я все читал.

Соест

Говори.

Эттер

Говори скорее.

Мещанин

Пожалуйста.

Ванзен

Во-первых, там написано, что герцог Брабантский должен быть наш добрый и верный господин.

Соест

Добрый! Неужели там это написано?

Эттер

Верный! Полно, так ли?

Ванзен

Уверяю вас, что точно так. Он нами обязан, мы им. Во-вторых: он не должен поступать с нами насильственно и самовластно, не должен показывать и вида насильства и самовластия, так чтоб мы и подозревать не могли никоим образом.

Эттер

Славно! не употреблять насильства.

Соест

Не показывать и вида.

Другой

Так чтобы и подозревать нельзя было! Вот главное! Чтоб никто не мог подозревать ни в чем.

Ванзен

Именно так.

Эттер

Достань нам книгу.

Один из мещан

Да, она нам надобна.

Другие

Книгу! Книгу!

Другой

Мы пойдем к правительнице с этой книгою.

Другой

Ты будешь говорить за нас, господин доктор.

Мыловар

Ослы! Ослы!

Другие

Расскажи еще что-нибудь из книги!

Мыловар

Только слово! так выбью зубы.

Народ

Осмелься кто его тронуть! Скажи нам что-нибудь о наших правах! Кроме тех, есть ли у нас еще права?

Ванзен

Разные и очень знатные, очень выгодные. Там написано между прочим, что правитель не должен ни переменять, ни умножать духовных людей без согласия дворян и чинов! Заметьте это! Не изменять и гражданского чиноположения.

Соест

В самом деле так?

Ванзен

Покажу, пожалуй, писанное тому уж за двести или триста лет.

Мещане

А мы терпим новых епископов? Дворянство должно заступиться за нас; начнем тревогу!

Другие

И мы позволяем, чтоб нас пугала инквизиция?

Ванзен

Вы сами в том виноваты.

Народ

У нас есть еще Эгмонт! есть еще принц Оранский! Они пекутся о нашем счастии.

Ванзен

Ваши земляки во Фландрии начали доброе дело.

Мыловар

О скотина! *(Ударил его.)*

Другие

(сопротивляются и кричат.)

И ты испанец, что ли?

Другой

Как? честного человека?

Другой

Книжного? *(Бросаются на мыловара.)*

Столяр

Бога ради, перестаньте!

Другие вмешиваются в драку.

Братцы! Ну что это такое?

Ребята свищут, бросаются камнями, травят собаками, из мещан некоторые стоят и смотрят, сбегается народ, иные покойно ходят взад и вперед, другие всячески дурачатся, кричат и веселятся.

Другие

Вольность и права! права и вольность!

Эгмонт

(*является с сопровождением.*)

Тише! тише, народ! Что сделалось! Тише! Разгоните их!

Столяр

Батюшка! Вы явились как ангел божий. Да полно ли вам? Не видите? Граф Эгмонт! Почтение графу Эгмонту!

Эгмонт

И здесь тоже? Что вы делаете? Граждане на граждан? Этого бешенства неужели не удерживает и близость королевской правительницы? Разойдитесь — всякий воротись к своей работе! Худой знак, когда вы в будни празднуете! Что сделалось?

Мятеж мало-помалу утихает,
и все становятся вокруг него.

Столяр

Дерутся за свои права!

Эгмонт

Которые сами у себя отнимут по глупости. А кто вы такие? Мне кажется, вы честные люди.

Столяр

Добиваемся этого имени, батюшка.

Эгмонт

Ремесло твое?

Столяр

Плотник и цеховой голова.

Эгмонт

А твое какое?

Соест

Разносчик.

Эгмонт

А твое?

Эттер

Портной.

Эгмонт

Помню: ты шил ливреи моим людям. Ты прозываешься Эттер.

Эттер

Благодарю покорно, что помните.

Эгмонт

Я никого не забываю, с кем раз виделся и говорил. Делайте все возможное, братцы, чтоб сохранить спокойствие; об вас и без того довольно худо думают. Не раздражайте еще больше короля, ведь сила все-таки у него в руках. Порядочный гражданин, который кормится честным ремеслом, всегда имеет столько свободы, сколько ему нужно.

Столяр

Подлинно так, батюшка! В том-то и беда наша! Эти мошенники, эти пьяницы, эти бродяги — от праздности затевают ссоры, от голода бегают стадом за правами, лгут всякую всячину любопытным и легковерным и за бочку пива поднимают тревоги, в которых гибнут тысячи людей. Тут-то им и весело. Крепко запираем домы и сундуки: так рады бы огнем нас выжить.

Эгмонт

Вам будет оказана всякого рода помощь; приняты действительные меры против зла. Противьтесь чужому учению и не думайте, чтобы мятежами можно было утвердить права свои. Сидите дома, не давайте им шататься по улицам. Умные люди могут сделать многое.

Между тем большая часть народа разбежалась.

Столяр

Благодарим покорно, ваше сиятельство, за доброе о нас мнение. Сделаем все, что можем.

Эгмонт уходит.

Славный князь! Настоящий нидерландец! Ничего испанского!

Эттер

О, когда б только его в правители! Радехонек его слушаться.

Соест

Как бы не так. Нет! Король его местечко бережет для своих.

Эттер

Видел на нем платье? По новой моде, испанского покроя.

Столяр

Чудо-молодец!

Эттер

Его шея была бы настоящий сахар для палача.

Соест

Не с ума ли сошел? Что ты мелешь?

Эттер

В самом деле, влезет же глупость в голову! А точно так. Увидишь красивую длинную шею — тотчас подумаешь: ловко рубить голову. Эти проклятые казни! Из ума не выходят. Плавают ли ребята, и я вижу голые спины — тотчас вспомнишь целые сотни, которых видал под батожьем. Встретится какой-нибудь толстяк, мне кажется, что его уж на вертеле жарят. Ночью, во сне, все жилы дрожат: нет часу веселого. Забыл всякую забаву, все шутки на свете; только и видятся что страшилища да ужасы.

‹ВТОРОЕ ПИСЬМО О ФИЛОСОФИИ›

Что такое философия и каков предмет ее? Эти вопросы, казалось бы, должны быть первыми вопросами философии. Мы привыкли при изучении всякой науки объяснить себе наперед предмет ее. Здесь совершенно противное. Для того чтобы определить себе, что такое философия, надобно пройти полную систему науки, и ответ на сей вопрос будет ее результатом. Отчего бы это так было? Неужели философия не есть в полном смысле наука? Неужели она не имеет предмета определенного и основана на одном предположении мечтательном? Напротив, оттого, что она есть единственная самобытная наука, заключает в себе самый предмет свой; между тем как другие науки, так сказать, приковывают ум к законам нескольких явлений, произвольно полагая ему границы во времени или в пространстве, она выливается из самой свободы ума, не подчиняясь никаким посторонним условиям. Математика есть также наука свободная: точка, линии, треугольники суть некоторым образом ее произведения, но математика занимается одними произведениями своими и тем ограничивает круг свой, между тем как философия обращает все свое внимание на самое действие. Всякая наука довольствуется познанием своего предмета или, лучше сказать, познает только законы избранных ею явлений; одна философия исследует законы самого познания и потому по всей справедливости, во все времена, называлась наукою наук, наукою премудрости.

Если философия занимается не произведением ума, но его действием, то она необходимо должна пресле-

довать это действие в самой себе, т. е. в самой науке, и потому первый вопрос ее должен быть следующий: что есть наука или вообще что такое знание?

Всякое знание есть согласие какого-нибудь предмета с представлением нашим о сем предмете. Назовем совокупность всех предметов *природою*, а все представления сих предметов или, что все одно, познающую их способность *умом*, и скажем: знание в обширном смысле есть согласие природы с умом.

Но ум и природа рождают в нас понятия совсем противоположные между собой: каким же образом объяснить их взаимную встречу во всяком знании? Вот главная задача философии. На этот вопрос нельзя ответить никакою аксиомою, ибо всякая аксиома будет также знанием, в котором снова повторится встреча предмета с умом, или объективного с субъективным. Итак, разрешить сию задачу невозможно. Один только способ представляется философу: надобно ее разрушить, т. е. отделить субъективное от объективного, принять одно за начальное и вывести из него другое. Задача не объясняет: который из сих двух факторов знания должен быть принят за начальный, и здесь рождаются два предположения:

1. Или субъективное есть *начальное*; тогда спрашивается, каким образом присоединилось к нему ему противоположное, объективное.

2. Или объективное есть начальное. Тут вопрос, откуда взялось субъективное, которое с ним так тесно связано.

В обширнейшем значении сии два предположения обратятся в следующие:

1. Или природа всему причина; то как присоединился к ней ум, который отразил ее?

2. Или ум есть существо начальное; то как родилась природа, которая отразилась в нем?

Если развитие сих двух предположений есть единственное средство для разрешения важнейшей задачи философии, то сама философия необходимо должна, так сказать, распасть на две науки равносильные, из которых каждая будет основана на одном из наших предположений и которые, выходя из начал совершенно противоположных, будут стремиться ко взаимной встрече для того, чтобы в соединении своем вполне разрешить задачу, нами выше предложенную, и образовать истинную науку познания.

Сии науки, само собою разумеется, должны быть — наука объективного, или природы, и наука субъективного, или ума, другими словами: естественная философия и трансцендентальный идеализм. Но так как объективное и субъективное всегда стремятся одно к другому, то и науки, на них основанные, должны следовать тому же направлению и одна устремляться к другой, так что естественная философия в совершенном развитии своем должна обратиться в идеализм и наоборот.

ОБ «АБИДОССКОЙ НЕВЕСТЕ»

Сия повесть так известна, что не нужно представлять здесь ее содержания. Она не принадлежит к числу тех произведений, в которых Байрон показал всю силу своего гения, и потому не может подать повода к раз-

витию характера сего великого поэта. В переводе И. И. Козлова[1] есть места прекрасные, стихи пресчастливые. Но везде ли сохранен характер подлинника? Г-н Козлов доказал нам, что он постигает красоты поэта английского, и мы уверены, что он чувствует живее нас, сколько перевод его отстает от произведений Байрона. Мы же, русские, должны быть благодарны за всякий опыт, доказывающий чувство изящного, рвение к литературе отечественной и трудолюбие.

P. S. В 148 № «Северной пчелы» помещен критический разбор «Абидосской невесты». Длинный приступ, украшенный многими сравнениями (в которых не забыты ни золотые кумиры, ни глиняные ноги, ни деревья, ни каменья, ни заря, ни слабые дети), посвящен тому, чтобы доказать необходимость беспристрастия. Это похвально, но рецензент забыл, что пристрастие не всегда проистекает от намерения недоброжелательного и часто происходит от недостатка способов произнести суд беспристрастный. Мы тогда судим здраво, когда с чистотою намерения соединяем верные понятия о предмете, подлежащем нашему суждению. Si no quae non, как говорит сам рецензент, или sine qua non *, как говорят по-латыни. Автор рецензии, желая доказать *неверность* перевода г-на Козлова, выставляет свой собственный, буквальный. Например, прекрасные два стиха:

Where the light wings of zephyr oppressed with parfum
Wan faint o'er the gardens of que in her bloom —

переводит он следующим образом: «Где свет дневной быстро разносится зефиром, отягченным благоуханием,

* Непременное условие (*лат.*).

где сады украшены полноцветными розами». Если г. рецензент принял light за свет, а wings за глагол, то в стихах Байрона нет ни здравого смысла, ни даже грамматического. The light wings значит — легкие крылья [1*]. Следующие стихи переведены с такою же верностью. По этому примеру мы можем видеть, в состоянии ли автор разбора судить о стихах Байрона и сравнивать перевод г. Козлова с подлинником. О слоге, об образе изложения его рецензии мы говорить не будем. Если читатели «Северной пчелы» прочли ее с удовольствием, то их не разуверишь. Подумаем о самих себе; наш P. S. длинен, а читатели, может быть, нетерпеливы.

ВЛАДИМИР ПАРЕНСКИЙ

Три эпохи любви переживает сердце, для любви рожденное. Первая любовь чиста, как пламень; она, как пламень, на все равно светит, все равно согревает; сердце нетерпеливо рвется из тесной груди; душа просится наружу; руки все обнимают, и юноша в первом роскошном убранстве весны своей, в первом развитии способностей, пленителен, как младое дерево в ранних листьях и цветах. Как бы ни являлась ему красота, она для него равно прекрасна. Взор его не ищет Венеры Медицейской, когда он изумляется важ-

[1*] Вот как надобно буквально перевесть эти два стиха: «Где легкие крылья зефира, отягченные благоуханием, изнемогают над садами, в которых восточная роза расцветает во всей красе своей».

ному зрелищу издыхающего Лаокоона. Холодные слова строгого Омира и теплые напевы чувствительного Петрарки равнозвучны в устах его, и любовница его — одна вселенная. Это — эпоха восторгов.

Настает другая. Душа упилась; взоры устали разбегаться; им надобно успокоиться на одном предмете. Возьмется ли юноша за кисть: не древний Иосиф, не ангел благовеститель рождается под нею, но образ чистой Марии одушевляет полотно. Счастлива первая дева, которую он встретит! Какая душа посвящает ей свои восторги! Какою прелестью облекает ее молодое воображение! Как пламенны о ней песни! Как нежно юноша плачет! Эта эпоха — один миг, но лучший миг в жизни.

Что разочаровывает отрока, когда он разбивает им созданную игрушку? Что разочаровывает поэта, когда он предает огню первые, быть может, самые горячие стихи свои? Что заставляет юношу забыть первый идеал свой, забыть тот образ, в который он выливал всю душу? Мы недолго любим свои созданья, и природа приковывает нас к действительности. Дорого платит юноша за восторги второй любви своей. Чем более предполагал он в людях, тем мучительней для него теперь их встреча. Он молчалив и задумчив. О, если тогда на другом челе, в других очах прочтет он следы тех же чувств, если он подслушает сердце, бьющееся согласно с его сердцем, — с какою радостью подает он руку существу родному! И как ясно понимают они друг друга! Вот третья эпоха любви: это эпоха дум.

Во второй эпохе, счастливой, но обманчивой, жил Владимир Паренский. Отец его, один из знатнейших панов, известный голосом своим на сеймах, имел богатые владения в южной Польше. Следуя тогдашнему

обыкновению, он отправил десятилетнего Владимира в немецкий город Д..., поручив его воспитание старому другу своему, доктору Фриденгейму, который через несколько лет после того сделался начальником Медицинской академии. В скором времени молодой Паренский начал оказывать большие успехи. Шестнадцати лет вступил он в университет и был уже в состоянии следовать за такими уроками, которые требуют внимания напряженного и развитых способностей. Страсть его к познаниям не ограничивалась предметами, необходимыми для образованного человека. Он никогда не пропускал анатомических уроков своего наставника и, хотя не принадлежал к медицинскому факультету, имел, однако ж, весьма основательные понятия об этой науке. На семнадцатом году Паренский познакомился с славным Гете. Это знакомство имело самое благодетельное влияние на образование юноши. При первом свидании Владимир не верил глазам своим. Ему казалось невозможным, чтобы та же комната заключала его и первого поэта времен новейших, чтобы рука, написавшая величайшие произведения ума человеческого, жала его руку. Это чувство понятно не для многих, но оно сильно в тех душах, которые алкают пищи и вдруг видят перед собой расточителя небесной манны. О, если бы великие люди всегда чувствовали свою силу, когда бы они знали, что слово их — слово творческое, что оно велит быть свету, и свет будет: они, верно бы, никогда не отказывали чистому сердцу юноши в ободрительном приветствии.

Не знаем, Гете ли посвятил Паренского в таинства поэзии, или уже прежде молодое его воображение говорило стройными звуками; но несомненно то, что величественная простота Гете уже пленяла Владимира

в такие лета, в которые обыкновенно предпочитают ей пламенный, всегда необузданный восторг Шиллера.

Паренский неизвестен как поэт, но германские студенты доныне твердят некоторые его стихотворения, никогда не изданные и доказывающие, что он рожден был поэтом. Десять лет пробыл он в Германии.

Однажды Паренский, по обыкновению своему, бродил без цели по дорожкам сада. Уже следы солнца бледнели на западе и месяц светил на чистом осеннем небе. Владимир не примечал перемен дня. Наконец, усталый от усильного движения, он бросился на дерновую скамью, где за несколько лет перед сим он живо чувствовал прелесть вечера, озаренного луною, и где теперь он, кажется, забывает и минувшее и настоящее. Осенний ветер, предвестник близкой ночи, шумел желтыми листьями, которыми усеяны были дороги; но ветер не мог пробудить Паренского от глубокой задумчивости или, лучше сказать, от глубокого бесчувствия. Он мрачно смотрел пред собою, но взор его был без всякой жизни, без всякого выражения. Вдруг поднял он голову, чувствуя, что кто-то склонился на плечо его.

— Давно,— сказала Бента печальному другу своему,— давно следую я за тобою, несколько раз уже пробежала по следам твоим все дорожки сада, и ты не приметил меня или, может быть, не хотел приметить. Для чего бежишь ты от друзей своих? Мой отец говорит, что он уже тебя почти никогда не видит, а я... но ты опять задумчив, ты хочешь быть один, мой друг! Что может быть страшнее одиночества?

Владимир молчал, как бы не слыша дрожащего голоса Бенты, наконец взглянул на нее с видом удив-

ленья, и две крупные слезы, блиставшие на щеках девы прекрасной, повторили ему то, чего не слыхал он.

— Милая,— сказал ей тронутый Паренский,— я кажусь тебе странным, может быть жестоким: ты счастлива, не понимая, что могут быть люди, мне подобные, в которых убито все, даже самое чувство.

— Зачем,— воскликнула Бента,— зачем был ты на этом севере, где остыло твое сердце, где лицо твое сделалось суровым, а взор бесчувственным? Для того ли взросли мы вместе, чтобы не понимать друг друга? Кого боишься ты — меня ли? Давно ли есть в твоем сердце тайны, которых я знать не должна? Давно ли знаешь ты такое горе, которого я разделить не могу?

— Давно,— отвечал Паренский,— к несчастью, давно. Мой друг! Я не отравлю твоей жизни, не огорчу тебя несчастною повестью, которая может разочаровать тебя в твоих счастливых заблуждениях. Ты улыбаешься всему в мире — не меняй этой улыбки на змеиный смех горестной досады!

Бента не понимала слов Владимира, но он выговорил их с таким усилием, лицо его так побледнело, что она замолчала и заботливо на него смотрела.

Долго оба безмолствовали — он от беспорядка мыслей, она от страха или, может быть, от другого чувства, еще сильнейшего. Наконец, Владимир прервал тишину:

— Друг мой! Слыхала ли ты про любовь?

— Слыхала,— отвечала вполголоса робкая дева.

— Страшись этого чувства.

— Отчего?

— Оно... оно меня убило. Там, на этом севере, я знал деву. Она была так же мила, как ты; прости меня, Бента, она была тебя милее...

При этих словах Бента, которая по сих пор лежала на плече Владимира, приподнялась и отодвинулась.

— И где же теперь эта дева? — спросила она.

— Где? не знаю. Она... но у ней щеки не горели этим пурпуром, у ней сердце не билось, как твое.

Бента снова склонилась на плечо юноши.

— Если ты любил,— сказала она,— если ты любишь: можешь ли быть суровым? Чуждаться людей? Ужели она могла не любить тебя?

— Слыхала ли ты,— прервал ее Владимир,— что любовь уносит покой сердца и драгоценнейшее сокровище девы — невинность?

— Слыхала, и не верю. Нет! не могу верить...

Река слез мешала ей говорить более.

— Люби меня, и я буду добрее,— шептала она, рыдая, и бросилась на шею Паренскому.

— Оставь меня! Оставь меня! — говорил он, отталкивая деву.— Беги! ты еще невинна.

— Люби: я буду добрее,— шептал дрожащий голос.

— Беги! — закричал юноша,— ты меня не знаешь. Ты будешь проклинать меня. Я...

— Люби меня! Я твоя навеки.— Бента еще не договорила своих слов, как уже пламенные уста Владимира горели на груди ее. Они упали на скамью...

Не осуждайте их, друзья мои!.. не осуждайте их... Если б мне было можно продлить ваш восторг, счастливцы! Если б мне можно было превратить эту ночь осеннюю в прелестный вечер мая, унылый свист ветра в сладостный голос соловья и окружить вас всею прелестью волшебного очарования! Но хотеть ли вам другого счастья? Любовь — лучшая волшебница. В первый раз в объятиях друг друга, вам более желать нечего. О Бента! Зачем не скончала ты жизни, когда твой

друг прижимал тебя так крепко к груди своей? Твое последнее дыхание было бы счастливою песнею. На земле не просыпайся, дева милая! Скоро... неверная мечта взмахнет золотыми крыльями, скоро, слишком скоро слеза восторга заменится слезою раскаяния.

— Нет! Владислав! Этого не могу простить. Подумай сам. Тебе двадцать лет, барону пятьдесят. И ты с ним связываешься! За что? за безделицу: за то, что он вырвал у тебя перчатку сестры моей и отнял случай поднести ее, покраснеть и пролепетать несколько слов. Признаюсь, я служу уж второй год, три раза был секундантом и сам имел две честных разделки, а никогда не находился в таком неприятном положении. Что скажет отец мой, когда узнает завтра, чем дело кончится, узнает, что ты имел дуэль с бароном, убил его или сам убит? Гроза вся рушится на меня. Опять мне недели на три выговоров и советов.

Так говорил молодой гусар, гр⟨аф⟩ Любомиров, шагая взад и вперед по комнате и досушая второй стакан пунша. Между тем Владислав сидел, поджавши руки, спиной к дверям и не слушал красноречивого проповедника. Лишь изредка, когда звенел колокольчик и кто-нибудь входил в кондитерскую, задумчивый юноша лениво поворачивал голову, вставал, раз пять без нужды снимал со свечи и колупал воск. Вдруг вынул часы, топнул с досадой ногою и прибавил вполголоса: «Четверть одиннадцатого, а его нет как нет!» Но только что он промолвил эти слова, дверь лавки застучала, колокольчик зазвенел, и в первой комнате раздался пугливый голос.

— Сюда! — закричал гусар, и маленькая шарсобразная фигура вошла в гостиную. Это был Франц Лейхен,

сорокалетний весельчак, приятель Любомирова, приятель Владислава и едва ли не общий приятель всей столицы.

— Я уже начинал бранить тебя, Франц,— сказал ему Владислав, пожимая его руку.

— К чему такая нетерпеливость? — возразил Лейхен.— Ведь надобно везде успеть. Я угадал вперед. У вас, молодых людей, опять в голове пирушка, и меня, старика, туда же тащите.

— Да! У нас в голове пирушка,— продолжал холодно Владислав,— ты секундант мой.

— Не впервые мне быть твоим секундантом,— закричал с важным хохотом Франц,— не впервые! и признайся, я всегда вторил тебе славно.

— Ты секундант мой,— повторил Владислав,— завтра я дерусь с бароном.

При этих словах круглое лицо Франца начало понемногу вытягиваться, он как испуганный смотрел в глаза Владислава, наконец, повесил голову и сел посреди дивана. Владислав сел против него, а Любомиров, воротясь из другой комнаты с мальчиком и еще двумя стаканами пунша, приподвинул к столу кресла и сел между ними.

— Ты завтра дерешься с бароном? — спросил тихим голосом Лейхен.

— Да, я дерусь с бароном,— отвечал Владислав.— Я давно говорил вам, друзья мои,— продолжал он с улыбкою,— что лицо барона для меня нестерпимо, что я в мире не видал ничего отвратительнее. При первой встрече с ним какой-то злой гений шепнул мне, что он будет врагом моим, и предчувствие сбылось.

— Сбылось! — возразил Любомиров.— Трудно сбываться таким предчувствиям! Ты посадил себе в голову,

что тебе надобно быть в ссоре с бароном, на каждом шагу стерег его и, наконец, нашел случай придраться. Есть чему дивиться. Есть где искать шепота злого гения! И что могло тебе досаждать в этом бароне? Он всегда был с тобою учтив и даже ласков...

— Эта учтивость, эта ласка были мне противнее всего на свете. Вчера еще он подошел ко мне, с холодной улыбкой взял меня за руку и стал спрашивать о здоровье. Поверь, голос его заставил меня содрогнуться, как пронзительный визг стекла.

— Как тебе не стыдно! — возразил Любомиров.— С твоим здравым смыслом ты питаешь такие мелкие предрассудки. Послушай, Владислав. Нас здесь только трое, и мы можем говорить искренно. Я, вероятно, угадал тайную причину твоей ненависти и могу доказать, как она ничтожна. Но что я скажу, любезный Лейхен, то будет сказано между нами. Барон шутит, смеется с сестрой моей, и подлинно она еще ребенок, а ты Владислав...

— Ни слова! — закричал юноша, вскочив с кресел.— Зачем терять время и речи. Все, что мы до сих пор говорили, не объясняет Францу нашего дела, а он до сих пор еще не успел опомниться. Расскажи ему все, что случилось сегодня между бароном и мною, и я уверен, что он не откажет просьбе друга. А мне и так уже надоело говорить об одном и том же; притом не забудьте, что к завтрашнему утру надобно еще выспаться.— При сих словах Владислав пожал обоим друзьям руки, вышел в другую комнату, бросил синюю ассигнацию на стол кондитера, надвинул шляпу на глаза, закутался в плащ и вышел из лавки.

Ночь была свежа. Осенний ветер вздувал епанчу Владислава. Он шел скоро и минут через пять был уже

дома. Полусонный слуга внес к нему свечку и готовился раздевать барина, но Владислав отослал его под предлогом, что ему надобно писать. И подлинно, он взял лист почтовой бумаги и сел за стол. Долго макал перо в чернильницу, наконец, капнул на лист, с досадою бросил его, вынул другой, раза два прошелся по комнате и сел опять на свое место.

Напрасно тер он лоб, напрасно подымал волосы — он не находил в голове мыслей, или, может быть, слишком много мыслей просилось вдруг на бумагу. Вдруг вынул он перо, опять капнул и остановился.

— Нет! Я не могу писать,— сказал сердито Владислав, вскочив со стула и бросившись на кровать во всем платье. На стуле возле его постели лежал какой-то том Шекспира. Владислав взял его, долго перевертывал листы, наконец положил опять книгу и потушил свечку.

— Вставай,— закричал поутру громкий голос.

Владислав вскочил с постели, протирая глаза, и узнал молодого графа, который, стуча саблей, вошел к нему вместе с Лейхеном.

— Да ты и не ложился? — сказал Любомиров, набивая трубку табаку.— Или ты всю ночь готовился набожно к смерти?

Владислав не отвечал ни слова и продолжал одеваться.

Подвезли коляску; все трое молча уселись.

— Мы забыли пистолеты,— сказал торопливо Владислав, когда они несколько отъехали от дому. Любомиров указал ему на ящик, который стоял под ногами Лейхена, и кучеру велел ехать скорее.

ВАРИАНТЫ

Варианты публикуемых в настоящем издании произведений приводятся по всем сохранившимся автографам Веневитинова, а также по прижизненным спискам произведений, подготовленных для *изд. 1829 и 1831 гг.* Кроме того, приводятся варианты произведений Веневитинова, напечатанных или подготовленных к печати при его жизни, и варианты произведений, публикация которых была осуществлена до *изд. 1829 и 1831 гг.*

Варианты приводятся полностью; опускаются лишь дуплетные формы типа: уже — уж, чтобы — чтоб, же — ж, между собою — между собой, длиннее — длинней, такою — такой. Не учитываются также такие дубли, как: и проч.— и пр., напр.— например.

Несовпадения в некоторых случаях нумерации стихов в «Вариантах» с нумерацией соответствующих стихов в текстах объясняются тем, что сохранившиеся автографы стихотворений Веневитинова чаще всего являются черновыми вариантами и первоначальное расположение в них стихов не всегда аналогично окончательному.

Выпущенные по цензурным соображениям или каким-либо иным причинам в *изд. 1829 и 1831 гг.* строки и предложения приводятся в примечаниях. В примечаниях же указаны и единицы хранения автографов Веневитинова.

В прямых скобках приводится зачеркнутое в автографах Веневитинова и списках. В угловых — дополнения слов, сделанные составителем, которому принадлежат и все подстрочные примечания в разделе «Варианты».

СТИХОТВОРЕНИЯ

Знамения перед смертью Цезаря (с. 12—13)

Варианты списка *ГБЛ*

2 С небесной высоты ты можешь проникать
3 До глубины сердец, где возрастают мщенья
12 Расплытые скалы вращал рукой огнистой
25 Во внутренности жертв смущенный взор жрецов
34 И в битве падал брат от братьевой руки

Веточка (с. 15—16)

Вариант списка *ГБЛ*

28 Непреборимою волной

Песнь Кольмы (с. 21—22)

Варианты автографа *ГБЛ*

3 Округ меня стихий война
20 Он сбросил с плеч свой лук могучий
[Сложил свой рог и лук мог⟨учий⟩]
24 Лежит на мураве сухой
25 Иль ждать мне на горе пустынной
37 И для Сальгара кров родимый
[Ах, для тебя ⟨нрзб.⟩ кров родимый]
41 Но мы враги ль, Сальгар, с тобой
[Мы, мы враги ль, Сальгар, с тобой]

К С⟨карятину⟩ (с. 23—24)

Варианты автографа *ГБЛ*

6 [Нет! нет нестройную* моя звучала лира]
21 [То мчится к радуге, завидя [свод] цвет небесный]
23 [К высоким мыслям жар. Нет, он в душе таится]
26 [Я полечу к]
29 [Пусть это сон! Меня надежда утвер⟨ждает⟩]
36 Я захотел заране отдохнуть
38 Сыскал себе приют, но жребий мой счастливый

* Так в автографе.

[Я избрал свой приют, но жребий мой счастливый]
[Нашел себе приют, но жребий мой счастливый]
45 [Ты хочешь дни считать делами громкой славы]
46 [Иди, но в стане жизнь, воинские забавы]
47 [Все будет ново для тебя]
48 [Как сна нежданные картинки]
51 [Среди подвижного шатра]
Между 51 и 52
[В часы свободы и мученья]
[Когда с отвагой боевой]
[Когда при шпорах и усах]
54 [Сберутся вкруг тебя с бокалами в руках]
[Сберутся вкруг тебя с стаканами в руках]
55 И громко застучат бокалы круговые
56 [Стремясь душой к тишине]
[Несясь душой к тишине]
57 [Ты вспомнишь, может быть, невольно обо мне]
58 [И чуждый шумных сих веселий]
59 [Взглянув нечаянно на этот список мой]
61 [Ты] [Промолвишь про себя: Мы некогда умели]
62 [Пристойность сочетать с забавой и игрой]

Сонет («К тебе, о чистый дух...»)
(с. 25)

Первоначальные варианты автографа *ГБЛ*

7 Я лишь игралище минуты быстротечной
9 Греми надеждою, греми хвалою лира
10 Греми не умолкай, греми ужасным громом
12 Природа с трепетом во мрак поверглась вновь
13 Греми. Пусть с верою надежда и любовь
14 Зовут его и средь развалин мира.

В автографе, видимо, ошибочно ст. 3: «Она затеряна в *сей доле* заточенья», что противоречит содержанию произведения. В изд. 1829 г. ошибка выправлена: «Она затеряна в юдоли заточенья».

Четыре отрывка из неоконченного пролога «Смерть Байрона» (с. 27—29)

Варианты автографа * *ГБЛ*

17 [Еще лишь час — и наши челны]
23 Да! Смерть мила, когда цвет жизни
26 [Но предпредельности **]
29 [Я помню берег Тенедоса]
31 [В спокойной пристани ночуя]
44 [Где изредка неслись к брегам]
45 [Или обломок кора⟨бля⟩]

Песнь грека (с. 30—31)

Варианты *СЦ*

3 Как мой отец, простый оратай
5 Но турков злые ополченья
20 За все мой меч им отомстит

Любимый цвет (с. 32—33)

Вариант автографа *ГИМ*

30 Улыбкой нежною, прелестной

Вариант *СЛ*

50 Он цвет денницы молодой

Поэт (с. 37—38)

Вариант списка *ЦГАЛИ*

14 На все покойно он взирает

Варианты *МВ*

10 Бушует ветренная младость
11 Безумный крик, нескромный смех
14 На все спокойно он взирает
22 Его боязни, упованья

* Отсчет строк ведется по всей рукописи произведения, а не только той части, что написана рукой Веневитинова.
** В автографе надписано над строкой, затем зачеркнуто.

Жизнь (с. 42)

Первоначальные варианты автографа *ГБЛ*

1 Вначале жизнь, как рай, для нас
2 Все ново в ней, все занимает
3 И, как причудливый рассказ
4 Воображать нас заставляет
7 Он греет в нас воображенье
8 Как о волшебном приключенье
10 Но перестанет блеск игривый
12 Потом на все глядим уныло

Послание к Р⟨ожали⟩ну

(«Оставь, о друг мой, ропот свой...») (с. 43—45)

Вариант списка *ГБЛ*

66 Я полной жизнию прожил

Завещание (с. 46—47)

Варианты *СЦ*

1 Вот час последнего страданья
20 Мне все позволено теперь
25 В раю мы ангелов своих
30 В ней тайный голос исступленья
38 И будет жить как вольный дух
39 Без образа, без тьмы и света
44 Ты изменишь, беда с тех пор!

К моему перстню (с. 48—49)

Первоначальные варианты автографа *ГБЛ*

3 И снова ты в пыли могильной
4 Найдешься, перстень верный мой
9 Нет, дружба в горький день прощанья
12 Будь мне защитой, талисман

Строки, следующие за ст. 12 и исключенные из окончательного текста:

И охрани, мой перстень верный,
От той надежды суеверной
17 И чуждых сердцу заблуждений

19 И упованьем оживи
22 Оно отчаяньем заноет
Оно замыслит истребить
31 Мой верный перстень не снимал
37 Что кто-то прах встревожит мой
43 И утешеньем будешь ей
44 Как был ты мне, мой перстень верный

Три розы (с. 50—51)

Вариант *СЦ*

10 И если кто ее сорвет

Три участи (с. 52—53)

Варианты списка *ГБЛ*

5 Народов признанье ему не хвала
6 Народов проклятье ему не упреки
17 Но верьте, друзья, всех счастливей стократ

Утешение (с. 59—60)

Варианты автографа *ГБЛ*

6 Источник жизни дивный пламень
9 Немногие небесный дар
[Немногие сей дивный дар]
10 [В удел от неба получают]
32 [Созреет плод тревоги тайной]
35 [И вырвется оно недаром]
38 И в ней пробудится пожаром

Жертвоприношение (с. 61—62)

Варианты автографа *ГБЛ*

1 [О жизнь, жестокая сирена]
5 [Ты песни радости]
6 И песни радости поешь
8 И в песнях радости — лишь ложь
11 [Не привлекай моих очей]
12 [Твоим коварным привиденьем]
[Каким-то мрачным привиденьем]
15 Нет, я тебе не обречен

19 Ланиты бледностью облить
[С ланит моих ты можешь смыть]
20 [То, что на них излила младость]
20 и 21 переставлены.

На новый 1827 год (с. 64)

Вариант автографа *ГПБ*

10 И нечем заглушить упрека

Крылья жизни (с. 65—66)

Варианты автографа *ГБЛ*

8 [Берет на крылия]
11 [С прекрасной ношею]
12 Но вскоре тягостна
25 Все болей, более
29 [И жизнь порожняя]
30 [Одна ⟨нрзб.⟩ уже]
[Что без бремени]
31 Летит покойнее
32 [Лишь только в перушках]

Италия (с. 67)

Первоначальные варианты автографа *ГБЛ*

5 Я весело с мечтами распрощаюсь
9 Как радостно я буду петь зарю

Варианты *МВ*

4 Как я люблю твой образ в светлом сне
18 Я вызову их сонмы из гробов

Элегия (с. 68)

Варианты списка *ГБЛ*

10 И цвет небес в очах нам привезла
14 Он не горит любовью мирной, нежной
17 [То стихнет вдруг, то снова закипит]

К моей богине (с. 69—71)

Варианты списка *ГБЛ*

32 Зачем мне счастье, что оно?
47 Твое явленье б, ангел милый
50 Мою бы грудь наполнил снова
61 [Скитаюсь тих и одинокий]

XXXV (с. 72—73)

Варианты автографа *ГБЛ*

7 [Где я найду утес надежный]
10 [Откуда буду я глядеть]
17 [Лови дары сей жизни дивной]
22 [Как сон туманный улетят]
29 [Я верю гласу прорицанья]
39 [Уныло вечер провожает]
41 В румяном небе светлый день

Поэт и друг (с. 74—77)

Варианты *МВ*

25 И в грудь для сладостной любви
43 Тому процвесть развитой силой
69 И смелый стих не раз встревожит

Последние стихи (с. 78)

Вариант списка *ГБЛ*

6 С печатью власти на челе

Земная участь художника (с. 79—85)

Первоначальные варианты авторизованного списка *ГБЛ* второго действия

21 Иду на рынок я: дай рубль мне
24 Пошла! Вот он! Ну так возьми!
26 В ином получше, а в другом похуже
30 Мой сын, уже теряешь ты терпенье
37 Он счастие твое! им наслаждайся ты
38 Поверь! лишь тот покою цену знает
39 Кто потом и трудом его приобретает

Апофеоза художника (с. 86—98)

Варианты авторизованного списка *ГБЛ*

В первой авторской ремарке заключительная часть последнего предложения читалась: «и занимается списыванием картины»

3 [Пишу, мараю и уж сам]
4 [Не верю я своим глазам]
6 Все вымерил, все рассчитал
21 Везде там живость, страсть видна
22 Здесь принужденность лишь одна
31 [Мой сын! за это похвалю]
38 Что нынче кажется тебе
208 [Брось гордый взор] ⟨далее лист списка оборван⟩
[Твое творенье] ⟨далее лист списка оборван⟩
223 [Здесь мудрый князь твой дар благословляет]
246 [Когда она грустит в темнице дальней]
247 [Скажи ему, что он лишился не всего]
251 [Пусть хвалят все мои творенья]
259 [Я счастлив и доволен был]
[Когда насущный хлеб]
[Когда я сытный стол с женой, с детьми делил]
260 [Я счастлив и доволен был]
261 [И не имел другого насла⟨жденья⟩]
[Но я везде встречал одно гоненье]
273 [Там на земле не забывай его]
276 [Пусть он вполне вкусит твою любовь]
278 [Но здесь подай ему сосуд очарованья]
279 [Без яда горьких слез, без примеси страданья]

между стихами 275—276 первоначально были стихи:

[Даруй ему довольство и покой]
[Пусть дни его прольются тишиной]
[Согрей его целебным упованьем]

Фауст и Вагнер (с. 99—102)

Варианты автографа *ГБЛ*

Заглавие: Сцена Фауста с Вагнером

13 [О если б крылья нас носили]

15 Зарею вечною блистали
21 [Тогда бы скалы б и вершины]
30 [И я парю ему во след]
31 [Меж ночию и днем, меж небом и морями]
35 [Но солнце скрылось за горами]
55 Перелистать листы и страницы

Песнь Маргариты (с. 102—103)

Вариант автографа *ГБЛ*

25 [И речь звучней]

Монолог Фауста (с. 104—105)

Варианты автографа *ГБЛ*

Заглавие: [Монолог Фауста (Ночь. Пещера)]
13 [Созданья цепь — и что ж? Я узнаю]
31 [И с грозных скал, из сумрачного леса]

Варианты *МВ*

Заглавие: Монолог Фаустов в пещере
7 Дар чувствовать ее и силу наслажденья
8 Другой едва скользит по ней
16 Когда бушует ветр в дубраве темной
25 Души чудесные и тайные виденья
44 Он в прах меня унизил предо мною
49 В желаньи к счастию, а в счастии к желанью.

ПРОЗА

Письмо к графине NN

С. 115. *Перед*:... заставляло вас требовать от себя отчета...— всегда...

С. 115. *Перед*:... кратком и простом изложении, такую науку... — зачеркнуто: самом...

С. 115. *Вместо*:... обещание решился я исполнить в настоящих письмах... — ...обещание решился я выполнить в настоящих письмах...

С. 116. *Вместо*:... кто вам представил ее в таком виде.— кто вам представит ее в таком виде.

С. 116. *Вместо*:... благороднейшими наклонностями человека.— ...благороднейшими способностями человека.

С. 116. *Вместо*:... и на это я пе могу дать вам решительного ответа.— ...и на это не могу дать вам решительного ответа.

С. 116. *После*:... искать его в самой науке и потому сделаем другой вопрос... — зачеркнуто: Есть ли наука...

С. 117. *К фразе*: Если мы таким же образом рассмотрим и другой ответ, то увидим, что история... — подстрочное примечание: История — не как простой рассказ, но как наука; в первом случае она может быть подведена под условия эпической поэзии.

С. 117. *Перед*:... теорию, 2) каждая имеет отдельный, ей только собственный предмет.— общую...

С. 118. *Перед*:... систему (то есть иметь форму)... — зачеркнуто: один...

С. 118. *После*:... но общий закон, которому она необходимо...— зачеркнуто: должна следовать...

С. 118—119. *Вместо*:... мы напрасно бы стали искать у одного какого-либо поэта.— ...мы напрасно бы стали искать у одного поэта.

С. 119. *После*: В последнем письме своем ко мне... — зачеркнуто: вы сделали еще больше.

С. 119. *Перед*:... развитии, как вы сами можете заметить... — зачеркнуто: их...

С. 120. *Перед*:... наукам. Мы доказали выше, что все науки... — прочим...

С. 120. *Вместо*:... не устремленное на какой-нибудь особенный предмет... — ...не устремленное на какой-либо особенный предмет...

С. 121. *После*: Он принадлежит... — зачеркнуто: уже...

С. 121. *После*:... тут дело идет не о законах прекрасного, но... — зачеркнуто: об основном камне сих самых законах *, об законе,

* Так в автографе.

С. 121. *После*:... противоречили друг другу, опровергали системы... — зачеркнуто: но...
С. 121. *После*: Божественному Платону предназначено было представить... — зачеркнуто: у греков...
С. 121. *Вместо:* Через несколько лет...— Через несколько времени...

Анаксагор

Варианты авторизованного списка *ГБЛ*

С. 122. *Вместо*:... чтобы ты когда-нибудь оставил хоть один из наших вопросов... —‹...›..чтоб ты когда бы оставил хоть один из наших вопросов.
С. 122. *Перед*:... и так, Анаксагор... — оно...
С. 123. *Перед*:... мир совершенного блаженства... — новый...
С. 123. *Вместо*:... тогда очарование прекратилось... — ...то очарование прекратилось...
С. 123. *После*:... для чего дано человеку понятие о таком счастии... — зачеркнуто: которое ему отказано.
С. 123. *Вместо*:... я думал в этом случае быть с тобою согласным.— ...я думал в этом случае быть одного с тобою мнения.
С. 125. *Вместо*: Вообще эмблему всякого целого... — Вообще эмблема всякого целого...
С. 125. *После*:... и приближающегося к концу... — зачеркнуто: жизни.
С. 125. *Вместо*:... посвятив почти целый век любомудрию... — ...посвятил почти целый век любомудрию...
С. 125. *Вместо*:... одного чувства — совершенного самопознания,— ...одного чувства — чувства совершенного самопознания.
С. 126. *После*:... описанию какого-то утраченного блаженства, и слова мои...— зачеркнуто: в этом случае.
С. 126. *После*: Но когда вдохновенный художник... — зачеркнуто: в борьбе с самим собою, с своим искусством передал...

С. 127. *Вместо*: Что до времени? — Что до времени!
С. 127. *После*: Ум мой гордится... — зачеркнуто: гордый...

Варианты «Денницы»

С. 124. *Вместо*: Но не менее того это не доказывает ли... — Но не менее того это не доказывает ли...
С. 125. *Вместо*:... знать старца, свершившего в добродетели путь... — ...знать старца, совершившего в добродетели путь...
С. 125. *Вместо*:... — где причина всех его покушений... — Где причина всех его покушений

Несколько мыслей в план журнала

Варианты 1 и 2 списков* *ГБЛ*

С. 128. *Вместо*:... к чему ведет его непреоборимое желание действовать? — ...к чему ведет его непреборимое желание действовать? (2 сп.).
С. 128. *После*:... отчет в своих делах и определяет сферу... — зачеркнуто: своих (1 сп.).
С. 129. *После*: Вопросы, на которые едва ли можно ожидать ответа... — которые вопрошающий должен даже таить про себя или разделить с немногими.
С. 129. *После*:... отсутствие всякой свободы и истинной деятельности. — Зачеркнуто: Как пробудить ее от пагубного сна? Как возжечь среди этой пустыни светильник разыскания? (1 сп.).
С. 129. *После*:... принял бы направление самобытное, ему... — зачеркнуто: собственное (1 сп.).
С. 130. *Вместо*:... не можем похвалиться ни одним памятником, который бы носил печать свободного энтузиазма... — ...не можем похвалиться ни одним памятником свободного энтузиазма... (2 сп.).

---

* Разделение на 1 и 2 списки носит у нас условный характер и основывается на том, что во 2-м (по нашему условию) списке опущены фраза и несколько слов, зачеркнутые в первом списке.

С. 131. *Вместо*:... остановить нынешний ход ее словесности... — ...остановить нынешний ход ее поэзии. (1 сп.).

С. 132. *Вместо*:... опираясь на твердые начала философии... — ...опираясь на твердые начала новейшей философии... (1 и 2 списки).

С. 132—133. *Вместо*:... вообще дух древнего искусства представляет нам обильную жатву...— ...вообще дух древнего искусства [представляет] представит нам обильную жатву... (2 сп.).

Утро, полдень, вечер и ночь

Варианты «Урании»

С. 135. *Вместо*: Все для него поясняется; всякое явление — эмблема... — Все для нас поясняется; всякое явление — эмблема...

С. 136. *Вместо*:... но и в бурю страстей человек не забывает... — ...но и в бури страстей человек не забывает...

С. 137. *Перед*:... не останавливают ее более... — быстро.

Разбор статьи о «Евгении Онегине»

Варианты авторизованного списка

С. 142. *Вместо*:... Пушкин, прочитав в «Телеграфе» статью о новой поэме своей... — ...Пушкин, прочтя в «Телеграфе» статью о новой поэме своей...

С. 142. *Вместо*:... но верным товарищем Байрона... — ... но сам верный товарищ Байрона...

С. 142. *После*:... на поприще всемирной словесности, стоя с ним на одной точке? — И окруженный с одной стороны карикатурами охриплых критиков, с другой — [толпой безумных рукоплескателей] ослепительной толпой людей, бьющих без ума в ладоши. В благородной досаде на своих панегириков, столь нескромных в похвалах, не повторил ли бы он про себя слова поэта к книгопродавцу:

Что слава? ⟨Шепот ли чтеца?
Гоненье ль низкого невежды?
Иль восхищение глупца?⟩

С. 143. *Вместо*:... что всякое несправедливое мнение... — ...что всякое ложное мнение...

С. 143. *Вместо*:... мнение, в нем провозглашаемое, должно необходимо иметь... — ...мнение, в нем проповедуемое...

С. 143. Перед:... влияние на суждение если не всех, то... — обширное.

С. 143. *После*:... иметь влияние на суждение... — зачеркнуто: многих.

С. 143. *Вместо*:... г. Полевой не оскорбится критикою...— г. Полевой не оскорбится статьею...

С. 143. *Перед*:... он в душе сознается, что при разборе... — и если...

С. 143. *После*:... что при разборе «Онегина» пером его... — зачеркнуто: слишком многих.

С. 143. *Вместо*:... управляло отчасти и желание обогатить... — ...управляло желание обогатить...

С.143. *После*:... разделяемое, без сомнения, всеми читателями «Телеграфа») — то заранее предложу ему в утешение стихи [из «Онегина»] из самого Пушкина, которым он так восхищен:
Наш век торгаш и проч. [в сей век железный
Без денег и свободы нет].

С. 143. *После*: Это ошибка против... — зачеркнуто: дипломатии.

С. 143. *Вместо*: Признаюсь, торжество незавидное... — Признаюсь, незавидное торжество...

С. 143. *После:* Никто, кажется, не делал и, вероятно, не сделает такого вопроса...— зачеркнуто: и остроумное замечание на различие между поэмою и книгою совершенно принадлежит изобретательной способности издателя «Телеграфа».

С. 144. *Вместо*:... следовательно в романе позволяется употребить разделение... — ...следовательно в романе [позволяется разделение] позволительно употребить разделение...

С. 144. *После*:... позволяется употребить разделение на главы; и проч.» — зачеркнуто: М⟨илостивый⟩ Г⟨осударь⟩, если бы и я сделал следующее умозаключение: Ваша статья помещена в «Телеграфе», следовательно, она дурна, не сказали бы вы, что я — романтический логик и изобретатель новых силлогизмов. Но и это изобретение принадлежит вам. Спешу возвратить вам вашу собственность, но...

С. 144. *После*:... непозволительно употребить разделение на главы»... — зачеркнуто: Но вам представлено уже...

С. 144. *Перед*:... погрешностей такого рода? — зачеркнуто: встретить...

С. 144. *Вместо*:... которые могут распространять ложные понятия о Пушкине... — которые могут распространить ложные понятия о Пушкине...

С. 144. *Перед*:... нашу словесность прелестными произведениями? — зачеркнуто: обогатил...

С. 144. *Перед*:... ума человеческого? — зачеркнуто: анналах...

С. 144. *Вместо*: Все произведения Байрона носят отпечаток... — Все произведения Байрона носят на себе отпечаток...

С. 145. *После*:... вы его *любите*. Так! — [поздравляю] Но ваш знакомый, ваш приятель...

С. 145. *Во фразе*:... осторожность опытного критика... — слово «опытного» зачеркнуто, затем снова восстановлено.

С. 145. *После*:... русскую словесность красотами, доселе ей... — зачеркнуто: незнакомыми.

С. 146. *После*:... характеры лиц, описания; но скажем только, что... — зачеркнуто: впечатления Байрона оставляют в его сердце глубокие следы и отражаются.

С. 146. *После*: И г. Полевой платит дань нынешней моде! — зачеркнуто: Как не побранить Лагарпа и Батте, чтобы доказать свое превосходство над старыми Аристархами.

С. 146. *Перед*:... определяют степени изящных произведений.— зачеркнуто: на которых...

С. 146. *Перед*:... и поэзия неразлучна с философией? — зачеркнуто: словом...

С. 146. *Вместо*: Если мы с такой точки зрения...— Если мы [с такой] с этой...

С. 147. *Перед*: Мы видели, как издатель... — зачеркнуто: теперь...

С. 147. *После*:... «Онегин» вам нравится, как «ряд картин»... — зачеркнуто: вы большие охотники до красок.

С. 147. *После*: Конечно, и колорит, необходимый... — зачеркнуто: в подробном выражении...

С. 147. *Вместо*:... выражения чувств, содействуют красоте, гармонии целого... — ...выражения чувств, содействуют к красоте, к гармонии целого...

С. 147. *После*:... с картиною и «Онегина» — с очерком! — зачеркнуто: При том же, в первый раз слышу, чтоб Рафаэль был так упрям и не хотел приняться за кисть. Г-ну Полевому должно быть известно, что он оставил множество картин и сдержал все то, что обещал в своих рисунках.

С. 148. *Перед*:... ошибок, то, верно, угрозы вас... — зачеркнуто: ваших...

С. 148. *После*:... не прочитавши всего романа.— зачеркнуто: Кто поверит, что после всех громких похвал, которые изд‹атель› «Т‹елеграфа›» воздает Пушкину и которые, впрочем, для самого поэта едва ли не опаснее безмолвных громов, мы читаем в той же статье...

С. 148. *После*:... на предыдущей странице г. Полевой говорит... — зачеркнуто: справедливо...

С. 148. *После*: Мы напомним ему...— зачеркнуто: он, конечно забыл...

С. 149. *После*: Я не знаю... — был ли когда-нибудь г. П‹олевой› франтом, лондонским dandy, записным посетителем Талона, но зачем ручаться за других? Впрочем, если бы мы и все были осуждены пройти через эту школу...

С. 149. *Вместо*: Я не знаю, что тут народного...— Я не знаю, что же тут народного...

С. 149. *После*: Порыв его... — зачеркнуто: остановлен...
С. 149. *После*: Порыв его остановился: для рецензента... — зачеркнуто: пушкиных * стихотворений...
С. 149. *Перед*:... согласен с вашим мнением... — зачеркнуто: совсем...
С. 149. *После*:... «вздыхает лира» — в поэзии прекрасно... — зачеркнуто: если лира — «гремит», зачем ей — не «вздыхать».
С. 150. *После*:... одном только отношении, т. е. как картина... — зачеркнуто: Петербурга...
С. 150. *После*: Я старался... — зачеркнуто: доказать...
С. 150. *После:* Теперь, что скажу в заключение? — зачеркнуто: Об «Онегине», что...

Варианты *СО*

С. 143. *Вместо*:... и, вероятно, не делает такого вопроса... — ...и, вероятно, не сделает такого вопроса...
С. 147. *Вместо*:... содействует красоте, гармонии целого...—...содействует красоте, к гармонии целого...

Два слова о второй песни «Онегина»

Варианты автографа *ГБЛ*

С. 151. *Перед*: Вторая песнь...— [Все уже давно приветствовали «Евгения Онегина», «Дамский журнал» поднес ему пучок рифм; «Северная пчела» угостила его своим медом; «Телеграф» также истощил перед ним все свои выразительные знаки [1*].

---

* Так в списке.

[1*] Пишу на авось, [«Телеграф» говорил и об «Онегине»?] С Онегиным давно познакомились все [чита⟨тели⟩] русские читатели, и нам некоторым образом, уже поздно говорить о нем; но, как издатели журнала, мы обязаны прибавить свой голос к голосу общему и сказать о нем хоть несколько слов. Вот наше мнение...

С. 151. *После*:... но опыт поселил в нем не... — зачеркнуто: мучительную страсть...

С. 151. *Перед*:... деятельную досаду... — зачеркнуто: сильную...

С. 151. *Перед*:... русской лени)... — зачеркнуто: не смеем сказать...

С. 151. *После*:... действуя лениво.— [характеры Ленского и Татьяны также очень живы и много обещают для продолжения романа.] О стихах ни слова. Если мы опоздали говорить о самом Онегине, то хвалить стихи Пушкина и подавно поздно.

Варианты *МВ*

С. 151. *Вместо*:... в «Северной пчеле» напрасно... — ...и в «Северной пчеле» напрасно...

С. 151. *Вместо*:... не едкую, деятельную досаду... — ...не едкую и деятельную досаду...

С. 151. *Вместо*: Если жизнь его будет без приключения... — Если жизнь его будет без приключений...

Разбор рассуждения г. Мерзлякова

Варианты авторизованного списка *ГБЛ*

С. 152. *Перед*:... теории; ибо нельзя назвать сим именем... — зачеркнуто: всякой...

С. 152. *После*:... разбросанные понятия о поэзии... — зачеркнуто: искры чу⟨в⟩ства...

С. 153. *Вместо*:... но и упоминать часто о том... — ...но часто и упоминать о том...

С. 153. *Перед*: Г-н Мерзляков останавливает... — Но...

С. 156. *После*:... распространяется наблюдение истинного... — зачеркнуто: философа...

С. 156. *Перед*:... усилия, там жизнь и надежда.— Зачеркнуто: видим...

С. 157. *После*:... она была приноровлена к... — зачеркнуто: совершенным...

С. 157. *После:* Понятия о двух началах... — зачеркнуто: перешедших...

С. 157. *Вместо*:... в которых хранился ключ к загадкам... — ...в которых хранился ключ к разгадкам...

С. 158. *После*:... близки к счастливому времени, в котором... — зачеркнуто: различные...

С. 159. *Перед*:... не досягала возвышенных ее понятий... — зачеркнуто: иногда...

Варианты *СО*

С. 152. *Вместо*:... нарушить молчание, повелеваемое уважением к достойному литератору.— ..нарушить молчание, невольно предписываемое уважением к достойному литератору.

С. 152. *Вместо*:... на мысли определенной, и эта мысль не господствует... — ...на мысли определенной; эта мысль не господствует...

С. 153. *Вместо*:... но и упоминать часто о том, что должно бы заключаться... — ...но часто упоминать и о том, что должно бы заключаться...

С. 154. *Вместо*:... читатель едва ли постигает сокрытое отношение... — ...читатель едва ли постигает скрытое отношение...

С. 154. *Вместо*:... ибо нет формы вне природы...— ...ибо нет форм вне природы...

С. 154. *Вместо*:... «подражательность» не могла породить искусства, которые проистекают...—...подражательность не могла породить искусств, проистекающих...

С. 154. *Вместо*:... греческих праздников в честь Вакха.— ...греческих празднеств в честь Бахуса.

С. 155. *Вместо*:... с высоты взывая к небу, пробуждает...— с высока взывая к небу, пробуждает...

С. 155. *Перед*:... что здесь говорим...— отсутствует: Заметим... (подстрочное примечание.— *М. Ч.*).

С. 156. *Вместо:* Первая,— как бы поток... — Первая, как поток...

С. 156. *Вместо*:... из сферы, очерченной, кажется, предубеждением.— ...из сферы, очерченной, кажется, предубеждениями.

С. 156. *Вместо*:... г. Мерзляков жертвует ему часто... — ...г. Мерзляков часто жертвует ему...

С. 156—157. *Перед*:... дороги. Кто ожидал бы... — верной...

С. 157. *Вместо*:... чтоб в нашем веке взирали на поэзию...— чтоб в нашем веке на поэзию взирали...

С. 157. *Фраза:* Как поэзия, «получившая свое существование от случая», должна, сверх того, влачить оковы рабства от самой колыбели? — отсутствует.

С. 157. *Вместо*:... любовь к отечеству, свободе и славе... — ...любовь к отечеству, к независимости и славе...

С. 157. *После*:... уклонялась от духа века, который был... — так сказать...

С. 157. *Вместо*:... в которых заключалась вся философия их времени... — ..в которых заключалась вся философия его времени...

С. 157. *Вместо*:... сокровенные истины Элевзинских таинств... — ...сокровенные истины Элевзинских тайн...

С. 158. *Вместо*: Ав. Шлегель с большею основательностию... — Ав. Шлегель с большою основательностию...

С. 158. *Вместо*:... пророческие предчувствия высоких истин.— ...предвещательные предчувствия высоких истин.

С. 160. *Вместо:* Между ними заслуживает особенного внимания... — Между ними заслуживает особенное внимание...

С. 161. *Вместо*:... пророчество Кассандры... — ...предсказание Кассандры...

С. 161. *Вместо:* Везде видны... — Везде виден...

С. 161. *Вместо*:... как счастливейшей приманки для читателей.— .как счастливейшая приманка для читателя.

Европа

Варианты списка *ГБЛ*

С. 170. *После*:... человечества едва ли встречает явление... — зачеркнуто· более ясное и имеет более затруднительности...

С. 170. *После*:... Европе пред прочими частями... — земли.

С. 171. *Вместо*: Множеством, красотою, разнообразием... — Множеством, разнообразием, красотою...

С. 171. *После*:... способностей нашей природы кажется... — зачеркнуто: недосягаемым.

С. 171. *Вместо*:... Азия при всех переменах великих ее государств... — ...Азия при всех переменах великих государств [своих] ее...

С. 171. *Перед*:... представляет нам вечное возрождение деспотизма... — зачеркнуто: Азия...

С. 171. *После*:... на почве европейской развернулось зерно... — ...политической свободы и принесло в самых разнообразных формах, в столь многих частях Европы прекраснейшие плоды, которые оттуда перенесены были и в другие части света.

С. 171. *После*: Как далеко от станка... — зачеркнуто: с берегов...

С. 171. *Вместо*:... от указателя часов солнечных... — ...от солнечных [стрелок]...

С. 172. *Перед*:... мудрецов, которые нередко сильно действовали... — своих...

С. 172. *Перед*:... вышедши из состояния дикого... — зачеркнуто: лишь...

С. 172. *После*: Македонское царство, заключенное в... — зачеркнуто: тесных пределах...

С. 172. *Вместо*: Монголы проникли до Силезии... — Моголы проникли до Силезии...

С. 172. *Перед*:... до Силезии, только степи России... — зачеркнуто: ворвались...

С. 175. После: Это доказывает только то, что... — зачеркнуто: при опытах доселе известных...

С. 175. *Вместо*:... некоторым образом понуждает

своих жителей... — ...некоторым образом принуждает своих жителей...

С. 175—176. *После*:... ибо она столь же мало благоприятствует... — зачеркнуто: охотнической...

С. 176. *Перед*:... под небом более суровым.— Зачеркнуто: требуемые...

С. 176. *После*:... с другой стороны, это самое... — зачеркнуто: породило бы причи⟨ны⟩...

С. 176. *Вместо*: Без напряжения человек не расширяет... — Без напряжения не расширяет человек...

С. 177. *Вместо*:... чуждою однообразию земель тропических.— ...чуждою блестящему однообразию земель тропических.

С. 177. *После*:... народы Татарии и Монголии... — зачеркнуто: так долго, как они кочевали...

С. 177. *После*:... кочуя в землях своих, осуждены... — зачеркнуто: были...

С. 177. *Перед*: Свойствами почвы своей... — зачеркнуто: Но...

С. 177. *После*: Одно ли свойство климата замедляет... — зачеркнуто: и более...

С. 178. *После*:... сие усовершенствование семейственной... — зачеркнуто: жизни...

С. 178. *После*: Кто может... — зачеркнуто: решитель⟨но⟩...

С. 178. *После*:... несмотря на это, они успели... — зачеркнуто: догн⟨ать⟩ успели...

С. 178. *Вместо*:... свойствам, собственным Югу и Северу... — ...свойствам, собственным Северу и Югу...

С. 178. *После*:... высоты Тибетских гор, почитается... — зачеркнуто: высочайшей горою...

С. 179. *После*:... исключая Эбро, Рону, По и... — зачеркнуто: единственно...

С. 179. *Перед*:... волны свои в Средиземное море.— Зачеркнуто: проливают...

С. 179. *Вместо*:... если бы твердыня Альпийских гор... — ...если твердыня Альпийских гор...

С. 179. *После*:... близ Средиземного моря, протянулась... — зачеркнуто: бы.

С. 179. *Вместо*:... когда север отделялся от юга физически... — Когда север отделялся от юга физически...

С. 179. *Вместо*:... если он, по-видимому, едва был... — если он, по-видимому, был едва...

С. 180. *После*:... воздуха, более теплое, этот рисунок гор, более... — зачеркнуто: нежный...

С. 180. *Вместо*:... неужели все это существует в одних песнях... — ...неужели это [живет] существует в одних песнях...

С. 180. *Вместо*: Здесь природа нигде... — Здесь нигде природа...

С. 180. *После*:... ущедрила прекраснейшими дарами.— зачеркнуто: своими...

Сцены из «Эгмонта»

Первоначальные варианты списка *ГБЛ*

С. 181—182. *После*:... в глазах моих меня оправдывает... — зачеркнуто: меня народ самой собою...

С. 182. *После*:... как примет он такие известия? — зачеркнуто: И что же?

С. 182. *Перед*:... его духу блуждения.— Густо зачеркнутое слово.

С. 182. *После*:... и думать нельзя без содрогания.— зачеркнуто: и о которых...

С. 182. *После*: Я должна... — зачеркнуто: обстоятельно...

С. 182. *Во фразе*: Я должна подробно уведомить о них двор... — отсутствует: о них.

С. 182. *После*:... уведомить о них двор.— зачеркнуто: обстоятельно.

С. 182. *Вместо*: Обстоятельно ли описал ты... — было: [Скажи мне, подробно ли] описал ты...

С. 182. *Перед*: Рассказываю, как сперва в С‹ент›-Омене... — зачеркнуто: Я написал их подробно и обстоятельно, так как со вкусом король...

С. 182. *Перед*:... в С‹ент›-Омене... — густо зачеркнутое слово.

С. 182. *Перед*:... с палками, топорами, молотами... — зачеркнуто: толпа бешеных...

С. 182. *Перед*:... немногими вооруженными людьми... — зачеркнуто: и сопровождаемых...

С. 182. *Вместо*:... разгоняли молельщиков, выламывали ворота, опрокидывали алтари, разбивали святые лики... — было:... разгоняли [набожных молельцев], выламывали [запертые] ворота, опрокидывали алтари, разбивали [каменные изображения святых]...

С. 182—183. *После*:... ловили, рвали, топтали все... — зачеркнуто: что попадалось ей и принадлежало...

С. 183. *После*: Скажи... — зачеркнуто: так ли ты думаешь, Махиавель...

С. 183. *После:* Одним словом... — зачеркнуто: не преследуйте...

С. 184. *После:* Разве ты забыл... — зачеркнуто: с каким негодованием брат мой отбросил...

С. 184. *После*:... поддерживать истинное вероисповедание? — было: Он не хочет [купить] на счет религии спокойствия и согласия [но набирает он] в провинциях шпионов...

С. 184. *После*:... кто именно склоняется к новым мнениям? Не... — зачеркнуто: часто награждал он нас удивлением...

С. 184. *Перед*:... что люди, к нам близкие... — было: внезапно открывая нам...

С. 184. *После*:... близкие, тайно приставали к... — зачеркнуто: раскольникам...

С. 184. *После*: А я... — густо зачеркнутое слово.

С. 184. *Перед*:... буду советовать ему терпеть... — густо зачеркнутое слово.

С. 184. *После*: Подумайте о том, что вы делаете.— зачеркнуто: Первые купцы взроптали.

С. 184. *Вместо*:... одну половину царства истреблять другою! — было:... истреблять одну половину царства другою!

С. 185. *Вместо*: По этим словам не сомневайтесь в моих правилах.— было: [По крайней мере не сомневайтесь во мне].
С. 186. *После*:... я говорила о безделице, о деле... — зачеркнуто: побочном...
С. 186. *Вместо:* Лишь бы нидерландцы не боялись за свои права... — было: [Пусть только] нидерландцы [перестанут тревожиться от устройства своего правления]...
С. 186. *После:* Быть может в этих словах более... — зачеркнуто: заключается справедливости, нежели ума и ревности к вере...
С. 186. *Перед*:... доверенность, когда нидерландец видит... — зачёркнуто: твердая...
С. 186. *После*:... спасли ли столько душ, сколько... — зачеркнуто: нахитили богатств...
С. 186. *После*:... видно, что ненасытные испанцы... — густо зачеркнутое слово.
С. 186. *После*:... алкают завладеть сими местами? — зачеркнуто: Но что же приятнее для всякого народа?
С. 186. *После*:... который наперед старается... — зачеркнуто: приобресть владения...
С. 188. *Вместо*: Внимание всего народа обращено на него; он покорил себе сердца всех.— было: [Он все в глазах народа, все души покорены ему].
С. 188. *После*:... Эгмонтом, как будто не хочет забыть... — зачеркнуто: он...
С. 188. *Вместо*: Его сборища...— Его [собрания]...

ДОПОЛНЕНИЯ

СТИХОТВОРЕНИЯ

«В чалме, с свинцовкой за спиной...» (с. 205)

Первоначальные варианты автографа *ГБЛ*

3 Беспечен и поджавши руки
5 Шагал и вдруг толкнул
В его мечтаниях, как тень

9 Усач невольно стал
14 И не шатались ‹нрзб.›
18 Другой
21 Он думал, думал — и опять
22 Усач беспечный стал ходить

Евпраксия (с. 215—222)

Первоначальные варианты автографа *ГБЛ*

Песнь первая
34 Что будут брани или глад
Песнь вторая
1 В дворце, средь комнаты огромной
2 С большими сводами, но темной
17 Так вечер длится с тишиной
24 И Федор без восторга пьет
33 Бывало он с супругой милой
34 Веселье жизни разделял
44 Уже на берегу реки
89 Защитник веры и свободы
109 Оставил кров, где ты счастливый
112 Но он с пылающей душой

После ст. 131 следовало:

Столь неожиданный набег
Привел моголов в изумленье
146 Волнам потока уступает
158 Что всякий раз как май рождался
162 Сюда стекались наши предки
163 Теснилися со всех сторон
С дарами бедными в руках

Новгород (с. 227—228)

Первоначальные варианты автографа *ГБЛ* *

8 Тебя ли вижу, древний град
9 Свободы, славы и торговли

* Поскольку в основном корпусе текст «Новгорода» публикуется по *изд. 1829 г.*, мы приводим здесь лишь первоначальные варианты автографа. По той же причине приводятся только первоначальные варианты автографа и стихотворения «К любителю музыки».

11 Холмы сих брошенных обломков
17 Тут поверни так очень близко
27 «Как нет?» — «Где площадь? Недалеко
29 Мы там чрез несколько домов
Теперь мы прямо едем к ней
31 Здесь, говорят, висел когда-то
34 Безмолвствуй. Это место свято
36 Потише!.. нет, скорей, скорей
43 Так все здесь живо, как и прежде
46 Ты облечен как в седине
48 И вид твой в прахе горделивый
49 Мне говорит вестник

К любителю музыки (с. 230)

Первоначальные варианты автографа *ГБЛ*

4 Противны, ненави⟨стны⟩
8 Горит в душевной глубине
15 Тогда б душа твоя, немея
16 Святую радость поняла
20 И бури неба в тьме страстей

ПРОЗА

О математической философии

Первоначальные варианты автографа *ГБЛ*

С. 235. *После*: Вагнер, защищая... — зачеркнуто: общую математику...

С. 235. *Перед*:... законы сего анатомического явления... — зачеркнуто: подчиняет...

С. 235. *После*:... доказывает, что сия идея есть общая и... — зачеркнуто: почитаемая законом в области всех наук и искусств...

С. 235. *После*:... переходя в область частного, развивают... — зачеркнуто: изображение...

С. 235. *После*:... сего общего закона мира в различных... — зачеркнуто: изменениях частного, областях частного...

С. 236. *После*:... единственной *чистой науки*... — зачеркнуто: и именно...
С. 237. *После*: Из сего... — зачеркнуто: можно заключить...
С. 237. *После*: Из сего следует, что все науки... — зачеркнуто: заключают в себе истинного...
С. 237. *После*:... пример из «Натуральной философии» Окена... — зачеркнуто: открываются посредством одной математики и, принимая общее значение, делаются истинными...
С. 237. *После*:... следственно, каждый из сих... — зачеркнуто: членов...
С. 237. *Перед*:... общая теория, или общее выражение... — зачеркнуто: и это...
С. 238. *После*: Теперь г-н Блише допустит мне... — зачеркнуто: может быть...
С. 238. *После*:... в геометрии — натуральная история.— Зачеркнуто: Я ставлю также на одном ряду с натуральной философиею и натуральной историею...
С. 238. *Перед*:... была древнейшею наукою древнейших жрецов... — зачеркнуто: несомненно...
С. 238. *После*:... между древностию и новейшими временами... — зачеркнуто: которая не в том только заключается, что...
С. 238. *После*:... древнейшим народам закон мира был ясен по...: — зачеркнуто: природным ⟨нрзб.⟩...
С. 238—239. *Вместо*:... сей закон в одном умозрении; но сверх сего, что... — было:... сей закон в [только] одном умозрении, но сверх сего [я показал], что...
С. 239. *Перед*:... влияние пророков, приуготовивших... — зачеркнуто: развивает...
С. 239. *После*:... основываясь для сего на законе полярности... — зачеркнуто: полярность наук развивает...
С. 239. *Перед*:... все познания в законы сего математического организма... — зачеркнуто: усовершенствовать...

Выписка из Блише

Первоначальные варианты автографа *ГБЛ*

С. 240. *После*:... что математика в общих... — зачеркнуто: идеях...

С. 240. *После*:... форму и организм мира; но я... — зачеркнуто: того мнения...

С. 240. *После*:... и вообще математическое выражение... — зачеркнуто: общих идей...

С. 240. *После*:... Итак, я... — зачеркнуто: не принимаю за справедли⟨вость⟩...

С. 240. *Перед*:... смысле наука бы в ней ⟨была⟩ подчинена форме.— Зачеркнуто: в таком...

С. 240. *После:* Геометрия — в форме... — зачеркнуто: представления...

С. 241. *После*:... условиями для ясности сего познания)... — зачеркнуто: есть...

С. 241. *После*:... совсем отлично от формы... — зачеркнуто: есть...

С. 241. *Перед*: После сего Блише... — зачеркнуто: Блише...

О действительности идеального

Первоначальные варианты автографа *ГБЛ*

С. 241. *После*:... первая любовь этого сердца... — зачеркнуто: огненного...

С. 241. *После*: О! первая любовь — эта Филомела...— зачеркнуто: вздыха⟨ющая⟩, поющая, вдохновенная...

С. 241. *Вместо*:... под зеленеющими ветвями молодой жизни... — было:... под [весенними] ветвями жизни...

С. 241. *Вместо*:... судьба жестоко преследует ее и убивает.— Было:... судьба жестоко [гонит] ее и [всегда] убивает [и заключает в могилу вечную].

С. 241. *После*:... лелея в сердце... — зачеркнуто: незабудочку...

С. 242. *После*:... каждое сердце могло сказать другому:...— зачеркнуто: «Как счастлив я, что нашло * тебя...

* Так в тексте.

Золотая арфа

Первоначальные варианты автографа *ГБЛ*

С. 242. *Во фразе*: Под светлым небом счастливой Аравии... — отсутствует: счастливой...

С. 242. *После*:... на берегу Йемена жил... — почтенный...

С. 242. *После*:... известный своею мудростию между... — зачеркнуто: Корана...

С. 242. *После*:... между поклонниками Корана.— было: Уже восемьдесять раз соседние долины...

С. 242. *После*:... скоро должно будет пройти роковой мост... — зачеркнуто: который отделя‹л›, который отделял...

С. 242. *После*:... отделяющий небо от земли... — зачеркнуто: и услышать надежды сынов Пророка...

С. 242. *Вместо*: «Кебу, возлюбленный Кебу, мы скоро расстанемся, я не имею богатства, но в наследство оставляю... — было: [Мой сын] Мы скоро расстанемся; в наследство оставляю...

С. 242. *Вместо*: Всякий раз... — было: Всякую [ночь]...

С. 242. *После*: Я сам... — зачеркнуто: до конца жизни...

С. 242. *После*:... наблюдать совет мой, счастие... — зачеркнуто: всегда...

С. 243. *Во фразе*:... вскоре смерть похитила у него отца... — отсутствует: вскоре...

С. 243. *После*:... и он остался один... — зачеркнуто: с воспоминаниями о прош‹лом›...

С. 243. *После*:... в прохладе рощей воспевает... — зачеркнуто: раскошную...

С. 243. *После*:... Кебу не посещал знакомого холма.— зачеркнуто: Вот он, наконец, является...

С. 243. *Перед:* Он всходит на холм... — зачеркнуто: Природа так же красива. Ему кажется: улыбается природа, небо его...

С. 243. *После*:... тщетно теряется в долине.— зачеркнуто: Он понял все и...

С. 243. *После*: Ты в себе самом...— зачеркнуто: находил...

Сцена из «Эгмонта»

Площадь в Брюсселе

Первоначальные варианты автографа *ГБЛ*

С. 261. *После*: Совсем до... — зачеркнуто: последнего камешка...
С. 261. *После*:... права свои правительнице, да и... — зачеркнуто: постоять...
С. 261. *После*:... станем говорить, станем собираться, так... — зачеркнуто: скажут что-то же припишут...
С. 261. *После*: Ну, горе нам, если... — зачеркнуто: раз толпа черни...
С. 262. *После*: Проклятые ссоры, ужасные ссоры! — Зачеркнуто: Все придет, все придет...
С. 263. *После*: Не водитесь с этим, он мерзавец.— Зачеркнуто: Ему служить не первому господину.
С. 264. *После*: Ага! он говорит... — зачеркнуто: дело.
С. 264. *После*: Слышали, он знает... — зачеркнуто: свое...
С. 264. *После*:... самые редкие книги, в одной... — зачеркнуто: отрыл я...
С. 264. *После*:... когда они правили, как должно... — зачеркнуто: но...
С. 264. *После*:... вы узнаете что-нибудь да... — зачеркнуто: большего.
С. 267. *Перед*:... насильства и самовластия, так чтоб мы... — зачеркнуто: поступать...
С. 268. *После*: Там написано... — зачеркнуто: так же...
С. 272. *Перед*:... запираем домы и сундуки...— зачеркнуто: Зачем...
С. 273. *Перед*:... на нем платье? — Зачеркнуто: я...
С. 273. *После*: Ночью, во сне, все жилы... — зачеркнуто: трясутся...

Второе письмо о философии

Первоначальные варианты автографа *ГБЛ*

С. 274. *После*:... некоторым образом ее произведения... — зачеркнуто: ибо тут нет...

С. 274. *Перед*:... только законы избранных ею явлений... — зачеркнуто: исследует...
С. 275. *После*: Вот главная задача философии.— Зачеркнуто: В этой задаче...
С. 275. *После*:... в котором снова повторится... — зачеркнуто: согласие...
С. 275. *После*:... с умом, или объективного с субъективным.— Зачеркнуто: единственных факторов всякого знания...
С. 276. *Вместо*: Один...— зачеркнуто: Можно...
С. 276. *Вместо*: Если...— зачеркнуто: Итак...
С. 276. *Перед*: образовать истинную науку познания.— Зачеркнуто: следовательно...
С. 276. *После*:... и трансцендентальный идеализм.— Зачеркнуто: Выходя из первой, надобно, необходи⟨мо⟩...
С. 276. *После*:... то и науки, на них основанные...— зачеркнуто: как сие доказывают наши предположения...

Об «Абидосской невесте»

Первоначальные варианты автографа *ГБЛ*

С. 277. *После*:... *неверность* перевода г-на Козлова... — зачеркнуто: переводит...
С. 277. *После*:... свой собственный, буквальный.— Зачеркнуто: перевод.
С. 277. *После*: Например... — зачеркнуто: следующие...
С. 278. *После*: По этому примеру мы можем... — зачеркнуто: судить...

ПИСЬМА

1824

1. А. Н. ВЕНЕВИТИНОВОЙ

15 августа 1824. ⟨Новоживотинное⟩ *

Très chère et respectable maman.

Nous voilà derechef à la campagne après avoir passé deux jours à Voronège où nous nous sommes présentés chez le gouverneur que nous avions déjà rencontré chez Лев Алек⟨сеевич⟩ et qui dès l'abord nous engagea à dîner le même jour chez lui, nous sommes donc retournés chez lui et nous avons dîné à 6 avec le Maréchal de la noblesse et un certain Chott qui avait été fiancé à M-lle Venevitinoff et que nous avions aussi vu auparavant. Le gouverneur est un homme des plus aimables et sa maison est, je crois, la seule qui soit à l'abri de l'ennui qui règne généralement à Voronège. Il nous a beaucoup engagés à revenir chez lui pour faire la connaissance de sa femme

---

* Уважаемая и дорогая maman.

Вот мы уже опять в деревне [1] после двух дней, проведенных в Воронеже, где мы посетили губернатора [2], которого раньше встречали у Льва Алек⟨сеевича⟩ [3] и который сразу пригласил нас к себе обедать в тот же день. Таким образом мы вернулись к нему и обедали вшестером с предводителем [4] и неким Шоттом [5], бывшим женихом M-elle Веневитиновой [6], которого мы также видели раньше. Губернатор — человек очень любезный, и его дом, я полагаю, единственный, где можно спастись от скуки, царящей обычно в Воронеже. Он очень нас приглашал еще зайти к нему, чтобы познакомиться с его женою [7], которая сейчас нахо-

qui est dans ce moment à Липецк. Nous avons été chez le procureur qui nous a assurés que l'affaire de Norberg ne méritait pas qu'on y fasse attention et qui nous a offert ses services pour nos affaires, le chef de la chambre civile en a fait autant. Александра Патроновна que nous avons rencontrée chez Лев Алек⟨сеевич⟩ où elle loge maintenant nous a vivement sollicité de nous arrêter chez elle quand nous retournerons en ville; en un mot tout ce que nous avons vu ici de parents, d'anciennes et de nouvelles connaissances nous a temoigné infiniment d'amitié et paraît content de nous voir. Il n'en est pas de même de nos gens et si la joie est sur tous les visages je ne crois pas qu'elle fût dans tous les coeurs. Данила Иванович vous aura parlé de tous les abus que nous découvrons chaque jour. En vérité cela passe le plus souvent la permission et l'audace est au point que les fripons ne gardaient plus de masque; c'est pourquoi je suis bien sûr que notre arrivée a causé à beaucoup de monde plus

---

дится в Липецке. Мы побывали у прокурора, который нас уверил, что дело Норберга [8] не стоит того, чтобы на него обращать внимание, и предложил нам свои услуги в наших делах; подобное предложение сделал нам и председатель гражданской палаты. Александра Патроновна [9], которую мы встретили в доме Льва Алексеевича, где она в настоящее время проживает, очень приглашала нас остановиться у нее, когда мы возвратимся в город. Одним словом, все, кого мы здесь видели: родственники, новые и старые знакомые — отнеслись к нам с самым теплым участием и были нам рады. Иначе обстоит дело с нашими людьми, и если на их лицах написана радость, то не думаю, чтобы она была и в их сердцах. Данила Иванович [10], вероятно, рассказал вам о всех злоупотреблениях, которые открываются нами ежедневно. По правде сказать, все это выходит за границу дозволенного и дерзость так велика, что мошенники даже не надевают масок. Вот почему я совершенно уверен, что наш приезд был для многих более неожи-

de surprise que de joie. Nous vous envoyons 1000. C'est tout ce que nous avons pu rassembler jusqu'à présent, j'espère vous en envoyer bientôt davantage quand ce serait même de l'argent emprunté. Celui que nous expédions maintenant est à l'adresse de M-r Goerke, qui aura la complaisance de le recevoir. André se mettra en route dans quelques jours. Adieu, ma très chère maman, qu'il me tarde d'être auprès de vous, de vous baiser tendrement les mains et de recevoir votre bénédiction.

Votre soumis fils
Dm. Venevitinoff

2. С. В. ВЕНЕВИТИНОВОЙ

⟨Середина августа 1824. Новоживотинное⟩ *

Ma chère Sophie.

Par où commencerais-je ma lettre? Faut-il vous conduire sur le grand chemin ou bien dois-je vous transporter d'un saut à la campagne? Ce dernier moyen serait sans contredit plus commode, surtout pour moi, qui ai

---

данным, чем радостным. Посылаю вам 1000 ⟨рублей⟩. Это все, что мы могли до сих пор собрать. Надеюсь скоро вам послать больше, хотя бы пришлось эти деньги занять. Деньги, что высылаем сейчас, адресованы г. Герке [11], который будет так любезен получить их. Андрей [12] отправится в путь через несколько дней. Прощайте, моя дорогая maman; как я стремлюсь к вам поцеловать ваши ручки и получить ваше благословение!

Ваш покорный сын
Дм. Веневитинов

* Дорогая Софи.

С чего начну мое письмо? Нужно ли вывести вас на большую дорогу или одним прыжком перенести вас в деревню? Последнее было бы несомненно удобнее, особенно для меня, ибо этот путь уже мною пройден. Но так как

déjà fait une fois la route; mais comme cela pourrait ne pas être tout à fait satisfaisant pour une petite curieuse comme vous, je retourne sur mes pas et nous ferons ensemble le voyage. Représentez-vous dans une petite calèche assez étroite (comme je l'ai appris depuis) trois figures que vous connaissez je crois assez pour me dispenser de vous les peindre. Représentez-vous ces trois figures assises de côté comme au dîner de Boileau en faisant une petite volte à droite, et vous aurez une idée très juste de l'équipage et du joli groupe qu'y faisaient les voyageurs. Cependant comme nous n'avions pas oublié à Moscou notre génie inventeur nous imaginâmes bientôt de ne nous mettre qu'à deux dans le fond et de placer le troisième en guet sur le devant de la voiture; de cette manière nous dormions à tour de rôle et fort commodément. A présent il faut vous dire ce que je faisais quand à mon tour je me plaçais sur le devant de notre petite calèche car je ne sais pas ce qu'y faisaient

---

это не вполне удовлетворило бы мою маленькую любопытную, то я возвращаюсь назад, и мы вместе совершим путешествие. Вообразите себе трех человек [1], которых вы, как я полагаю, настолько хорошо знаете, что избавите меня от описания их, и поместившихся в маленькой коляске, и, в чем я убедился потом, довольно узкой. Вообразите себе эти три фигуры, сидящие боком, как на обедах у Буало [2], с маленьким поворотом вправо, и вы получите верное представление об экипаже и о красивой группе путешественников. Впрочем, мы не оставили в Москве нашей изобретательности и скоро придумали садиться только вдвоем позади и помещать третьего на карауле спереди. Таким образом мы могли поочередно и очень удобно поспать. Теперь скажу вам, что я делал, когда я, в свою очередь, усаживался спереди в нашей маленькой коляске, не знаю, что делали другие в то время, когда я спал глубоким сном. Я пытался читать, но это было невозможно. При мне было только маленькое греческое евангелие, из кото-

les autres pendant que je dormais d'un somme profond. J'essayais de lire mais cela m'était impossible, je n'avais avec moi qu'un petit évangile grec dont je ne pus déchiffrer que quelques lignes tant les caractères en étaient menus et le cahotement violent. Je crus donc pouvoir faire des vers, mais le rossignol ne chante qu'à l'ombre des bosquets et pour moi j'étais exposé à toute l'ardeur du soleil; d'ailleurs les secousses de notre voiture ne ressemblaient en rien à ce doux balancement qu'on éprouve assis sur le dos de Pégase. Je me mis donc à fredonner quelques airs de Genischta et le choeur du Freyschutz. J'en étais au plus beau passage quand tout à coup notre voiturier inspiré probablement par ma voix mélodieuse et par tout ce que je mettais d'expression dans mes chants entonna un air des plus baroques et cela à gorge déployée. La honte de céder me fit hausser la voix; je luttai contre cet Orphée d'une nouvelle espèce mais malgré tous mes efforts je fus obligé de plier bagage; car le

---

рого я мог разобрать всего несколько строк, настолько толчки были сильны и печать мелка. Я попробовал сочинять стихи, но соловей поет только в тени дубрав, а я был выставлен на самое жгучее солнце; к тому же толчки нашего экипажа нисколько не походили на нежное покачивание, испытываемое на спине Пегаса. Я начал напевать песни Геништы [3] и мелодии из хора «Фрейшютца» [4]. На самом красивом месте наш возница, воодушевленный вероятно моим благозвучным голосом и всей экспрессиею, внесенною мною в пение, затянул во всю глотку какую-то странную песню. Не желая постыдно уступить, я возвысил голос и вступил в состязание с этим новым Орфеем. Однако, несмотря на все мои усилия, я принужден был сложить оружие, так как глотка у плута оказалась сильнее моей. После этого мне ничего более не оставалось, как считать версты. Так проходили дни. Иное дело ночью. При свете луны, расточавшей в продолжение всей дороги свое сияние, я свободнее мыслил и легче мог перенестись

drôle avait bien plus de gosier que moi. Alors il ne me resta plus rien à faire qu'à compter les verstes. C'est ainsi que se passait la journée. Pour les nuits c'était autre chose. Au clair de la lune qui nous prêta ses rayons pendant tout le chemin, mes pensées étaient plus libres, je pouvais plus facilement me transporter parmi vous, causer avec vous et vous entendre. Je m'oubliais au point de crier «Arrêtez» et quand on s'arrêtait c'est ce que j'étais tout confus d'avoir vu les enfants jouant sur le grand chemin et qu'on allait écraser tandis qu'il n'y avait là ni enfants ni qui que ce soit, mais que je rêvais tout éveillé. Vous pouvez bien vous figurer que dans un voyage de la sorte il n'y a que changement de scène, mais jamais changement d'action. C'était toujours partir et arriver. N'allez cependant pas croire que tout cela se fasse en un moment. Entre arriver et partir il y a un intervalle souvent semé de mauvais pas. Grâce à Dieu ils n'étaient pas fréquents pour cette fois... Mais il est temps

---

к вам, говорить с вами, слушать вас. Я забывался порой настолько, что кричал: «Стой!» И когда останавливались — я был в полном смущении: мне почудилось, что на большой дороге играют дети и что мы можем их задавить. А там не было, оказывается, ни души. Я грезил наяву. Вы легко можете себе представить, что в такого рода путешествии меняются только сцены и декорации, а не действие. Все сводится к приезду и отъезду. Не думайте, однако, что это все делается в одно мгновение. Между отъездом и приездом существует промежуток, нередко полный неприятностей. Славу богу, их на этот раз было не много. Но пора отпрячь наших запыхавшихся лошадей. Приезжаем в деревню, куда направлен был весь наш путь, а мы добрались только до конца моего листа. Ну что же. Путешествие я скоро забуду и впоследствии ничего не сумею о нем рассказать. Что касается деревни, то о ней я буду говорить в каждом письме и, по мере того, как будут возникать впечатления. Скажу вам только,

de dételer enfin nos coursiers haletants. Arrivons à la campagne. C'est là que tendait tout notre voyage et nous n'y sommes qu'au bout de mon feuillet. Chose toute simple. Pour le voyage je vais bientôt l'oublier moi-même et je ne pourrai rien vous en dire dans la suite. Quant à la campagne, je pourrai vous en parler dans chaque lettre et à mesure que les impressions naîtront. Je vous dirai seulement que j'ai revu le Don avec enthousiasme et je ne m'étonnerai pas si ses ondes deviennent pour moi les ondes de l'Hipocrène. Je ne puis même encore vous en parler, le sentiment est trop vif, il faut le laisser reposer. Adieu donc. Portez-vous bien et embrassez

Votre frère et ami

Dmitri

Bien des choses à M-rs Bayleau, D'Horrer, et Genischta, je suis bien fâché de ne pas l'avoir vu avant notre départ. Saluez bien Софья Патроновне.

J'écrirais encore mais je vous assure que je n'ai pas le temps. Saluez tout le monde de ma part. Mes respects à M-me D'Horrer. J'écrirai la poste prochaine à M-r Guerke.

что с восхищением я вновь увидел Дон, и не буду удивлен, если его волны станут для меня волнами Иппокрены [5]. Я даже не могу еще говорить о нем. Чувство слишком сильно, надо ему дать успокоиться. Прощайте же, будьте здоровы и обнимите

Вашего брата и друга

Дмитрия.

Поклонитесь Софье Патроновне [6]. Я бы написал еще, но могу вас уверить, мне положительно некогда.

Привет гг. Байло [7], Дореру [8] и Гениште. Мне очень жаль, что я не видел его перед нашим отъездом.

Поклон от меня всем. Засвидетельствуйте мое почтение г-же Дорер [9]. Со следующей почтой напишу г. Герке.

3. С. В. ВЕНЕВИТИНОВОЙ

⟨16—26 августа 1824. Новоживотинное⟩ *

Ma chère Sophie.

Votre petite lettre nous est parvenue pendant notre séjour à Voronège où nous avons passé deux jours. Il ne fallait rien moins qu'une lettre de maman et de vous pour nous distraire d'un ennui mortel qui semble avoir choisi cette ville pour sa résidence. Mais chaque chose à son tour. Je recommencerai donc mes petites relations en suivant l'ordre chronologique qui, comme vous le savez, sert à classer dans la mémoire les époques les plus remarquables de chaque histoire. La nôtre, je le sais, n'est pas des plus importantes mais comme elle a bien quelque intérêt pour vous, c'est assez pour que je vous en fasse un récit détaillé. Je crois vous avoir déjà dit que de Toula jusqu'ici nous avons eu un chemin superbe qui était égayé par la vue de plusieurs petites villes toutes très jolies et surtout très joliment situées sur des mon-

---

* Дорогая Софи.

Мы получили ваше коротенькое письмо во время нашего двухдневного пребывания в Воронеже. Только письма от maman и от вас могли рассеять смертельную скуку, по-видимому, свившую себе гнездо в этом городе. Но все в свое время. Итак, я начну мои описания в хронологическом порядке, который, как вы знаете, служит для классификации в нашей памяти наиболее замечательных эпох всякой истории. Знаю,— наша история не из важнейших, но так как для вас она не лишена известного интереса — этого достаточно, чтобы я описал вам ее со всеми подробностями. Кажется, я вам уже говорил, что дорога от Тулы до нашего имения [1] была просто великолепна и оживлена видом нескольких маленьких городков, очень хорошеньких и красиво расположенных на возвышенностях. Чем ближе мы были к цели нашего путешествия, тем красивее становилась местность. Наконец ночью, при

tagnes. Plus nous approchions du terme de notre voyage et plus le pays était beau. Enfin de nuit à la lueur des éclairs et au bruit du tonnerre qui grondait dans le lointain nous arrivons chez nous; la sonnette nous dénonce. On nous reconnaît et, par conséquent, les portes s'ouvrent. Tout s'anime; nous seuls, oppressés par le sommeil et la fatigue, nous avalons un peu de pain noir et de miel, nous nous dérobons à la multitude pour nous mettre entre deux draps. Je ne vous parlerai pas de tout ce que j'ai vu en songe, je ne le saurais même, je vous dirai seulement ce que j'ai vu à mon réveil: — un ciel couvert de nuages, une pluie battante, de loin quelques maisons et d'immenses jardins qui offraient l'aspect du désordre le plus accompli. Le tableau ne répondait guère à l'idée que j'avais conservée de cette campagne et soit que l'illusion ne fasse voir en beau tout ce que nous voyons en perspective, soit que les souvenirs de l'enfance portent toujours l'empreinte de la gaieté et de la joie, mais je

---

свете молний и при отдаленных раскатах грома мы приезжаем домой. Колокольчик возвещает о нашем прибытии. Нас узнают и, конечно, двери открываются. Все оживает; мы одни, усталые, полусонные, наскоро проглатываем немного черного хлеба с медом, спешим удалиться от толпы, чтобы лечь. Не буду вам говорить о том, что я видел во сне, я даже не помню, что мне снилось, но расскажу, что, проснувшись, я увидел небо, покрытое тучами, проливной дождь, вдали — несколько домов и огромные сады в полнейшем беспорядке. Эта картина совсем не отвечала тому представлению, которое я составил себе об этой местности, оттого ли, что мечты заставляют нас видеть все отдаленное в розовом свете, оттого ли, что воспоминания детства носят на себе отпечаток радости и веселья, но я нашел здесь только тень прошлого [2]. Сады превратились в леса яблонь, вишневых и грушевых деревьев всяких сортов, одним словом, природа тут по-прежнему прекрасна, она одна оправдала мои ожидания, но совершенно не видно

n'ai plus retrouvé qu'une ombre du passé. Les jardins sont convertis en des forêts de cerisiers, de pommiers et de poiriers de toute espèce; en un mot la nature y est toujours belle, elle seule a répondu à mon attente, mais on ne voit presque plus de traces de la main qui la cultive et, pour parler allégoriquement, l'art s'est endormi dans les bras de l'indolence. Un mot maintenant de ce que nous faisons. Nous ne sommes pas oisifs et en nous couchant avec les poules, nous nous levons avec les coqs. Dès le matin nous montons en selle pour suivre le дрожки de Дан⟨ила⟩ Ив⟨анович⟩ soit dans les champs, soit dans les bois. Le matin nous avons longé le cours du Don pour aller à notre autre campagne. Mais je vous en parlerai la prochaine fois en prose ou en vers. Pour à présent, adieu, je vous embrasse tendrement. Mes respects à M-r D'Horrer, mille choses à tous ceux, qui se souviennent de moi et surtout à M-lle-Sophie.

следов над нею работы и, говоря аллегорически, искусство заснуло в объятиях лени. Теперь одно слово о том, что мы делаем. Мы не тунеядцы, ложимся спать с курами, встаем с петухами. С самого утра садимся на лошадей, едем за дрожками Данилы Ивановича, то в поле, то в лес. Сегодня утром мы проехались по берегу Дона, посетили другое наше имение [3]. Но об этом я потолкую в следующий раз, в стихах или в прозе. Пока прощайте, целую вас нежно. Мой низкий поклон г. Дореру, привет всем тем, которые меня помнят, в особенности M-lle Софи [4].

4. С. В. ВЕНЕВИТИНОВОЙ

⟨26 августа 1824. Новоживотинное⟩ *

Ma chère Sophie.

Il me semble que vous n'avez jamais été aussi franche qu'aujourd'hui: dans chaque lettre vous vous accusez de curiosité et ce petit aveu, à vous dire vrai, ne m'apprend rien de nouveau, mais ce n'est pas en ce moment que je vous en ferai des reproches, car pour le coup je ne suis pas moins curieux que vous et c'est avec une bien vive impatience que j'attends chaque poste, non pour savoir ce qui se fait à Moscou, mais pour apprendre ce que vous y faites et pour dévorer vos lettres qui sont pour nous comme le salaire des travaux de la semaine. Malgré la promesse que je vous ai faite de vous rendre compte exact de tous nos exploits je suis au bout de mon latin et je ne saurais continuer mon récit, nos occupations ont été si uniformes durant cette semaine et les détails en sont si prosaïques que je vous ennuierais en vous en

---

* Дорогая Софи.

Мне кажется, что вы никогда прежде не были так откровенны, как теперь. В каждом письме вы себя обвиняете в любопытстве, и это маленькое признание, сказать вам по правде, для меня не ново, но не буду особенно сейчас вам делать упреков, так как на этот раз и я не менее вас любопытен и ожидаю каждую почту с живейшим нетерпением, не для того, чтобы узнать, что делается в Москве, но чтобы знать, что вы поделываете, и проглатываю ваши письма, которые служат нам наградою за трудовую неделю [1]. Несмотря на мое обещание дать вам точный отчет в наших подвигах, я стал совершенно втупик и не в состоянии продолжать мой рассказ; эту неделю наши занятия были так однообразны и подробности этих занятий так прозаичны, что боюсь, перечисляя их, навести на вас скуку. Впрочем, не подумайте, что мы уже так достойны сожаления,— деревня для нас не без

faisant le dénombrement. Cependant nous ne sommes pas aussi à plaindre que vous le croyez; la campagne n'est pas sans attraits pour nous et nous passons quelquefois des moments très agréables soit avec nos voisins et voisines soit à nous seuls, mais tout cela est si interrompu, il y a toujours si peu de liaison entre ce qui précède et ce qui suit, que notre vie actuelle ressemble bien plus à un rêve qu'à la réalité, de façon que si quelqu'un nous demandait, ce que nous faisons, nous serions embarassés de la réponse; voilà, ma chère, comment se passe notre temps, nous ne nous en apercevons même pas, il va ci, il va là, comme le cotillon de ma commère et cependant ce n'est certainement pas un temps perdu. Je n'ai pas oublié le jour de la S-te Nathalie et je me suis bien imaginé que vous étiez à vous amuser chez la C-sse P. Je vous prie de croire que j'étais aussi de la fête. Quand on connaît le lieu de la scène et les acteurs, est-il difficile de se transporter au milieu de la troupe pour être témoin

---

прелести; мы проводим иногда очень приятные минуты, то с нашими соседями и соседками, то одни, но все урывками; так мало связи между предыдущим и последующим, что наша теперешняя жизнь более похожа на сон, нежели на действительность, так что если б нас кто-нибудь спросил, что мы делаем, мы затруднились бы ответить. Вот, моя милая, как протекает наше время, мы его даже не замечаем: оно мелькает то тут, то там, как юбка моей кумушки, и, несмотря на то, я считаю это время не потерянным. Я не забыл дня св‹ятой› Наталии и живо себе представил, как вы веселитесь у гр‹афини› П [2]. Поверьте, что я присутствовал на этом празднике. Когда знаком с местом, где происходит действие [3], и с актерами, не трудно перенестись посреди всей труппы, чтобы быть свидетелем ее игры, чтобы разделить ее удовольствие и всю прелесть происходящего. Чудная иллюзия! Но только иллюзия! Сегодня вторник, мы проехали верхом верст 20, при чудном лунном свете, который прекрасно способство-

de ses jeux, pour partager même ses plaisirs avec tout le charme de la réalité. Belle erreur! Mais toujours n'est-ce qu'une erreur. Ce jour même, mardi, nous avions fait une 20-ne de verstes à cheval par un superbe clair de lune qui prêtait admirablement à ces sortes de rêve. Sans doute, je l'avoue, je suis un peu las de ses illusions et c'est bien réellement que je voudrais vous embrasser dans ce moment, mais j'ai l'espérance de vous revoir bientôt et c'est bien sérieusement que je vous parle, quand je vous dis que pour votre fête nous serons assis ensemble au banquet de la joie. En attendant. Adieu. Présentez mes respects à M-r D'Horrer et dites bien des choses de ma part à M-r Guerke, à Bayla et à Genischta. Je prends vraiment le plus vif intérêt à sa peine. Donnez-moi des détails sur le départ de M-r D'Horrer-fils.

5. А. Н. ВЕНЕВИТИНОВОЙ

⟨27—31 августа 1824. Рубцовая⟩ *

Ma chère et respectable maman.

Je vous écris au milieu d'un tumulte où j'aurais peine à m'entendre moi-même. Toute notre grange est remplie

---

вал такого рода мечтам. Признаться, конечно, я немного утомился этими иллюзиями и мне хочется сейчас обнять вас наяву. Но надеюсь, что вас скоро увижу и заявляю вам вполне серьезно, что к вашим именинам [4] мы все соберемся вместе на веселый пир. Пока прощайте.

Засвидетельствуйте мое почтение г. Дореру. И передайте от меня наилучшие пожелания гг. Герке, Байло и Гениште. В самом деле, я отношусь с самым непосредственным участием к его горю. И опишите мне детали отъезда Дорера-сына.

* Уважаемая и дорогая maman.

Пишу вам при таком шуме, что сам еле себя слышу. Вся наша рига полна крестьян, которые кричат один гром-

de paysans qui crient tous les uns plus haut que les autres et ils en ont la pleine liberté; car nous sommes dans l'habitude d'écouter tout le monde et de ne croire personne, partout il y a des plaintes et presque partout elles sont justifiées par nos recherches. Nous sommes occupés depuis le matin jusqu'au soir à mesurer du blé et à comparer ce que nous trouvons nous-mêmes avec ce qu'on nous a montré dans les comptes. Dans ce moment on régale les paysans de Рубцово de vin et de gâteaux et je vous assure qu'ils m'empêchent d'écrire à force de se presser autour de mon malheureux bureau; je n'ai que le temps de vous dire que dans deux ou trois jours nous expédierons André qui vous apportera des lettres plus détaillées. Nous-mêmes, nous partirons après demain pour Ивановка et chemin faisant nous nous arrêterons pour quelques heures chez M-r Dontzoff. Je viens d'écrire à la hâte une lettre pour Василий Львович. Je n'ai pas le temps de lui en écrire ni une plus longue ni une plus belle. Il faut bien céder aux chants et aux cris qui

---

че другого, имея на это полную свободу, так как мы привыкли всех выслушивать, но никому не верить. Всюду мы слышим жалобы, и почти все они после наших расследований [1] подтверждаются. Мы заняты с утра до вечера вымериванием зерна, сравниваем то, что мы сами находим, с тем, что показано в счетах. В настоящий момент Рубцовских крестьян [2] угощают вином и пирогами, и уверяю вас, что они мне мешают писать, толкаясь вокруг моего несчастного стола. Мне остается только вам сказать, что через два, три дня мы отправляем Андрея [3], который привезет вам более подробные письма. Мы же сами уедем послезавтра в Ивановку и по пути остановимся на несколько часов у г. Донцова [4]. Я сейчас наскоро написал письмо Василию Львовичу [5]. Мне некогда ему писать более подробно и более красиво. По-видимому, надо подчиниться песням и крикам, которые все возрастают. Про-

augmentent toujours. Adieu donc, ma très chère maman, en vous baisant mille fois les mains, je demande pour toujours votre bénédiction.

Votre fils soumis

Dmitri

Nous tâcherons de vous envoyer le plus d'argent possible par la poste prochaine, mais je ne sais pas à quoi se montera la somme.

André n'est pas encore venu faute de chevaux.

6. С. В. ВЕНЕВИТИНОВОЙ

⟨3—5 сентября 1824. Новоживотинное⟩ *

Ma chère Sophie.

Je vous écris assis sur une mesure de blé, cela ne m'empêchera cependant pas de vous faire, comme de coutume, le rapport de toute la semaine, qui comme toutes les précédentes a été (si l'on peut s'exprimer ainsi) un tissu de plaisirs et désagréments. Je ne vous

---

щайте же, дорогая maman. Прося навсегда вашего благословения, тысячу раз целую ваши ручки

ваш покорный сын

Дмитрий

Постараемся вам выслать следующей почтою как можно больше денег, но не знаю насколько сумма будет велика. Андрей еще не вернулся — он не нашел лошадей.

* Дорогая Софи.

Пишу вам, сидя на хлебной мере, что, однако, не помешает мне сделать вам, по обыкновению, доклад о всей неделе, которая, как все предшествующие, была, если так можно выразиться, соткана из удовольствий и неприятностей. Я вам сохранил только розы, шипы же еще не

réserve que les roses, les épines ne sont point encore de votre âge, d'ailleurs c'est souffrir deux fois d'un même mal que de le répéter à un autre, et je vous le dirai même franchement, je suis si grand amateur de la campagne que j'oublie bientôt tous les désagréments pour jouir tout à mon aise; et ici il y a certainement de quoi. Toutes les fois que je traverse le Don je m'arrête au milieu du pont pour considérer ce beau fleuve que l'oeil voudrait suivre jusqu'à son embouchure et qui s'écoule sans bruit, aussi paisiblement que le bonheur même. Avant hier encore du haut de la rive j'admirais ce superbe tableau et la lune qui au milieu d'un ciel sans nuages semblait se plaire à voir répéter son image dans lès flots. Oui, ma chère, je ne me le cache pas tout cela peut être assez ridicule dans une lettre; mais c'est bien poétique en nature. Mais pourquoi, direz vous, ne me faites-vous pas ce récit dans une épître en vers? il y aurait

---

подходят к вашему возрасту; притом пересказывать другому свои невзгоды, это значит переживать их дважды, и скажу вам откровенно, я такой любитель деревни, что скоро забываю все неприятности, чтобы спокойно отдаться наслаждению, а здесь есть чем наслаждаться. Всякий раз, когда я переправляюсь через Дон, я останавливаюсь на средине моста, чтобы полюбоваться на эту чудную реку, которую глаз хотел бы провожать до самого устья и которая протекает без всякого шума, так же мирно, как само счастье. Еще позавчера я любовался с высоты берега этою дивною картиною и луною, которая посреди безоблачного неба, казалось, радовалась своему отражению в волнах. Да, моя милая, я не скрою, все это может быть весьма смешно в письме, но в природе очень поэтично. Но почему же, скажете вы, не опишете вы этого мне в стихотворном послании? Там это было бы уместнее. Согласен; скажу вам, однако, что до сих пор я не напи-

été bien mieux placé! J'en conviens et je vous dirai même que jusqu'à présent je n'ai pas fait un seul vers, mais j'ai fait plus car j'ai eu mille pensées, que je n'avais pas auparavant et que je pourrai mettre en vers quand j'aurai plus de temps pour les travailler. Mais rompons là-dessus. Des paysans et des paysannes qui se rassemblent autour de notre grange me rappellent que j'ai encore à vous parler des différentes fêtes que nous avons données à la campagne. Elles n'ont été brillantes que par la franche gaieté qui y régnait et qui animait toutes les figures. On y a chanté et dansé et tout le monde s'en est allé content.

Mardi nous avons passé presque toute la journée chez M-r Olénine et cela bien gaiement. Les dames vous prient de leur envoyer avec Андрей Филимонов tout ce que vous pourrez d'airs Genischta et de nouveaux quadrilles français. Adieu, ma chère, je suis très mal disposé aujourd'hui pour écrire, dites-le à M-r Goerke que je salue sans lui écrire. Apprenez-moi ce que vous faites et

---

сал ни одного стиха; но я делаю больше, ибо у меня возникла тысяча мыслей, которых раньше не было и которые я могу облечь в стихотворную форму, когда буду иметь больше времени для их обработки. Но довольно об этом. Крестьяне и крестьянки собираются около нашей риги и напоминают мне о том, что мне надлежит сказать вам еще о различных празднествах, устроенных нами в деревне. Они блистали только царившим в них откровенным весельем, оживлявшим все лица. Пели, плясали, и все разошлись довольные. Почти весь вторник мы провели у г-жи Олениной [1], было очень весело. Дамы просят вас прислать им с Андреем Филимоновым [2] все, что можете достать из романсов Геништы [3], и новые французские кадрили. Прощайте, моя дорогая, я сегодня совсем не в настроении писать, скажите об этом г. Герке, которому я кланяюсь, но не пишу. Сообщите мне, что вы поде-

entr' autres en musique; je voudrais vous entendre d'ici.
Je vous embrasse.

Votre frère et ami

Dmitri.

Степанидины дети очень здоровы. Паша при нас вторым камердинером и разъезжает с нами по деревням, где он угощает кретьянских мальчиков.

Je remarque à présent que je vous ai écrit une lettre bien décousue; mais ne m'en veuillez pas, je n'ai pas la tête à moi et nous n'avons pas eu un moment de repos depuis que nous sommes ici. Bien des choses aux Mestchersky, à M-r D'Horrer fils et à Genischta.

Nos respects à M-r D'Horrer père, s'il est avec vous.

лываете и, между прочим, в области музыки, мне бы хотелось вас послушать отсюда.

Целую вас.

Ваш брат и друг

Дмитрий.

Степанидины дети очень здоровы. Паша при нас вторым камердинером и разъезжает с нами по деревням, где он угощает крестьянских мальчиков.

Сейчас заметил, что написал вам очень бессвязное письмо, но не сердитесь, голова моя не в порядке, у нас не было ни одной минуты отдыха с тех пор, как мы здесь. Передайте мой привет Мещерским [4], г. Дореру-сыну [5] и Гениште.

Наше почтение г. Дореру-отцу [6], если он с вами.

7. А. Н. ВЕНЕВИТИНОВОЙ

⟨3—8 сентября 1824. Новоживотинное⟩ *

Très chère et respectable maman.

Voilà la dernière lettre que nous vous écrivons d'ici et mardi ou mercredi nous espérons nous mettre en chemin pour voler à Moscou et vous y apporter tous les détails de notre conduite. Elle n'a été signalée jusqu'à présent par aucun acte de sévérité; j'ai obtenu de Данила Иванович de se borner jusqu'à présent à arrêter les abus et à démettre ceux qui en ont été les principaux moteurs. Il faut être de sang froid pour proportionner la punition à la faute et d'ailleurs trop de précipitation dans ce cas pourrait dénoter de la vengeance, ce dont nous sommes bien éloignés. J'avoue cependant qu'il faut statuer un exemple; mais à notre arrivée à Moscou nous vous soumettrons toute la cause qui n'est pas des moins embarrassantes. La femme de l'intendant, qui n'est raisonnable que le matin, car elle consacre la seconde partie du jour

---

* Уважаемая и дорогая maman.

Вот последнее письмо, которое мы вам пишем отсюда, во вторник или в среду надеемся двинуться в путь, полетим в Москву сообщить вам все подробности о нашей деятельности. До сих пор она не ознаменовалась ни одним суровым поступком. Я уговорил Данилу Ивановича [1] ограничиться пока лишь пресечением злоупотреблений и увольнением главных виновников этих злоупотреблений. Нужно спокойно соразмерять наказания с проступками, к тому же слишком большая поспешность могла бы показаться мстительностью, которая нам чужда. Однако надо привести один пример; но мы объясним вам все дело по приезде в Москву,— оно довольно запутанное. Жена приказчика, которая бывает в здравом уме лишь по утрам, потому что вторую половину дня она посвящает Бахусу, вызвала жалобы целой массы людей, изнывавших под ее деспотическим скипетром, как истинные мученики; она

à Bacchus, ayant été l'objet des plaintes d'une foule de personnes qui souffraient le martyre sous son sceptre despotique, nous a priés de la délivrer du fardeau de son autorité, ce que nous allons faire avec beaucoup de plaisir car elle était maîtresse absolue de tout ce qu'on fait de toile, de drap etc. et c'était bien mettre un chat à garder un fromage; nous la laisserons cependant dépositaire de tous ces objets en soumettant seulement sa fidélité à la vigilance du comptoir. C'est tout ce que je puis vous dire à présent, pour le reste je ne saurais me le dire à moi-même. Nous attendons de l'argent tous les jours et il vous sera envoyé ou apporté immédiatement après que nous l'aurons reçu.— Adieu, ma bien chère maman — c'est pour la dernière fois que je baise les mains par écrit et dans peu je vous demanderai de vive voix votre bénédiction. En attendant le bonheur de vous revoir je me signerai encore.

Votre soumis fils

Dmitri

просила избавить ее от тягот службы, и мы исполнили ее желание с превеликим удовольствием, так как она была полноправной хозяйкой над всей домотканной холстиной, сукном и т. п. и распоряжалась всем этим добром так же хорошо, как кошка, которой поручили бы караулить сыр. Впрочем, мы оставим ее еще хранительницею этих вещей, с тем, однако, чтобы ее честность была под контролем конторы. Вот все, что пока могу вам сообщить, об остальном я бы и себе ничего не мог сказать. Каждый день ожидаем денег, которые вам будут посланы или принесены сразу же, как только мы их получим. Прощайте, моя дорогая maman. Последний раз в письме целую ваши ручки и скоро я испрошу у вас устно благословения. В ожидании счастья вас снова увидеть, я еще раз подписываюсь вашим почтительным сыном

Дмитрием

8. С. В. ВЕНЕВИТИНОВОЙ

⟨3—8 сентября 1824. Новоживотинное⟩ *

Ma chère Sophie.

Je crois deviner par votre dernière lettre que vous êtes déjà un peu fatiguée de notre correspondance; je n'en dirai pas autant. Je ne suis pas las de vous écrire mais très las de ne pouvoir vous parler sans plume et sans papier; il est très embarassant de resserrer son esprit et ses paroles dans les bornes étroites de quatre pages quand on veut parler à une personne à laquelle on ne craint pas de trop dire et qui vous pardonnerait facilement un peu de prolixité; belle raison, me direz-vous, prenez deux feuilles de papier au lieu d'une et vous voilà à votre aise. Non, ma chère, deux feuilles ne me suffiraient pas plus qu'une, si j'avais le temps de vous entretenir autant que je voudrais, mais il faut être raisonnable dans ce bas monde et donner plus de temps à ses affaires qu'à ses délassements et à ses plaisirs. C'est pour cela que les

---

* Дорогая Софи.

Судя по вашему последнему письму, я подозреваю, что наша переписка начинает вас немного утомлять; про себя я этого сказать не могу, я не устал вам писать, но я устал прибегать для разговоров с вами к перу и бумаге. Крайне стеснительно заключать свою мысль, свои слова в тесные рамки четырех страниц, когда хочешь говорить с человеком, которому не боишься сказать слишком много и который легко простил бы некоторое многословие. Велика беда, скажете вы, стоит взять два листа бумаги вместо одного, и все уладится. Нет, дорогая, мне и двух листов мало, если бы я имел время говорить с вами сколько хотел, но в этом низменном мире надо быть благоразумным и отдавать больше времени своим делам, нежели своим развлечениям и удовольствиям. Вот почему я так дорожу своим временем и почему и вы должны довольст-

moments me sont précieux et qu'il faut vous contenter de cette petite lettre qui fera la clôture de toutes celles que je vous ai écrites de la campagne. Que vous y dirai-je d'intéressant? Je voudrais que toutes les idées qui vous naîtront à la lecture de nos lettres se réunissent à vous former une belle image de Животинное Je voudrais vous représenter une nature plus riante et plus belle, que celle que vous avez vue jusqu'à présent, je voudrais vous y faire tout admirer depuis le chêne jusqu'à la fleur des champs, depuis l'aigle jusqu'au papillon, mais comment animer ce beau tableau, quel sera l'idéal que nous placerons dans ce temple imposant? Hélas, je ne suis pas poète dans ce moment. Je ne vois devant mes yeux que la triste figure de Натальи Яковлевны, et jamais figure ne fut plus déplacée dans un paysage comme celui de notre campagne. J'ai déjà éprouvé que notre mémoire ne s'attache jamais à un lieu, mais toujours à qulque personne ou à quelque événement; fondé sur cette

---

воваться этим маленьким письмом, которым заканчиваю ряд моих посланий из деревни.

Что скажу вам интересного? Мне хочется, чтобы все мысли, которые возникнут у вас при чтении писем, помогли вам составить себе живописную картину Животинного. Мне хотелось бы изобразить природу более радостной и более прекрасной, нежели та, которую вы видели до сих пор. Мне хотелось бы заставить вас восхищаться всем, начиная с дуба и кончая полевым цветком, начиная с орла и кончая бабочкою; но как оживить эту прекрасную картину, какой идеал поместим мы в этот величественный храм? Увы! Сейчас я не поэт. Перед моими глазами только унылое лицо Наталии Яковлевны [1], и нигде еще подобное лицо не было так неуместно, как на нашем деревенском пейзаже. Я знаю по опыту, что мы скорее сохраняем в памяти лица и события, чем какую-либо местность. Основываясь на этом, я не смею надеяться, что у нас

expérience je n'ose espérer que nous conservions un souvenir bien attrayant de notre séjour ici, je crois même que nous en garderons une idée bien confuse car jamais il n'y a eu un plus bizarre assemblage de plaisirs et de désagréments que celui qui caractérise tous les jours que nous avons passés à la campagne. A tous moments il y a quelque chose de nouveau sur le tapis et cependant je n'ai rien de nouveau à vous dire. Mais il est déjà tard. Il faut que je vous souhaite une bonne nuit. Adieu donc, je ne vous dirai pas que je voudrais être un oiseau pour voler vers vous, car si j'étais oiseau je ne pourrais pas vous dire que je vous aimerai toujours.

Votre frère et ami

Dmitri

останется приятное воспоминание о нашем здешнем пребывании, думаю даже, что оно будет очень смутное, потому что никогда не было более странного смешения удовольствий и неприятностей, которыми отличались все дни, проведенные нами в деревне. Ежеминутно возникает нечто новое, а между тем нового мне вам нечего сказать. Но уже поздно. Надо пожелать вам покойной ночи. Прощайте же. Не скажу, что мне хочется быть птицею, чтобы полететь к вам, потому что если б я был птицей, я не мог бы сказать вам, что всегда буду вас любить.

Ваш брат и друг *Дмитрий*

Засвидетельствуйте мое почтение г. Дореру, если он у вас. Скажите г. Герке, что его друзья шлют ему поклон с берегов Танаиса [2]. Лучшие пожелания всем, кто нас помнит.

1825

9. Н. И. ГРЕЧУ

⟨Март — начало апреля 1825. Москва⟩

Милостивый государь, Ник⟨олай⟩ Ив⟨анович⟩!

Честь имею препроводить к вам критику на разбор «Онегина». Если удостоите оную вашего одобрения, поместив в «Сыне отечества», то почту за удовольствие сообщить вам несколько замечаний о влиянии философии на поэзию [1].

В.

10. Г. Н. ОЛЕНИНУ

1 мая 1825. Москва

Милостивый государь Григорий Никанорович!

По получении присланных вами записок и планов, я тотчас представил их сенаторам Озерову [1] и Малиновскому [2], и оба равно обещали мне обратить особенное внимание на ваше дело [3] и быть вашими ходатаями. Как они исполнят свое обещание? Их старания будут ли успешными? Это еще скрыто под завесою тайны; но вы можете быть уверены, что как скоро дело решится, по заседанию 8 мая, я не преминую вам о том дать знать в скорейшем времени.

Праздник у нас прошел в суетах. Мы ожидали П⟨ринца⟩ Оранского и готовили для него выписки, переводы и пр. Я почти весь исписался. Наконец он приехал, посетил наш Архив и присутствие его вознаградило нас за все труды. Он всех обворожил своею приветливостью, своими ласками. С тех пор шум не утихал в Москве. По утру раздается треск барабанов, вечером гремят музыканты. Вы не можете себе пред-

ставить, сколько оранжевых лент, сколько померанцевых веточек торчит на дамских шляпках. По Кузнецкому мосту ежеминутно раздаются слова: à l'orange *. Мне кажется все мороженым на апельсинах, и сколько я ни развертывал конфетных бумажек, везде находил померанцевую корку. Это истинный, хоть не пиитический энтузиазм. Кроме этой эпизодической перемены в старой Москве ничего нет нового, все течет старым порядком: те же песни, те же сказки, так же поздно ложатся, так же поздно встают.

Я сам, я, имеющий честь к вам писать, пробыл вечера в Собрании до 3 часов и собираюсь то же самое повторить еще раза три на сей неделе. Сам удивляюсь, как все согласуется, я редко когда был так занят и никогда не был так рассеян. Вчера получил поручение утром сделать в кратчайший срок перевод для Принца, а совсем не намерен пропустить нынешнее гулянье. Вам известно, что 1 мая у нас встречают весну в Сокольничьем лесу, вероятно, гулянье будет преблестящее.— Мне стыдно этим кончить письмо свое. Вы подумаете, что я с нетерпением спешу на гулянье; но уверяю вас, что не эта причина заставляет меня положить перо. Теперь уже поздно, и я только что успею отдать письмо на почту. Извините, что я так мазал; все утро писал и принужден был спешить. Вы позвольте в другой раз подолее и на просторе побеседовать с вами.

Покорнейше прошу вас засвидетельствовать мое глубокое почитание всему вашему почтеннейшему семейству и принять уверение в истинном уважении и искренней дружбе вашего покорнейшего слуги и неизменного друга Дмитрия Веневитинова.

Все наши повторяют Вам то же.

---

* Апельсин (*фр.*).

11. М. П. ПОГОДИНУ

15 мая 1825. ⟨Москва⟩

Нижеподписавшийся покорнейше просит Михаила Петровича Погодина вручить подателю сего письмеца 1-ю часть переводов Мерзлякова [1].

Дмитрий Веневитинов

12. В РЕДАКЦИЮ ЖУРНАЛА «СЫН ОТЕЧЕСТВА»

⟨Вторая половина мая — начало июня 1825. Москва⟩

Извините, что посылаю вам такой маранный список, но это было переписано на скорую руку и весьма неискусным писцом, как вы видеть можете.

13. А. И. КОШЕЛЕВУ

12 июня ⟨18⟩25. Москва

Вы видите, любезный друг Александр Иванович, что я не медлю отвечать на ваше письмо. Вчера получил, а сегодня уже готов ответ. Не воображайте себе, чтобы такая поспешность происходила от излишней точности. Нет! Вам известно, что это не моя слабость; но я с вами давно не видался [1], давно не сообщался мыслями, а так поговорить-то хочется.

Чего бы я не дал, чтобы видеть Александра Ивановича в новом его мире, где он сочетает все веселия сельской жизни, все наслаждения эстетические с важною определенностью математика [2], где посвящает золотое время свое природе, Шеллингу и Франкеру [3], и, перенося живые чувства, эти цветы молодости, с полей воображения в область рассудка, готовит себе обильную жатву. Продолжайте, сказал бы я ему, эти наслаждения

не потеряны. Кого не румянила заря жизни, тот жизни никогда не знал.

Но что делают, между тем, ваши друзья в Москве? Точно то же, что и прежде делали. Только поздно приходят в архив [4], забывая примеры Кошелева и Мещерского [5]. Но, к несчастию, успех одобряет мою лень. Вы знаете, как я мало трудился над годом своим [6], и он, кажется, сам собою достиг благополучного окончания. Кому слава? Не знаю. Но об этом и не беспокоюсь.

Последних номеров «Телеграфа» я почти не читал. т. е. почти, оттого что прочел статью кн⟨язя⟩ Вяземского [7] о замечаниях Давыдова на 3 статьи в «Зап⟨исках⟩ Напол⟨еона⟩». Статья любопытная не столько по мыслям Вяз⟨емского⟩ об этой книжке, как по выпискам из Давыдова. Вот воин-поэт, какое сильное чувство любви к отечеству! И как видно, что это чувство в нем не предрассудок! Прочтите самую книжку, и вы будете в восхищении.— Еще из «Телеграфа» знаю я статью Одоевского, я читал ее у него в рукописи. Каково отделал он Дмитриева? [8] Эти критики не нам чета. Рубят хладнокровно и рады срубить голову у своей жертвы; а мы довольны и тем, что скажем, что наш противник всегда был без головы; и то бранит кн⟨язь⟩ Черкасский [9].

Я не забыл своего обещания, и сегодня пошлю статью свою против Мерзлякова [10] к вам в дом, чтоб она к вам была переслана. Вы едва ли ее прочтете, так намарано; но что делать, переписывать некогда. Она в нынешнем номере должна быть напечатана. Другая же еще не спела [11]. Я хочу ее послать Бестужеву [12], он у меня ее просил; так дайте ей еще вылежаться. Теперь тешу себя надеждою скоро ехать в деревню, и там, что выльется из души, то будет ваше.

Виноват перед вами. Вы у меня требуете вашего Шеллинга [13], а я, вопреки вашему приказанию, еще удержал его. Жду вашего разрешения на этот счет; если он вам нужен, то я немедленно вам его пришлю по почте, если нет, то оставьте его, пожалуйста, у меня до отъезда моего в деревню. Он мне нужен, а его теперь нельзя найти. Головой ручаюсь вам за его сохранение.

Мещерский уже две недели уехал провожать тело бабки своей в Костромскую губернию и еще не возвращался. В следующий раз готовлюсь писать вам много и жду с нетерпением обещанного письма. Мое почтение вашей маменьке [14]. Брат [15] от души вам кланяется, а я весь ваш.

Веневитинов

14. А. И. КОШЕЛЕВУ

⟨Середина июля 1825. Москва⟩

Вы не ждали моей посылки, любезнейший Александр Иванович, но я случаем получил на короткое время 1820 год журнала Окена («Isis» [1]) и не могу не поделиться с вами этим сокровищем. Сколько статей, которые бы мы прочли с вами с необыкновенным удовольствием. Всего вам сообщить невозможно; но зная, что вы прилежно, с жаром, занимаетесь математикой, я заключил, что вам приятно будет видеть мнения двух славных математиков-идеалистов о сей науке. Для сего и перевел я ученый спор между Вагнером и Блише [2]. Вагнер, кажется, так пристрастился к математике, что он в ней видит зерна всех наук и из нее выводит их развитие.

Мысль может быть слишком страстная; но в науке всякая страсть позволительна и даже назидательна;

ибо усилия ума не могут быть бесполезными; я осмелился прибавить свое замечание к статье Вагнера [3] и прошу вас сделать то же.— Так как статья его довольно велика, и что не все равно относится до математики, то я решился довольствоваться одною выпискою. Поспешность оставила без сомнения в сей выписке следы свои; но я ручаюсь, что она передаст вам в верном виде мысли автора. Выписку из Блише пришлю к вам по следующей почте, между тем вы будете иметь время написать собственные свои замечания; жаль, что у меня нет начала спора [4].— Впрочем, Вагнер и здесь объясняет предмет спора, и этого довольно.

Теперь обратимся к нашему спору [5], и он имеет для нас (по крайней мере для меня) свою приятность. Я прочел письмо ваше с большим удовольствием и вижу, что древо истинного познания пустило в рассудке вашем глубокие корни — это не мешает, что я еще хочу поспорить; я не выдаю слов своих за истину, но только за искреннее выражение своего убеждения, и рад принимать истину из уст другого. Ваша диалектика очень верна, все ваши доказательства выливаются из одного начала; но мне кажется, что вы потеряли из виду основной закон всякой философии, главную мысль, на которой она должна зиждиться. Если цель всякого познания, цель философии есть гармония между миром и человеком (между идеальным и реальным), то эта же самая гармония должна быть *началом* всего. Всякая наука, чтоб быть истинною наукою, должна возвратиться к своему *началу*; другой цели нет.

Вы соглашаетесь, что должно воспоследовать примирение идеального мира с реальным, но не забывайте, что на этой степени (хотя это — точка — идеал) не будет уже науки, а будет одно — всеведение. Теперь я

заключу, что эта степень — цель философии, была необходимо ее началом. (Трудно будет в письме распространиться об этом, однако ж я постараюсь когда-нибудь развить вам все свои понятия об этом положении первого человечества [6]). Книга «Бытия» в ясной аллегории дает вам понятие о первом состоянии человечества, или даже о состоянии первобытного человека [7]. И подлинно: представьте себе, что в таком человеке все чувства были мысли; что он все чувствовал, следственно, что он все знал. Не страшитесь сей мысли; она с первого взгляда может показаться романтизмом [8]; но это оттого, что я дурно объясняюсь; эта мысль одна может ясно доказать, что человек носит в душе своей весь видимый мир, что субъект совершенно в объекте, что все законы явлений, случаев и пр. заключаются в высокой мысли о законе. Если вы с этим согласитесь, то вы мне допустите, что тогда родилась философия, когда человек раззнакомился с природою [9] — так и представляю я себе разные эпохи человечества. Не жду, чтобы вы согласились на эту мысль по одному письму сему, и знаю, что оно не может ее доказать; пишите ваши возражения; но обратите ваше внимание на книгу «Бытия». Посмотрите, как бог беседует с человеком с глазу на глаз, приводит ему всех животных, и он их всех окинул одним взглядом, всем дал имена [10]. Заметьте, что первобытный человек ничему не удивляется в раю, он как будто все постиг. Это предание древнейшего историка (которое, кажется, было преданием всех народов) много объясняет. Потом пройдите *Золотой век* древних стихотворцев [11], сравните его с книгою Моисея [12], и тогда, надеюсь, что спор наш разрешится. Это, конечно, доказательства опытные, но я в начале письма старался подтвердить свою мысль идеальною

философиею; я для того только прибавляю вам сии примеры, чтобы вас не устрашали заключения, которые в глазах многих доказывают атеизм.

Лучшее издание Платона есть новое издание с переводом латинским [13] («Аста эстетика»). Я недавно купил Платона; но устал от своего издания, оно без перевода и без нот, и тем очень замедляется чтение.

Издание Аста стоит 50 руб⟨лей⟩, асс⟨игнациями⟩, с переводом — 55. Надобно адресоваться к графу С. П-му книгопродавцу [14]. Я непременно куплю это издание. Я ужасно марал; но мне никогда рука так не изменяет, как тогда, как я пишу с удовольствием.

15. А. И. КОШЕЛЕВУ

⟨Начало 20-х чисел июля 1825. Москва⟩

Тысячу раз виноват перед вами, любезнейший Александр Иванович! Боюсь, что вы на меня сердиты и, по-видимому, вы имеете право сердиться; но надеюсь, что искусный адвокат мой кн⟨язь⟩ Черкасский [1] совершенно убелит меня пред вами. Я исповедовал ему откровенно всю свою ошибку, и он обещал мне передать вам мою исповедь, не забывая, конечно, того, что может послужить к моему оправданию. Воображал ли я, что Шеллинг, который был для меня источником наслаждений и восторга, будет меня впоследствии так сокрушать? [2] А кто виноват, как не собственная моя ветренность? Это письмо было бы для вас загадкою, без объяснений кн. Черкасского. Оттого и временил я к вам писать, боялся, что письмо не выразит всего, что я мог бы сказать в оправдание свое, и тем более обвинит меня. На этой же неделе Шеллинг вам непременно будет доставлен во всей целости, ибо я уверен, что тот,

кто ошибкою увез его у меня, и не развертывал его; не то бы он дал мне знать, что я ему дал не ту книгу, которую он у меня просил. Это вам докажет, что я сам, хотя и просил вас оставить на лето у меня «Натуральную философию», хотя и намеревался из нее делать извлечения, по сих пор не помышлял приступать к делу; не то бы и я заметил, что у меня нет той книги, которая мне нужна была. Оно и подлинно так. Меня попеременно развлекали — то неожиданный приезд Хомякова [3], то дела, то собственные марания, критики и пр. Теперь я занимаюсь гораздо постояннее и прилежнее прежнего и положил посвятить несколько месяцев Платону и Окену. К Платону начинаю привыкать, читаю его довольно свободно и не могу надивиться ему, надуматься над ним. Вот идеалист! Из Окена доставлю вам на днях перевод. Я избрал для сего его «Теософию» и уверен, что она приведет вас в восторг, тем более, что вы теперь занимаетесь математикой, а у него вся система зиждется на сей науке. И какая мысль! О боге говорить высшею математикою, которая теперь в моих глазах самый блестящий, самый совершенный плод на древе человеческих познаний [4]. Мне не нужно просить вас не показывать никому этого перевода, вы сами, прочтя его, увидите для кого это писано. Я прибавлю несколько объяснений касательно употребляемых мною выражений, и теперь только вижу, сколь мало обработан наш ученый слог.— Надеюсь, что и вы сообщите мне что-нибудь из ваших занятий. Посылаю вам статью [5], хотя ужасно дурно переписанную.— Простите, любезнейший Александр Иванович, не забывайте вам преданного

Веневитинова

16. А. И. КОШЕЛЕВУ

‹Конец июля 1825. Москва›

Благодарю вас, тысячу раз благодарю вас, любезнейший Александр Иванович, за ваши замечания на статью мою [1]. Они все так основательны, что если бы вы у меня настоятельно требовали ответа, то принудили бы меня или согласиться, или написать целую систему. По излишней приверженности к спорам, я бы избрал, может быть, сие последнее средство; тем более что мы, без сомнения, были бы согласны с вами в общих началах, и стоило бы согласиться в применениях.

Был ли Гомер философом? Вопрос вам не нравится? Не буду защищать, хорошо ли я выразился в этом случае, постараюсь только объяснить вам мысль свою. Мне кажется, ее уже объясняет последующее. «Стремился ли он сосредоточить и развить рассеянные понятия [2] религии?» [1*]. Я вообще разделяю все успехи человеческого познания на три эпохи: на эпоху эпическую, лирическую и драматическую. Эти эпохи составляют эмблему не только всего рода человеческого, но жизни всякого — самого времени.

Первая живет воспоминаниями: тут первенствует не мысль человека, а видимый мир, получаемые впечатления. В этой первой эпохе жили древние, в ней писал Гомер, она вообще может назваться эпохою *прошедшего.*

Сам Пиндар [4] есть лирик совершенно эпический. Он никогда не выходил от мысли общей, но всегда от

[1*] Я примечаю, что пускаюсь вдаль в письме своем, но что за дело? Письмо — беседа, а в беседах с вами я привык летать за небо. Мне очень хочется знать ваше мнение на эти разбросанные мысли, потому что они займут большое место в моей статье о влиянии философии [3].

частного; таким образом объясняю я себе греческих (и французских) трагиков, оттого соразмерности частей у них совершеннее. Напротив того, мы живем в эпохе совершенно лирической; поэмы Клопштока [5], Байрона суть поэмы эпико-лирические. Это эпоха *настоящего*. Здесь мысль независимо от времени выливается из души поэта и распложается во всех явлениях.— Такая поэзия неопределенна, так, как сама мысль, как самое *настоящее*. Все трагедии наши суть лирические.

Третья эпоха составится из этих двух — так как поэзия драматическая из эпической и лирической, как будущее (в мысли человека) из настоящего и прошедшего. В этой эпохе мысль будет в совершенном примирении с миром. В ней, как в трагедии, равно будут действовать характер человека и сцепление обстоятельств. Это будет эпоха драматическая.

Возвратимся к Гомеру. Переход из одной из сих эпох в другую должен быть постепенным, и во всякой эпохе отражаются две другие. Теперь вопрос, на какой степени стоит Гомер. Философ ли он, т. е. выходит ли он от мысли общей, соединяет ли все в единство? Мне кажется, что он совсем не философ, оттого, может, и выше своих последователей, но душа его была в гармонии с природой [6], ясно отражала впечатления природы, оттого поэмы его заключают лучшую философию, ибо они ясны и просты, как природа. Вы, может быть, с этим согласитесь, когда остановитесь на этой мысли: *человек, чтобы сделаться философом, т. е. искать мудрости, необходимо должен был раззнакомиться с природою, с своими чувствами. Младенец не философ.*

Гамс [7] писал ко мне, что на днях, т. е. с первыми ездоками, Шеллинг прибудет в Москву. Вы, конечно,

заметили, что «Телеграф» обещает мне ответ [8]; но если вы имели терпение прочесть его прочие антикритики [9], то, конечно, не будете мне советовать отвечать [10] такого рода литератору.

Принужден кончать, но буду непременно продолжать с вами эту переписку, жду только вашего мнения на эти мысли. Перевод Окена [11], как кончу, вам доставлю.

Выражения мне также часто изменяют при переводе Окена. Но меня то ободряет, что, может, нам предоставлено иметь хоть несколько влияния на образование нашего ученого языка [12] — образование весьма нужное.

Я надеюсь также защищать другие места моей статьи, на которые вы сделали мне замечания. Мне приятно хотя этими спорами обманывать пространство, нас разделяющее.

17. А. И. КОШЕЛЕВУ

9 августа ⟨18⟩25. Москва

Я не писал вам до сих пор о сей книге [1], любезный Александр Иванович, желая вас еще более удивить неожиданностию. Читайте и прочтя перечтите. Я не во всех местах равно согласен с сочинением, делал ему несколько замечаний, но не мог надивиться глубокомыслию его, постоянной системе и философическому порядку. Ни вы, ни я, мы, верно, не читали на русском языке ничего подобного сему сочинению. Оно, как великолепное здание, возвышается на бесплодной равнине нашей теоретической словесности. В Германии такое произведение положило бы уже довольно прочное основание известности писателя. Впрочем, судите сами, и сообщите нам ваше мнение. Жду от вас письма и письма. Чем более, тем лучше.

Весь ваш *Д. Веневитинов*

18. А. И. КОШЕЛЕВУ И А. С. НОРОВУ

⟨Конец августа — начало сентября 1825. Москва⟩

Две недели не писал я к вам, любезнейший Александр Иванович; другой бы начал извинениями, а я вам сделаю выписку из истории этих двух недель, и вы увидите причину, по которой я замедлил отвечать на ваше письмо. Одну неделю мы были в разъездах; ездили в деревню к тетке [1], ездили к гр⟨афине⟩ Пушкиной [2], и писать было невозможно; другая причина, важная, важнейшая, вами уже может быть угадана. Взгляните на «Телеграф» и имейте терпение прочесть длинную, мне посвященную статью [3], смотрите, с какою подлостию автор во мне предполагает зависть к известности Пушкина [4], и судите сами, мог ли я оставить без ответа такое обвинение тогда, как все клянется Пушкиным и когда многие знают, что я писал статью на «Онегина». Вы можете себе представить, что я, прочтя эту антикритику, пошагал в комнате, потер себе лоб, поломал пальцы и взялся за перо. В один день вылилась статья — увы! — предлинная, и, кажется, убийственная для Полевого; но прежде, нежели ее отправить в Питер, я поклялся вперед ничего не печатать в этих ничтожных журналах и выбрать другую сферу действия [5]. Статьи Полевого произвели в нескольких приятелях негодование. В доказательство Рожалин послал в «В⟨естник⟩ Е⟨вропы⟩» славное письмо [6] к р⟨е⟩д⟨а⟩кт⟨о⟩р⟨у⟩, в котором он защищает мои мнения и обличает самозванца-литератора, письмо дельное, которого никак не стоит Полевой и в котором сочинитель умел скрыть всякое личное участие. Киреевский [7] в жару также написал не совсем удачный сбор колкостей на Полевого, но потом разорвал написанное. Много проли-

тых чернил! Судите сами о моем маранье и о письме Рожалина; я их сегодня отправлю в ваш дом [8].

Киреевский послал вам Шеллинга и Окена [9], следственно я с своим переводом назад; а выписка из Блише [10] за всеми суетами еще не переписана. Сегодня невозможно мне продолжать наш ученый спор, но это отлагаю только до следующей почты.— Вы меня заставили много думать.

Ваш *Веневитинов*

Извините, почтеннейший мой Александр Сергеевич [11], что я пишу к вам в письме к Кошелеву, но это мера, которою я должен обуздать свое перо. Если мне взять другой лист бумаги, то, во-первых, я испестрю это письмо вдоль и поперек в беседе с Кошелевым, а потом наполню целые 4 страницы в письме к вам; занятие без сомнения для меня приятное, но мне предстоит дело, которому я должен посвятить все утро, и которое я, конечно, забуду, если писавши к вам, буду спрашивать только сердце, не часы. Приезжайте к нам, время деревни прошло; тогда-то мы побеседуем.

Пока пусть заменит меня у вас моя статья [12], которая, верно, вас посмешит. Ламартин в переплете отправляется в дом Кошелева,— а «Тартюфа» [13] позвольте мне еще подержать у себя. Прощайте, милые.

19. А. И. КОШЕЛЕВУ И А. С. НОРОВУ

25 сентября 1825. ⟨Москва⟩

Скоро ли, любезные друзья мои, Александр Сергеевич и Александр Иванович, забудем мы в беседах наших перо, бумагу и чернила, и изустно станем сообщать друг другу свои мысли и чувства. Признаюсь вам,

друзья мои, мне уже скучно писать и я всякий раз с досадою берусь за перо. Не лень тому причиною; без хвастовства могу сказать, что мне перо не в диковинку, и, хотя я не могу похвастаться прилежанием, но пишу довольно. Нет! мне досадно то, что написав к вам письмо и запечатав его, мне приходит на память тысяча предметов, о которых мне бы хотелось с вами поговорить.— В письме никогда всего не выскажешь, а говорить, считая слова и смотря на часы, несносно. С нетерпением жду зимы, которая нас соединит; я недавно видел княжен Ухтомских [1], и они говорили мне, что Александр Сергеевич [2] непременно со всем семейством своим проведет всю зиму здесь в Москве; очень желал бы, чтобы он такое обнадеживание подкрепил своею подписью. То-то будут толки и перетолки. Я летом так много молчал, что зимой боюсь быть ужасным болтуном.— Может быть вы уже и теперь это примечаете, но что делать, еще один совет: занимайтесь, друзья мои, один философиею [3], другой поэзиею [4] — обе приведут вас к той же цели — к чистому наслаждению.

Александру Ивановичу советую выписать славную книгу [5] под заглавием: Schreiben sie über die... denn hier sind wir nicht... *

Ваш *Веневитинов*

---

* Пишите о ... так как здесь мы не ... (*нем.*).

20. ⟨Ф. Я.⟩ ЭВАНСУ

9 ноября 1825. ⟨Москва⟩ *

Monsieur

Je ne viens que de recevoir les partitions que j'ai l'honneur de vous envoyer. La P-sse Volkonsky me charge de vous réitérer son invitation pour demain à 6 heures. En attendant je vous prie de vouloir bien recevoir l'expression de l'estime et de la parfaite considération,

avec laquelle j'ai l'honneur d'être

Monsieur,

Votre très humble et très obligeant serviteur

Dmitri Venevitinoff

21. М. П. ПОГОДИНУ

⟨Ноябрь — декабрь 1825. Москва⟩

Моя пиеса [1] принадлежит совершенно вам [2], почтеннейший Михайло Петрович, и вы можете переменять в ней, что и как вам угодно. Вместо слов: *человек не забывает, что он падший бог,* если еще можно, то поставьте [3]: *не забывает своего высокого предназначения.* Извините меня, если я слишком долго задержал корректурные листы, но меня по сих пор не было дома.

Ваш покорнейший слуга

Д. Веневитинов

---

* Сударь!

Я только что получил партитуры [1] и имею честь отослать их вам. Княгиня Волконская поручила мне подтвердить свое приглашение вам на завтра к 6 часам. А пока прошу вас принять выражение самого искреннего расположения.

Имею честь, сударь,

оставаться Вашим скромным и благодарным слугой

Дмитрий Веневитинов

1826

22. М. П. ПОГОДИНУ

⟨17 июня 1826. Москва⟩

Я обещал вам возвратить в четверг все ваши бумаги и с точностию исполняю обещание. Письмо так спешил окончить [1], что не успел отделать как бы мне хотелось; но, впрочем, дело не ушло, и я переделаю его, когда вы мне его возвратите, тогда я буду просить вас быть моею почтою и доставить его по адресу прекрасной графине [2], теперь же посылаю его для того только, чтобы сдержать слово. Повесть ваша [3] мне очень нравится; она была бы еще замечательнее, была бы прекрасным маленьким романом, если б характеры были более развиты. О «Валленштейне» ни слова [4] — я, кажется, обещал вам не хвалить его. Прощайте. Поздравляю вас с прекрасным утром, а сам иду спать.

В моем Götz не достает 6-ти страниц на конце [5], но до них еще далека песнь [6].

23. РОДНЫМ

⟨4 ноября 1826. Торжок⟩ *

Jeudi à 11 heures du matin.

Nous voici à Торжок arrivés le plus heureusement du monde; nous repartons dans le moment et espérons être mercredi à Pétersbourg. Je suis bien charmé de faire le voyage avec Vaucher, c'est bien le meilleur enfant du

---

* *Понедельник, 11 часов утра*

Вот мы и в Торжке, куда прибыли вполне благополучно; сейчас едем дальше и надеемся в среду быть в Петербурге. Я очень рад, что путешествую с Воше [1] — это поистине

monde et je l'aime déjà de tout mon coeur. J'adresse ce petit paquet à Sophie; elle se chargera de mes commissions. Les deux paires de souliers sous la lettre «a» sont destinées à la P-sse Zénéide. Remerciez-la bien vivement de ma part. Envoyez aussi deux paires de souliers aux Troubezkoy, les autres sont pour maman et Sophie. J'envoie la ceinture écarlate à Sophie D'Horrer, l'autre est de la part de Théodore pour ma Sophie. Je baise tendrement les mains à maman et embrasse Sophie de tout mon coeur. J'espère que cette lettre les trouvera en bonne santé.

D. V.

Mettez sur les souliers des Troubezkoy les initiales de leurs noms pour que j'aie l'air d'en avoir fait moi-même la répartition.

лучшее существо в мире, и я уже полюбил его всем сердцем. Препровождаю Софи [2] этот маленький пакет; она исполнит мои поручения. Две пары башмаков под буквою «а» предназначаются кн⟨ягине⟩ Зинаиде [3]. Передайте ей мою живейшую благодарность. Пошлите также две пары башмаков Трубецким, остальные — для maman и для Софи, посылаю пунцовый пояс Софи Дорер [4], другой назначается Федором [5] для моей Софи. Нежно целую ручки maman и от всего сердца обнимаю Софи. Надеюсь, что письмо мое застанет их в добром здоровье.

Д. В.

Поставьте на башмаки Трубецких их инициалы, чтоб это имело вид, что я их сам распределял.

24. С. В. ВЕНЕВИТИНОВОЙ

⟨11 ноября 1826. Петербург⟩ *

Jeudi

Je vous ai promis des détails, ma chère amie, et je pourrais déjà vous en donner quelques uns.

J'ai vu la Néva, tous les magnifiques bâtiments qui la bordent, Pierre le Grand, l'église de Casan, en un mot tout ce qu'il y a de plus beau à Pétersbourg et cela par un très beau jour.

J'ai même vu l'intérieur du palais de la Tauride, la fameuse salle avec tous ses marbres.

Mais j'aime mieux laisser mûrir ou du moins croître ces impressions.

Je ne suis pas encore de coeur à Pétersbourg et les souvenirs de Moscou m'occupent beaucoup trop pour que je puisse contempler avec toute l'attention nécessaire et jouir franchement de ce que je vois. J'ai vu hier les Hitroff qui vous disent mille choses. J'ai aussi été chez le C-te Nesselrode qui m'a tenu pendant assez longtemps

---

* Я обещал написать вам подробно, дорогой друг, и могу теперь уже кое-что сообщить.

Я видел Неву, все великолепные здания на ее берегах, памятник Петру Великому, Казанский собор, словом, все наиболее красивое в Петербурге, и все это при чудной погоде.

Я был также в Таврическом дворце и видел знаменитую мраморную залу.

Но пусть лучше эти впечатления созреют или, по крайней мере, разовьются.

Я еще далек сердцем от Петербурга, и воспоминания о Москве слишком еще мною владеют, чтобы я мог любоваться всем с должным вниманием и искренно наслаждаться виденным.

Вчера я был у Хитровых [1], которые вам кланяются. Был также у графа Нессельроде [2]; он продержал меня доволь-

chez lui et m'a dit de revenir encore après m'être reposé quelques jours. J'ai passé plus d'une heure chez la P-sse Aline qui est toujours on ne peut plus aimable.

Ces détails vous suffiront pour le moment. Quand j'aurai fini mes premières courses, ce qui me tarde extrêmement, je mettrai plus d'ordre et de soin à vous écrire. Vous le savez je n'aurai pas besoin alors de vos exhortations, il m'est plus facile de vous écrire une lettre longue, qu'une lettre courte et je veux même ne vous écrire jamais le même jour, qu'à maman, afin que vous ayez plus souvent de mes nouvelles. Jusqu'à présent je n'ai jamais pu trouver plus de 3 minutes pour vous parler de moi.

Présentez mes respects à toutes les dames Ocouloff, dites-leur que si elles m'oublient je prierai le ciel de leur faire perdre leurs jolies voix. Saluez les M., V... et tous ceux de mes amis que vous verrez. Dites à M-r D'Horrer

---

но долго и сказал мне, чтобы я, после нескольких дней отдыха [3], снова зашел к нему. Я провел более часа у кн⟨яжны⟩ Алины [4], которая была, как всегда, чрезвычайно любезна.

Пока вам хватит этих подробностей. Как только покончу с моими первыми разъездами, чего жду, не дождусь, внесу больше порядка и больше внимания в мою переписку с вами. Вы знаете, что тогда мне не понадобятся ваши увещевания. Мне легче написать вам длинное письмо, чем короткое, и я даже хочу никогда не писать одновременно и вам, и maman, чтобы вы чаще имели от меня известия. До сих пор у меня никогда не находилось более трех минут, чтобы рассказать вам о себе.

Передайте мой поклон дамам Окуловым [5], скажите им, что, если они меня забудут, я умолю небо лишить их прелестных их голосов. Кланяйтесь от меня М⟨ещерскому⟩ [6], В⟨олконской⟩ и всем друзьям, которых вы увидите. Ска-

et à Goerke que je leur écrirai incessamment. Mille choses à Sophie et mille baisers pour vous.

Je pense souvent à Genischta, dites-le-lui, en un mot je n'oublie personne. Dites à la P. Zénéide que j'attends avec impatience les copies des psaumes de Marcello. J'espère qu'elle m'en enverra quelques-uns avec Alexandre M. J'irai un de ces jours voir Vielhorski qui a déjà appris mon arrivée et m'a fait dire qu'il m'attendait. Parlez de moi à Alexis et donnez-moi surtout de ses nouvelles. Je lui écrirai une lettre détaillée un de ces jours.

25. М. П. ПОГОДИНУ

17 ноября 1826. Петербург

Мне очень жаль, друг мой, что, начиная писать к тебе, я должен бранить тебя. Ты наделал вздору. Драм⟨атические⟩ отрывки всегда подавались в Моск⟨овский⟩ ценз⟨урный⟩ ком⟨итет⟩, доказательством тому служат все отрывки, напечатанные в «Мнемозине» [1] и переводы Мерзлякова [2] из древних. Сам Карбоньер [3] мне подтвердил то же. Я был у Соца [4], и он принимает в цензуру только те пьесы, которые должны быть играны. Вот причины, причины верные, по которым отсылаю

жите гг. Дореру и Герке, что я им буду часто писать. Шлю тысячу приветствий Софи [7] и тысячу поцелуев вам.

Я часто думаю о Гениште, скажите ему об этом. Словом, я никого не забываю. Передайте кн. Зинаиде, что я с нетерпением ожидаю копии псалмов Марчелло [8]. Надеюсь, что она пришлет мне некоторые из них с Александром М⟨ещерским⟩. На днях хочу посетить Виельгорского [9], который уже узнал о моем приезде и просил передать мне, что он меня ждет. Расскажите обо мне Алексею [10], а главное — сообщите мне о нем. На днях напишу ему подробное письмо.

«Годунова»[5]. Еесли б я его отдал здесь в цензуру, то с него бы пошли списки. На сие здесь молодцы. Я Рожалину писал[6] про Козлова. Дельвига по сих пор не мог видеть. Какая-то судьба мешает нам знакомиться[7]. Я к нему, он ко мне. Я к Пушкиным[8], он от них. Впрочем, на него можем надеяться[9]. «Абид‹осской› нев‹есты›» разбор[10] сделан; однако ж не ждите от меня по статье на все, что будет появляться в нашей литературе. У нас там много пустого, и обо всем что-нибудь да сказать надобно. Я расположен здесь заняться делом. Сегодня переезжаю[11] на квартиру, которая будет моей пустынею. В ней, надеюсь, умрут все мои предрассудки и прозябнут семена добрые. Уединение мне было нужно, и шаг решительный сделан[12]. Теперь что будет!! Молитесь за меня. Пиши ко мне чаще, мой милый друг, и заставляй писать других. Я долго не отвечал тебе на первое твое письмо[13], но давно выплакал на него ответ. Прощай. Люби меня всегда.

Как я живо представляю себе ваш праздник[14] и милого-премилого Шевырева[15].

26. С. В. ВЕНЕВИТИНОВОЙ

18 ‹ноября 1826. Петербург› *

Jeudi

J'ai reçu votre lettre hier et comme vous voyez je ne tarde pas à y répondre. J'en suis assez content, cependant j'aurais désiré qu'elle fût encore plus détaillée.

---

* *Четверг 18.*

Вчера я получил ваше письмо и, как видите, отвечаю вам немедленно. Я им в общем доволен, хотелось бы, однако, чтобы оно было более подробным. Когда вы гово-

Quand vous me parlez de vos plaisirs, de vos occupations, il ne faut oublier aucune circonstance. Que jouez vous avec Genischta? Vous ne m'en dites rien. Que fait-on aux soirées de la P. Zénéide? Chante-t-on? danse-t-on? Je veux savoir tout cela. Et c'est alors que vous aurez le droit d'exiger de moi les relations les plus exactes. D'ailleurs vous avez beau dire, vous avez toujours beaucoup plus de temps à mettre à vos lettres que moi, Jusqu'à présent je mène une vie de vagabond, ce qui ne me convient pas du tout, mais enfin j'espère que nous déménagerons lundi dans notre logement et alors je serai plus maître et même absolument maître de mes moments. Aujourd'hui je suis engagé à dîner chez M-r Батюшков, je n'ai pas encore fait la connaissance de ses filles, qu'on dit être très aimables et fort bonnes musiciennes. J'irai aussi voir les Koutaïsoff ce matin. Ensuite je retournerai chez le C-te Nesselrode ne voulant pas profiter trop largement du temps de repos qu'il m'a

---

рите мне о ваших развлечениях и ваших делах, вы не должны опускать ни одной подробности. Что играете вы с Геништою? Вы ничего не сообщаете об этом. Что происходит на вечерах у кн⟨ягини⟩ Зинаиды? [1] Поют ли там, танцуют ли? Мне хочется знать обо всем. И тогда вы тоже будете иметь право требовать от меня самых точных сообщений. Впрочем, что бы вы там ни говорили, у вас всегда больше времени для писем, чем у меня. До сих пор я веду здесь бродячую жизнь, что мне совсем не подходит, но я надеюсь, что мы, наконец, в понедельник переедем на нашу квартиру [2], и тогда я буду более хозяином или даже полным хозяином своего времени. Я приглашен сегодня на обед к г. Батюшкову [3], я еще не познакомился с его дочерьми [4], которые, как говорят, очень милы и очень хорошие музыкантши. Сегодня утром зайду также к Кутайсовым [5]. Затем вернусь к графу Нессельроде, не желая слишком широко пользоваться данным мне отдыхом [6]. Вечер проведу или у Козлова, или у Дельвига. Вот мои

donné. La soirée, je la passerai ou chez Kozloff, ou chez Delvick. Voilà mes projets pour toute la journée. Dès que je serai installé dans mon nouveau logement je vous enverrai les copies, que vous désirez. Cependant, n'allez pas croire que ce n'est qu' à cette seule condition, que la P-sse m'a donné son cahier. Cette condition n'existait pas quand le cahier était déjà chez moi et ce n'est que dans la suite que la P-sse m'en a parlé. Voilà une querelle d'Allemand, je ne vous la fais cependant pas pour me prévaloir de ma complaisance. Un de ces jours j'écrirai à maman. Je vous adresserai aussi ma lettre pour Alexis, comme la poste de Voronège quitte Moscou le vendredi, je vous l'enverrai samedi afin que vous la receviez jeudi. Vous la ferez partir sans délai. Donnez-moi exactement de ses nouvelles. Je remercie maman de la lettre qu'elle m'a envoyée et lui baise les mains, les joues. J'écrirai à M-r D'Horrer, à M-r Goerke et à M-me ma tante. J'ai passé une soirée chez la P-sse Sophie Volkonsky, c'est

---

планы на весь день. Как только устроюсь в нашей новой квартире, тотчас пришлю вам книги, которые вы желали иметь. Не подумайте, однако, что княгиня [7] дала мне свою тетрадь только под этим условием. Это условие не существовало еще тогда, когда тетрадь была уже у меня, и только впоследствии княгиня сказала мне об этом. Вот пустая ссора! Я начал ее, однако, не с тем, чтобы преувеличить мою любезность. На днях я напишу maman и направлю также вам мое письмо к Алексею [8]; так как воронежская почта уходит из Москвы в пятницу, я пошлю вам письмо в субботу, с тем, чтобы вы его получили в четверг. Отправьте его без промедления. Сообщите мне точные сведения о нем. Благодарю maman за присланное письмо, целую ее ручки и щечки. Я напишу г. Дореру, г. Герке и моей тетушке [9]. Я провел один вечер у кня⟨гини⟩ Софи Волконской [10],— несмотря на ее болезнь, это милейшая особа. Я не заметил, однако, у нее ни цвета лица, ни голоса больного человека, пребывающего столь долгое время в по-

une personne fort aimable malgré sa maladie. Je ne lui ai cependant trouvé ni le teint, ni la voix d'une personne qui garde le lit depuis si longtemps. On m'a dit ensuite qu'elle était un peu agitée. Elle m'a retenu chez elle jusqu'à 9½ depuis 6½ et pendant ces 2 heures nous n'avons cessé de causer avec la P. Aline pour ne pas la laisser parler.

Mes hommages à la P-sse Zénéide, je lui suis bien reconnaissant de son souvenir. Ne m'oubliez pas dans son salon et surtout près des dames Ocouloff. Dites à Alex. Meschersky, que les écoles vont être ouvertes et que dès qu'elles le seront, je lui en enverrai les règlements, qu'en attendant il n'oublie pas mes conseils. Par la première occasion envoyez-moi de la conserve de rose pour Vaucher. On n'en trouve pas à P-g et cela lui fait un bien infini. Je vous embrasse de tout mon coeur.

Si vous voyez les Troubezkoy, présentez-leur mes respects et envoyez-moi les psaumes de Marcello par la P. Agrip. si elle vient ici bientôt ou par son frère. Tous deux s'en chargeront avec plaisir.

стели. Мне сказали потом, что она была несколько возбуждена; она удержала меня с 6 1/2 до 9 1/2 ч. и в продолжение этих двух часов мы не переставая беседовали с кн⟨яжной⟩ Алиной [11], чтобы не давать ей говорить. Засвидетельствуйте мое почтение кн⟨ягине⟩ Зинаиде [12], я ей очень признателен за память. Напомните обо мне в ее салоне и особенно — Окуловым [13]. Скажите Алек⟨сандру⟩ Мещерскому, что школы скоро откроются, и тогда я пришлю ему программы, а пока прошу его не забывать моих советов [14]. Пришлите мне при первом удобном случае варенье из роз для Воше [15]. В Петербурге его не найти, а оно ему чрезвычайно полезно. Обнимаю вас от всего сердца.

Когда увидите Трубецких, передайте им мой привет и пришлите псалмы Марчелло через кн⟨яжну⟩ Агрип⟨пину⟩, если она скоро приедет сюда, или через ее брата [16]. Они оба с удовольствием исполнят это поручение.

27. А. В. ВЕНЕВИТИНОВУ

⟨20 ноября 1826. Петербург⟩

Москву оставил я, как шальной,— не знаю, как не сошел с ума.

Описывать Петербург не стоит. Хотя Москва и не дает об нем понятия, но он говорит более глазам, чем сердцу.

28. М. П. ПОГОДИНУ

12 декабря 1826. ⟨Петербург⟩

Сегодня получил я записку твою [1] в письме Титова [2], и тотчас на нее ответ. Я был у Козлова, и он обещал мне что ни есть у него лучшего в «М⟨осковский⟩ вестник», но прибавил, что тотчас дать не может, ибо он хочет наперед выбрать отрывок [3], совершенно изготовить его к печати и переписать. Повторяю тебе, не худо, если ты сам напишешь [4] к нему письмо, в котором скажешь, что ты поручил мне просить его быть участником в журнале, что я объявил тебе его согласие, и ты поставляешь себе долгом благодарить его и просить украсить своими стихами [5] первые нумера «Вестника». Если почитаешь за нужное предлагать ему условия, то возьми этот труд на себя, а мне нельзя ни торопить старика, ни говорить ему об условиях; ибо он обещал мне стихи, как автор, который не продает их, но слышит с удовольствием об нашем предприятии, и сам вменяет себе в честь участвовать в таком деле, в котором участвует Пушкин и другие литераторы. Ты же, как редактор, можешь объявить ему, что журнал издается не в твою пользу и что ты должен вознаграждать труды всех, участвующих в оном. В этом ничего

нет неловкого. Впрочем, это совет, а вы соберитесь во имя господне и решите гласом народа гласом божьим.

Я послал несколько стихотворных пьес Рожалину [6] и еще буду посылать. Мне что-то все грезится стихами. Если тебе некоторые понравятся, не печатай их, не предупредив меня, потому что эти пьесы как-то все связаны между собою, и мне бы хотелось напечатать их в том же порядке, в котором они были написаны.

Почти все те, которых я здесь видел, подписываются на наш журнал и ожидают его с нетерпением. В обществах петербургских наше предприятие не без защитников, и мне кажется, я могу сказать почти решительно, что общее мнение за нас. Говорю это искренно, а не для того, чтобы тебя обрадовать. Отнимать у Полевого «Вадима» не годится [7], и Пушкин, верно, никогда на это не даст своего согласия, а надобно требовать от него позволения напечатать в 1-м № «Вест⟨ника⟩», что он ни в каком другом журнале помещать стихов своих не будет, исключая «Вадима», которого он уже в таком-то месяце отдал г. Полевому и который по причинам, неизвестным автору, еще не напечатан. На это П⟨ушкин⟩, верно, согласится. Пиши к нему чаще, ты имеешь на то полное право, купленное и твоим знакомством и 10 000 рублями [8]. Вообще опояшься твердостию и решимостию, необходимою для издателя журнала. Искренность не нахальство.

Вот тебе урок, любезный друг. Прости мне его ради дружбы; он может быть не бесполезен. Посылаю тебе несколько мыслей об «Абидосской невесте» [9]. Ты, верно, не сердит на меня за то, что я отказался писать об ней разбор. Письмо мое к Рож⟨алину⟩ [10] докажет тебе, что отказываюсь не без причины. Кто-нибудь из вас потрудится написать эту рецензию; а в конце, если

почитаешь за нужное, то припечатай несколько замечаний, здесь прилагаемых. Кланяйся всем нашим. Собол‹евскому› скажи, что я к нему буду на днях писать [11].

Твой верный *Веневитинов*

Как скоро получишь это письмо, пиши к Пушкину о «Вадиме» так, как я тебе советую, именно теми же словами.

Засвидетельствуй мое почтение Аграфене Ивановне и княжне [12]. Дай бог, чтоб они были столько же счастливы и веселы, сколько они добры и снисходительны. А я умею ценить их благосклонность и быть благодарным.

29. М. П. ПОГОДИНУ

14 декабря 1826. ‹Петербург›

Вот вам несколько строк об «Онегине» [1], сшитых кое-как, на живую нитку. Меняйте, марайте как хотите, но, ради бога, не пишите большого разбора книги, уже давно вышедшей в свет [2]; тем более, что лишние похвалы Пушкину в нашем журнале могут показаться лестию. Вы видите, что я об вас думаю, не забывайте меня в своих молитвах и собраниях.

Этот лист всей братии.

30. С. А. СОБОЛЕВСКОМУ

14 декабря ‹1826. Петербург›

Давно хотел я писать к тебе, любезный мудрец эпикурейской секты, и не забыл, что обещал тебе описание житья-бытья Одоевского [1]. Но ты уже знаешь, что

я был болен [2] и потому долго не мог приглядеться к его семейственной жизни. Посмотрел бы ты на него, он, как сыр в масле, ласкает жену, как любовник, любезничает с дамами, как жених. Она женщина превеселая и милая [3] в глазах каждого, что ж должна быть в глазах нашего чувствительного Одоевского? Придешь к ним поутру; они сидят рядом, как голубок с голубкой, шутят и целуются, я смеюсь. Сцена довольно забавная. Придешь вечером. Она разливает чай, он угощает своих дам. Надобно заметить, что он в большой милости у родни и по вечерам принимает. Сестра на тебя жалуется. Ты споришь против нее и против к⟨нягини⟩ Вол⟨конской⟩ о стихах Муравьева [4]. Она прислала мне эти стихи, и я хотел, чтобы они были хороши для того, чтобы побранить тебя.

Что делает наш журнал? Я надеюсь, что ты из деятельных сотрудников, а именно, погоняешь Погодина [5] вперед, ругаешь Полевого [6], выжимаешь из Шевырева статьи [7] и выкидываешь *терния и зелия недостойных* из нашего цветущего сада. Если ты хорошо вникнул в роль свою, то ты увидел, что она не противоречит твоей гордой и солидной осанке. Ты должен быть крепкий цемент, связующий камни сего нового здания. От тебя много зависит его прочность. Понукай Пушкина [8], надобно, чтобы в каждом № было его имя [9], подписанное хоть под немногими строчками. Скажу тебе искренно, что здесь от этого журнала много ожидают [10]; сам Пушкин писал сюда об нем [11]. Скажи нашим, чтобы они не щадили Бул⟨гарина⟩, Воей⟨кова⟩ [12] и пр. Истинные литераторы за нас. Дельвиг также поможет [13], и Крылов не откажется от участия [14]. Принимайтесь только за дело единодушно и бодро, и все пойдет хорошо. Поверните колесо рукою твердой, и оно покатится. Ес-

ли я буду доволен вашими двумя первыми нумерами [15], то вы позавтракаете таким ст⟨и⟩льтоном [16], какого ты от роду не едал. Лучшего трудно достать; но мне обещали, и я пошлю тебе провизию в гостинец, как скоро будет оказия. Прощай, мой друг, мне еще много надобно писать, а теперь уже второй час. Пиши ко мне и помни

Веневитинова

Получил ли ты 130 руб⟨лей⟩ за фортепьяно?

Дай мне записку к Грефу [17] для получения остальных томов Шекспира.

31. С. В. ВЕНЕВИТИНОВОЙ

16 декабря ⟨1826. Петербург⟩ *

Ma chère amie.

Je suis bien charmé de savoir qu'Alexis soit de nouveau près de vous. Vous voilà donc rendue à votre gaieté naturelle. Amusez-vous, promenez-vous et pensez à moi; surtout parlez-moi en détails de tous vos plaisirs et alors j'y prendrai une part réelle, en dépit de toute distance. Je trouve que vous m'écrivez moins que vous ne pourriez le faire, si vous vouliez me sacrifier au moins une demi-heure dans la journée. Vous ne pouvez pas me faire le

---

* Дорогой друг.

Я очень рад узнать, что Алексей опять с вами [1]. Итак, вы снова обрели свойственную вам веселость. Веселитесь, гуляйте и думайте обо мне; а главное — пишите мне подробно о всех ваших развлечениях, таким образом я приму в них, вопреки расстоянию, настоящее участие. Нахожу, что вы мне пишете меньше, чем могли бы, если только пожелали бы пожертвовать на это хотя полчаса ежедневно. Вы не можете упрекнуть меня в том же — я более

même reproche, car je suis plus occupé que vous et j'ai presque tous les jours des courses à faire; malgré cela il n'y a pas de jour, que je n'expédie au moins deux lettres pour Moscou et il y en a qui traitent d'affaires (littéraires s'entend) et qui demandent plus de temps que celles que vous pouvez m'écrire. Je ne déversie pas; mais je suis paresseux de copier et d'ailleurs je ne vous enverrai rien à vous, parce que vous propagez trop mes vers. Je ne veux pas mendier d'éloges. J'ai dîné aujourd'hui avec le plus sot et le plus bavard des poètes, et je suis encore tout étourdi de ses cris: c'est — Катенин. Pouchkin doit être à Moscou, faites-lui bien mes amitiés. Je dois vous remercier de la confiance que vous me témoignez en me choisissant pour juge dans votre dispute littéraire avec Sobolevsky; si vous ne m'aviez pas envoyé les vers, je vous aurais donné raison. L. V. Herper qui a passé il y a quelques jours la soirée chez nous, m'a récité quelques vers de Mouravieff où il y a de jolies idées et

---

вас занят и почти каждый день в разъездах; несмотря на это не проходит и дня, чтобы я не отправил в Москву, по меньшей мере, два письма [2], из коих некоторые деловые (касающиеся, конечно, дел литературных), требующие больше времени, чем те, которые вы мне можете писать. Я не бросил стихотворство, но мне лень переписывать, и к тому же вам я ничего не пошлю, так как вы слишком распространяете мои стихи. Я не хочу выпрашивать похвал. Сегодня я обедал с самым глупым и самым болтливым из поэтов — Катениным [3], и до сих пор еще оглушен его криками. Пушкин должен быть в Москве [4], передайте ему мой дружеский привет. Благодарю вас за оказанное мне доверие, за выбор меня судьею в вашем литературном споре с Соболевским [5]; если бы вы не прислали мне стихов, я принял бы вашу сторону.

Л. В. Герпер [6] несколько дней тому назад провел у нас вечер и прочел мне довольно хорошие стихи Муравьева,

qui sont assez bien. Dites cela à la P. Zénéide car je vois qu'elle s'intéresse aux succès de M. Je suis fâché de ne pas pouvoir faire le même éloge de tout ce que je connais de lui. Je vous remercie des détails que vous me donnez sur la fête du 3. Une lettre de Рожалин y a encore ajouté. J'ai passé la soirée chez la C. Laval. Je ne sais si je vous en ai déjà parlé; mais c'est une femme d'esprit, qui parle beaucoup de littérature et qui parlerait assez bien, si elle parlait moins. La fille aînée est une personne spirituelle et très aimable. Je connais moins celle qui demeure chez la P-sse Beloselsky, mais je crois que, quoique plus jeune, elle ne le cède en rien à sa soeur; elles sont toutes les deux bonnes musiciennes et c'est déjà, à mon avis, une bonne recommandation. Envoyez-moi avec Alexandre l'élégie de Genischta, il y a plusieurs personnes, qui me la demandent et on la connaît beaucoup de réputation. Je n'ai pas encore vu A. Кутайсову, elle est malade depuis mon arrivée ici; mais la mère me

---

в которых имеются красивые мысли. Скажите это кн⟨ягине⟩ Зинаиде: я вижу, что она интересуется успехами Муравьева. К сожалению, я не могу похвалить его за все, что мне известно. Благодарю вас за подробное описание празднества 3-го числа [7]. В этом отношении помогло мне и письмо Рожалина [8]. Не знаю, писал ли я вам о том, что провел вечер у гр⟨афини⟩ Лаваль [9]; это женщина умная, говорит много о литературе и довольно хорошо, если бы говорила не так много. Ее старшая дочь [10] — особа остроумная и очень любезная. Я меньше знаю ту, которая живет у кн⟨ягини⟩ Белосельской [11], но я думаю, что она хотя и моложе, ни в чем не уступает своей сестре; обе они — хорошие музыкантши, и это уже, на мой взгляд, хорошая рекомендация. Пришлите мне с Александром [12] элегию Геништы [13], многие у меня ее спрашивают; ее хорошо знают понаслышке. Я еще не видел А. Кутайсову [14]; она больна с тех пор, как я приехал сюда, но ее

charge toutes les fois de dire mille choses de sa part à maman et à vous. La P. Aline chez laquelle j'ai été avant hier me rappelle aussi à votre souvenir; Olinka, ma grande amie, en fait autant. Je viens d'apprendre que M-lle Ocouloff est ici, je tâcherai de la voir. Si vous voyez M-me Ouvaroff dites-lui que je vais voir de temps en temps les Батюшков, qui me parlent beaucoup d'elle. Elle doit être triste; car elle ne doit plus espérer revoir son frère. Envoyez-moi quelques unes de vos valses, surtout celle que vous avez faite dernièrement. Je me souviens à présent que vous vous êtes moquée d'avance du ménage que nous ferions avec Хомяков. Eh bien! Si vous voyiez cela vous reviendriez de votre erreur. Quoique nous différions entre nous comme Онегин et Ленский, tout va le mieux du monde.

мать всякий раз поручает мне передать maman и вам ее приветствия. Кн⟨яжна⟩ Алина [15], у которой я был позавчера, просит также напомнить вам о себе. Оленька [16], мой большой друг, присоединяется к ним. Я только что узнал, что M-elle Окулова [17] здесь — я постараюсь повидаться с нею. Если вы встретите г-жу Уварову [18], передайте ей, что я иногда бываю у Батюшковых [19], которые мне много говорят о ней. Она должна быть очень огорчена, не надеясь больше увидеть своего брата [20]. Пришлите мне некоторые из ваших вальсов, прежде всего тот, который вы недавно сочинили. Припоминаю теперь, что вы заранее подсмеивались над нашей совместной жизнью с Хомяковым [21]. А вот, если б вы нас увидели, то сознались бы в своей ошибке. Хотя мы и отличаемся друг от друга, как Онегин и Ленский,— все идет прекрасно.

32. В КАНЦЕЛЯРИЮ ИЗДАТЕЛЕЙ «МОСКОВСКОГО ВЕСТНИКА» ИЗ С.-ПЕТЕРБУРГСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ ВСЕПОКОРНЕЙШИЙ РАПОРТ С ПРИЛОЖЕНИЕМ СТАТЬИ ПОД № 9 [1].

19 декабря ⟨1826. Петербург⟩

Погодину

Мы, нижеподписавшиеся, извещаем издателя «Московского вестника», что мы с удовольствием принимаем на себя отдел критики с тем только условием, что все наши статьи, как бы они задорны ни казались мягкосердечному Погодину, помещались без разведения их с парною водою (рукою Веневитинова.— *Ред.*). Нижеподписавшийся, подтверждая все вышесказанное, прибавляет еще условие: его имени никому не открывать и не подписывать. Одоевский. Браниться — рад (рукою В. Одоевского.— *Ред.*). Под мои статьи можете ставить «В» или «-в» [2], но не больше. Письмо твое отдам завтра Козлову [3]. Отрывки из «К⟨н.⟩ Долгорукой» [4] у него еще не так хорошо отделаны. Но теперь ваши тревоги ⟨?⟩ кончились. П⟨ушкин⟩ сам в Москве [5] (рукою Веневитинова.— *Ред.*).

Рожалину

Письмо твое сегодня получил. Кто вбил тебе в голову, что я связался с Б⟨улгариным⟩? Я и в лицо его не видел и верно к нему с первым визитом не поеду. Энигматических твоих фраз [6] почти не понимаю. В первой книжке не советую помещать перевод «Фауста» [7], надобно выбрать что-нибудь получше. У вас «Валленштейнов лагерь» [8]; чего ж долго искать? Тут не нужно

к⟨н.⟩ Долгорукой [9] (рукою Веневитинова.— *Ред.*). А у тебя, отец святой, прошу благословения! — Что до труда касается, с тебя буду пример брать. Довольно ли этого? — Нельзя ли попросить Мещерского [10] уступить мне, за что хочет — «*Voyage de Montaigne en Italie*» * — она мне необходима (рукою В. Одоевского.— *Ред.*).

Соболевскому

Ты, попавшийся на истинное место свое на средину, живот много содержащий и ничего не испускающий, призри на меня, грешного, совершенно совратившегося с пути гастрономического, презирающего устрицами; боящегося лимбургского сыра,— что не должно тебя пугать, ибо для тебя больше того и другого останется. Умори свою старуху [12], но пришли мне книги, прочего ничего не надобно, знаю, что ты из всего сделал, не хочу тебя лишать удовольствия созерцать мои *удобности* (commodites) **. Недавно я познакомился с твоим однокорытником, *Глинкою* [13]. Чудо малый! Музыкант, каких мало. Не в тебя, урод, хотя тебя помнит ⟨?⟩ (рукою В. Одоевского.— *Ред.*).

Титову

Здравствуй, душенька, Володенька,— ты думал, что я забыл тебя,— ничуть; не писал — правда; да когда? Дети просят каши, жена — не скажу. Ты едешь в Питер — жду; приезжай, душка, трубку дам. Пиши ко мне (рукою В. Одоевского.— *Ред.*). На последнее письмо твое еще не отвечал, любезный друг, потому что все это время я почти не выпускал пера из рук. Благодарю

* «Путешествие Монтеня по Италии» [11] (*фр.*).
** Удобство, комфорт (*фр.*).

тебя без фраз за твою дружбу. Трудитесь, мы с Одоевским, надеюсь, не отстанем. Авось, не даром соединим усилия. Описывайте мне подробнее всякий нумер. Посылаю вам покамест еще пьеску. Если пригодится, она ваша. Соболевскому нет места писать (рукою Веневитинова.— *Ред.*).

Шевыреву

Малютку [14] целую и ласкаю. Умница мальчик. Пишет, переводит, а нет, чтобы ко мне написать. Адрес знаешь? Не знаешь — живот скажет (рукою В. Одоевского.— *Ред.*). Молодец, Шевырев! Я еще не выспался в Петербурге, а он уже отвалил «Валленштейнов лагерь». Рожалин говорит, что славно, и я верю. Печатай его в первых книжках; он понравится. Я бы отвечал тебе рифмами на рифмы, но я так много рифмовал, что не худо свой запас рифм поберечь на черный день. Покамест довольствуйся дружбой за дружбу (рукой Веневитинова.— *Ред.*).

Веневитинов
Одоевский

В «Моей молитве» перемените стих [15]:

Да через мой порог смиренный
Не прешагнет, *как тать ночной,*
Ни об⟨ольститель⟩ и пр.

33. А. В. ВЕНЕВИТИНОВУ

⟨Конец 1826 — начало 1827. Петербург⟩

Обедаю за общим столом у Andrieux [1]. Там собираются говоруны и умники Петербурга. Я, разумеется, молчу, и нужно прибавить, что я стал очень молчалив, с тех пор, как тебя оставил.

34. С. А. СОБОЛЕВСКОМУ

‹Конец декабря 1826 — начало 1827. Петербург›

Получив твое поганое письмо [1], я тотчас обрек его на всесожжение, и на другой же день зажег им свой камин. Если б я мог полагать в тебе хоть на грош благоразумия, то стал бы бранить тебя за такое письмо; но ты не можешь изменить *своей природе*, как говорят французы, и поэтому прими от меня в награду ящик вонючего Стильтона [2]. Наконец дождался ты Пушкина. Перекрестись и кушай.

Д. В.

А Пуш‹кину› от меня — поклон.

1827

35. А. В. ВЕНЕВИТИНОВУ

‹Январь 1827. Петербург›

Я дружусь с моими дипломатическими занятиями. Молю бога, чтобы поскорее был мир с Персией [1], хочу отправиться туда при первой миссии и на свободе петь с восточными соловьями. Malgré le nombre de mes occupations, je trouve toujours le temps d'écrire, je suis placé près de Bouteneff *.

Пиши мне об журнале; скажи искренно, что говорят об нем в Москве.

---

* Несмотря на большое количество моих занятий, я всегда нахожу время писать. Я состою при Бутеневе [2] (*фр.*).

36. А. В. ВЕНЕВИТИНОВУ

5 января ⟨1827. Петербург⟩

Недавно я обедал вместе с Гречем и Булгариным [1]: они оба увиваются около меня, как пчелки около липки, только не дождутся от меня меду.

Вчера у меня провел весь вечер Дельвиг; мы провели время очень весело, пели и швыряли друг в друга стихами.—

Говорят, что Мицкевич [2] — знаток в литовских древностях, знает латинский язык и славянский.

Пусть *Погодин* заставит его написать что-нибудь для Вестника. Готовь Погодина к брани: пора настала. Надобно поранить трехглавую петерб⟨ургскую⟩ гидру — С⟨еверную⟩ П⟨челу⟩, Арх⟨ив⟩ и С⟨ын⟩ От⟨ечества⟩ [3]: мира с ними не может быть.

37. М. П. ПОГОДИНУ

7 января 1827. ⟨Петербург⟩

Вчера писал я к брату [1] и разбранил тебя, как журналиста, за то, что кладешь в длинный ящик критические статьи. Как можно писать об «Аб⟨идосской⟩ не⟨весте⟩» во втором № журнала! [2] О таком произведении надобно говорить тотчас или совсем не говорить. Отнес ли ты мой «Новгород» [3] и как он был принят? Напиши мне об этом. О первом № «Вестника» уже носится слух, но слух еще невнятный, а у меня журнала нет. Надеюсь, что ты принесешь мне его. Получаешь ли ты иностранные журналы? [4] Это необходимо. Заставляй переводить из них все ученые статьи, объявляй о всех открытиях, что поддерживает «Телеграф» [5]. Мы азиатцы, но имеем претензию на европейское просвещение; хотим знать то, что знают другие, и знать, не учившись,

а только по журналам [6]. В первый год надо жертвовать своими правами даже несправедливым требованиям публики [7]. Итак, на первый год девиз журнала должен быть *Invent meminisse periti* *. На следующий год, когда журнал завлечет читателей, мы покажем им пропущенную часть стиха *Ignoti discant* **. Молодцы петербургские журналисты, все пронюхали до малейшей подробности, твой договор с Пуш‹киным›, имена всех сотрудников [8]. Но пускай их, они вредить тебе не могут. Умный (не то, что хороший) журнал сам себя поддержит. Главное, отнять у Булгариных их влияние. С тех пор как я видел Булгарина, имя его сделалось для меня матерным словом. Я полагал, что он умный ветреник, но он площадной дурак. Ужасно ругает «Телеграф» [9]; о тебе ни слова. Говорит, что сам знает, что он интриган, но это сопряжено с благородной целию, а все поступки его клонятся к пользе отечественной словесности. Экой урод! Но *quos ego* ***!..

38. С. В. ВЕНЕВИТИНОВОЙ

8 января ‹1827›. Петербург ****

Il y a bien longtemps que je ne vous ai pas écrit, ma chère amie; mais Alexis vous aura déjà probablement fait connaître les raisons qui ont donné lieu à mon silence. Je vous prie de croire que ces raisons ne sont pas des

---

* Пускай поучат опытные (*лат.*).

** Невежды учатся (*лат.*).

*** Я вас! [10] (*лат.*).

**** Уже много времени я не писал, мой дорогой друг; но Алексей [1] вас, вероятно, уже поставил в известность о причинах, объясняющих мое молчание [2]. Я прошу вас верить, что эти причины — не отговорки. Давно уже

prétextes. Depuis longtemps je voulais vous donner des détails du bal masqué que la Cour a donné le 1-er jour de l'an. J'y ai été à l'ouverture du bal et m'en suis allé enchanté de la salle, du jardin et des costumes. La P⟨rincesse⟩ Aline était charmante, M-me Savadovsky très belle etc. etc.

J'ai passé contre mon ordinaire presque toutes ces fêtes hors de chez moi. J'ai été au bal chez les Кутузов. J'ai entendu de la musique à plusieurs reprises et aujourd'hui même je me propose d'aller à l'Opéra; on y donne la Pretiosa de Veber. Vielhorsky m'a beaucoup parlé de vous et de maman. Il m'a dit vous avoir vu la veille de son départ. Tout le monde m'a écrit par cette occasion excepté vous, et ce n'est pas bien de votre part car le temps ne doit pas vous manquer. Pour moi je saisis toutes les occasions, tous les loisirs pour vous écrire. Preuve de cela, je barbouille cette lettre à la Chancellerie. Dès que j'aurai le temps de donner deux ou trois séances à un peintre, je ferai mon portrait pour

---

собираюсь описать вам подробности маскарада, который был дан Двором на Новый год. Я был при открытии бала и остался в восторге от зала, сада и костюмов. К⟨няжна⟩ Алина [3] была прелестна, г-жа Завадовская [4] — очень красива и т. д.

Я провел, против обыкновения, почти все эти праздники вне дома. Был на балу у Кутузова [5]. Я слушал музыку несколько раз и сегодня предполагаю пойти в оперу — дают «Прециозу» Вебера [6]. Виельгорский [7] много говорил со мною о вас с maman. Он сказал мне, что видел вас накануне своего отъезда [8]. Все писали мне по этому случаю, исключая вас, и это нехорошо с вашей стороны, потому что времени у вас достаточно. Что до меня, то я хватаюсь за всякую возможность, за всякий миг досуга, чтобы написать вам. Доказательство этому — я царапаю

vous l'envoyer. Skariatin se charge de faire un dessin très exact de ma chambre. Je voulais vous envoyer les vues de Pétersbourg par Pouchkin mais il ne peut pas les emporter. Nous attendrons donc une autre occasion. Vous m'avez demandé quelle était ma paroisse et je vous avoue que je ne puis pas répondre à cette question. L'église où je vais ordinairement est celle de Casan. J'aime cette église quoiqu'on ne puisse pas dire que ce soit un édifice strictement beau.

Comme il y a fort peu d'églises à Pétersbourg et que celle-ci est très vaste et se trouve au centre de la ville il y afflue tant de monde que quand le service est terminé les trois portes vomissent pendant une demi-heure une foule qui couvre toute la place. Cela me plaît beaucoup. J'aime aussi à examiner les images de cette église; elles sont faites par nos meilleurs académiciens. Ce n'est cependant pas beaucoup dire et jusqu'à présent je n'ai trouvé qu'une seule image qui m'ait beaucoup plu. C'est

---

это письмо в канцелярии [9]. Как только у меня будет время дать два или три сеанса художнику, я закажу свой портрет, чтобы послать его вам. Скарятин [10] берется сделать очень точный рисунок с моей комнаты. Хотел я послать вам с Пушкиным [11] виды Петербурга, но он не может их привезти. Мы подождем другого случая. Вы спрашивали меня, к какому приходу я принадлежу, и я уверяю вас, что я не знаю, что ответить на этот вопрос. Обыкновенно я хожу в Казанский собор. Я люблю эту церковь, хотя нельзя сказать, чтобы она была в строгом смысле красивым зданием. Так как в Петербурге очень мало церквей и так как эта церковь очень обширна и находится в центре города, то сюда стекается столько народу, что когда кончается служба, толпа выливается через три двери в течение получаса, заполняя всю площадь. Это мне очень нравится. Я люблю также рассматривать в этой церкви иконы: они писаны нашими лучшими академиками [12]. Представьте себе, что до сих пор я нашел здесь единственную икону,

une petite vierge qui se trouve sur la grande porte de l'autel ou pour mieux dire du sanctuaire.

Dites cela à Goerke qui m'a jadis parlé de ces tableaux. Est-il de mon avis?

Adieu.

39. С. В. ВЕНЕВИТИНОВОЙ

⟨9—13 января 1827. Петербург⟩ *

Je vous ai promis une lettre aujourd'hui et vous voyez que je tiens strictement ma parole. J'ai reçu le psaume de Marcello et je vous charge d'en remercier tant la Princesse que mon cher Alexandre. Si j'avais déjà pu me procurer les notions nécessaires sur l'institution des écoles je lui aurais écrit depuis longtemps; mais j'aurai ces détails ces jours-ci. Vers la fin de cette semaine L. Pouchkin part pour la Géorgie et passe par Moscou. C'est lui que je chargerai de vous apporter les vues que

---

которая мне очень понравилась. Это — маленькая икона святой девы, которая находится над Царскими вратами алтаря. Расскажите об этом Герке, который говорил мне некогда об этих иконах. Согласен ли он со мной?

Прощайте.

* Я обещал вам написать сегодня, и вы видите, что я исполняю в точности свое слово. Псалом Марчелло я получил [1] и поручаю вам поблагодарить за него как княгиню [2], так и моего дорогого Александра [3]. Я давно бы написал ему, если бы мог добыть необходимые сведения о школьных уставах, но я получу [4] все это на днях. В конце этой недели Л. Пушкин уезжает в Грузию [5] и будет проездом в Москве. Я поручу ему доставить вам обещанные виды. Что касается портрета, то я еще не имел времени его заказать. Впрочем, он был бы вам бесполезен — вы не узнали бы меня. Петербургский климат завил мне

je vous ai promises. Pour le portrait je n'ai pas encore eu le temps de le faire faire. D'ailleurs il vous serait inutile, car vous ne me reconnaîtriez pourtant pas. Le climat de Pétersbourg m'a bouclé les cheveux et noirci les yeux et de plus je porte des favoris, des moustaches et une barbe à l'Espagnole. Tout cela me donne un air rebarbatif, que vous ne pouvez me supposer. Je ne sais pas ce que je dois changer aux deux vers que vous me citez; s'ils vous déplaisent je vous donne le droit de les changer à volonté. Quant à moi, je les regardais comme étant au nombre des meilleurs qu'il y ait dans la pièce, où leur grande simplicité, qui fait le ton de toute cette poésie. Quand vous écrirez à Alexis, parlez-lui de moi je ne lui écris pas à cause des grandes distances qui nous séparent. Ma lettre partirait quand il serait déjà peut-être sur le retour. Je veux m'occuper d'italien et d'anglais. Comme vous devez avoir du temps de reste, je vous conseillerais de vous occuper aussi de cette dernière langue. N'oubliez pas l'allemand, tâchez de lire et pour

---

волосы и превратил мои глаза в черные, к тому же я ношу теперь бакенбарды, усы и эспаньолку — все это придает мне суровый вид, который вы и предположить не можете. Не знаю, что мне изменить в двух приведенных вами стихах[6]; если они вам не нравятся, то я предоставляю вам переделать их по своему усмотрению. Что касается меня, то я отношу их к числу лучших в этой вещи, где их большая простота дает тон всему стихотворению. Когда вы будете писать Алексею[7], сообщите ему обо мне; я не пишу ему ввиду большого расстояния, которое нас разделяет; могло бы получиться так, что мое письмо уже не застало бы его на месте. Я хочу заняться итальянским и английским языками. У вас должно быть много свободного времени, а потому посоветовал бы и вам заняться английским языком. Не забывайте также немецкого языка, старайтесь читать и, если чего не поймете, обращайтесь к Герке или Рожалину[8]; было бы недурно заняться перево-

ce que vous ne comprenez pas adressez-vous à Goerke ou à Rojalin; il n'y aurait pas de mal aussi de faire des traductions et des petites compositions que vous pourriez m'envoyer de temps en temps. Vous me feriez par là un véritable plaisir. Lisez et écrivez aussi en russe. Il serait honteux que vous, qui aimez sincèrement la poésie, qui lisez avec plaisir surtout les poètes russes, vous ne sachiez pas la langue comme il faut. En général je voudrais vous savoir occupée. Tout doit vous y porter et l'espèce d'isolement où vous devez vous trouver le matin et les personnes que vous voyez avec le plus de plaisir. Je voudrais que ce temps que nous sommes obligés de passer loin l'un de l'autre ajoute du moins à la culture de votre esprit, et alors je ne le regretterais pas quelles que soient les privations auxquelles me condamne notre séparation. Vous me pardonnez ces petits conseils, ils ne peuvent rien gâter à la lettre d'un frère, qui est votre meilleur ami.

Dmitri

дами и небольшими сочинениями, которые вы могли бы от времени до времени мне присылать. Этим вы доставили бы мне истинное удовольствие. Читайте и пишите также по-русски. Было бы стыдно, если бы вы, искренно любя поэзию и читая с удовольствием русских поэтов, не знали как следует языка. Вообще мне бы хотелось видеть вас занятою. Все должно вас к этому побуждать: и уединение, в котором вы находитесь по утрам, и люди, которых вы видите[9] с особенным удовольствием. Мне хочется, чтобы то время, которое мы вынуждены проводить вдали друг от друга, способствовало бы, по крайней мере, вашему духовному совершенствованию, и я тогда не пожалел бы этого времени, каковы бы ни были лишения, которым подвергает меня наша разлука. Простите меня за маленькие советы, они ничем не могут повредить письму брата, который вместе с тем и ваш лучший друг.

Дмитрий

Baisez tendrement les mains de ma part à maman et présentez mes respects à la P. Zénéide, aux Troubezkoy si vous les voyez et aux dames Ocouloff.

Bien des choses à Genischta. Parlez-moi de votre clavecin.

40. А. Н. ВЕНЕВИТИНОВОЙ

14 января 1827. Петербург *

Ma chère maman.

Je vous écris le jour de fête et je commence par vous baiser les mains et par vous offrir mille voeux que je ne saurais exprimer et que vous devinerez sans peine. J'ai reçu tout ce que vous m'avez envoyé par Vielhorsky. M-me Karuss et Maltzoff et j'ai répondu à vos lettres en remettant mes réponses à P. qui devait partir en courrier, afin qu'elles vous parviennent d'autant plus tôt. Différentes circonstances l'ont retenu ici du jour au jour jusqu'à présent et c'est la principale raison pourquoi

---

Нежно целую ручки maman. Передайте мой низкий поклон кн⟨ягине⟩ Зинаиде, Трубецким, если вы с ними видитесь, и Окуловым.

Мой привет Генеште. Напишите мне о вашем клавесине.

* Дорогая maman.

Пишу вам в день праздника [1] и начинаю с того, что целую ваши ручки и шлю вам тысячу пожеланий, которые я не сумею выразить и которые вы без труда разгадаете. Я получил все посланное вами через Виельгорского [2], г-жу Карус [3] и Мальцова [4] и ответил на ваши письма [5], отдав мои послания П⟨ушкину⟩ [6], который должен был ехать курьером, с тем, чтобы они достигли своего назначения возможно скорее. Разные обстоятельства задерживали его со дня на день, и это главная причина, почему вы не

vous n'avez pas eu de mes lettres pendant quelque temps. Je suis désolé que cela ait pu vous donner quelques inquiétudes sur mon compte et désormais je ne me fierai plus à ces occasions qu'on croit être le meilleur expédient pour donner de ses nouvelles. J'ai vu M-me Karuss qui m'a vraiment fait du bien en me parlant de vous. Je profiterai aussi de son départ pour vous envoyer différentes petites choses et entr'autres les vues de Pétersbourg que j'ai promises à Sophie et dont P. ne peut se charger. J'ai passé tout ce temps depuis les fêtes d'une manière assez extraordinaire pour moi. J'ai été plusieurs fois au bal tantôt chez Кутузов, tantôt chez Ланской notre hôte. Cela ne m'a pas empêché d'être très occupé le matin pour mon service et je crois sans me prévaloir qu'on a tout lieu d'être content de moi. J'ai entendu parler de mon avancement, mais cela ne m'a pas été annoncé officiellement. Et je ne m'en informe pas parce que je n'y pense jamais. Vous connaissez déjà probable-

---

имели в течение некоторого времени от меня известий. Мне очень жаль, что это могло причинить вам некоторое беспокойство обо мне, и впредь не буду полагаться на эти оказии, которые считаются лучшим средством дать о себе знать. Я виделся с г-жею Карус, которая доставила мне истинную радость, говоря о вас. Я воспользуюсь также ее отъездом, чтобы отправить вам разные вещицы и, между прочим, виды Петербурга, обещанные мною Софи, которые П⟨ушкин⟩ не может доставить. С праздников я провел все это время довольно необычайным для меня образом. Несколько раз был на балах, то у Кутузова [7], то у Ланского [8] нашего хозяина. Это не мешало мне много работать утром по службе, и полагаю, не переоценивая себя, что есть основание быть мною довольным. До меня доходили слухи о предстоящем мне повышении, но об этом мне официально еще не объявляли, а я не справляюсь, потому что о том никогда не думаю. Вы вероятно уже знаете об

ment le malheur affreux de M-me Ouvaroff. Son mari a disparu pour se donner la mort, l'on dit qu'on a retrouvé son corps dans la rivière. Je l'avais vu l'avant veille de sa mort et je ne me serais jamais douté d'une si triste résolution. Je rachèterai mon silence en vous écrivant si ce n'est beaucoup du moins souvent. Pour aujourd'hui je vous baise encore une fois les mains et embrasse A. et S.

Votre soumis fils *Dmitri*

Mes respects, je vous prie, à la P-sse Zénéide. Ma pièce de Novgorod est faite pout être imprimée. Je l'enverrai un de ces jours telle qu'elle doit paraître.

41. М. П. ПОГОДИНУ

⟨18—22 января 1827. Петербург⟩

Мальцов пишет у меня, и я не могу не прибавить тебе несколько слов. Я заглянул в «Московский вестник»[1] по милости Дельвига и удивился, что он так мал. Он по росту никак не сравнится с «Телеграфом»[2]. Пишете

ужасном несчастии, постигшем г-жу Уварову[9]. Ее муж исчез[10] с тем, чтобы покончить с собою; говорят, что тело его было найдено в реке. Я видел его за два дня до смерти и никогда не мог бы заподозрить в таком печальном решении. Я вознагражу вас за мое молчание тем, что буду писать, если не помногу, то, по крайней мере, часто. Теперь же еще раз целую ваши ручки и обнимаю А⟨лексея⟩ и С⟨офи⟩.

Ваш покорный сын *Дмитрий*

Передайте, пожалуйста, мой низкий поклон кн⟨ягине⟩ Зинаиде. Мое стихотворение о Новгороде написано для печати. Я пришлю его на днях в том виде, в каком оно должно выйти в свет.

библиографические статьи, т. е.: просто объявления о всех книгах [3]. Скажу тебе откровенно, здесь говорят, что ожидали более от первого нумера. Я не читал его, но всем твержу, что он не должен быть лучше последнего, не то журналист плутует. А если сказать правду, то плутовать-то надобно, и первые нумера разукрась получше [4].

Скажи к⟨няжне⟩ А⟨лександре⟩ И⟨вановне⟩ [5], что я не нахожу, с кем мне здесь *за нее* потанцевать.

42. А. В. ВЕНЕВИТИНОВУ

22 янв⟨аря 1827. Петербург⟩

Сцены Пимена [1] вообще здесь не понимают. Улыбышев [2] собирался бранить ее в J⟨ournal⟩ de S⟨anct⟩-P⟨etersbourg⟩, но Лаваль [3] поручил мне написать об ней статью. Извини, что статья выдает фразиста: читатели Пет⟨ербургского⟩ журнала на фразах воспитаны.—

Скажи Погодину, чтобы он не скупился: прибавил листочек к журналу, а то он точно в чахотке.

Да что он не разнообразит его? [4] —

Я об них больше думаю, чем они о себе.

43. С. П. ШЕВЫРЕВУ

28 января ⟨1827. Петербург⟩

Сегодня получил я письмо твое [1], любезный друг, и, как видишь, не медлю ответить. Я даже предупредил бы тебя, если бы не некоторые занятия, которым я должен был посвящать большую часть дней своих. Мне давно хотелось поговорить с тобой именно о нашем общем деле, т. е. о журнале. Публика ожидает от него

статей дельных [2] и даже без всякой примеси этого вздора, который украшает другие журналы. Говорю вам это решительно, потому что вслушивался с намерением во все толки о «М⟨осковском⟩ вестнике». Две книжки кажутся немного бедными, особенно первая, и вот тому причины. Во-первых, мало листов: во всех журналах, кажется, больше [3]. Во-вторых, слишком крупны статьи [4]. Наконец: нет почти никаких современных известий. Последнее исправится по получении иностранных журналов [5]; постарайтесь и о первых двух недостатках.

Брань начинать нам рано [6]. Пусть бросят в нас первый камень; тогда и мы будем отвечать, и я, верно, от храбрейших не отстану. Я уже говорил П⟨огоди⟩ну, что с «Телеграфом» не худо бы сначала жить в ладу [7]; не утверждаю этого решительно, потому что не знаю, как ведет себя П⟨оле⟩вой. Не он ли подкупает Ширяева [8] и заставляет повес печатать в газетах подлости? [9] Вы ближе к источнику и, если что знаете или предполагаете, напишите ко мне непременно.

Критику выходящих книг возьму я охотно на себя [10], но надобно, чтоб они выходили, а здесь ничего не слыхать до сих пор. Я было писал разбор альманахов [11], но так как он уже сделан [12], то до другого случая [13]. Cousin издал книгу прекрасную [14], и я непременно достав⟨лю⟩ вам об ней статью [15], но погодите; если мы сначала будем занимать пуб⟨лику⟩ самыми строгими статьями, то нас назовут педантами. Я намерен послать разбор свой в переводе к самому Cousin и просить его сообщить мне ответ (если статья моя заслужит его внимание) для помещения в том же журнале [16]. Cousin — преблагородный человек, я знаю к нему путь, и он, верно, не откажется. Завтра буду я писать для того, чтобы доставлять вам новых сотрудников, а именно:

Abbé Mérian [17], Klaprot [18] и Гульянова [19]; вы можете ⟨*1 нрзб*⟩ считать и вероятно даже, что они позволят объявить их корреспондентами: все трое приобрели славу европейскую. На днях познакомлюсь с Сенковским [20], который не откажет в повестях с арабского. Впрочем, надобно поручить кому-нибудь постоянно переводить повести из Вашингтона [21], Тика [22] и др⟨угих⟩ писателей, для того чтоб на всякий случай даже без нужды были повести наготове. Возьмите у Рожалина мой перевод из Гофмана и докончите его [23]. Повесть славная, лучше всех у нас русских, напечатанных. Препровождаю к тебе несколько переводов из иностранных журналов [24]. Поправляй их как хочешь. Я заставляю всех трудиться, и даже Алексея Хомякова, который здесь третий день. Он посылает вам три пьесы [25]. Я прилагаю здесь «Элегию» да «3 участи» [26]. Не знаю, не доставил ли вам Мальцов сей последней пьесы. Во всяком случае, если он и переписал ее, то может быть худо разобрал мою черновую, и я посылаю вам исправную копию. Не пугайтесь гонений ни Дм⟨итриева⟩ [27], ни Дав⟨ыдова⟩ [28]. Сей последний, хоть и умен, но едва ли умеет идти к избранной цели прямо и потому на всяком шагу может быть неистов. Если сразимся, то пусть решает судьба. Дм⟨итриев⟩ завистлив, и ему бы хотелось уронить хоть сколько-нибудь Пушкина [29]. Молодых же людей он никогда не похвалит, всегда видя в них соперников. Впрочем, голоса он почти не имеет. Напечатайте следующие стихи [30]:

Четверостишие

Я слышал, камены тебя воспитали.
Дитя, засыпал ты под басенки их.
Бессмертные дар свой тебе передали —
И мы засыпаем на баснях твоих.

В.

Посылаю к вам перевод из Шиллера [31], который мы тотчас сделали с Хомяковым вдвоем. Из «Фауста» кое-что пришлю непременно [32]. Теперь мой Гете не дома. Как воротится, то сравню и исправлю. Присылай «Вален‹штейнов› лаг‹ерь›» [33]. Здесь пропустят, за это берусь. Из романа ничего еще вырвать не могу [34]. Послание мое к Р‹ожали›ну [35] печатайте, если хотите, и как хотите. Поцелуй Титова за статью на аллегории [36]. Славно. Поцелуй сам себя за «Разговор» [37].

Не теряйте ни деятельности, ни надежды.

Прости. Твой верный *Веневитинов.*

Скажи П‹огоди›ну, что не худо бы поместить известие о смерти Ланжуине [38] и кое-что сказать о его жизни, которую можно выписать из «Convers‹ations› Lexicon» [39] и из «Biog‹raphie› des cont‹emporains›» [40]. Эти книги, кажется, есть у кн. Волконской. Брат или Рожалин достанут вам.

Жандр [41] обещает вам посылать свои пьесы. Дельвиг все болен, а он не изменит; мы с ним дружны, как сыны одной поэзии [42]. Послали ли вы ему «Вес‹тник›»? Не худо послать его и Грибоедову [43].

Зачем это газетное объявление о «Сев‹ерной› лире»? [44] Дань дружбе? Чудак Погодин! и бранить-то его совестно. Однако ж скажу ему: мне по всему кажется, что он более суетится, нежели делает. Кланяйся всем нашим.

Заставляйте брата переводить повести или статьи из иностранных журналов. У него также есть хорошие переводы из Шлегеля [45].

44. ПИСЬМО Д. В. ВЕНЕВИТИНОВА И А. С. ХОМЯКОВА К Ф. В. БУЛГАРИНУ

⟨Конец января — февраль 1827. Петербург⟩

Чувствительно обязаны мы, почтеннейший Фаддей Венедиктович, за вашу посылку [1] и с искренностию, свойственною поэтам, особливо недозрелым, благодарим вас за доставление нам случая любоваться подвигами старого воина [2] против плохих наездников Русского Парнаса. Наше знакомство не новое; мы уже давно привыкли любить

Твои отважные налеты,
Твое копье и твой аркан.
Но горе нам — и мы Поэты
И нас не пощадит Улан [3].

Итак, просим вас жаловать нас и поставить в число старых друзей.

Хомяков
Веневитинов

45. С. В. ВЕНЕВИТИНОВОЙ

*1 февраля ⟨1827. Петербург⟩ **

Il y a bien longtemps que je ne vous ai écrit, ma bonne amie, mais il faut avouer que vous me payez aussi de retour. Mille petites affaires m'ont occupé et m'occupent encore tous les jours. Aujourd'hui même je vous écris à la hâte; car dans une demi-heure je dois être

* Очень давно не писал я вам, дорогой друг, но надо сознаться, что и вы мне платите тем же. Тысячу мелких дел занимали и до сих пор занимают меня ежедневно. Вот и сегодня пишу вам на скорую руку, так как через полчаса я должен быть у г. Бутенева [1]. Мне хотелось бы подроб-

chez M-r Bouténieff. Je voudrais vous parler en long de ma journée d'avant hier. C'est une des plus belles que j'ai passées à Pétersbourg. Je me suis promené pendant toute la matinée par le plus beau soleil possible avec A. Khomecoff qui, comme vous le savez déjà, demeure avec nous depuis 5 ou 6 jours. Toute la ville semble éclairée par deux énormes bougies qui sont la flèche de l'amirauté et celle de la forteresse. Elles dominent tout Pétersbourg et par un beau soleil on dirait que ce sont deux grands foyers de lumière. Nous avons traversé le fleuve dans sa plus grande largeur, qui est d'environ une verste et nous sommes entrés dans la forteresse. J'ai vu avec un plaisir tout à fait religieux les tombeaux de Pierre le Grand, de Catherine, d'Alexandre etc. La cathédrale est imposante sans être belle. Tous les murs sont couverts de drapeaux conquis. J'apprécie plus cette sorte de jouissance que je ne le faisais à Moscou. Cela tient-il à ma disposition individuelle ou bien à d'autres causes qu'il faut attribuer à la pauvreté même de P-g

---

нее поговорить с вами о моем позавчерашнем дне. Это один из лучших дней, проведенных мною в Петербурге. Целое утро я гулял под великолепным солнцем с А. Хомяковым, который, как вы знаете, живет с нами пять или шесть дней. Весь город казался освещенным двумя огромными свечами — шпилями Адмиралтейства и крепости. Они господствуют над всем городом и кажутся при солнечном освещении двумя большими очагами света. Мы переправились через реку в самом ее широком месте, которое достигает приблизительно одной версты, и вошли в крепость. Я смотрел с чисто благоговейным удовольствием на гробницы Петра Великого, Екатерины, Александра и др. Собор, хотя и некрасив, но производит величественное впечатление. Все стены покрыты завоеванными знаменами. Я теперь более ценю такого рода наслаждения, чем в Москве. Зависит ли это от моего настроения или же от других причин, которые следует приписать бедности П⟨етербур⟩га

dans ce genre de beauté — c'est ce qui vous reste à déterminer; pour moi je m'habille.

Baisez les mains à maman et félicitez-la de ma part pour son jour de nom. Je vous embrasse ainsi qu'Alexis.

46. А. В. ВЕНЕВИТИНОВУ

14 февраля 1827. ⟨Петербург⟩

Авось окончу в скором времени большое сочинение [1], которое решит: должен ли я следовать влечению к поэзии или побороть в себе эту страсть. Попробуй отдать мои «Участи» [2] в ценэуру. К юбилею Гете [3] пришлю славные отрывки из «Фауста» [4]. Третья книжка «Московского вестника» [5] не в пример лучше двух первых.

47. С. В. ВЕНЕВИТИНОВОЙ

⟨4 марта 1827. Петербург⟩ *

Puisque toutes les lettres que vous m'écrivez sont remplies de descriptions de spectacles et de soirées musicales, il faut que je vous rende une fois la pareille. Hier la Société philharmonique a donné un grand concert où l'on a exécuté en entier une toute nouvelle production de Cherubini dont on n'avait pas l'idée ici et que l'on ne connaît certainement pas à Moscou. C'est une messe à grand orchestre. En Allemagne on en a fait les plus grands éloges et je ne crois pas qu'ils soient exagérés.

в такого рода красотах,— решите сами. Что касается меня, то я иду одеваться. Поцелуйте от меня ручки maman и поздравьте ее с днем ангела [2]. Целую вас и Алексея [3].

* Так как все ваши письма полны описаний спектаклей и музыкальных вечеров, надо мне хоть раз отплатить вам тем же. Вчера Филармоническим обществом был дан большой концерт, на нем было исполнено целиком новое произ-

Elle produit un effet étonnant et toujours soutenu. Dites à Genischta que je lui conseille de se la procurer tout de suite. Les choeurs étaient exécutés à merveille par les chantres de la cour. Jeudi nous avons donné à l'académie de musique le Requiem de Mozart et là tout était bien, les choeurs et les solos. Vendredi Vielhorsky nous a donné un concert charmant. Il vient d'établir une Société musicale qui donnera probablement un concert par semaine. Voilà des nouvelles de Pétersbourg, les plus fraîches et les plus intéressantes. Quand le printemps viendra embellir nos environs et que je pourrai vous parler des promenades et des îles, je vous écrirai plus régulièrement que je ne l'ai fait dans ces derniers temps. Pourquoi ne m'envoyez-vous pas les traductions de Mickevitz? Bonjour. Baisez les mains à maman et embrassez Alexis.

Dmitri

ведение Керубини, о котором здесь не имели и понятия и которое, конечно, неизвестно в Москве. Это месса для большого оркестра. В Германии о ней отзываются с величайшей похвалою, и я полагаю, что эти похвалы не преувеличены. Она производит удивительное, неослабевающее впечатление. Передайте Генипте [1], что я ему советую теперь же ее приобрести. Хоровые партии были исполнены прекрасно придворными певчими. В четверг [2] у нас в музыкальной академии был исполнен реквием Моцарта, все прошло удачно, и хор, и сольные партии. В пятницу [3] Виельгорский [4] дал нам прелестный концерт. Он только что основал музыкальное общество [5], которое, вероятно, будет устраивать концерты еженедельно. Вот вам петербургские новости, самые свежие, самые интересные. Когда придет весна и украсит наши окрестности, и мне можно будет говорить о моих прогулках и об островах, я буду писать вам более регулярно, чем последнее время. Почему не шлете вы мне переводов Мицкевича? [6] Будьте здоровы. Поцелуйте maman ручки и обнимите Алексея [7].

Дмитрий

Dites à M-r Goerke, qu'il a l'air de me bouder. Quand il vient chez vous, dans ses moments de... ne peut-il donc pas vous donner quelques lignes pour moi?

48. М. П. ПОГОДИНУ

7 марта 1827. С. Петербург

Ты прав, милый Михалушка!

Твои обвинения и друзей я заслужил.

Но что же делать?

Вот и матушка сетует на меня за мое молчание.

Я нехороший и неблагодарный сын. За все заботы матушки обо мне и за всю ее любовь я плачу забвением.

Но это не так. Объясни ей, Мишель, скажи ей, что я ее люблю больше, чем кого-нибудь. Ведь мать бывает только раз. Скажи ей, что мысли мои заняты всегда только ею.

Не буду же я писать ей о том, что тоска не покидает меня, что здоровьем я плох.

Вот и сейчас я пишу тебе, а во всем теле ломота, голова тяжела. Я напишу ей, когда буду здоров, когда будет хорошо. Писать неправду я не могу.

Пишу мало. Не знаю, пришлю ли я вам что-нибудь для следующей книжки.

Пламя вдохновения погасло. Зажжется ли его светильник?

Последнее время меня тяготит сомнение в себе. Трудно жить, когда ничего не сделал, чтобы заслу-

---

Скажите г. Герке[8], что он, как будто, на меня дуется. Когда он бывает у вас, в минуты ⟨1 *нрзб.*⟩, неужели он не может вам дать несколько строк для меня?

жить свое место в жизни. Надо что-то сделать хорошее, высокое, а жить и не делать ничего — нельзя.

Я уже выше писал, что тоска замучила меня. Здесь, среди холодного, пустого и бездушного общества, я — один. Скорее бы отсюда, в Москву, к вам.

Я ни за что не могу взяться.

Мало верст нас отделяет, а мне кажется, что я далеко от вас всех, в каком-то тридевятом царстве.

Я еду в Персию [1]. Это уже решено. Мне кажется, что там я найду силы для жизни и вдохновения.

По получении письма моего, езжай к матушке. Попроси у нее за меня прощения и, смотри, Мишель, ничего не говори ей. Тысячи поцелуев ее рукам. Я люблю ее и много напишу ей.

Соничке [2] скажи, что скоро пришлю ей ноты. Пришлю ей не музыку, а что-то неизъяснимое.

У Строгановых слыхал Ленсберна [3]. Он играл сонату Беетгофена Ор. 31 № 1.

Adagio из этой сонаты захватило, меня, покорило, потрясло силою своего могучего воздействия. Какая это музыка! Какой это композитор!

Я не нахожу слов, это — мощь.

Я представляю себе этого гения необъятной величиной. Мне кажется, что этот великий чародей даст миру редкий пример величия человеческой личности.

Я вижу в нем философа — среди музыкантов. Воспоминание об этом чудодее отрывает меня от письма к тебе.

Целуй друзей. Обнимаю тебя.

Что Шевырев и Киреевский [4]?

Поезжай к матушке.

Твой *Веневитинов*

ПРИЛОЖЕНИЯ

Е. А. Маймин

ДМИТРИЙ ВЕНЕВИТИНОВ И ЕГО ЛИТЕРАТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ

Путь поэта не завершается его смертью. Понятие «путь поэта», осмысленное во всем его объеме, включает в себя не одну жизнь поэта, но и его посмертную судьбу. И это относится не только к самым великим и именитым. Это справедливо и в отношении таких поэтов, как Дмитрий Веневитинов, не так много успевших сделать, но бывших поэтами по призванию, по глубокой сути своего характера и дарования.

Дмитрий Владимирович Веневитинов прожил короткую жизнь — чуть более 21 года,— но жизнь его поэзии не была короткой. При жизни Веневитинова его стихи были знакомы немногим, но эти немногие — и прежде всего его близкие друзья-литераторы — горячо любили как его самого, так и его поэтический дар. Ранняя смерть поэта потрясла всех, кто его знал.

Сразу же после смерти Веневитинова М. П. Погодин записал в свой дневник: «...Читал Скотта. Приходит Рожалин и подает письмо... Неужели так! Ревел без памяти. Кого мы лишились? Нам нет *полного* счастья теперь! Только что соединился было круг, и какое кольцо вырвано. Ужасно! ужасно!» [1]

Двумя днями позже, 21 марта 1827 г., Дельвиг, до которого дошла печальная весть, пишет Пушкину:

---

[1] *Погодин М. П.* Из дневника.— А. С. Пушкин в воспоминаниях современников. М.: Художественная литература, 1974, т. II, с. 15. (Запись от 19 марта 1827 г.)

«Милый друг, бедного Веневитинова ты уже, вероятно, оплакал. Знаю, смерть его должна была поразить тебя. Какое соединение прекрасных дарований с прекрасною молодостью» [2].

С 1829 г., после выхода в свет первой книги стихотворений Веневитинова, появляются более или менее подробные литературно-критические оценки его поэтического наследия. В 1830 г. в «Обозрении русской литературы за 1829 г.» о Веневитинове пишет И. В. Киреевский: «Но среди молодых поэтов, напитанных великими писателями Германии, более всех блестел и отличался покойный Д. В. Веневитинов... Веневитинов создан был действовать сильно на просвещение своего отечества, быть украшением его поэзии и, может быть, создателем его философии. Кто вдумается с любовью в сочинения Веневитинова ⟨...⟩, тот узнает философа, проникнутого откровением своего века; тот узнает поэта глубокого, самобытного, которого каждое чувство освещено мыслью, каждая мысль согрета сердцем...» [3].

В 1835 г. В. Г. Белинский дает характеристику поэзии Веневитинова: «Помните ли вы юного поэта Веневитинова? Посмотрите, какая у него точность и простота в выражении, как у него всякое слово на своем месте, каждая рифма свободна и каждый стих рождает другой без принуждения» [4].

Белинский писал о Веневитинове и в последующие годы. В 1841 г.: «Какою роскошною зарею занялся рассвет таланта Веневитинова, какой пышный пол-

---

2 *Пушкин.* Полн. собр. соч. М.—Л.: АН СССР, 1937, т. XIII, с. 325.

3 Денница, СПб., 1830, с. XI, V—XI, VI.

4 *Белинский В. Г.* Полн. собр. соч. М.: АН СССР, 1953, т. 1, с. 362.

день, какой обильный вечер предсказывало прекрасное утро его поэтической деятельности»[5]. В 1842 г.: «Веневитинов сам собою составил бы школу, если б судьба не пресекла безвременно его прекрасной жизни, обещавшей такое богатое развитие»[6]. В 1843 г.: «Мы не обинуясь скажем, что из всех поэтов, явившихся в первое время Пушкина, исключая гениального Грибоедова, который один образует в нашей литературе особую школу,— несравненно выше всех других и достойнее внимания и памяти — Полежаев и Веневитинов»[7].

О Веневитинове вспоминают и о нем пишут самые замечательные представители русской литературы и русской общественной мысли XIX в.— и среди них Герцен и Чернышевский, Станкевич и Бакунин.

А. И. Герцен особенно высоко оценил в Веневитинове его свободолюбивый пафос и внутреннюю близость его поэзии и его личности к идеям декабристов: «14(26) декабря слишком резко отделило прошлое, чтобы литература, которая предшествовала этому событию, могла продолжаться. Назавтра после этого великого дня еще мог появиться Веневитинов, юноша, полный мечтаний и идей 1825 года. Отчаяние, как и боль после ранения, наступает не сразу. Но, едва успев промолвить несколько благородных слов, он увял, словно южный цветок, убитый леденящим дыханием Балтики...»[8].

На другую сторону дарования и личности Веневитинова указывал Н. В. Станкевич в письме к Т. Н. Гра-

---

[5] *Белинский В. Г.* Полн. собр. соч., т. 4, с. 409.
[6] *Белинский В. Г.* Полн. собр. соч., т. 5, с. 562.
[7] *Белинский В. Г.* Полн. собр. соч., т. 6, с. 160.
[8] *Герцен А. И.* Собр. соч.: В 30-ти т. М.: 1956, т. 7, с. 223.

новскому от 27—30 августа 1838 г.: «У Веневитинова было художнически-рефлективное направление в роде Гете, и я думаю, что оно кончилось бы философией» [9].

Чрезвычайно высокую оценку литературному наследию и творческим возможностям Веневитинова дал Н. Г. Чернышевский: «Мы слишком хорошо можем знать,— писал он,— что ранняя смерть отняла у нас великого поэта, который дал бы новое и самое благотворное направление нашей поэзии» [10].

Поэтическое наследие Веневитинова вызывало, однако, не только исторический и историко-литературный интерес. Стихи Веневитинова способны были живо волновать читателя, воздействовать на читателя самым непосредственным образом. Свидетельством тому является признание молодого Михаила Бакунина. Будучи офицером, Бакунин писал отцу о том впечатлении, которое произвело на него чтение стихов Веневитинова: «Я никогда не забуду одной ночи, проведенной мною в лагерях. Все вокруг меня сияло, все было тихо; луна освещала все дальное пространство, покрытое лагерем. Я с одним из товарищей своих, с которым мы занимали одну палатку, стал читать стихи покойного Веневитинова. Эта чудная ночь, это небо, покрытое звездами, трепетный и таинственный блеск луны и стихи этого высокого благородного поэта потрясли меня совершенно» [11].

---

[9] Переписка Николая Владимировича Станкевича. 1830—1840. М., 1914, с. 472.

[10] *Чернышевский Н. Г.* Полн. собр. соч.: В 15-ти т. М.: Госполитиздат, 1949, т. 2, с. 926—927.

[11] Цит. по кн.: *Корнилов А.* Молодые годы М. Бакунина. М., 1915, с. 54.

А много лет спустя, уже в XX в. на вопрос, под влиянием какого писателя было создано первое произведение, И. А. Бунин ответил: «Начал стихами — писал под влиянием Пушкина, Веневитинова» [12].

В XX в. не только не ослабевает интерес к поэзии Веневитинова, но в некоторых отношениях еще усиливается. Возрастает интерес к Веневитинову в плане научном и исследовательском, значительно увеличивается также количество изданий его произведений. Особенно заметным это становится после 1917 г., в советскую эпоху.

Среди собраний сочинений Веневитинова, подготовленных в советское время, большую научную ценность представляют издания 1934, 1937 и 1940 гг. Первое из названных собраний сочинений было подготовлено Б. В. Смиренским и являлось самым полным и обширным из всех изданий, вышедших к этому времени. Помимо стихов и прозы, оно включало переписку Веневитинова. В дополнениях был приведен свод биографических и мемуарных материалов [13].

Вступительная статья к этому изданию была написана Д. Д. Благим. Ее научное значение — в переосмыслении того места, которое занимает Веневитинов в истории русской литературы и русской общественной мысли. В дореволюционном литературоведении существовала довольно прочная традиция изображать Веневитинова отрешенным от реальной жизни идеалистом, мечтателем, поэтом, чуждым житейских волнений. Именно таким он выглядит в очерке Н. Котля-

---

[12] *Бунин И. А.* Собр. соч.: В 9-ти т. М., 1967, т. 9, с. 526.

[13] *Веневитинов Д. В.* Полн. собр. соч. М.: Academia, 1934.

ревского, пользовавшемся достаточно широкой известностью [14].

Д. Д. Благой, опираясь на высказывания о Веневитинове Герцена и Чернышевского, а также на большой исторический, биографический и собственно литературный материал, доказал односторонность и ошибочность точки зрения Котляревского, раскрыв при этом общественную направленность литературной деятельности Веневитинова и ее связь со свободолюбивыми идеями своего времени.

Издание 1937 г. было подготовлено М. Аронсоном и И. Сергиевским, 1940 г.— В. Л. Комаровичем [15]. И сами эти собрания сочинений, и их составители и комментаторы, имена которых хорошо известны в науке, внесли значительный вклад в дело изучения творческого наследия Веневитинова. Большой вклад в изучение поэзии и личности Веневитинова внесли также Л. Я. Гинзбург, Н. И. Мордовченко, В. В. Стратен, а в самое последнее время — И. И. Грибушин, Л. Д. Тартаковская и др. Благодаря исследованиям этих ученых многое в поэзии Веневитинова и в нем самом стало для читателя понятнее, ближе, дороже. Несомненный читательский интерес к Веневитинову неотделим от научного интереса, а появление в нашей науке все новых и новых работ о нем свидетельствует, в частности, и о том, как нужна его поэзия современному читателю.

Со дня смерти Веневитинова прошло более 150 лет,

---

[14] См.: *Котляревский Н. А.* Пушкин и Веневитинов.— В кн.: Старинные портреты. Пб.: 1907, с. 75—132.

[15] *Веневитинов Д. В.* Стихотворения. М.: Советский писатель, 1937; *Веневитинов Д. В.* Стихотворения. Л.: Советский писатель, 1940.

а его поэзия и сейчас не стареет. В известном смысле можно сказать, что у поэта Веневитинова и еще больше у его поэзии — завидная судьба. Стихи поэта до сих пор доставляют радость читателю. Более того, как всякая подлинная поэзия, они способны помочь ему в самые трудные минуты жизни. Сравнительно недавно на страницах «Литературной газеты» писатель Сергей Баруздин поделился интересным воспоминанием. В статье, которую он назвал «Радость духовных открытий», С. Баруздин рассказал, как во время Великой Отечественной войны, отправляясь на фронт, он взял с собой книжечку стихов Веневитинова: «Его поэзия помогала мне на фронте... В душе моей жили, конечно, стихи наших поэтов. Но вышло так, что взял я с собой томик этого скромного русского поэта пушкинской поры, который, кстати сказать, был моим ровесником, а точнее чуть старше меня... Произошло это случайно, но, может быть, и не случайно, поскольку я познакомился со стихами Веневитинова еще до войны и полюбил его чистый и проникновенный поэтический голос» [16].

* * *

Д. В. Веневитинов родился в Москве 14(26) сентября 1805 г. Его отец, гвардии прапорщик Владимир Петрович Веневитинов, и мать, урожденная княжна Анна Николаевна Оболенская, принадлежали к родовитой русской знати. По линии матери, которая вела свой род от Мусиных-Пушкиных и Приклонских, Веневитинов находился в дальнем родстве с А. С. Пушкиным.

---

[16] Литературная газета, 1976, 3 ноября, с. 6.

По рождению и по своему положению в обществе Веневитинов принадлежал к московской элите — но не столько к аристократически-сословной, сколько к культурной. С ранней юности, через семейные связи, он сближается с братьями Хомяковыми, потом с братьями Киреевскими, с Н. М. Рожалиным, с А. И. Кошелевым — с теми своими сверстниками, которые со временем составят тесный дружеский кружок блестящей московской литературной молодежи.

Веневитинов был москвичом не только по рождению, но и по духу. Быть москвичом по духу для людей круга Веневитинова значило прежде всего чувствовать и осознавать свою органическую народность. Быть москвичом значило для них также быть независимым в своих занятиях и своих мнениях. «Невинные странности москвичей,— писал Пушкин, не скрывая своего сочувствия,— были признаком их независимости. Они жили по-своему, забавлялись как хотели, мало заботясь о мнении ближнего» [17]. Несколько по-другому, но по существу своему о том же говорит А. И. Герцен в работе «О развитии революционных идей в России»: «В недрах губерний, а главным образом в Москве, заметно увеличивается прослойка независимых людей, которые, отказавшись от государственной службы, сами управляют своими имениями, занимаются наукой, литературой, если они и просят о чем-либо правительство, то разве только оставить их в покое...

Не домогаться ничего, беречь свою независимость, не искать места — все это, при деспотическом режиме, называется быть в оппозиции» [18].

[17] *Пушкин.* Путешествие из Москвы в Петербург.— Собр. соч.: В 10-ти т. М.: Художественная литература, 1976, т. 6, с. 337.

[18] *Герцен А. И.* Собр. соч., т. 7. М., 1956, с. 213.

Характеристика Пушкина относится преимущественно к додекабрьскому периоду русской истории, Герцена — к последекабрьскому, но та и другая, в главных своих положениях, вполне применима к тому кругу людей, к которому принадлежал Веневитинов. Это были люди чуть-чуть странные, несколько необычные для своего времени, всерьез занимавшиеся литературой и науками, хорошо и всесторонне образованные, больше всего другого дорожившие своей духовной независимостью.

В детстве Веневитинов получил блестящее домашнее воспитание. Его первым учителем был отставной французский капитан Дорер; человек умный и сведущий, он хорошо влиял на своего впечатлительного ученика. Веневитинов очень рано овладевает французским и немецким языками. Впрочем, для дворянского сына из культурного семейства это было делом обычным. Не совсем обычным было изучение уже в детстве древних языков.

По совету Дорера для занятий греческим и латинским языками Веневитинову был нанят особый преподаватель — грек Байло. Занятия пошли весьма успешно. К 14-ти годам Веневитинов читал в подлиннике Гомера, Эсхила, Софокла, Вергилия, Горация. Приблизительно в это же время он начал заниматься переводами античных авторов — прежде всего Горация, а также Вергилиевых «Георгик». Увлекается он и античной философией, и больше всего Платоном, которого он ценил не только за глубокую мысль, но и за поэзию его мысли. Показательно, что Платон станет позднее любимым философом всего кружка любомудров.

Веневитинов был человеком универсальных интере-

сов и универсальной культуры. С самой юности его привлекало не специальное, а полное и цельное знание. И это тоже у него была черта типическая для всего круга, для всего литературного направления. Призыв к цельному и полному знанию в 30—40-е гг. станет ведущим тезисом русского философского романтизма, одним из зачинателей которого был Веневитинов.

Одновременно с литературными занятиями Веневитинов всерьез увлекался в юности и живописью. Он занимался ею под руководством художника Лаперша. Композитор Геништа обучал его музыке. Позднее Веневитинов сам сочинял музыкальные пьесы и пробовал свои силы также как художник. В архиве сохранился альбом сестры Веневитинова Софьи Владимировны, весь заполненный стихами и рисунками братьев Веневитиновых — Дмитрия и Алексея.

В течение 1822—1824 гг. Веневитинов вольнослушателем посещает лекции в Московском университете. С особенным интересом знакомится он на лекциях с философским учением Шеллинга, основы которого излагали в своих курсах профессора И. И. Давыдов и М. Г. Павлов. Веневитинова интересует также история и теория словесности, математика, естественные науки — в частности, такая специальная наука как анатомия. В 20-е гг. анатомию в Московском университете преподавал известный ученый-анатом Х. И. Лодер, и его анатомический кабинет регулярно посещали Веневитинов, В. Одоевский и другие будущие любомудры.

К 1823 г. организационно оформляется философский кружок,— «общество любомудрия», с деятельностью которого в жизни Веневитинова связано очень многое. Помимо Веневитинова, к кружку любомудров принад-

лежали будущий автор «Русских ночей» В. Одоевский, И. В. Киреевский, впоследствии известный публицист и философ, идеолог раннего славянофильства, А. И. Кошелев, Н. М. Рожалин, В. П. Титов, Н. А. Мельгунов; посещали заседания кружка, не будучи формальными его членами, также А. С. Хомяков, С. П. Шевырев, М. П. Погодин и др. Всех этих молодых людей объединяло в 20-е гг. увлечение литературой и философией, серьезные занятия науками. Многие из них являлись одновременно членами литературного кружка Раича, где они занимались, в частности, переводами античных писателей.

О занятиях в кружке любомудров А. И. Кошелев позднее вспоминал: «Тут господствовала немецкая философия, т. е. Кант, Фихте, Шеллинг, Окен, Геррес и др. Тут мы иногда читали наши философские сочинения; но всего чаще и по большей части беседовали о прочтенных нами творениях немецких любомудров. Начала, на которых должны быть основаны всякие человеческие знания, составляли преимущественный предмет наших бесед; христианское учение казалось нам пригодным только для народных масс, а не для нас, любомудров. Мы особенно высоко ценили Спинозу, и его творения мы считали много выше Евангелия и других священных писаний. Мы собирались у кн. Одоевского... Он председательствовал, а Д. В. Веневитинов всего более говорил и своими речами часто приводил нас в восторг...» [19].

Несомненно, что Веневитинов был не просто членом кружка любомудров, но признанным его «центром», идеологом и вдохновителем. Недаром в истории

---

[19] *Кошелев А. И.* Записки (1812—1883). Berlin, 1884, с. 12.

литературы за этим кружком закрепилось также название «веневитиновского». Осенью 1826 г., приехав в Москву, с большинством участников его — и в первую очередь с Веневитиновым — познакомился Пушкин. К московской литературной молодежи, сгруппировавшейся вокруг Веневитинова, Пушкин проявил заметный интерес и сочувствие и на какое-то время даже сблизился с нею. Как отметил Д. Д. Благой, «веневитиновский кружок в первые два-три последекабрьских года был единственным литературно-дружеским объединением, отличавшимся вольнолюбивым духом и тем самым продолжавшим в какой-то мере идейные традиции декабристов. Неудивительно, что на первых порах именно в этом кружке Пушкин обрел, как ему представлялось, наиболее близкую себе среду»[20].

В середине 20-х гг. в Веневитинове хорошо уживается интерес к философским знаниям, литературные занятия и интерес к политике. Глубокая связь творчества Веневитинова с освободительными идеями его времени не подлежит сомнению, равно как и его политическое свободомыслие. Последнее складывалось под влиянием декабристских идей, но носило все-таки несколько иной характер, нежели свободомыслие самих декабристов. Оно не было и не могло быть достаточно активным и целеустремленным. Веневитинов и по культуре, и по общим воззрениям на жизнь был человеком близким декабристам, но другого поколения и другого «призыва». Он познакомился с декабристами незадолго до того, как они предстали в ореоле муче-

[20] *Благой Д. Д.* Творческий путь Пушкина (1826—1830). М.: Советский писатель, 1967, с. 73.

ничества. Именно это последнее обстоятельство произвело на него самое сильное впечатление и оказало наибольшее воздействие. Его отношение к декабристам носило заметно романтический характер.

Это не мешало ему в самые критические моменты испытывать сильное желание действовать. По свидетельству А. И. Кошелева, незадолго до восстания декабристов Веневитинов в беседе с друзьями высказывает мысль (его поддерживают в этом И. Киреевский, Рожалин и Кошелев) о необходимости «произвести в России перемену правления» [21]. После поражения восстания на Сенатской площади, вместе с И. Киреевским и Кошелевым, он занимается фехтованием и верховой ездой «в ожидании торжества заговора в южной (второй) армии и в надежде примкнуть к мятежникам в их предполагаемом победоносном шествии через Москву на Петербург» [22]. Позднее, когда потерпели неудачу и попытки декабристов начать восстание на Юге России, Веневитинов, как и некоторые другие любомудры, «почти желает быть взятым» и тем « стяжать и известность, и мученический венец» [23].

Поражение декабристов не только произвело сильное впечатление на Веневитинова и его друзей, оно определило также пути их дальнейших литературных и общественных исканий. Общество любомудров после событий декабря 1825 г. номинально было распущено. Но фактически оно продолжало существовать. Былая общность приняла только новые формы. По сути дела

---

[21] *Кошелев А. И.* Записки, с. 13.

[22] *Веневитинов М.* К биографии поэта Д. В. Веневитинова.— Русский архив, 1885, кн. I, с. 115.

[23] *Кошелев А. И.* Записки, с. 16—17.

то, что объединяло любомудров в их обществе, те литературные и философские задачи, которые они перед собою ставили, после декабрьского разгрома не просто не потеряли своего смысла, но обрели новый и живой интерес. Трагическая неудача, постигшая в декабре 1825 г. многих благороднейших людей России, заставила немало честных и независимых умов уйти в своеобразное духовное «подполье», уединиться в мире поэзии и философской мысли, противопоставить этот свободный мир поэзии и мысли той реальной действительности, в которой торжествует грубая деспотическая власть. Получилось так, что любомудры начали свое подлинное историческое бытие не тогда, когда возникло их общество, но с той самой поры, как оно организационно перестало существовать.

На период после декабря 1825 г. падает самая интенсивная литературно-общественная деятельность Веневитинова. В это время все свои силы и энергию он отдает созданию журнала, целью которого должно было быть просвещение. Журнал этот, начавший выходить с 1827 г., получил название «Московский вестник».

История «Московского вестника» вкратце такова. В 1826 г., во время своего пребывания в Москве, Пушкин в доме Веневитиновых, в присутствии братьев Киреевских, Хомякова, Шевырева, Рожалина, читает сцены из только что написанного им «Бориса Годунова», «Песни о Стеньке Разине», свое предисловие к «Руслану и Людмиле», тогда еще неизвестное публике. Это было большим событием в культурной жизни Москвы. М. П. Погодин рассказывает о нем: «Кончилось чтение. Мы смотрели друг на друга долго и потом бросились к Пушкину. Начались объятия, поднялся

шум, раздался смех, полились слезы, поздравления. «Эван, эвое, дайте чаши!» Явилось шампанское, и Пушкин одушевился, видя такое свое действие на избранную молодежь. Ему было приятно наше внимание...» [24].

На вечере у Веневитинова состоялось не только первое знакомство Пушкина с молодыми московскими литераторами, но, видимо, там же и тогда же Пушкин узнал о намерении Веневитинова и других любомудров издавать свой журнал, приветствовал это намерение, обещал сотрудничество и помощь, а спустя несколько дней, познакомившись с планом издания, дал журналу прямое благословение. С Пушкиным заключается формальный договор о принципах сотрудничества. В октябре 1826 г. в доме А. С. Хомякова, в присутствии Веневитинова и других любомудров, в присутствии Мицкевича и Баратынского, было торжественно отпраздновано основание нового журнала.

Согласие и союз Пушкина и любомудров в деле совместного издания журнала, хотя и оказались не слишком долговечными и прочными, не были, тем не менее, случайными. В ту пору, когда был задуман и начал издаваться «Московский вестник», Пушкина не могла не привлекать в людях веневитиновского кружка их открытая и честная юность, их не только влюбленность, но и серьезное отношение к поэзии, их страсть к положительному знанию.

«Московский вестник» стал одним из первых русских журналов «с направлением». Его направлению — просветительскому и философскому — на ранних эта-

---

[24] *Погодин М. П.* Воспоминания о Степане Петровиче Шевыреве.— В кн.: А. С. Пушкин в воспоминаниях современников. М.: Художественная литература, 1974, т. 2, с. 28—29.

пах существования журнала открыто сочувствовал Пушкин. Но оно определялось все-таки не Пушкиным, а любомудрами — и больше всего, в самом начале, Веневитиновым.

На первых порах существования журнала, до самой своей смерти, Веневитинов был истинным его вдохновителем. Об этом свидетельствует, в частности, его переписка последних месяцев и даже дней его жизни. В последних письмах Веневитинова много вопросов и размышлений, касающихся «Московского вестника», в них прямые советы, необходимые уроки, критические замечания. Веневитинов чувствует себя не просто участником общего важного дела, но и ответственным за него.

Еще до начала выхода «Московского вестника» в свет, в декабре 1826 г., он пишет С. А. Соболевскому: «Скажу тебе искренно, что здесь от этого журнала много ожидают; сам Пушкин писал сюда об нем. Скажи нашим, чтобы они не щадили Булгарина, Воейкова и прочих. Истинные литераторы за нас. Дельвиг также поможет, и Крылов не откажется от участия. Принимайтесь только за дело единодушно и бодро, и все пойдет хорошо» (с. 372).

Веневитинов готов был взять на себя самую важную часть работы по изданию журнала. В письме в канцелярию издателей «Московского вестника» от 19 декабря 1826 г. он сообщает М. П. Погодину, что принимает на себя отдел критики. В том же письме, в приписке к С. П. Шевыреву, он дает советы-распоряжения: «...„Валленштейнов лагерь“. Рожалин говорит, что славно, и я верю. Печатай его в первых книжках; он понравится» (с. 379).

В эти дни, накануне выхода первого номера журна-

ла, он полон волнения и необыкновенной энергии, он спешит дать все наставления и сказать все самое необходимое: «...опояшься твердостию и решимостию, необходимою для издателя журнала,— пишет он Погодину 12 декабря.— Искренность не нахальство. Вот тебе урок, любезный друг. Прости мне его ради дружбы; он может быть не бесполезен» (с. 370).

После выхода первого номера в свет Веневитинов живо озабочен тем, как его примет читатель. «Пиши мне об журнале,— просит он брата,– скажи искренно, что говорят об нем в Москве» (с. 380).

В январе 1827 г. через брата он передает указание издателю журнала: «Скажи Погодину, чтобы он не скупился, прибавил листочек к журналу, а то он точно в чахотке. Да что он не разнообразит его?» (с. 391).

А вслед за этим в письме к С. П. Шевыреву подробно характеризует две первые книжки журнала: «Мне давно хотелось поговорить с тобой именно о нашем общем деле, т. е. о журнале. Публика ожидает от него статей дельных и даже без всякой примеси этого вздора, который украшает другие журналы. Говорю вам это решительно, потому что вслушивался с намерением во все толки о «М‹осковском› вестнике». Две книжки кажутся немного бедными, особенно первая, и вот тому причины. Во-первых, мало листов ‹...› Во-вторых, слишком крупны статьи. Наконец: нет почти никаких современных известий...» (с. 391—392).

Он сотрудничал в журнале и непосредственно — в качестве поэта, критика, прозаика. Все первые номера журнала, кроме четвертого, выходят со стихами Веневитинова. Наряду со стихами, в журнале печатается переведенный им (вместе с братом) отрывок из повести Гофмана «Магнетизер» и его заметка о II главе

«Евгения Онегина». Не только Веневитинов многое сделал для журнала, но и журнал был многим для Веневитинова — и прежде всего его поэтической, литературной трибуной.

Жизнь Веневитинова, короткая годами, была предельно заполненной. При этом полнота ее — не только полнота дел и замыслов, но и чувств. Он одинаково самозабвенно умел работать, мыслить, любить.

Самой большой нежной привязанностью его жизни была Зинаида Волконская. Писательница, музыкантша, певица, хозяйка одного из самых блестящих московских литературных салонов, в котором бывали Пушкин и Мицкевич, Зинаида Волконская была женщиной безусловно незаурядной. Веневитинов любил ее сильной, без расчета на взаимность, поэтической и очень романтической любовью.

С любовью к Волконской связана одна из самых трогательных легенд о жизни и смерти Веневитинова. Когда в ноябре 1826 г. он уезжает из Москвы в Петербург, Волконская дарит ему на память перстень, найденный при раскопках Геркуланума и Помпеи в 1706 г. Этот перстень друзья поэта в последний час жизни Веневитинова, по его завещанию, надевают ему на палец. В стихотворении «К моему перстню» незадолго до смерти Веневитинов писал:

Века промчатся, и быть может,
Что кто-нибудь мой прах встревожит
И в нем тебя отроет вновь...

Удивительным образом это поэтическое предсказание Веневитинова сбылось. В 1930 г. могила Веневитинова, в связи с закрытием кладбища при бывшем Симоновом монастыре, была перенесена на Новодевичье

кладбище. При эксгумации праха перстень был вынут и сейчас как реликвия хранится в Государственном Литературном музее в Москве.

Существует предположение, что именно от своей любви к Зинаиде Волконской бежал Веневитинов, когда покинул Москву и переехал на новое место службы в Петербург. Хотя бежать от любви было не совсем в духе романтического поэта, какая-то доля правды, возможно, и есть в таком предположении. Была, однако, и другая возможная причина для переезда. 23 июля 1826 г., за несколько месяцев до того, как Веневитинов покинул Москву, М. П. Погодин записал в свой дневник: «Приехал Веневитинов. Говорили об осужденных. Все жены едут на каторгу. Это делает честь веку. Да иначе и быть не могло. У Веневитинова теперь такой план, который у меня был некогда. Служить, выслуживаться, быть загадкою, чтобы, наконец, выслужившись, занять значительное место и иметь больший круг действия» [25].

В этой записи Погодина всего важнее контекст и то, что осталось недоговоренным. Судьба декабристов, их жен, намерения Веневитинова — все оказывается внутренне связанным. «Больший круг действия», о котором мечтал Веневитинов, несомненно соотнесен с его мыслями о декабристах и его сочувствием декабристам. Быть может, именно ради спасения идей декабристов задумал Веневитинов быть сперва «загадкою», чтобы потом «занять значительное место» и иметь возможность действовать на широком общественном поприще.

---

[25] *Барсуков Н.* Жизнь и труды М. П. Погодина. Пб.: 1889, кн. 2, с. 32.

Мечтам Веневитинова, однако, сразу же был нанесен сильный удар. Петербург встретил его жестокой неожиданностью. При самом въезде в столицу его и его спутника француза Воше, только недавно вернувшегося из поездки в Сибирь, куда он сопровождал княгиню Трубецкую (она была первой из жен декабристов, которая отправилась в ссылку вслед за мужем), арестовали жандармы. На допросе Веневитинова спросили, не принадлежал ли он к тайному обществу. Ответ последовал в духе того, который дал Николаю I Пушкин — если он и не принадлежал к обществу декабристов, то «мог бы легко принадлежать ему» [26].

Веневитинова продержали под арестом несколько дней. Это нанесло ему глубокую душевную травму. Как вспоминал позднее А. И. Кошелев, он «не мог освободиться от тяжелого впечатления, произведенного на него сделанным ему допросом. Он не любил об этом говорить, но видно было, что-то тяжелое у него лежало на душе» [27].

Веневитинов приехал в Петербург в ноябре 1826 г.— 15 марта следующего года он умер. Смерть была неожиданной и быстрой. Он был на балу, после бала, разгоряченный, перебегая двор, на пути в свою квартиру, которая находилась в том же доме, схватил горячку. От горячки и умер.

Близкие Веневитинова, однако, были уверены, что причиною его смерти была не только горячка, но и

[26] См.: *Пятковский А.* Из истории нашего литературного и общественного развития. Историко-литературные характеристики. Князь В. Одоевский и Д. Веневитинов. СПб., 1901, с. 127.

[27] *Кошелев А. И.* Записки, с. 21—22.

еще больше — последствия его ареста жандармами. В материалах к биографии Веневитинова его племянник сообщал: «Простудился ли Дмитрий Владимирович в том помещении, где был арестован, или подвергся другому какому-нибудь вредному влиянию,— об этом не сохранилось точных семейных преданий, которые ограничиваются указанием на гигиенические условия места заключения как на главную причину окончательного расстройства в здоровье моего дяди... Кашель ⟨...⟩ не покидал его, причиняя ему частые и сильные боли в груди. Доктора заставили его постоянно носить грудной пластырь» [28].

Каковы бы ни были непосредственные причины смертельной болезни Веневитинова, безусловно прав был Герцен, сказавший о его жизни и о его смерти: «Веневитинов не был жизнеспособен в новой русской атмосфере. Нужно было иметь другую закалку, чтобы дышать воздухом этой зловещей эпохи, надобно было с детства приспособиться к этому резкому и непрерывному ветру, сжиться с неразрешимыми сомнениями, с горчайшими истинами, с собственной слабостью, с каждодневными оскорблениями...» [29]

* * *

Веневитиновым было написано всего около 50 стихотворений. У него было все еще впереди. Но и то, что он сделал — что успел сделать,— не осталось бесплодным для истории русской поэзии и русской культуры.

---

[28] *Веневитинов М. А.* К биографии поэта Д. В. Веневитинова.— Русский архив, 1885, № 1, с. 122—123.

[29] *Герцен А. И.* О развитии революционных идей в России. Т. 7, с. 223.

Его стихи, разные по времени, не одинаковы по художественным достоинствам. Но все они поражают внутренним единством, тесной связью идей. Они близки и тематически, и проблемно, близки интонацией и поэтикой. Поэтическое наследие Веневитинова отличается удивительной цельностью. Цельность в поэзии — это уже само по себе признак таланта и бесспорное выражение сильной авторской личности.

Как это часто бывает у поэтов цельных и поэтов по призванию, даже в самых ранних опытах Веневитинова видны некоторые характерные приметы всей его поэзии. Его поэтическая мысль с самого начала заметно удаляется от конкретного и частного и в этом проявляется свойственное в целом поэзии Веневитинова стремление к обобщенно-философскому выражению поэтических чувств и настроений.

В первых поэтических опытах Веневитинова можно обнаружить и другую существенную и постоянную черту его поэтики: преобладание поэтической культуры над непосредственностью выражения. Его композиции не всегда свободны, но зато они точны и формально закончены. Недаром у него так часто встречается то «триединство» композиции, которое не только в поэзии, но и в других видах искусства помогает воплотить многообразное в строго завершенную форму (ср., например, традиционно устойчивое трехчастное построение сонатных форм в музыке).

Все эти черты поэтики можно заметить даже в явно «ученическом» стихотворении Веневитинова «К друзьям», написанном в 1821 г., когда автору было 16 лет. Стихотворение это трехчастно. Три его части объединяются между собой и развитием единой темы, и повторяющимся в заключении каждой из частей рефре-

ном. Замечательно, что в этом лишь слегка варьирующемся рефрене соседствуют между собой понятия «друзья» и «лира»: «Я счастлив и без венцов, с лирой, с верными друзьями...» В стихотворении о дружбе, чуть скрытая в подтексте, звучит как вторая главная тема — тема поэта и поэзии. Для Веневитинова это своеобразный закон. О чем бы он ни писал, он не может не коснуться самого для себя заповедного: темы поэта и мысли о поэте. Так в ранних его стихах, так будет и в последних его произведениях.

Почти через четыре года после стихотворения «К друзьям», в 1825 г., Веневитиновым написано другое стихотворение о дружбе — «К друзьям на Новый год». Несмотря на значительную разницу во времени создания, оно не столько отличается от раннего опыта, сколько похоже на него. М. Аронсон видел в стихотворении 1825 г. следы «возмужания таланта поэта» [30]. Тем показательнее, что это зрелое произведение Веневитинова существенными чертами походит на раннее и заведомо «незрелое» стихотворение.

В лирической пьесе 1825 г. та же, что и в стихотворении 1821 г., отвлеченность от конкретного, та же обобщенность мысли и выводов. И в стихотворении 1825 г. мы встречаемся с четким и строгим планом в композиции, с знакомой нам трехчастностью. Трехчастное построение все больше становится стилевой приметой поэзии Веневитинова. Это подтверждается и такими более поздними его произведениями, как «Три розы», «Любимый цвет», «Крылья жизни», «Поэт и друг» и т. д.

---

[30] *Аронсон М.* Разговор через голову редактора.— Звезда, 1934, № 8, с. 189.

Говоря о трехчастности многих стихотворений Тютчева, Ю. Н. Тынянов возводил подобные конструкции к стихотворению Раича «Вечер в Одессе» [31]. Несомненно, однако, что в плане историко-литературном характерные для Тютчева композиции идут от традиции Веневитинова не в меньшей мере, нежели от Раича. Это тем более так, что опыты трехчастных построений у Веневитинова в художественном отношении выше опытов Раича и исторически более значительны.

В стихотворении «К друзьям на Новый год», в трактовке центральных тем поэзии и дружбы, можно заметить известный налет дидактизма, что также является одной из стилевых примет поэзии Веневитинова. «К друзьям на Новый год» звучит отчасти как урок. В своих стихах, и ранних, и зрелых, Веневитинов чувствует себя не только поэтом, но и наставником в делах добрых и истинных. Он не только размышляет в стихах, но и внушает читателю свою мысль — давно проверенную, пережитую, близкую. Это характерно и для других поэтов-любомудров. В значительной степени это напоминает также и Тютчева.

К указанным стихам Веневитинова тематически и структурно примыкает стихотворение «К. И. Герке» (1825). Все эти лирические произведения относятся к популярному в русской поэзии начала XIX в. жанру посланий. Но у Веневитинова это не совсем обычные, не традиционные послания, какие писали, например, Жуковский или Батюшков, или ранний Пушкин. Жанр у него отчасти трансформируется и приобретает новое качество: из формы свободной и многотемной поэти-

---

[31] *Тынянов Ю. Н.* Вопрос о Тютчеве.— В кн.: Поэтика. История литературы. Кино. М.: Наука, 1977, с. 41.

ческой беседы он становится формой тематически ограниченной и дидактически и философски целенаправленной.

Стихотворение «К. И. Герке» звучит как своеобразный ораторский монолог с философским значением:

Блажен, блажен, кто в полдень жизни
И на закате ясных лет,
Как в недрах радостной отчизны,
Еще в фантазии живет.

Кому небесное — родное,
Кто сочетает с сединой
Воображенье молодое
И разум с пламенной душой.

В волшебной чаше наслажденья
Он дна пустого не найдет
И вскликнет в чувствах упоенья:
«Прекрасному пределов нет!»

В финале стихотворения авторская мысль прямо заявлена: «Прекрасному пределов нет!» Веневитинов в своих стихах не чуждается языка прямых понятий — языка мыслителя по преимуществу. У него мысль не обязательно скрыта в образе, а часто выражается прямо, и это не признак слабости или силы поэтического дара, но характерная примета стиля, которая обусловлена у Веневитинова сознательно-философской направленностью его поэзии.

В более поздних стихах Веневитинова этот язык прямых понятий станет более чеканным, сильным, художественно более выразительным, но в своей основе он останется тем же. И в этом отношении ранние стихи Веневитинова тоже помогают выявить существен-

ные стороны его поэтического дара как нечто для него исконное, постоянное, внутренне закономерное.

Пристрастие к языку прямых понятий и некоторая традиционность его стилистики, особенно в ранних стихах, не мешают, однако, Веневитинову быть лириком. Его лиризм прежде всего в верности избранным мотивам, дорогим для него мыслям, хотя по первому впечатлению эти мотивы и мысли и могут показаться до некоторой степени книжными. Связь с литературным преданием не есть выражение индивидуального в поэте, но верность преданию, внутреннее постоянство — это уже выражение личности поэта, его человеческой неповторимости.

Книжными могут показаться некоторые стихотворения Веневитинова, взятые отдельно и не соотнесенные друг с другом. Рассмотренные и воспринятые как целое, в связи с целым, они обретают живую душу и воздействуют не как знакомые литературные реминисценции, а как неподдельно правдивые свидетельства.

Печать литературности лежит, например, на стихотворении 1825 г. «Послание к Рожалину». По своему сюжетному ходу эта лирическая пьеса — как поэтическая исповедь, но исповедь без наружных примет индивидуального, с солидным набором романтических и байронических штампов:

С надменной радостью, бывало,
Глядел я, как мой смелый чолн
Печатал след свой в бездне волн...

Или:

Обманут небом и мечтою,
Я проклял жребий и мечты...
Но издали манил мне ты,
Как брег призывный улыбался...

Стихотворение написано словами, за которыми, как кажется, нелегко увидеть конкретную человеческую судьбу. Сама тема разочарованности в жизни приобретает в поэзии 20-х гг. XIX в. в достаточной мере условный характер. И все-таки, несмотря на это, «Послание к Рожалину» (1825), как и другие подобные стихотворения Веневитинова, в контексте всей его поэзии выглядит не как дань литературной традиции, а как подлинное самопризнание. Мир романтических чувств и переживаний относился у Веневитинова не только к сфере его поэзии, но и был его собственным, реальным, живым миром. «Душа сроднилася с мечтой» — скажет Веневитинов в своей предсмертной элегии, и эти слова правды о себе могут служить разгадкой и его жизни, и его поэзии.

Среди произведений, созданных Веневитиновым в 1825 г., значительный интерес представляет незавершенный пролог в диалогической форме «Смерть Байрона». Замысел пролога непосредственно связан с гибелью английского поэта в Греции в 1824 г. Пролог, таким образом, относится к типу произведений, которые Гете называл «стихотворениями на случай». Но, в отличие от традиционных образцов такого рода, он живет полной жизнью, раскрывается во всех своих оттенках и мотивах лишь как часть единого целого, в контексте всех произведений Веневитинова.

Естественно, что в основе произведения, посвященного Байрону, заключены мысль о поэте и образ поэта. В поэзии Веневитинова в целом эта мысль и этот образ являются не случайными, а постоянными, сквозными. В прологе — и это очень заметно — с именем Байрона связаны идеи общего порядка – притом самые дорогие и близкие Веневитинову.

Поэзия, по Веневитинову,— это единственное, что может быть противопоставлено унизительной прозе и бездуховности жизни. Только поэт, провидец и мудрец по своей природе, способен до конца и во всей глубине познать тайны мира. Через это познание, через его высокую радость и преодолевается трагизм человеческого существования в плохо устроенном мире:

Здесь думал я поднять таинственный покров
С чела таинственной природы,
Узнать вблизи сокрытые черты
И в океане красоты
Забыть обман любви, обман свободы.

Интересно, что эти сугубо романтические мотивы повторяются в стихах более поздних. Например — в стихотворении «Поэт и друг»:

Природа не для всех очей
Покров свой тайный подымает:
Мы все равно читаем в ней,
Но кто, читая, понимает?
Лишь тот, кто с юношеских дней
Был пламенным жрецом искусства,
Кто жизни не щадил для чувства,
Венец мученьями купил,
Над суетой вознесся духом
И сердца трепет жадным слухом,
Как вещий голос, изловил!

Поэзия Веневитинова в значительной степени строится на лейтмотивах. Его стихотворения часто представляют собой как бы вариации на близкие темы — и прежде всего на тему поэта и поэзии.

Однако вариации не есть повторение. Это всегда что-то новое на фоне известного и знакомого. В прологе «Смерть Байрона» особенный облик придает теме очень существенная для Веневитинова идея свободы.

Поэт, для Веневитинова, сын свободы, и потому он борется за нее. Эллада, куда стремился Байрон и на земле которой он погибает, это одновременно и земля поэтов, и земля, достойная свободы. Вот почему это его, Байрона, земля, его отчизна: «Да! Смерть мила, когда цвет жизни / Приносишь в дань своей отчизне...»

Очень может быть, что слова и мысли о свободе, ключевые в прологе «Смерть Байрона», ассоциировались в сознании поэта с современными событиями. Вспомним, что пролог написан в 1825 г., в самый канун декабрьского восстания. Показательно, что приблизительно в то же время Веневитинов занимается переводом драмы Гете «Эгмонт». Гетевская драма тоже открывала путь для самых живых ассоциаций, поскольку она была посвящена теме народного восстания. Между работой Веневитинова над переводом «Эгмонта» и созданием произведения о Байроне безусловно существовала внутренняя зависимость. Философские и поэтические устремления Веневитинова не мешали ему одновременно решать и политические задачи.

* * *

В своей полемике с Н. Полевым по поводу «Евгения Онегина» Веневитинов риторически вопрошал: «Не забываем ли мы, что в пиитике должно быть основание положительное, что всякая наука положительная заимствует свою силу из философии, что и поэзия неразлучна с философией?» (с. 146).

«Неразлучность» его собственной поэзии с философией не подлежит сомнению. Поэзия Веневитинова в своих раздумьях и выводах дополняла его прямые фи-

лософские концепции, и она же в основном строилась на них. Вот почему невозможно говорить о поэзии Веневитинова, не коснувшись хотя бы самым беглым образом его философских воззрений и его философских работ.

Веневитинов был философом по призванию — так же как и поэтом. Поэзия и философия постоянно объединялись в его сознании и, по его глубокому убеждению, служили одной цели. Он писал в 1825 г. А. С. Норову и А. И. Кошелеву: «...еще один совет: занимайтесь, друзья мои, один философиею, другой поэзиею — обе приведут вас к той же цели — к чистому наслаждению» (с. 358).

Стоит приглядеться к различным высказываниям Веневитинова, чтобы заметить в них философскую выучку, дисциплинированный в изучении философии ум. За его наблюденьями и выводами чувствуется явная склонность к обобщению, стремление к генерализации понятий.

Он пишет Кошелеву о родах поэзии и тут же переводит эту свою частную мысль в план исторически-всеобщий, подчиняет ее некоему единому мировому правилу: «Я вообще разделяю все успехи человеческого познания на три эпохи: на эпоху эпическую, лирическую и драматическую. Эти эпохи составляют эмблему не только всего рода человеческого, но жизни всякого — самого времени» (с. 353).

На философские темы Веневитинов высказывался постоянно — в письмах к друзьям не менее часто, чем в специальных статьях и работах. Это делает его письма интересными не только в плане биографическом, но и в плане историко-литературном. Многие его письма — это род литературы и род философии. По пись-

мам Веневитинова к друзьям мы можем догадываться, сколько глубоких и интересных мыслей было высказано им в дружеских беседах да так и пропало для потомства.

Он писал Кошелеву, с которым особенно любил делиться своими философскими идеями: *«...человек, чтобы сделаться философом, т. е. искать мудрости, необходимо должен был раззнакомиться с природою, с своими чувствами. Младенец не философ»* (с. 354).

На ту же тему он рассуждает и в другом письме к тому же адресату: «Если цель всякого познания, цель философии есть гармония между миром и человеком (между идеальным и реальным), то эта же самая гармония должна быть *началом* всего». И далее: «...человек носит в душе своей весь видимый мир⟨...⟩ все законы явлений, случаев и пр. заключаются в высокой мысли о законе. Если вы с этим согласитесь, то вы мне допустите, что тогда родилась философия, когда человек раззнакомился с природою...» (с. 349—350).

В своих письмах Веневитинов как бы проверяет философские идеи и выводы, к которым он пришел в результате самостоятельных размышлений. Его письма к друзьям нередко превращаются в интимный разговор на темы, традиционно совсем не интимные. Традиционно — но не для него самого. Философия для него не только предмет специальных занятий, но и нечто сугубо личное, свое, неотделимое от внутренней жизни. Подобно поэзии, философия — это его самое важное и сокровенное человеческое дело.

Кроме писем, суждения философского характера встречаются у Веневитинова и в его критических статьях, и в литературно-полемических заметках, и в

трудах публицистического жанра. Что касается собственно философских работ, то их немного. Но это совсем не означает их маловажности. В философских статьях «Анаксагор», «О математической философии», «Письма к графине NN» Веневитиновым излагается единая и цельная концепция мира и человека в мире, и эта концепция (что для нас представляет особый интерес) имеет прямое отношение к поэтическому сознанию Веневитинова и к самой его поэзии.

К чему сводятся философские воззрения Веневитинова, как они излагаются в его статьях — и прежде всего в статье «Анаксагор»? Цель философии, по Веневитинову, в согласии между миром и человеком, а ее главный предмет — познание человеком природы и самого себя. Через познание и достигается согласие: чем полнее будет познание, тем скорее может быть достигнута гармония человеческого ума с природой.

Таким образом, познание и самопознание оказываются не только основным предметом философии, но и высшим смыслом человеческого существования. В них заключено единственно возможное счастье человека. В познании и самопознании человек осознает свою духовную, творческую силу и утверждает себя, утверждает в мире свое человечески неповторимое. Это и есть для человека счастье, это и есть истинное его торжество.

Но подлинное познание человеком природы и самого себя невозможно иначе, как в борьбе и преодолении: «...всякий человек рожден счастливым, но чтоб познать свое счастие, душа его осуждена к борению с противоречиями мира» (с. 125). «Царем природы,— пишет Веневитинов в другом месте,— может называться только тот, кто покорил природу; и следственно, чтоб по-

знать свою силу, человек принужден испытать ее в противоречиях...» (с. 126).

Для философской концепции Веневитинова очень существенно, что в полной мере этот процесс постижения счастья через преодоление материала, вещественного, через преодоление «противоречий мира» испытывает поэт, художник. В статье «Анаксагор» Платон, ведущий диалог с Анаксагором, приводит пример со скульптором Фидием, который творческим воображением представил себе Аполлона: «В душе его совершенное спокойствие, совершенная тишина. Но доволен ли он этим чувством? Если б наслаждение его было полное, для чего бы он взял резец? Если б идеал его был ясен, для чего старался бы он его выразить? Нет, Анаксагор! эта тишина — предвестница бури. Но когда вдохновенный художник, победив все трудности своего искусства, передал мысль свою бесчувственному мрамору, тогда только истинное спокойствие водворяется в душу его — он познал свою силу и наслаждается в мире, ему уже знакомом» (с. 126—127).

Устами Платона Веневитинов говорит о художнике, но думает при этом «о всяком человеке, о всем человечестве» (с. 127). Однако то, что в идеале заложено в человеке вообще и что характеризует его как существо духовное, особенно присуще поэту, художнику. И именно поэтому поэт-художник для Веневитинова есть высшее выражение духовного человека. Само понятие поэзии неотделимо у него от победы духовного в человеке, от победы человека над своей судьбой. Поэзия для него там, где, «победив все трудности» — «передал мысль свою». Поэзия в главной сути своей есть испытание человеком творческой силы и его торжество над материальным и временным.

Поэт — главный герой философии Веневитинова не в меньшей степени, нежели герой его поэзии. Культ поэта-художника, столь ощутимый в поэзии Веневитинова, имеет у него глубокое философское обоснование. Его философские раздумья приводят к утверждению высокого значения поэтической деятельности и самой личности поэта в жизни. Эти же мысли отражаются и в его стихах. Его стихи почти всегда были развитием и конкретизацией его философских идей. В некотором отношении Веневитинов был идеальным поэтом-философом. Он был поэтом мысли, и его любимая мысль была о поэзии.

* * *

В период после неудавшегося восстания декабристов 1825 г. творчество Веневитинова достигает наибольшей интенсивности. При этом стихотворения, написанные Веневитиновым в 1826 и в начале 1827 г., при всей их художественной зрелости, не только не противостоят его ранним творениям, но тематически и идейно, и в стилевом отношении продолжают их.

Одно из самых значительных стихотворений Веневитинова последекабрьского периода — «Новгород». Оно написано в самом конце 1826 г., по свежим впечатлениям от посещения Новгорода во время переезда поэта из Москвы в Петербург. Стихотворение относится к жанру политической лирики и при публикации не случайно привлекало к себе пристальное внимание цензуры.

Политический и опасный, с точки зрения цензуры, характер придает стихотворению мотив вольности, который возникает в связи с воспоминаниями о слав-

ном прошлом Новгорода:

> Ты ль предо мной, о древний град!
> Отчизна славы и торговли!
> Как живо сердцу говорят
> Холмы разбросанных обломков!
> Не смолкли в них твои дела,
> И слава предков перешла
> В уста правдивые потомков.

Тема стихотворения, ее смысловое решение, сюжетные повороты заставляют вспомнить прямых предшественников Веневитинова: Рылеева, Бестужева, А. Одоевского, других поэтов-декабристов. Все они в своей поэзии неоднократно обращались к древнему Новгороду в связи с идеями вольности. Стихотворение «Новгород» может служить еще одним убедительным доказательством идейной близости Веневитинова к декабристам — близости в любви к свободе и в страстной тоске о ней.

В 1826—1827 гг. Веневитиновым создан ряд стихотворений, объединенных общей темой и общим адресатом — Зинаидой Волконской. Одно из центральных стихотворений этого своеобразного цикла — «К моей богине». По формальным признакам стихотворение — как и другие на ту же тему — относится к жанру любовной лирики. Но если это и любовная лирика, то особого рода. Это одновременно и любовная и философская лирика. В лирических пьесах, посвященных Зинаиде Волконской, мысли о любви и любовные признания не замыкаются в себе, но свободно выходят в сферу общих размышлений о жизни и человеке. Это характерная черта не только Веневитинова, но и всей поэзии любомудров, которой, как правило, чужды чисто интимные жанры.

Философский характер придают стихотворению «К моей богине» ключевые в его композиции размышления о счастье: доступно ли человеку счастье? обязательно ли оно для него? Эти вопросы не только здесь, но постоянно волнуют Веневитинова, как, впрочем, и многих других русских писателей и мыслителей XIX в.

В поэзии Веневитинова и в его философских статьях эти вопросы ставятся и решаются по-разному — в зависимости от того, о каком счастье идет речь: высоком, духовном или житейски-обыденном. Что касается обыкновенного человеческого счастья, то, по Веневитинову, оно невозможно для человека поэтического сознания и глубокой мысли. Об этом он и говорит в стихотворении «К моей богине» — вначале применительно к одному человеку, к самому себе, затем эта же мысль принимает у него форму, близкую к общему закону:

Что счастье мне? зачем оно?
Не ты ль твердила, что судьбою
Оно лишь робким здесь дано,
Что счастья с пламенной душою
Нельзя в сем мире сочетать...

Форма традиционной любовной лирики превращается у Веневитинова в род философского раздумья. Структурно и тематически одинаково важными оказываются в стихотворении и индивидуальная человеческая судьба, и судьба человека вообще. При этом обобщенно-философская мысль оказывается согретой подлинностью личного переживания. На этом пути открывается возможность (пусть и не реализованная самим Веневитиновым до конца) создания не просто фило-

софского стихотворения, но философской *лирики* в самом глубоком значении этого слова.

Другая лирическая пьеса, посвященная З. Волконской,— «Элегия». Это также произведение интимное по своему характеру, и в нем тоже заключены идеи, которые выводят его за границы собственно интимной, любовной темы:

Волшебница! Как сладко пела ты
Про дивную страну очарованья,
Про жаркую отчизну красоты!
Как я любил твои воспоминанья,
Как жадно я внимал словам твоим
И как мечтал о крае неизвестном!

Героиня «Элегии» — не просто любимая, но женщина, причастная искусству, музам, прекрасному. Именно это и внушает к ней чувство особенно сильное и высокое. Вместе с тем это вводит «Элегию» в строй общих идей Веневитинова и заставляет воспринимать любовную тему в ее обобщенно-философском значении. Основные поэтические мотивы стихотворения — любимая, любовь, страна искусства и красоты Италия — все это и в поэтическом воображении Веневитинова, и в системе его идей неразрывно связано. Все это одна и та же сфера духовно-возвышенного в человеке — того, что приподнимает человека над мелкой суетностью и помогает ему преодолеть трагизм жизни.

Тема Италии, «отчизны красоты», становится главной в стихотворении, так и названном — «Италия»:

Италия, отчизна вдохновенья!
Придет мой час, когда удастся мне
Любить тебя с восторгом наслажденья,
Как я любил твой образ в светлом сне.

Лирическая пьеса Веневитинова об Италии очень напоминает стихи о возлюбленной. В известном смысле таковой она и является. Все любимое Веневитиновым — и люди, и произведения искусств, и страны — в главном похожи друг на друга. Похожи своей яркой причастностью миру духовного, миру красоты.

В произведениях Веневитинова 1826—1827 гг. заметно особенно сильное и глубокое проникновение философских идей в поэзию. В конце 1826 г.— видимо, в ноябре — Веневитинов пишет ряд тематически связанных между собой стихотворений, где в развернутом виде дана его концепция жизни и человеческого бытия. Сюда входят: «Моя молитва», «Жизнь», «Поэт», «Жертвоприношение», «Утешение».

Стихотворение «Моя молитва» выражает своеобразное поэтическое и человеческое credo Веневитинова. Полное внутреннего напряжения и нервной силы, стихотворение это удивительно по чистоте мысли и душевной открытости. В нем и исповедь, и наказ поэта себе и другим людям, и утверждение высоких нравственных идеалов:

Души невидимый хранитель!
Услышь моление мое:
Благослови мою обитель
И стражем стань у врат ее,
Да через мой порог смиренный
Не прешагнет, как тать ночной,
Ни обольститель ухищренный,
Ни лень с убитою душой,
Ни зависть с глазом ядовитым,
Ни ложный друг с коварством скрытым.
Всегда надежною броней
Пусть будет грудь моя одета,
Да не сразит меня стрелой
Измена мстительного света.

Не отдавай души моей
На жертву суетным желаньям,
Но воспитай спокойно в ней
Огонь возвышенных страстей.

В «Моей молитве» тесно слиты между собой и идеи, и слова, и звуки. Стих производит впечатление крепко сложенного, «литого». Словами «медный» и «литой» Аполлон Григорьев определял стих Лермонтова [32]. «Мою молитву» по многим признакам можно назвать «лермонтовским» стихотворением. Как заметил Д. Д. Благой, «имя Лермонтова вообще как-то само собой приходит на мысль, как наиболее конгениальное имя, когда хочешь представить себе, во что бы могли развиться те исключительные возможности, которые были заложены в Веневитинова природой, жизнью и историей» [33].

«Моя молитва» всем строем и всей своей поэтикой точно предвещает лирику Лермонтова. Если при этом учесть отмеченное Б. М. Эйхенбаумом прямое воздействие этого стихотворения на «Молитву» Лермонтова («Не обвиняй меня, всесильный...») [34], место «Моей молитвы» в исторической жизни русской поэзии определится во всей своей значительности.

Замечательно, что свой «литой» стих Веневитинов создает на довольно традиционном языковом материале. «Жертва суетных желаний», «огонь возвышенных

---

[32] *Григорьев Аполлон.* Мои литературные и нравственные скитальчества.— Полн. собр. соч. и писем Аполлона Григорьева. Пг., 1918, т. 1, с. 104.

[33] *Благой Д. Д.* Подлинный Веневитинов, с. 38.

[34] *Эйхенбаум Б. М.* Литературная позиция Лермонтова.— В кн.: *Эйхенбаум Б. М.* Статьи о Лермонтове. М.—Л.: АН СССР, 1961, с. 47.

страстей», «измена мстительного света» — все это элементы языка сугубо книжного и отвлеченно-условного. Но такое впечатление производит каждое из выражений в отдельности. Взятые в поэтическом контексте, в тесной связи идей и понятий, те же выражения обретают энергию, становятся предельно выразительными и почти ощутимо предметными. Предметными — при всей своей видимой неконкретности.

«Моя молитва» заканчивается неожиданными на первый взгляд словами:

Но в душу влей покоя сладость,
Посей надежды семена
И отжени от сердца радость:
Она — неверная жена.

Заключенный в двух последних стихах мотив отказа от радостей в слегка измененном виде встречался в стихотворении «К моей богине». Там речь шла не о радости, а о счастье, но смысл был тот же. Заключительные мысли «Моей молитвы» становятся вполне ясными и внутренне обоснованными в их соотнесенности с идеями другого стихотворения. В контексте другого стихотворения, в общем контексте философских и поэтических воззрений Веневитинова мысли эти воспринимаются не как случайные, а как программные. Тесная связь между произведениями существует у Веневитинова не только внутри тематического цикла, но и между циклами. Само понятие «цикл» применительно к поэзии Веневитинова можно употреблять лишь условно, с оговорками. По существу все его стихотворения — особенно это относится к поздним стихотворениям — представляют собой как бы единый большой цикл, единый дневник его.

Приблизительно в то же время, что и «Моя молит-

ва», было написано Веневитиновым стихотворение «Жизнь», представляющее свободные вариации на слова Шекспира: «Жизнь скучна, как сказка, дважды рассказанная засыпающему». Слова Шекспира — это то, от чего Веневитинов лишь оттолкнулся. Ими была задана поэтическая тема, давно ему уже близкая, и решает он ее, не только следуя за Шекспиром, но еще больше — в соответствии со своими собственными воззрениями.

Стихотворение «Жизнь», с его темой трагизма человеческого существования,— это и целая философия, и вместе с тем это поэзия. Философская идея становится в нем поэтической между прочим и потому, что она психологически точно раскрыта через ряд художественных наблюдений-деталей: «...кой-что страшит издалека, но в этом страхе наслажденье»; «...мы привыкаем к чудесам — потом на все глядим лениво»; «...скучна, как пересказанная сказка усталому пред часом сна». Интересно, что эти психологически и художественно верные детали относятся к сфере общего, а не частного. Как это нередко бывает у Веневитинова, героем стихотворения является не «*я*», а «*мы*», не отдельный человек и его неповторимая судьба, а человечество и судьба человечества.

Идея стихотворения «Жизнь» находит свое развитие в другой лирико-философской пьесе — «Жертвоприношение». Она тоже об «обмане жизни», но в ней предложено положительное решение в духе общих идей Веневитинова. Трагедия жизни может быть преодолена приобщением человека к миру высокого и вечного — к миру поэзии:

Твоей пленительной изменой
Ты можешь в сердце поселить

Минутный огнь, раздор мгновенный,
Ланиты бледностью покрыть,
Отнять покой, беспечность, радость
И осенить печалью младость;
Но не отымешь ты, поверь,
Любви, надежды, вдохновений!
Нет! их спасет мой добрый гений,
И не мои они теперь.
Я посвящаю их отныне
Навек поэзии святой...

Тема поэта и поэзии в контексте всего творчества Веневитинова звучит не только как главная, но и как внутренне ключевая. Именно так она воспринимается в стихотворениях, написанных в конце 1826 г. По существу все они так или иначе связаны с этой темой. При этом наиболее полное и законченное выражение получает она в стихотворении «Поэт»:

Тебе знаком ли сын богов,
Любимец муз и вдохновенья?
Узнал ли б меж земных сынов
Ты речь его, его движенья?
Не вспыльчив он, и строгий ум
Не блещет в шумном разговоре,
Но ясный луч высоких дум
Невольно светит в ясном взоре.

В этой лирической пьесе особенно заметно, что образ поэта у Веневитинова выражает его общий эстетический и нравственный человеческий идеал. Поэт и художник для него – «эмблема», высшее, идеальное выражение духовного человека. В идеальном, а не бытовом взгляде на поэта — важная особенность этого стихотворения, обусловленная всем строем философских идей Веневитинова.

Прозе и «обману» жизни Веневитинов мог противопоставить как нечто безусловно положительное не

поэта вообще, а именно идеального поэта. Вместе с тем это вовсе не означает, как утверждали некоторые дореволюционные литературоведы (и не только дореволюционные), «бесплотной мечтательности» и «отрешенности от жизни» самого Веневитинова. Как проницательно заметил в свое время уже Белинский, в «его стихах просвечивает действительно идеальное, а не мечтательно идеальное направление...» [35]

Идеализация — разумеется, не в плоском понимании этого слова — не всегда есть пренебрежение действительностью или плохое знание ее. Она бывает также от особого духовного ригоризма и в таком случае выражает живую бескомпромиссность нравственных понятий и требований. У Веневитинова было именно так.

Тему поэта развивает и другое стихотворение Веневитинова, написанное в конце 1826 г.,— «Утешение». Оно тоже пронизано трагическим настроением: в нем звучит тема смерти и мысль о смерти. Но герой стихотворения — поэт. И потому, что он поэт, он не вовсе умирает: не умирает, остается жить и после его смерти его поэзия. Таков сюжет стихотворения. Поэзия для Веневитинова и в трагическом акте смерти оказывается единственным и высоким средством преодоления:

...Но если в душу вложена
Хоть искра страсти благородной,—
Поверь, не даром в ней она;
Не теплится она бесплодно;
Не с тем судьба ее зажгла,
Чтоб смерти хладная зола
Ее навеки потушила:

[35] *Белинский В. Г.* Русская литература в 1841 г.— Полн. собр. соч., т. 5, с. 562.

Нет! — что в душевной глубине,
Того не унесет могила:
Оно останется по мне.

В статье «О лирической поэзии» Владимир Соловьев заметил, что «не одна трагедия служит к очищению души: быть может, еще более прямое и сильное действие в этом направлении производит чистая лирика» [36].

Стихотворение «Утешение» подобно истинной трагедии, и потому оно несет в себе очищение. В нем не только и не столько чувство конца, смерти, сколько духовная победа. Недаром уже в самом начале этой лирической пьесы звучат возвышенно-патетические, победные ноты:

Блажен, кому судьба вложила
В уста высокий дар речей,
Кому она сердца людей
Волшебной силой покорила...

Проблема поэта и ее решение имели у Веневитинова не только философский, но и в большой мере политический смысл. В теме поэта, как ее трактует Веневитинов, звучит очень явственно вызов современному миру, ибо его поэт отрицает и духовно преодолевает бесчеловечность и бездушие не только надысторического, но и вполне конкретного, современного ему миропорядка. Не случайно большая часть стихотворений о поэте, и притом самых сильных, была написана Веневитиновым после декабрьского восстания. Именно в это время такие стихи, по объективным обстоятельствам, заметно наполнялись политическим смыслом. В последекабрьскую эпоху романтическая

[36] *Соловъев В.* О лирической поэзии.— В кн: *Соловъев В.* Собр. соч. Пб.: [1901], т. VI, с. 219.

концепция художника, вознесенного над прозою жизни и противостоящего ей, приобретала злободневное общественное звучание потому, что объективно она была политически-оппозиционной. Сознательно или бессознательно, романтическая концепция поэта-художника противопоставлялась другой, официальной — художника зависимого, служащего обществу, но не свободно, не по внутренним побуждениям, а по строгим предписаниям деспотической власти.

Одно из последних стихотворений Веневитинова на тему поэта — это вообще одно из последних его стихотворений — «Поэт и друг». Белинский отнес его к «превосходнейшим образцам» «лирических произведений в драматической форме» и поставил рядом с «Поэтом и чернью» и «Разговором книгопродавца с поэтом» Пушкина и с лирико-драматической пьесой Лермонтова «Журналист, читатель и писатель» [37].

Стихотворение «Поэт и друг» появилось в № 7 журнала «Московский вестник» за 1827 г., когда поэта уже не было в живых. Может быть, поэтому его восприняли как поэтическое завещание Веневитинова. Это было прощальным словом поэта – не только искренним и трогательным, но и едва ли не самым значительным и сильным его поэтическим словом:

...Напев задумчивой печали
Еще напомнит обо мне,
И сильный стих не раз встревожит
Ум пылкий юноши во сне,
И старец со слезой, быть может,
Труды нелживые прочтет;
Он в них души печать найдет
И молвит слово состраданья:
«Как я люблю его созданья!

[37] *Белинский В. Г.* Полн. собр. соч., т. 5, с. 32.

Он дышит жаром красоты,
В нем ум и сердце согласились,
И мысли полные носились
На легких крылиях мечты.
Как знал он жизнь, как мало жил!»

В стихотворении «Поэт и друг» слышится и чувство в крайней степени напряжения, и глубокая прочувствованная мысль: мысль как итог, как последний, доведенный до афористической ясности вывод о жизни, человеке, поэзии. По этому стихотворению, лирическому и философскому одновременно, хорошо видно и то, каким поэтом Веневитинов был, и еще больше — каким он мог стать.

* * *

В своей литературной деятельности Веневитинов проявил разносторонние дарования и интересы. Он был не только поэтом, но и прозаиком, причем его прозаические опыты относятся к самым различным жанрам. Помимо статей философского содержания, о которых мы уже знаем, он писал статьи литературно-программные и критические, он создал несколько философских аллегорий в духе немецких и русских романтиков (подобные произведения в то же время, что и Веневитинов, писали В. Ф. Одоевский, В. П. Титов и другие любомудры), он переводил прозаические произведения немецких авторов — в том числе своего любимого Гете и Гофмана, в последние месяцы жизни он думал о романе и уже начал его писать.

Его литературно-программная статья носила весьма знаменательное название — «О состоянии просвещения в России». Впервые она была напечатана в книге прозы Веневитинова 1831 г. под заглавием «Несколько

мыслей в план журнала». Изменение названия связано, очевидно, с цензурными соображениями. Говорить о просвещении – значило в эпоху Николая I проявлять явное свободомыслие. Стоит вспомнить реакцию Николая I на написанную Пушкиным по его желанию записку «О народном воспитании». В письме к Пушкину от 23 декабря 1826 г. Бенкендорф сообщает, что государь «с удовольствием изволил читать рассуждения ваши о народном воспитании... Его величество при сем заметить изволил, что принятое вами правило, будто бы просвещение и гений служат исключительным основанием совершенству, есть правило опасное для общего спокойствия, завлекшее вас самих на край пропасти и повергшее в оную толикое число молодых людей» [38].

Так же, как и Пушкин, Веневитинов в своей статье ратует за просвещение. Он тоже видит в нем «основание совершенства» как отдельного человека, так и целых народов. При этом истинное просвещение, утверждает Веневитинов, должно строиться не на заимствованных идеях, а на началах самобытности. По мнению Веневитинова, полному проявлению самобытности в общественной жизни до сих пор мешали леность мысли, бездействие ума. Излечить от этого могут занятия науками и особенно философией. Все это не только собственные убеждения Веневитинова — это общая программа любомудров: «...философия и применение оной ко всем эпохам наук и искусств,— пишет Веневитинов,– вот предметы, заслуживающие особенное наше внимание, предметы, тем более необходимые для

[38] *Пушкин.* Полн. собр. соч. М.—Л.: АН СССР, 1937, т. XIII, с. 314—315.

России, что она еще нуждается в твердом основании изящных наук и найдет сие основание, сей залог своей самобытности и, следственно, своей нравственной свободы в литературе, в одной философии, которая заставит ее развить свои силы и образовать систему мышления» (с. 133).

Литература, по Веневитинову, есть прямое средство просвещения, и она должна осознать этот высший свой долг и назначение. Для этого она обязана отказаться от всего, что «бесполезно развлекает внимание», что, «прельщая легкостью безотчетного наслаждения, отвлекает от высокой цели усовершенствования» (с. 131). Как истинный любомудр, Веневитинов в своей статье отстаивает философскую поэзию, отстаивает литературу, основанную на глубокой и самобытной философской мысли и именно благодаря этому хорошо помогающую решать задачи народного просвещения.

Статья Веневитинова содержит не только программу просвещения, но и конкретное руководство, «план к журналу», о котором он мечтал и который должен был служить тем же целям просвещения. Второе название, полученное статьей при публикации — «Несколько мыслей в план журнала»,— не было, таким образом, случайным. Думая о предполагаемом издании, Веневитинов видит главную задачу в том, чтобы помочь изменить «нынешний ход русской словесности», сделать современную литературу более серьезной, более думающей. «Сей цели,— пишет Веневитинов,— кажется, вполне бы удовлетворило такое сочинение, в коем разнообразие предметов не мешало бы единству целого и представляло бы различные применения одной постоянной системы. Такое сочинение будет журнал, и его вообще можно будет разделить на две части;

одна должна представлять теоретические исследования самого ума и свойств его; другую можно будет посвятить применению сих же исследований к истории наук и искусств» (с. 132).

Веневитинов думал о журнале «с направлением», это направление, теоретическое и философское, он и обосновал в своей статье. При этом его мысли о журнале и его «план журнала» не остались только на бумаге. Мы знаем, что они нашли реализацию — пусть не полную, хотя бы частичную — в журнале любомудров «Московский вестник».

Большой интерес представляют и критические статьи Веневитинова. Они также имеют не частный, но существенный историко-литературный интерес. В 1825 г. он пишет и в том же году печатает статью под названием «Разбор статьи о «Евгении Онегине», помещенной в 5-м № «Московского телеграфа» на 1825 год». Она была опубликована в журнале «Сын отечества» за подписью «—*в*».

В статье Веневитинов полемизирует с Н. Полевым, который в своем разборе первой главы «Евгения Онегина» сравнивал Пушкина с Байроном. Разбор Полевого, однако, дает повод Веневитинову не только выразить несогласие с конкретными оценками и замечаниями и противопоставить им свои, но и высказать принципиально важные теоретические суждения о критике и ее задачах. В критической работе Веневитинова очень заметны философская основа и философский ум. Белинский недаром относил все статьи Веневитинова к «прозе теоретической» и назвал их «мыслящими» статьями [39].

---

[39] *Белинский В. Г.* Полн. собр. соч. Т. 8, с. 51—52.

Общетеоретические установки статьи выявляются постоянно, едва ли не в каждом авторском рассуждении. Веневитинов, например, пишет: «Оставим мелочный разбор каждого периода. В статье, в которой автор не предположил себе *одной* цели, в которой он рассуждал, не опираясь на *одну* основную мысль, как не встречать погрешностей такого рода?» (с. 144).

В другой статье на ту же тему — «Ответ Полевому» — Веневитинов прямо определяет принципиальные особенности и направление своей критики: «Г-н Полевой простит мне многие шутки, но, написав статью, в которой я изложил *некоторую систему литературы*, которая, следственно, могла быть предметом литературного спора и заставить с обеих сторон развивать и определять понятия, мог ли я ожидать такого ответа, каким подарил меня издатель «Телеграфа»?» (с. 260; курсив мой.— *Е. М.*).

Впрочем, здесь не просто определяются важные особенности собственной критики, но и утверждаются программные требования ко всякой подлинно научной критике. Веневитинов требует от критики суждений, основанных на едином правиле и на едином философском и эстетическом законе. Интересно, что подобные требования высказывались и другими любомудрами. Так, теоретический отдел первого номера журнала «Московский вестник» открывался статьей С. П. Шевырева с примечательным названием: «Разговор о возможности найти единый закон для изящного». Борьбу за строго научную, философскую критику вел не один Веневитинов, но и вместе с ним его друзья-любомудры.

Для Веневитинова не в одной критике, но и в произведении художественном должна заключаться еди-

ная и «полная» мысль, глубокая философская идея. Возражая Полевому и ловя его на плохом знании законов музыки, он пишет: «В особом роде музыкальных сочинений, называемом capriccio, есть также постоянное правило. В capriccio, как и во всяком произведении музыкальном, должна заключаться полная мысль, без чего и искусства существовать не могут» (с. 148).

Идея единого и постоянного правила для художественного — одна из самых дорогих для Веневитинова. В статье «Разбор рассуждения г. Мерзлякова», опубликованной в 1825 г. в «Сыне отечества», она снова повторяется: «...чтобы произнесть общие суждения о поэзии ⟨...⟩ надобно основать свой приговор на мысли определенной...» (с. 152). Веневитинов и здесь, и в других своих критических статьях настаивает на том, что понятия о поэзии должны быть озарены «общим взглядом» (с. 153). В статьях Веневитинова, как и в его поэзии, господствуют сквозные идеи. Это характерные признаки писателя философского толка, это качества того концепционно-теоретического, эстетического направления в русской критике, одним из видных представителей которого был Веневитинов.

Критические опыты Веневитинова отличаются яркими достоинствами мысли и стиля. Они написаны серьезно, просто, ясно, им свойственны смелость и прямота суждений. Этим статьи привлекали современников — в частности Пушкина. По свидетельству С. А. Соболевского, приведенному биографом Веневитинова А. П. Пятковским, Пушкин в 1826 г., будучи в Москве, выразил желание познакомиться с Веневитиновым и сказал при этом о его статье, посвященной «Евгению Онегину»: «...Это единственная статья, которую я прочел с лю-

бовью и вниманием. Все остальное — или брань, или переслащенная дичь»[40].

О критических статьях Веневитинова мало сказать, что они имеют философскую направленность. В них всегда мысль не одномерная, а глубокая, в них суждения, основанные на понимании жизни и литературы в их живых противоречиях. Как заметил Д. Д. Благой, в критических опытах Веневитинова есть уже «зачатки у нас диалектического мышления»[41].

Среди прозаических произведений Веневитинова важную загадку и большой интерес представляют отрывки из только начатого романа «Владимир Паренский». Веневитинов работал над романом последние месяцы и даже дни своей жизни. Опубликованы были отрывки уже после смерти поэта в альманахе Дельвига «Северные цветы на 1829 г.».

О плане задуманного произведения Веневитинов писал брату 14 февраля 1827 г.: «Авось окончу в скором времени большое сочинение, которое решит: должен ли я следовать влечению к поэзии или побороть в себе эту страсть» (с. 397).

Отрывки начинаются с рассуждения общефилософского характера. Философские мысли заключены и в авторских отступлениях, которые встречаются по ходу повествования. Что касается героя романа Владимира Паренского, то он многими чертами похож на любомудра.

Он воспитывается в немецком городе Д. Шестнадца-

---

[40] *Пятковский А. П.* Князь В. Ф. Одоевский и Д. В. Веневитинов. СПб., 1901, с. 125—126.

[41] *Благой Д. Д.* От Кантемира до наших дней. М.: Художественная литература, 1973, т. 2, с. 325.

ти лет он вступает в университет и сразу же проявляет не только страсть к познанию, но и незаурядные способности. Помимо обязательных предметов, необходимых для образованного человека, он изучает медицину и посещает анатомические классы. На семнадцатом году он знакомится «с славным Гете». «Это знакомство имело самое благодетельное влияние на образование юноши». Герой романа не только поклонник Гете, но и сам поэт: «германские студенты доныне твердят некоторые его стихотворения, никогда не изданные и доказывающие, что он рожден был поэтом» (с. 281). Как поэту и романтическому герою, Владимиру Паренскому свойственны роковые страсти и ранняя разочарованность.

Владимир Паренский напоминает любомудра не только романтическим своим характером и принадлежностью к «немецкой школе», но и такими частностями, как интерес к медицине и посещение уроков анатомии. Очень может быть, что «большое сочинение», которое задумано было Веневитиновым, мыслилось им как опыт философского романа на близком, полубиографическом материале. Судя по тому большому значению, какое придавал Веневитинов своему замыслу, роман должен был явиться важным вкладом в ту философскую поэзию, о создании которой в России он мечтал и которую он так страстно проповедовал. Здесь поневоле приходят на память слова Чернышевского: «Проживи Веневитинов хотя десятью годами более, он на целые десятки лет двинул бы вперед нашу литературу» [42].

---

[42] *Чернышевский Н. Г.* Полн. собр. соч. М., 1949, т. 2, с. 926.

* * *

Издание стихотворений и прозы Веневитинова, воспроизведенное в настоящей книге, выходило двумя выпусками-частями в 1829 и в 1831 гг. До этого его стихи и некоторые прозаические произведения печатались в различных журналах и альманахах — больше всего в журнале «Московский вестник». Издание 1829—1831 гг. было первым, но уже посмертным собранием сочинений Веневитинова. Оно готовилось его братом и друзьями — В. Ф. Одоевским, М. П. Погодиным, Н. М. Рожалиным, В. П. Титовым,— вскоре после его безвременной кончины, готовилось быстро, основательно, с любовью.

Друзья Веневитинова не только горько оплакивали близкого им человека и поэта, но и исполнены были горячего желания увековечить его память. В издании его сочинений они видели свой долг и перед усопшим другом, и перед русской литературой. Уже 12 апреля 1827 г. В. П. Титов писал к В. Ф. Одоевскому: «Желанные подробности (о смерти Веневитинова.— *Е. М.*) сообщил мне Хомяков. Теперь должно думать о сочинениях умершего; за издание их, кажется, возьмется Рожалин. Память Веневитинова должна соединить нас еще крепче. Прощай покуда, друг Одоевский; не унывай, и мы не унываем: в несчастии и должно показать себя» [43].

То, что в подготовке собрания сочинений Веневитинова важную роль играл также Погодин, подтверждается, в частности, письмом В. Ф. Одоевского к Пого-

[43] Цит. по кн.: *Веневитинов Д. В.* Полн. собр. соч. М.—Л.: Academia, 1934, с. 412.

дину от 29 апреля 1827 г.: «При сем найдете стихи Дмитрия. Вы знаете, что он ощущал часто в себе необходимость выражаться стихами, или лучше — каждую минуту жизни обращать в поэзию. Оттого и такое множество его маленьких стихотворений. Стихов прилагаемых ни у кого нет, кроме меня. Одни написал он, встречая у меня Новый год («На Новый 1827 год».— *Е. М.*), другие на моей нотной книге, на которой Скарятин нарисовал богиню с пятью звездами («К изображению Урании».— *Е. М.*). Могу также доставить музыкальные произведения Дмитрия. Мне бы хотелось издать их вместе с сочинениями моего друга, чудно соединявшего в себе все три искусства» [44].

В. Ф. Одоевский об издании сочинений Веневитинова пишет как о деле уже решенном. Очевидно, так оно и было в действительности. В апреле 1827 г., сразу же после смерти Веневитинова, началась практическая подготовка к выпуску в свет его произведений.

Первая из задуманных книг вышла в 1829 г. Она включала стихотворные произведения Веневитинова. Большая часть их до того не печаталась, и публикация делалась по рукописям. Последующие разыскания пополнили стихотворное наследие Веневитинова еще несколькими интересными находками, но основное из того, что создано Веневитиновым, было собрано и напечатано уже в первом издании.

Вторая из задуманных книг, куда вошли прозаические — философские, критические, переводные и оригинальные литературные произведения,— вышла через два года после первой. Предисловие к книге 1831 г.

---

[44] Цит. по. кн.: *Барсуков Н.* Жизнь и труды М. П. Погодина. СПб., 1889, кн. 2, с. 91.

начиналось такими словами: «Некоторые обстоятельства замедлили печатание сей второй части сочинений Д. В. Веневитинова...» (с. 109). Обстоятельства, о которых здесь идет речь, это цензурные осложнения, очень мешавшие издателям. Больше всего эти осложнения были связаны с переводами из «Эгмонта»: их публикация и впоследствии подвергалась запретам цензуры.

Обе книги открывались небольшими вступительными статьями. Первая статья-очерк содержала в себе портрет и характеристику Веневитинова как поэта и человека. Обе статьи были напечатаны без подписи их авторов, и, видимо, это было сделано сознательно. Статьи должны были выражать коллективное мнение — мнение всех издателей, всех друзей Веневитинова, всех членов того кружка любомудров, одним из вдохновителей которого он был.

Из этого, конечно, не следует, что статьи писались «коллективно». Каждая статья имела своего автора, он, только предпочитал по указанным причинам не называть себя. Скорее всего, автором первой статьи был Рожалин, второй — Погодин [45]. Особенное значение для читателей первого собрания сочинений Веневитинова имела первая статья.

Написанная с пониманием и любовью, статья хорошо вводила читателя во внутренний мир поэта и давала своеобразный ключ к прочтению произведений Веневитинова. Говоря об этой статье, Л. Я. Гинзбург писала, что она создает «полубиографический-полулитературный образ прекрасного и вдохновенного юноши, погибшего на двадцать втором году жизни... Статья

[45] Подробнее об этом см. с. 466 и 496—497.

как бы врастает в состав сборника, подсказывая читателю определенное восприятие лирического цикла»[46].

При всех частных недостатках издания 1829—1831 гг.— относительной его неполноте, цензурных пропусках, неточных датировках и проч.— оно на долгие годы определило живой интерес к творческому наследию Веневитинова и положительное к нему отношение. Именно по этому изданию, в котором была опубликована основная часть его произведений, знали о Веневитинове и его творениях многие поколения читателей — вплоть до советской эпохи. Последующие собрания сочинений, которые выходили до Октябрьской революции, мало что вносили нового по сравнению с первым изданием. В 1855 г. А. Смирдин выпустил в свет сочинения Веневитинова, воспроизведя без изменений тексты книг 1829—1831 гг. Несколько измененным и дополненным было полное собрание сочинений Веневитинова, подготовленное в 1862 г. А. П. Пятковским, но в главном и оно повторяло состав первых книг. Два томика сочинений Веневитинова, подготовленные его друзьями, оказались на протяжении более чем ста лет самым значительным и самым авторитетным изданием Веневитинова. То, о чем мечтали друзья поэта, сбылось в полной мере. Книги, ими изданные, стали подлинным памятником Веневитинову — и тем самым памятником русской литературы и русской культуры.

---

[46] *Гинзбург Л. Я.* О лирике. Изд. второе, дополненное. Л.: Сов. писатель, 1974, с. 64.

СПИСОК УСЛОВНЫХ СОКРАЩЕНИЙ

Барсуков — *Н. Барсуков*. Жизнь и труды Михаила Петровича Погодина, кн. 1, 2. Пб., 1889.

ВЕ — Журнал «Вестник Европы».

ГБЛ — Государственная библиотека им. В. И. Ленина. Рукописный отдел.

ГИМ — Государственный Исторический музей.

ГМ — Журнал «Голос минувшего».

ГПБ — Государственная Публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. Отдел рукописей и редких книг.

Изд. 1829 г. — *Д. Веневитинов*. Сочинения, ч. 1. Стихотворения. М., 1829.

Изд. 1831 г. — *Д. Веневитинов*. Сочинения, ч. 2. Проза. М., 1831.

Изд. 1862 г. — *Д. В. Веневитинов*. Полное собрание сочинений. Ред. и вступ. статья А. П. Пятковского. СПб., 1862.

Изд. 1934 г. — *Д. В. Веневитинов*. Полное собрание сочинений. Ред. Б. В. Смиренского, вступ. статья Д. Д. Благого. М.—Л., Academia, 1934.

Изд. 1940 г. — *Д. В. Веневитинов*. Стихотворения. Ред. и вступ. статья В. Л. Комаровича. Библиотека поэта, Большая серия. Л.: Сов. писатель, 1940.

Изд. 1956 г. — *Д. В. Веневитинов*. Избранное.

	Ред. и вступ. статья Б. В. Смиренского. М.: ГИХЛ, 1956.
Изд. 1960 г.	— *Д. В. Веневитинов.* Полное собрание стихотворений. Ред. и вступ. статья Б. В. Неймана. Библиотека поэта, Большая серия. Л.: Сов. писатель, 1960.
ИРЛИ	— Институт русской литературы (Пушкинский дом). Рукописный отдел.
Колюпанов	— *Н. Колюпанов.* Биография Александра Ивановича Кошелева, т. I, кн. 1, 2. СПб., 1889.
Кошелев	— *А. И. Кошелев.* Записки. Берлин, 1884.
ЛМ	— Литературный музеум, т. 1. Пг., 1921.
ЛН	— Литературное наследство.
Маймин	— *Е. А. Маймин.* Русская философская поэзия. М.: Наука, 1976.
Манн	— *Ю. Манн.* Русская философская эстетика. М.: Искусство, 1969.
М. Веневитинов	— *М. А. Веневитинов.* К биографии поэта Д. В. Веневитинова. — *РА*, 1885, № 1.
МВ	— Журнал «Московский вестник».
«Моск. вед.»	— Газета «Московские ведомости».
МТ	— Журнал «Московский телеграф».
Погодин Дневник	— Дневник М. П. Погодина.— *ГБЛ*, ф. 231, I (Погодина М. П.), к. 31, № 1.
Пушкин	— *А. С. Пушкин.* Полное собрание сочинений, тт. 1—10. М.: Наука, 1962—1966.
Пушкин в восп. совр.	— Сб.: А. С. Пушкин в воспоминаниях современников, тт. 1, 2. М.: Художественная литература, 1974.

РА	— Журнал «Русский архив».
РС	— Журнал «Русская старина».
«Сев. пчела»	— Газета «Северная пчела».
С и *Н*	— Журнал «Старина и новизна».
СЛ	— Альманах «Северная лира».
СО	— Журнал «Сын отечества».
СЦ	— Альманах «Северные цветы».
Тартаковская	— *Л. Тартаковская.* Дмитрий Веневитинов. Ташкент: Фан, 1974.
Ф. Хомяков	— Письмо Ф. Хомякова к брату А. Хомякову от 3 декабря 1826 г. — *РА*, 1884, № 5, с. 123—125.
Хрестоматия	— Сб. Русская литература XIX века. Хрестоматия критических материалов. М.: Высшая школа, 1975.
ЦГАЛИ	— Центральный государственный архив литературы и искусства.
ЦММК	— Центральный музей музыкальной культуры.
Ц. Р.	— Цензурное разрешение.

ПРИМЕЧАНИЯ

О ПРИНЦИПАХ ИЗДАНИЯ

Настоящая книга впервые воспроизводит первое издание сочинений Д. В. Веневитинова в стихах и прозе 1829—1831 гг. За время, прошедшее после его выхода, были обнаружены неопубликованные произведения Веневитинова. Первое издание было заведомо неполным (в него не вошли, например, письма Веневитинова, а некоторые произведения появились в нем в сокращенном виде). В раздел «Дополнения» в настоящем издании включены произведения Веневитинова, не вошедшие в издание 1829—1831 гг., полный текст стихотворений, по цензурным или иным причинам опубликованных в неполном виде, а также его письма. Все произведения, которые приписывались Веневитинову, но принадлежность которых доказать с точностью невозможно, в издании не публикуются: «Родина», «То, основав над грозными скалами...», «Арцыбашев — историк чудный...» и др.

В примечаниях к произведениям, помещенным в основной части издания, и к тем, что печатаются в разделе «Дополнения», во многих случаях уточняется или заново устанавливается датировка стихотворений, статей и писем Веневитинова.

Редакторские дополнения недописанных в тексте слов заключаются в угловые скобки 〈 〉, неразобранные слова обозначаются курсивом в угловых скобках 〈*нрзб.*〉. Примечания к тексту Веневитинова печатаются в сносках с порядковым номером и знаком *. Слова, выделенные Веневитиновым, даются в тексте курсивом без дополнительных оговорок. Все даты приводятся по старому стилю.

Варианты отдельных стихов (строк) приводятся в специальном разделе «Варианты» с обозначением порядкового номера каждого отдельного стиха (строки).

В квадратных скобках в разделе «Варианты» приводятся строки, зачеркнутые в рукописи. Ссылки на места хранения автографов, на публикации, на литературу по вопросу даются в сокращениях.

Переводы писем с французского в основном приводятся в том виде, в котором они печатались в издании сочинений Веневитинова 1934 г., за исключением отдельных случаев, когда были исправлены вкравшиеся в это издание неточности. Все исправления в переводах, а также перевод письма Веневитинова к Эвансу от 9 ноября 1825 г., публикующегося впервые, выполнены А. Н. Юматовым при участии Н. Г. Леер и Н. М. Синельниковой.

Тексты издания 1829—1831 гг. воспроизводятся по новой орфографии, но с сохранением особенно характерных и стилистически значимых авторских написаний. Сохраняются употребляемые Веневитиновым в целях усиления выразительности старые глагольные формы: «приближься», «расположаясь». Учитывая, что Веневитинов различает такие выражения, как «богине» и «богини» (в дательном падеже), «на земле» и «на земли», мы оставляем соответствующие написания. Оставляем мы также и старое, соответствующее звучанию, написание слов, стоящих в рифме: «н*о* к*о*нчится обман игрив*ой*». Что касается синтаксиса, то в тех случаях, когда изменение пунктуации в текстах в соответствии с современными нормами влечет за собой искажение смысла сказанного, мы оставляем ее той же, какой она принята в издании 1829—1831 гг.

В издании 1829—1831 гг. встречаются типографские ошибки, типа: «княнусь» вместо «клянусь», «мена» вместо «меня», «природа» вместо «природы» и т. п. Подобные ошибки мы исправляем в текстах, никак не оговаривая это в примечаниях.

Составители настоящего издания — Е. А. Маймин и М. А. Чернышев. Тексты, печатающиеся впервые (кроме особо оговоренных), подготовлены Чернышевым, так же, как и раздел «Варианты».

Все примечания к настоящему изданию подготовлены М. А. Чернышевым. Письмо к Г. Н. Оленину, а также непубликовавшиеся части писем к А. В. Веневити-

нову (№ 36 и 41) — И. И. Подольской. Ею же осуществлено и филологическое редактирование книги.

В настоящем издании впервые воспроизводятся рисунки Веневитинова. Несомненно, что они будут содействовать расширению и углублению нашего взгляда на Веневитинова, помогут уточнению его общественной и политической позиции, дополнительно выявят его демократические симпатии. В рисунках виден интерес Веневитинова к простым людям и простонародным сюжетам. Особенно показателен в этом смысле рисунок, названный В. Титовым, которому принадлежит пояснительная надпись на нем,— «Мужик на крыше кабака». В отличие от других рисунков, сохранившихся в альбоме сестры Веневитинова Софьи Владимировны и относящихся к юношеской поре жизни поэта, этот выполнен в 1826 г. На нем изображен мужик, наблюдающий из кабака, как по московской улице везут тело Александра I. На лице мужика написано равнодушие, а в самом рисунке — не только умело схваченная характерная жанровая народная сценка, но и едва прикрытая авторская ирония. Рисунок хранится в *ГБЛ,* ф. 48 (Веневитиновых). Остальные рисунки — в *ЦГАЛИ*, ф. 1043 (Веневитинова Д. В.).

Составители книги выражают признательность научным сотрудникам *ЦГАЛИ*, рукописных отделов *ГБЛ*, *ГПБ, ИРЛИ,* справочно-библиографических отделов *ГБЛ*, *ГПБ* и Научной библиотеки *СГУ*, филологам В. С. Азефу и В. Н. Гладковой за оказанное содействие в работе над изданием, научным сотрудникам *СНИКЛ* А. В. Авдонину, Т. П. Цупор и Т. А. Радиной, искусствоведу Э. Н. Арбитману, проведшим подчерковедческую и искусствоведческую экспертизу обнаруженных составителями и неизвестных ранее рукописей и рисунков Веневитинова, а также М. И. Власовой и Н. Н. Чернышевой.

СТИХОТВОРЕНИЯ

ПРЕДИСЛОВИЕ

(с. 7—9)

Рукопись Н. Рожалина — в *ГБЛ*, ф. 48 (Веневитиновых), к. 55, ед. хр. 60. Впервые — *изд. 1829 г.*

Рукой Рожалина (см. прим. к стихотворению «Послание к Р⟨ожали⟩ну», 1825) переписана значительная часть произведений Веневитинова для *изд. 1829* и *1831 гг.* Рожалин длительное время жил в доме Веневитиновых и был знаком с теми фактами биографии поэта, которые сообщены в предисловии. По-видимому, Рожалин был основным, если не единственным, автором предисловия.

К друзьям

(с. 10—11)

Автограф неизвестен. Ответ на написанное в 1821 г. стихотворное «Послание к Веневитиновым» А. Хомякова (см. прим. 7 к «Ответу г. Полевому»). В *изд. 1829 г.* датируется 1821 г. Впервые — *изд. 1829 г.*

³ *Пусть летит он в бой кровавый...*— Ср. со строкой из послания Хомякова: «Так я пойду, друзья, пойду в кровавый бой».

Знамения перед смертью Цезаря

(с. 12—13)

Список — *ГБЛ*, ф. 48 (Веневитиновых), к. 55, ед. хр. 1. Без заглавия. Впервые – *изд. 1829 г.*, с. 3–5. В этом издании стихотворение датировано 1823 г.

В стихах списка 15 и 25, видимо, описки — соответственно: «сражали» вместо «сражались» и «внитренности» вместо «внутренности». Стихотворение – вольный перевод фрагмента поэмы *Вергилия «Георгики»* (463–501). Видимо, перевод не был закончен: в списке – еще два стиха, представляющие собой начало фразы и, по всей вероятности, поэтому не включенных

в изд. 1829 г.:

Поборник родины Квирин, и вы, о боги,
Блюдящие и Тибр, и царские чертоги...

Смысл стихов становится понятным из дальнейшего текста «Георгик», где Вергилий просит богов не мешать «отвращать несчастье века» будущему римскому императору Октавиану Августу, которого он называет «юношей».

20 *...На мраморах...*— на статуях.

23 *Эридан*— одна из рек подземного царства; порой отождествлялась греками с рекой По.

28 *Стогна* — площадь, улица.

32–36 *В полях Филипповых... фракийские долины.*— Имеются в виду битва в Фарсальской долине в 48 г. до н. э. между войсками Помпея и Цезаря, и битва при Филиппах во Фракии в 42 г. до н. э., в которой приняли участие войска Брута и Кассия, с одной стороны, и войска Антония и Августа, с другой.

К друзьям на новый год

(с. 14)

Автограф неизвестен. Впервые — *изд. 1829 г.*, с. 6. В *изд. 1829 г.* датируется 1823 г. Однако можно предположить, что стихотворение было написано несколько позже, в конце 1825 г., т. е. после того, как стало известно, что многие из любомудров переедут в Петербург. Из содержания стихотворения следует, что в новом году ожидается разлука с друзьями (см. также: *Аронсон М.* Разговор через голову редактора.— Звезда. 1934, № 8, с. 189). Как известно, в 1826 г. в Петербург переехали В. Одоевский, Кошелев, сам Веневитинов, в начале 1827 г.— Титов, А. Хомяков.

Нельзя не заметить, что торжественный, приподнято-бодрый характер стихотворения как будто противоречит тому настроению уныния, которое должно было охватить и охватило (см. *Кошелев*, с. 13—14) любомудров, узнавших о поражении декабристов. Но тот же Кошелев сообщает, что «известия из Петер-

бурга получались самые странные и одно другому противоречащие. То говорили, что там все спокойно и дела пошли обычным порядком, то рассказывали, что открыт огромный заговор, и что 2-я армия ‹...› идет на Москву и тут хочет провозгласить конституцию. К этому прибавляли, что Ермолов также не присягает и со своими войсками идет с Кавказа на Москву. Эти слухи были так живы и положительны и казались так правдоподобными, что Москва или, вернее сказать, мы ожидали всякий день с юга новых Мининых и Пожарских. Мы, немецкие философы, забыли Шеллинга и комп‹анию›, ездили всякий день в манеж и фехтовальную залу учиться верховой езде и фехтованию и таким образом готовились к деятельности, которую мы себе предназначали» (там же, с. 15). Это свидетельство Кошелева отчасти снимает упомянутое выше противоречие: «К друзьям на Новый год» было написано, вероятно, именно в эти дни ожидания великих перемен. Не потому ли с такой радостной надеждой глядит в будущее Веневитинов, а его «Петропольские затеи» не то же ли самое, что мы читаем у Кошелева: деятельность, «которую мы себе предназначали», добавим: «в Петербурге»?

Веточка

(с. 15—16)

Список — в *ГБЛ*, ф. 48 (Веневитиновых), к. 55, ед. хр. 2. В *изд. 1829 г.* датируется 1823 годом. Впервые — *изд. 1829 г.*

Стихотворение — вольный перевод отрывка из поэмы Луи Грессе «Обитель». Отрывок состоит из 24 стихов (у Веневитинова — 30). Веневитинов, раскрывая содержание аллегории Грессе, добавляет в свой перевод четыре стиха в конце стихотворения, которых нет в оригинале. Грессе Луи (1709—1777) — французский поэт, один из первых во Франции поэтов-пейзажистов. Поэма «Обитель» (1735), воспевавшая уединенную жизнь, вызвала множество подражаний в России. До Веневитинова данный отрывок переводили В. Л. Пушкин и Д. Давыдов.

Первый отрывок из неоконченной поэмы

(с. 17—18)

Автограф — в *ГБЛ,* ф. 48 (Веневитиновых), к. 55, ед. хр. 3. Впервые — *изд. 1829 г.*

Этот и следующий отрывок — фрагменты из неоконченной поэмы Веневитинова «Евпраксия». Полностью сохранившиеся части поэмы напечатаны в «Дополнениях».

Второй отрывок из неоконченной поэмы

(с. 19—20)

Автограф — в *ГБЛ*, ф. 48 (Веневитиновых), к. 55, ед. хр. 3. Впервые — *изд. 1829 г.* См. предыдущее прим., а также прим. к поэме «Евпраксия».

Песнь Кольмы

(с. 21—22)

Вольный перевод отрывка из поэмы «Кольма Донна», приписанной Оссиану Джеймсом Макферсоном (1736—1796), шотландским писателем, автором знаменитой литературной мистификации. Поэма «Кольма Донна» входит в «Сочинения Оссиана, сына Фингала, переведенные с гэльского языка Джеймсом Макферсоном» (изданы в 1765 г.; русский перевод отрывков — 1788 г.). Автограф — в *ГБЛ*, ф. 48 (Веневитиновых), к. 55, ед. хр. 4. В *изд. 1829 г.* датируется 1824 г. При жизни Веневитинова выходило второе издание поэм: «Оссиан, сын Фингалов, бард третьего века». Галльские стихотворения, пер. с франц. Е. Кострова, ч. 1—2. СПб., 1818.

В 1814 г. поэму «Кольма Донна», с пропуском переведенной Веневитиновым части, переводил Пушкин.

К С⟨карятину⟩

(с. 23—24)

Автограф — в *ГБЛ*, ф. 48 (Веневитиновых), к. 55, ед. хр. 7. Без заглавия. Впервые — *изд. 1829 г.*, с. 16—18. В *изд. 1829* г. датируется 1825 г.

Принято считать, что упомянутый в заглавии послания водевиль — «Неожиданный праздник», напи-

санный ко дню именин кн. З. А. Волконской. Между тем дифирамбический характер «Неожиданного праздника» не соответствует характеристике водевиля, данной Веневитиновым в послании: «И я в безумье променял / Улыбку муз на *смех сатира»* (курсив мой.— *М. Ч.*). В примечании к посланию в *изд. 1862 г.* сказано: «Водевиль этот состоял из нескольких отрывочных сцен»; «Неожиданный праздник» же — произведение совершенно законченное (впервые — *изд. 1940 г.*). Какой же водевиль посылал Веневитинов? С. М. Шпицер опубликовал (журнал «Солнце России», 1913, № 26/177, июнь, с. 17) три стихотворных отрывка из неизвестного водевиля Веневитинова. Отрывки эти затем были напечатаны в *изд. 1934 г.* под общим названием «Из русского водевиля». В рецензии на *изд. 1934 г.* М. Аронсон, возражая против публикации отрывков, мотивировал свои возражения тем, что в обеих публикациях не указывалось местонахождение автографов (см.: Звезда, 1934, № 8, с. 188). Автографы двух фрагментов из неопубликованного водевиля Веневитинова обнаружены мною в *ГБЛ* (ф. 48, к. 55, ед. хр. 48 и 50). Насколько можно судить по найденным фрагментам, содержание водевиля сводилось к рассказу о том, как двое молодых людей помогают дядюшке одного из них вернуть деньги, которые он одолжил своему знакомому. В сохранившихся отрывках — немало сатирических сцен, которые позволяют предположить, что в послании «К Скарятину» Веневитинов имеет в виду именно этот водевиль, где он, променяв «улыбку муз на смех сатира», готов «шалить с пристойностью, проказничать с умом».

Скарятин Федор Яковлевич (1806—1835) — офицер Нарвского драгунского полка, художник; приятель Веневитинова. К его рисунку Урании написал Веневитинов стихотворение «К изображению Урании»; Скарятину принадлежит рисунок комнаты, где жил поэт, и портрет Веневитинова, не дошедшие до нас.

3 *Пиэриды* — музы.

25 *...смелый ученик Байрона...*— Веневитинов неоднократно обращается к имени Байрона и в стихах;

«Четыре отрывка из пролога «Смерть Байрона» (1824). «К Пушкину» (1826), и в прозе: в полемических статьях по поводу первой главы «Евгения Онегина»,— высоко ценя и философскую широту поэзии Байрона, и его высокие человеческие качества.

26—27 *...Я устремлюсь на крылиях мечты / К волшебной стороне...*— к Греции. Кроме упомянутого выше пролога «Смерть Байрона», Веневитинов обращался к греческой теме и в другом стихотворении — «Песнь грека» (1825).

27 *...лебедь Альбиона...*— Байрон.

37—38 *...Под мирной сению оливы / Я избрал свой приют...*— Видимо, Веневитинову живо помнилось «Послание к Веневитиновым» А. Хомякова (см. прим. к стихотворению «К друзьям»), в котором последний, обращаясь к нему, писал: «Пой, Дмитрий! Твой венец — зеленый лавр с оливой; / Любимец сельских муз и друг мечты игривой».

43 *Ты бодрый дух обрел Беллоне...*— здесь: войне; *Беллона* — богиня войны.

Сонет («К тебе, о чистый дух...»)

(с. 25)

Автограф — в *ГБЛ*, ф. 48 (Веневитиновых), к. 55, ед. хр. 6. Без заглавия. Впервые — *изд. 1829 г.*, с. 19. В автографе, видимо, ошибочно ст. 3: «Она затеряна в сей доле заточенья», что противоречит содержанию произведения. В *изд. 1829 г.* ошибка исправлена: «Она затеряна в юдоле заточенья». Автограф находится под списком пушкинской эпиграммы (а не над списком, как ошибочно указывалось в *изд. 1956 г.* и *1960 г.*; см. соответственно, с. 240 и 176) на редактора «Вестника Европы» М. Т. Каченовского «Охотник до журнальной драки...». Рядом — выполненный неизвестной рукой список на греческом языке отрывка из Фукидида (одна из речей Перикла). В *изд. 1829 г.* стихотворение датировано 1825 г. Та же датировка принята и в *изд. 1960 г.* Нам представляется более правомерной датировка, данная в *изд. 1956 г.*: 1824 г. Все три упомянутых произведения помещены на обороте рапорта

А. Н. Веневитиновой в Воронежскую дворянскую опеку. Из содержания рапорта следует, что он написан в промежутке между 23 и 30 сентября 1824 г. Именно к этим дням Веневитинов вернулся в Москву из поездки по воронежским имениям. И эпиграмма Пушкина, датированная 1824 г., и рапорт А. Н. Веневитиновой позволяют предположить, что стихотворение Веневитинова написано тоже в 1824 г., не ранее 23 сентября.

Сонет («Спокойно дни мои цвели в долине жизни...»)

(с. 26)

Автограф – в *ГБЛ*, ф. 48 (Веневитиновых), к. 55, ед. хр. 8. Без заглавия. Впервые — *изд. 1829 г.*, с. 20—21. В автографе имеется приписка: «„Спокойно" есть ложное выражение для певца, столь исполненного страсти, что его пламенные порывы не могут сравниваться * ни с свирепостью разъяренных волн, ни с треском грома, ни с завыванием бури». Вряд ли можно согласиться с предположением, приведенным в *изд. 1960 г.*, что эта приписка является «чьим-то возражением ⟨...⟩ на стихотворение» (с. 176), ибо в «Сонете» речь идет о том же, что и в приписке: после того, как поэт обрел дар творчества, он лишился спокойствия. Более вероятно, что и стихотворение и приписка — вариации на одну и ту же тему (в этом случае становится понятным, почему и стихотворению и приписке предпослан знак NB). Своеобразным комментарием к стихотворению и приписке может служить прозаический отрывок «Что написано пером, того не вырубишь топором». Отрывок датирован понедельником 21 апреля ⟨1824 г.⟩, что позволяет отнести к 1824 г. и сонет «Спокойно дни мои цвели в долине жизни...», который, к тому же, созвучен сонету «К тебе, о чистый дух, источник вдохновенья...», датированному концом 1824 г.,— и не только по форме (сонетная форма у Веневитинова встречается только в этих двух стихотворениях), но и по содержанию: содержание сонета «Спокойно дни мои цвели в долине жизни...» как бы получает дальнейшее

* В *изд. 1960 г.*— неверно: «сравниться» (с. 176).

развитие в сонете «К тебе, о чистый дух...», рассказывающем о следующем этапе творческого становления.

Четыре отрывка из неоконченного пролога «Смерть Байрона»

(с. 27—29)

Рукопись (2-ой отрывок — автограф Веневитинова; 1, 3 и 4 отрывки — списки Н. Рожалина) — в *ГБЛ*, ф. 48 (Веневитиновых), к. 55, ед. хр. 5. 20 октября 1824 г. в английской газете «Morning Chronicle» было напечатано последнее стихотворение Байрона «В день моего тридцатишестилетия», один из основных мотивов которого — готовность умереть в бою ради правого дела. Именно этот мотив положен и в основу пролога, что позволяет предположить возможные истоки веневитиновского стихотворения.

1 *К тебе стремился я, страна очарований!* — Байрон приехал в Грецию в 1823 г., чтобы принять участие в освободительной борьбе греков, восставших против турецкого ига.
29 *Хио* (Хиос) — остров в Эгейском море.
48 *Архипелаг* — Эгейское море.
61 *...Полет твой смелый прекратил?* — Байрон умер от лихорадки в боевом лагере греков 7 апреля 1824 г.
64 *Эвр* — бог восточного ветра; здесь — восточный ветер.
75 *...Луну поблекшую...*— т. е. турецкий флаг, на котором был изображен полумесяц.

Песнь грека

(с. 30—31)

Автограф неизвестен. Впервые — *СЦ* на 1827 г., с. 292—294. В *изд. 1829 г.* датировано 1825 г.

Любимый цвет

(с. 32—33)

Автограф — в *ГИМ*, ф. *281* (Веневитиновой С. В.), № 1041, лл. 6—7. Впервые — *СЛ* на 1827, с. 425—427. На автографе дата: 1825 августа 13.

В сохранившемся альбоме Софьи Веневитиновой: *ЦГАЛИ*, ф. 1043 (Веневитинова Д. В.), оп. 1, ед. хр. 2, относящемся, видимо, к самому началу 20-х годов, находятся детские рисунки и стихи (на фр. языке) Дмитрия и Алексея Веневитиновых, которые они дарили своей маленькой сестре.

28 *...Душой разгадывая вечность...*— В 1825 г. Веневитинова особенно увлекала идея о трех ступенях развития познания (см.: «Анаксагор», «Утро, полдень, вечер и ночь», письмо к Кошелеву от середины июля), по которой время младенчества — время согласия души с природой, олицетворяющей собой вечность.

К. И. Герке

(при послании трагедии Вернера)

(с. 34—35)

Автограф неизвестен. Впервые — *изд. 1829 г.*, с. 33—35. В *изд. 1829 г.* датировано 1825 г.

Герке Кристиан Иванович — близкий знакомый семьи Веневитиновых, воспитатель рано умершего старшего брата поэта — Петра (1799—1812). *Вернер* Захария (1768—1823) — немецкий писатель-романтик.

17 *Но ты во храме.*— Начиная с этого — 17 ст.— и по ст. 24 — сжатый пересказ отрывка из первой сцены 5-го акта трагедии Вернера «Мартин Лютер, или Освящение силы», которую, видимо, и пересылал Веневитинов Герке.

Послание к Р⟨ожали⟩ну

(с. 36)

Автограф неизвестен. Впервые — *изд. 1829 г.*, с. 36—37. В *изд. 1829 г.* датируется 1825 г.

Рожалин Николай Матвеевич (1805—1834) — литератор, знаток философии, античной поэзии, языков; любомудр. Принимал активное участие в подготовке издания *МВ* (см. запись в *Дневнике* М. П. Погодина от

13 мая 1826 г.), а с первого номера *МВ* — помощник редактора (см.: *Барсуков,* кн. 2, с. 46). Друг Веневитинова и его родных; в 1825 г. жил в доме Веневитиновых (см. *Кошелев,* с. 13). См. также о нем прим. к предисловию *изд. 1829 г.* (с. 466).

Поэт

(с. 37—38)

Список — в *ЦГАЛИ*, ф. 1043 (Веневитинова Д. В.), оп. 2, ед. хр. 1, л. 1. Впервые — *МВ*, 1827, ч. 2, № 5, с. 3.

Датировка стихотворения устанавливается вместе с датировкой пяти других стихотворений: «Моя молитва», «Жизнь», «Послание к Р⟨ожали⟩ну» («Оставь, о друг мой, ропот свой...»), «Утешение» и «Жертвоприношение», написанных Веневитиновым в течение 11 дней в конце ноября — начале декабря 1826 г. Поэтому аргументация датировки названных стихотворений приводится в примечаниях к «Поэту», а в примечаниях к самим стихотворениям дается лишь установленная дата.

Со дня приезда в Петербург (8—9.XI) Веневитинов, как он сам пишет сестре в письме от 18 ноября, ведет «бродячую жизнь» и переезжает на квартиру лишь 22 ноября. 3 декабря 1826 г. Ф. С. Хомяков пишет брату А. С. Хомякову: «Во время пребывания нашего здесь он (Веневитинов.— *М. Ч.*) уже *шесть* (курсив мой.— *М. Ч.*) пьес в стихах написал». И далее: «В «Московском вестнике» прочтешь одну из них — «Поэт» и, может быть, другую: вариации на слова Шекспира...» — т. е. «Жизнь» (см. *РА*, 1884, № 5, с. 223—225). Из письма узнаем мы о содержании третьего стихотворения: «...как скоро я проснулся, продиктовал мне Веневитинов пьесу... Это pendant к твоему „Сну“, но получше». У А. Хомякова, действительно, есть стихотворение «Сон» о бессмертии поэта, вечно живущего в своих творениях; к нему из веневитиновских стихов близко только «Утешение». Ф. Хомяков сообщает брату, что Веневитинов написал его «на прошедшей неделе». Поскольку 3 декабря 1826 г., когда было написано письмо, приходится на пятницу,

то «прошедшая неделя» кончилась в воскресенье 28 ноября; следовательно «Утешение» было написано между 22 и 28 ноября 1826 г.

Ф. Хомяков пишет также: «Они все (стихи Веневитинова, написанные с 22 ноября по 3 декабря.— *М. Ч.*) очень хороши и занимательны по обилию мыслей, по *обдуманности хода* (курсив мой.— *М. Ч.*) и потому, что они составляют как бы журнал его». Это прямо перекликается со словами Веневитинова из письма его к Погодину от 12 декабря 1826 г. (см. с. 370).

Порядок публикации стихов Веневитинова в первых номерах *МВ* был следующим: «Монолог Фаустов в пещере» — № 1, «Моя молитва» — № 2, «Жизнь» — № 3, «Поэт» — № 4, «Жертвоприношение» — № 6, «Поэт и друг» — № 7, «Италия» — № 8.

По-видимому, «Моя молитва» и «Жертвоприношение» входят в число шести стихотворений, упомянутых Ф. Хомяковым. Подтверждает это их содержание. В «Жертвоприношении» развивается мысль, выраженная в стихотворении «Жизнь»,— об обманчивости земного существования. В «Моей молитве» обобщаются мотивы стихотворения «Поэт». «Моя молитва» в конце ноября или начале декабря была послана в Москву (в письме от 19 декабря 1826 г. Веневитинов просит друзей: «В „Моей молитве“ перемените стих...»); это подтверждает датировку стихотворения. Предположительно устанавливается шестое стихотворение. В письме Шевыреву от 28 января 1827 г. Веневитинов пишет: «Послание мое к Рожалину печатайте». Следовательно, «Послание к Р⟨ожали⟩ну» («Оставь, о друг мой...») было написано раньше числа, которым датировано письмо. Не тогда ли, когда поэт писал в упомянутом выше письме от 12 декабря: «Я послал несколько стихотворных пьес Рожалину»? Только два стихотворения Веневитинова — «Жизнь» и «Послание к Р⟨ожали⟩ну» («Оставь, о друг мой...») непосредственно связаны с именем Шекспира. В известной мере подтверждают все это и письма поэта, написанные в эти дни: их содержание во многом повторяет послание.

По времени написания мы называем задуманный Веневитиновым цикл стихов «Ноябрьским».

Вскоре после смерти Веневитинова в *МВ* (1827, ч. 5, № 17) появилось стихотворение «Прерванная дума поэта» (подпись: *Казань*) — ответ на веневитиновского «Поэта».

Новгород

(с. 39—40)

Автограф — в *ГБЛ*, ф. 48 (Веневитиновых), к. 55, ед. хр. 9. Без заглавия. Впервые — *изд. 1829 г.*, с. 43—45, без четырех строк, следующих за ст. 33. В *изд. 1829 г.* (как и в *изд. 1862, 1934* и *1960 гг.*) ст. 52 и 55 «Новгорода» даются не по окончательным, а по первоначальным вариантам автографа. Кроме того, немало здесь и других несовпадений с окончательным текстом автографа (см. «Варианты», с. 314) *. Мы считаем целесообразным опубликовать «Новгород» еще раз в «Дополнениях» по окончательному авторскому варианту автографа, где, кстати, имеются и строки, пропущенные в *изд. 1829 г.*

Замысел стихотворения возник у Веневитинова после посещения Новгорода 6—7 ноября 1826 г. (см.: *Тартаковская*, с. 104—105) по пути в Петербург. Есть основания предполагать, что «Новгород» был написан в декабре 1826 г., может быть, во второй половине декабря. 30 декабря 1826 г. Погодин записывает в *Дневнике*: «Отдал покрасневшей Александре Ивановне (Трубецкой.— *М. Ч.*). „Новгород"». Следовательно, Веневитинов послал стихотворение 24—26 декабря (Погодин виделся с А. Трубецкой почти каждый день и должен был сразу передать ей стихотворение), а уже 7 января 1827 г. он нетерпеливо спрашивает Погодина: «Отнес ли ты мой „Новгород" и как он был принят?» Желает Веневитинов увидеть стихотворение и в печати (см. письмо к матери от 14 января 1827 г.). Такое нетерпение Веневитинова позволяет предположить, что «Новгород» был «новым» стихотворением в конце декабря, написанным тогда же.

* О текстологических трудностях, связанных с публикацией «Новгорода», см. *изд. 1960 г.*, с. 178—179.

7 февраля 1828 г. «Новгород», предложенный цензуре среди других материалов для готовящегося *изд. 1829 г.*, был запрещен к публикации. Запрет мотивировался § 68 «Устава о цензуре» 1826 г., определявшим, что «всякое сочинение или перевод, в котором прямо или косвенно порицается монархический образ правления, подвергается запрещению» (*Оксман Ю.* Цензурные материалы о Д. В. Веневитинове.— *ЛМ*, с. 344—345). Тем не менее стихотворение появилось в *изд. 1829 г.*, равно как и в полном собрании сочинений Веневитинова в 1855 г., несмотря на вторичный запрет цензуры в 1853 г.

О вольнолюбивых мотивах «Новгорода», прямо связывавших его с декабристской литературой, см.: *Тартаковская*, с. 104—115.

Погодин Михаил Петрович (1800—1864) — историк, писатель; издатель альманаха «Урания на 1826 год» и журнала «Московский вестник» (1827—1830) — печатных органов любомудров; близкий друг Веневитинова. Хранящийся в *ГБЛ* (ф. 231, I (Погодина М. П.), к. 31, № 1) дневник Погодина содержит богатейшие сведения о культурной жизни России первой половины XIX в. и, в частности, большое количество фактов из жизни Веневитинова; он до сих пор полностью не опубликован. В прим. мы используем записи из этого дневника; некоторые из них публикуются впервые.

9 *...славы и торговли!* — Внешнеторговые отношения Новгорода в XII—XIII вв. были самыми крупными на Руси.

48 *...бич князей...*— Князь в Новгороде времен Новгородской республики не занимал господствующего положения и мог быть смещен по требованию веча.

53 *...Карал Ливонию и шведа...*— Имеются в виду победы Александра Невского над шведскими (1240) и над ливонскими (немецкими) рыцарями (1242).

Моя молитва

(с. 41)

Автограф неизвестен. Впервые — *МВ*, 1827, ч. 1, № 2, с. 93. Написано между 22 ноября — 3 декабря 1826 г. (см. прим. к стихотворению «Поэт»).

Жизнь

(с. 42)

Автограф — в *ГБЛ*, ф. 48 (Веневитиновых), к. 55, ед. хр. 22. Автограф, вероятно, представляет собой один из первых вариантов стихотворения. Без заглавия. Список — там же, ед. хр. 5, л. 9; список — в *ЦГАЛИ*, ф. 1043 (Веневитинова Д. В.), оп. 2, ед. хр. 1, л. 2. Впервые — *МВ*, 1827, ч. 1, № 3, с. 168.

Написано, по-видимому, между 22 ноября — 3 декабря 1826 г. (см. прим. к стихотворению «Поэт»). Последние строки стихотворения представляют собой парафразу слов Людовика из III акта трагедии Шекспира «Король Иоанн»: Life is as tedious as a twise-told tale / Vexing the dull ear of a drowsy man... (см. прим. к стихотворению «Поэт»). О влиянии Шекспира на творчество любомудров и, в частности, Веневитинова см.: сб. «Шекспир и русская культура». М.— Л.: Наука, 1965, с. 215—225.

Неожиданное и очень важное толкование ст. 7, 8 и 9 предложил Ю. Манн, увидевший ключ к их разгадке в повести Гофмана «Что пена в стакане, то сны в голове» (начало ее было переведено Веневитиновым), в которой старый барон поздним вечером «рассказывает страшную историю из своей жизни» (см.: *Манн*, с. 34—36).

Послание к Р⟨ожали⟩ну

(«Оставь, о друг мой, ропот свой...»)

(с. 43—45)

Список — в *ГБЛ*, ф. 48 (Веневитиновых), к. 55, ед. хр. 10. Большая часть списка, начиная со слов «Встречай ее с душой булатной» и до конца, выполнена рукой Рожалина. Заглавие: «Послание к...» Впервые — *изд. 1829 г.*, с. 49—52.

Написано между 22 ноября — 3 декабря 1826 г. (см. прим. к стихотворению «Поэт»).

Завещание

(с. 46—47)

Список в *ГБЛ*, ф. 48 (Веневитиновых), к. 55, ед. хр. 24. Впервые — *изд. 1829 г.*, с. 53—55. Почти одновременно с *изд. 1829 г.* готовился к выходу и альманах «Северные цветы на 1829 год» (*изд. 1829 г.: Ц. Р.*— 7 февраля 1828 г.; *СЦ*: 27 декабря 1828 г.), среди поэтических материалов которого было и «Завещание».

В *изд. 1829 г.* время создания стихотворения отнесено к петербургскому периоду жизни Веневитинова. При просмотре материалов для *изд. 1829 г.* цензура обратила внимание на ст. 17—19 и 25—28, отчеркнув их (см.: *ЛМ*, с. 344—345). Создание стихотворения связано с именем княгини Зинаиды Александровны Волконской (1789—1862) — хозяйки известного в Москве литературного и музыкального салона, певицы и писательницы, в которую был влюблен Веневитинов. Кроме «Завещания», он посвятил Волконской стихотворения «К моему перстню», «Италия», «Элегия», «К моей богине», «Кинжал». Умная, образованная женщина, красавица, З. Волконская привлекала к себе постоянное внимание своих современников. Ей посвящали стихи Пушкин, Козлов, Баратынский, Мицкевич. «Княгиню чем ближе видишь, тем больше любишь и уважаешь ⟨...⟩ В ней врожденная любовь к искусству»,— писал один из ближайших друзей Веневитинова С. П. Шевырев (*Барсуков*, кн. 2, с. 36). Семья Веневитиновых была в дружеских отношениях с З. Волконской (см.: *Веневитинов М. А.* К биографии поэта Д. В. Веневитинова.— *РА*, 1885, № 1, с. 119). Об отношении Веневитинова к З. Волконской см.: *Муравьев А. Н.* Знакомство с русскими поэтами. Киев, 1871, с. 12—13; *Веневитинов М. А.* К биографии поэта Д. В. Веневитинова, с. 118—121, 124—125; 127—128; *Гаррис М. А.* Зинаида Волконская и ее время. М., 1916, с. 78—80).

Содержание «Завещания», вплоть до повторения отдельных образов, было затем воспроизведено Лермонтовым в нескольких произведениях — в стихотворениях «Письмо» (1829), «Когда последнее мгновенье...»,

«Настанет день — и миром осужденный...» (1830), «Любовь мертвеца» (1840). Особенно близко веневитиновскому стихотворение «Настанет день — и миром осужденный...», в котором Лермонтов также сравнивает душу умершего поэта с червем, «прилипнувшим» к душе возлюбленной:

Но если над моим позором
 Смеяться станешь ты
И возмутишь неправедным укором,
 И речью клеветы
Обиженную тень — не жди пощады:
 Как червь, к душе твоей
Я прилеплюсь, и каждый миг отрады
 Несносен будет ей.

Есть и другие факты, свидетельствующие о не случайном совпадении поэтических позиций Лермонтова и Веневитинова. Именно в конце 20-х — начале 30-х годов Лермонтов сближается с семьей Ивановых, где бывал А. И. Кошелев, их родственник и один из ближайших друзей Веневитинова; в 1830 г. выходит замуж за графа Е. Е. Комаровского, родственника Лермонтова, сестра Веневитинова — Софья. Наконец, перед тем, как было написано лермонтовское «Письмо», начавшее цикл его стихов о любви мертвеца, в Москве, где он жил, вышла книга стихов Веневитинова (*изд. 1829 г.*) и альманах «Северные цветы на 1829 год», в которых было опубликовано «Завещание».

К моему перстню

(с. 48—49)

Автограф — в *ГБЛ*, ф. 48 (Веневитиновых), к. 55, ед. хр. 23. Впервые — *изд. 1829 г.*, с. 56—57. При первой публикации пропущена строка 29: «Тебя в прощанье не забуду», имеющаяся в автографе и впервые введенная в текст стихотворения в *изд. 1956 г.* Речь в стихотворении, по-видимому, идет о перстне, который был подарен Веневитинову перед отъездом в Петербург З. Волконской. «Перстень она подарила ему ⟨...⟩ как древность, выкопанную в развалинах Геркуланума»

(*Веневитинов М.*, с. 125). Лирический герой находится вдали от той, кем ему был подарен перстень. Это позволяет предположить, что стихотворение было написано после приезда поэта в Петербург, т. е. не раньше 10 ноября 1826 г. Мысль о самоубийстве как о возможном решении жизненных проблем, выраженная в ст. 20—26, прямо перекликается с содержанием стихотворения «Кинжал», что позволяет думать об одних и тех же сроках создания произведений. Но, как известно, «Кинжал», предназначенный для альманаха «Северные цветы на 1827 год», 21 января 1827 г. был запрещен цензурой (см. *ЛМ*, с. 343), т. е. он был написан не позже первой половины января 1827 г. Не позже этого времени, видимо, было написано и стихотворение «К моему перстню».

Удивительным образом сбылось предсказанное Веневитиновым в стихотворении. Близко знавший Веневитинова поэт И. И. Козлов рассказывал в письме к А. И. Тургеневу от 2 мая 1827 г., как перед смертью друзья надели на палец Веневитинова перстень, который он всегда носил с собой (см.: *РС*, 1875, № 12, с. 748—749; а также: *Матвеев П.* А. С. Хомяков. Биографический очерк.— *РС*, 1904, № 5, с. 462—463). Сбылось и второе предсказание Веневитинова. В 1930 г. при перенесении его праха из Симонова монастыря на Новодевичье кладбище перстень был снят с руки Веневитинова и сейчас хранится в Литературном музее (см.: *Осокин В.* Перстень Веневитинова. М.: Сов. Россия, 1969, с. 52—66).

Три розы

(с. 50—51)

Список Н. М. Рожалина — в *ГБЛ*, ф. 48 (Веневитиновых), к. 55, ед. хр. 14. Впервые — альманах «Северные цветы на 1827 год», с. 229—230. «Северные цветы на 1827 год» прошли цензуру 18 января 1827 г., т. е. Веневитинов должен был передать стихотворение в альманах значительно раньше — до января 1827 г. По-видимому, стихотворение и было написано до января 1827 г.

Образ первой, цветущей «под небом Кашемира» розы, символизирующей искусство, вероятно, связан с воспоминаниями о Зинаиде Волконской: она написала и издала в 1819 г. новеллу «L'enfant de Kachemyr», название которой Веневитинов уже использовал однажды в своем четверостишии из водевиля «Неожиданный праздник». «Три розы» непосредственно связаны с возникновением у Пушкина замысла стихов «Есть роза...» и «В степи мирской, печальной и безбрежной...» (см.: *Благой Д. Д.* Творческий путь Пушкина. 1826—1830. М.: Сов. писатель, 1967, с. 148).

Три участи

(с. 52—53)

Список Рожалина — в *ГБЛ*, ф. 48 (Веневитиновых), к. 55, ед. хр. 21. Впервые — *изд. 1829 г.*, с. 60—61. В письме Шевыреву от 28 января 1827 г. Веневитинов сообщает, что посылает в Москву «Три участи», добавляя: «Не знаю, не доставил ли Мальцов сей ‹...› пьесы. Во всяком случае, если он и переписал ее, то, может быть, худо разобрал мою черновую, и я посылаю исправную копию». Из этих слов становится известно, что, 1) Мальцов вернулся в Москву до 28 января; 2) он для московских друзей поэта переписал «Три участи»; 3) у Веневитинова к моменту отъезда Мальцова из Петербурга стихотворение еще не было переписано набело. Последнее позволяет предположить, что «Три участи» были написаны именно в дни пребывания Мальцова в Петербурге; кроме того, Мальцов переписывал стихотворение с черновой рукописи, не дожидаясь, когда будет готова беловая; следовательно, он очень спешил, т. е. переписывал перед самым отъездом. Исходя из этого, можно предположительно говорить о том, что стихотворение было написано в дни, предшествующие отъезду Мальцова. До 18 января Мальцов еще был в Петербурге (см. письмо Веневитинова к Погодину от 18—22 января 1827 г.), а значит, «Три участи» могли быть написаны между 18—28 января 1827 г.

[11] *Камены* — богини поэзии, искусств и наук.

Домовой

(с. 54—55)

Автограф — в *ГБЛ*, ф. 48 (Веневитиновых), к. 55, ед. хр. 15. На обороте автографа надпись Веневитинова «A Alexis» (Алексею), свидетельствующая о том, что стихотворение было отправлено в Москву впервые брату поэта — Алексею Веневитинову. Впервые — *изд. 1829 г.*, с. 62—63. В *изд. 1960 г.* датируется декабрем 1826 г.

В стихотворении отразился интерес Веневитинова к народному творчеству. О народных истоках «Домового» см., в частности: *Нейман Б.* Д. В. Веневитинов.— *Изд. 1960 г.*, с. 30; сб.: Русская литература и фольклор. Первая половина XIX века. Л.: Наука, 1976, с. 125—126.

К Пушкину

(с. 56—57)

Список Рожалина — в *ГБЛ*, ф. 48 (Веневитиновых), к. 55, ед. хр. 17. Впервые — *изд. 1829 г.*, с. 64—66. Написано между 9 сентября (день приезда Пушкина в Москву) и 1 ноября (день отъезда Веневитинова в Петербург) 1826 г. Вероятнее всего, в октябре 1826 г., когда окончательно утвердился союз Пушкина и любомудров в связи с предполагаемым изданием *МВ*. Это отчасти подтверждает и содержание стихотворения: Веневитинов видит в Пушкине не только учителя в поэзии, но и духовного союзника.

1—2 *...доступен гений / Для гласа искренних сердец.*— О том, как восторженно воспринимали любомудры произведения Пушкина в эту пору, см., в частности: *Погодин М. П.* Воспоминания о Степане Петровиче Шевыреве.— *Пушкин в восп. совр.*, т. 2, с. 27—29.

9—10 *...пророк свободы смелый, / Тоской измученный поэт...*— Байрон.

15 *...Твои стихи...*— «К морю» (1824).

16 *Ты дань принес увядшей силе...*— В том же стихотворении «К морю» Пушкин называет еще одного «властителя дум» — Наполеона.

18 *...Другое имя...*— Байрона.
20 *...У муз похищенного галла* — т. е. Андре Шенье (1762—1794) — французского поэта, гильотинированного якобинцами.
21 *...песнею твоей...*— Стихотворением «Андре Шенье» (1825).
28 *...еще один певец...*— Гете.

К любителю музыки

(с. 58)

Автограф — в *ГБЛ*, ф. 48 (Веневитиновых), к. 55, ед. хр. 16; без заглавия. Список Н. М. Рожалина, подготовленный для *изд. 1829 г.* (с пропуском ст. 15—22),— там же, ед. хр. 12. Впервые — *изд. 1829 г.*, с. 67—68, с пропуском ст. 15—22, запрещенных цензурой; полностью — газета «День», 1913, № 219. Полный текст стихотворения см. в «Дополнениях», где он печатается по автографу.

На основе косвенных данных восстанавливается история создания стихотворения. В первом номере *МВ* за 1827 г. была напечатана статья С. П. Шевырева «Разговор о возможности найти единый закон для изящного» (ч. 1, № 1, с. 32—51), в которой утверждалась необходимость сопричастности любителя изящного искусству, что могло осуществиться, по мысли Шевырева, лишь при осознанном восприятии произведения искусства. «Многие чувствуют творения поэтов, но немногие понимают их» (там же, с. 47). «Разговор» — этот своеобразный (в форме диалога) эстетический трактат (см. о нем, например: *Манн*, с. 155—156) — был весьма злободневен для любомудров, ибо обосновывал их теоретическую позицию в литературных спорах. Так, в частности, полярные мнения двух участников диалога в «Разговоре» довольно отчетливо напоминают идейные позиции двух полемистов, спорящих о первой главе «Евгения Онегина»,— Веневитинова и Н. А. Полевого. Доводы Лициния прямо перекликаются с доводами Полевого. «Лициний восхищался всем без исключения. Его беспристрастная душа

терялась в каждой красоте природы и искусства» (*МВ*, 1827, ч. 1, № 1, с. 34). «Вы хотите измерить неизмеримое, хотите обнять то, чего не вместит не только ваш разум, но и душа...— восклицает осуждающе Лициний.— К чему правила? К чему ваши законы?» (там же, с. 35). Это напоминает позицию Полевого, исходящего «из безоговорочного отрицания всяких канонов и норм, ограничивающих и стесняющих свободу искусства» (см.: *Мордовченко Н. И.* Русская критика первой четверти XIX века. М.— Л., 1959, с. 224). «Воображение поэта летает, не спрашиваясь пиитик... дайте нам наслаждаться!» — восклицает Полевой, подразумевая под «пиитикой» законы творчества (*МТ*, 1825, ч. 2, № 5, с. 45). И продолжает: «В неопределенном, неизъяснимом состоянии сердца человеческого заключена и тайна, и причина так называемой романтической поэзии» (там же). Именно против такого поверхностного понимания искусства восстает антипод Лициния — Евгений: «Когда остынет твой жар, когда пройдет минута восторга... не открывается ли в душе твоей бесчисленный ряд вопросов, на которые она желала бы ответить» (*МВ*, 1827, ч. 1, № 1, с. 38). «Когда же ты поймешь закон красоты, когда разгадаешь сию тайну художника,— тогда, отдавши себе отчет в его произведении, ты как будто снова пересоздашь его, ты будешь сам творить; а если наслаждение искусством выше всех земных радостей,— то понимать его, творить самому — есть радость божественная» (там же, с. 39). «И смех, и слезы, и трепет ужаса, и все волнения души разрешаются в одно определенное, полное чувство, которое называют довольством, согласием, блаженством... Сие чувство примиряет нас со всем миром: вот торжество красоты!» (там же, с. 44—45). Стихотворение «К любителю музыки» — своеобразный конспект этих положений статьи Шевырева. Собственно, сами положения не были «шевыревскими», а являлись частью общей эстетической программы любомудров и не раз становились идейной основой ранее написанных статей, в частности, самого Веневитинова (см. статьи об «Евгении Онегине», «Разбор рассуждений г. Мерзлякова», «Несколько мыслей в план журна-

ла») *. «Разговор» мог живо напомнить Веневитинову его недавние критические выступления, его страстное требование системности и осознанности впечатлений, вызванных произведением искусства, и возбудить иные, художественные, образы, воплотившиеся в одном из лучших его произведений, представляющих философскую лирику,— стихотворении «К любителю музыки». Именно поэтому так выразительно раскрыто в нем «противопоставление художника» и «непосвященного», так неожиданна форма — «скрытый диалог» (см.: *Маймин Е. А.* Русская философская поэзия. М.: Наука, 1976, с. 43—44).

Учитывая непосредственную близость содержания стихотворения «К любителю музыки» к статье, можно предположить, когда оно было написано. С первым номером *МВ* Веневитинов познакомился в период между 18 и 22 января 1827 г., а уже 28 января он пишет Шевыреву: «Поцелуй сам себя за „Разговор“». Вероятно, стихотворение было написано между 18—28 января 1827 г.

Утешение

(с. 59—60)

Автограф — в *ГБЛ*, ф. 48 (Веневитиновых), к. 55, ед. хр. 25. Без заглавия. Впервые — *изд. 1829 г.*, с. 69—70. При публикации в *изд. 1829 г.* пропущен ст. 34: «В нежданном пламени речей». Написано между 22—28 ноября 1826 г. (см. прим. к стихотворению «Поэт»).

В *Дневнике* Погодина есть запись от 14 марта 1824 г.: «Написал бы кто стихотворение «Пигмалион». Чудесный предмет для поэзии ⟨...⟩ сила искусства». Можно предположить, что Погодин позднее поделился с Веневитиновым этими мыслями и что образ Пигма-

* Отмеченное Ю. В. Манном несоответствие эстетических позиций Веневитинова и Шевырева относительно «единого закона» изящного (*Манн*, с. 156), может быть, несколько преувеличено, ибо тут вернее было бы говорить не о противоречиях, а о различных уровнях раскрытия глубины одного и того же вопроса у обоих любомудров.

лиона в «Утешении» был откликом на них. В стихотворном ответе Пушкину декабриста А. И. Одоевского, встречавшегося с Веневитиновым и посвятившего ему стихотворение (см.: *РА*, 1885, № 1, с. 128—131), знаменитая строка: «Из искры возгорится пламя...» перекликается с последними строками «Утешения».

Жертвоприношение

(с. 61—62)

Автограф — в *ГБЛ*, ф. 48 (Веневитиновых), к. 55, ед. хр. 19. Без заглавия. Впервые — *МВ*, 1827, ч. 2, № 6, с. 119. Написано, по-видимому, между 22 ноября — 3 декабря 1826 г. (см. прим. к стихотворению «Поэт»).

В «Дамском журнале» (1827, № 7, с. 58) было напечатано стихотворение «На кончину Д. В. Веневитинова» (без подписи), в основу которого было положено «Жертвоприношение». В примечании к стихотворению сказано: «См. в 6 № «Московского вестника» стихи «Жертвоприношение». Сия пиеса, сама по себе чрезвычайно трогательная, извлекает слезы сердца после известия, напечатанного в 33 № *«Сев. Пч.»* о кончине юного поэта, писавшего сии стихи, кажется, в живом предчувствии изящной души своей».

К изображению Урании (В альбом)

(с. 63)

Автограф — в *ЦММК*, ф. 212 (Одоевский В. Ф.), № XXVI. Без заглавия. Автограф находится в нотной тетради В. Ф. Одоевского, где нарисована карандашом сидящая муза астрономии Урания с пятью звездами над ней. Под рисунком подписи: «Одоевского муза» и «Рисовано Федором Скарятиным в 1827» (см. о Скарятине в прим. к «Посланию к С⟨карятину⟩»). Под автографом подпись: «Написано Дмитрием Веневитиновым в 1827-м году». Список (выполнен неизвестной рукой) — в *ГБЛ*, ф. 48 (Веневитиновых), к 55, ед. хр. 18. Без заглавия. Впервые — *изд. 1829 г.*, с. 73. В стихотворении Веневитинова поясняется значение каждой из нарисованных звезд.

Точных указаний на более конкретную датировку в известных нам источниках нет. Об этом, а также следующем стихотворении писал В. Одоевский Погодину в письме от 29 апреля 1827 г.: «Прилагаю стихи Дмитрия. Вы знаете, что он ощущал часто в себе необходимость выражения стихами, или лучше — каждую минуту жизни обращать в поэзию. Оттого и такое множество его маленьких стихотворений. Стихов прилагаемых ни у кого нет, кроме меня. Одни написал он, встречая у меня новый год («На Новый 1827 год».— *М. Ч.*), другие — на моей нотной книге, на которой Скарятин нарисовал богиню с пятью звездами» («К изображению Урании».— *М. Ч.*) (*Барсуков*, кн. 2, с. 91). Сказанное в письме позволяет думать, что оба стихотворения могли быть написаны примерно в одно и то же время, тем более, что единственное упоминание о Скарятине в сохранившихся письмах Веневитинова относится именно к началу января (см. письмо сестре от 8 января 1827 г.).

«Любомудрское» звучание стихотворения отчетливо сказывается при сравнении его с посланием Дельвига «К поэту-математику» (1814), в котором также есть образ Урании. Для Дельвига образы Урании, олицетворяющей точные науки, и Музы, вдохновляющей поэта-лирика,— несопоставимы. Урания, которую Дельвиг описывает так:

На острый нос очки надвиня,
Берет орудие богиня,
Межует облаков квадрат,
Большие блоки с небесами
Соединяются гвоздями
И под веревкою скрыпят,—

не способна, по его мнению, даровать человеку истинно поэтическое вдохновение, а значит и — бессмертие. Поэтому Урании Дельвиг противопоставляет Музу:

Певец! она перед тобой
В венце, в бо́жественном сиянье,
Пленяющая красотой!

Нетрудно заметить нетрадиционное толкование Веневитиновым образа Урании, в которой для него олицетворена и поэзия.

В том же 1827 г. И. Киреевский пишет лирический этюд, где, в частности, один из персонажей, поэт Вельский, читает стихотворение, в котором невозможно не угадать веневитиновские мотивы, хотя стихотворение Киреевского обращено не к пяти, а к семи звездам Большой Медведицы * (*Киреевский И. В.* Полное собрание сочинений. М., 1911, т. 2, с. 149—150).

На Новый 1827 год

(с. 64)

Автограф — в *ГПБ*, ф. 539 (Одоевского В. Ф.), № 1484. Без заглавия. Список — в *ГБЛ*, ф. 48 (Веневитиновых), к. 55, ед. хр. 18. Без заглавия. Впервые — *МВ*, 1828, ч. 24, № 5, с. 3. На автографе — карикатурные изображения карандашом двух лиц. В списке указано время написания стихотворения: «Полночь на 1-е января». Та же дата указана и в *МВ*. Дата, указанная в списке *ГБЛ*, подтверждается свидетельством В. Одоевского в его письме к Погодину от 29 апреля 1827 г. (см. прим. к стихотворению «К изображению Урании»).

Крылья жизни

(с. 65—66)

Вольный перевод стихотворения Мильвуа «Plaisir et peine» — «Радость и горе» (дословно: «Удовольствие и наказание»). Автограф — в *ГБЛ*, ф. 48 (Веневитино-

* Герои этюда Киреевского напоминают любомудров с их постоянными беседами о цели жизни. В упомянутом этюде говорится о том, что красота природы звала друзей «к сердечному разговору, а сердечный разговор, как обыкновенно случалось между ними, довел до мечтаний о будущем, о назначении человека, о таинствах искусства и жизни, об любви, о собственной судьбе и, наконец, о судьбе России» (*Киреевский И. В.* Полн. собр. соч. М., 1911, т. 2, с. 148).

вых), к. 55, ед. хр. 20; список — там же, ед. хр. 28, № 2. Впервые — *МВ*, 1828, ч. 7, № 1, с. 13—14. В автографе пропущен ст. 14: «Устали крылышки». В *изд. 1829 г.* стихотворение отнесено к петербургскому периоду жизни Веневитинова.

Стихотворение представляет собой лирико-философскую фантазию на тему Мильвуа. В отличие от Мильвуа, у Веневитинова нет начальных стихов, в которых идет речь о рождении горя и радости; он ввел отсутствующий у Мильвуа образ птицы-жизни. Точный перевод стихотворения Мильвуа выполнен С. Ф. Дуровым.— См.: Библиотека для чтения, 1845, № 1, с. 15—16.

Мильвуа Шарль (1782—1816) — французский поэт-романтик.

Италия

(с. 67)

Автограф — в *ГБЛ,* ф. 48 (Веневитиновых), к. 55, ед. хр. 28, № 3; список — там же, ед. хр. 13. Впервые — *МВ*, 1827, ч. 2, № 8, с. 311—312. Подпись: *В.* Написано в Петербурге. В *изд. 1960 г.* датируется 1826 г.

З. А. Волконская (см. прим. к стихотворению «Завещание»), которой было посвящено стихотворение, до приезда в 1824 г. в Россию долгое время жила в Италии.

19 *Тогда, о Тасс! — Тассо* Торквато (1544—1595) — итальянский поэт.

Элегия

(с. 68)

Список Н. М. Рожалина — в *ГБЛ*, ф. 48 (Веневитиновых), к. 55, ед. хр. 12. В письме С. П. Шевыреву от 28 января 1827 г. Веневитинов упоминает об «Элегии» вместе с «Тремя участями», датированными нами 8—28 января; это позволяет, хотя и предположительно, отнести и создание «Элегии» к январю 1827 г.

К моей богине

(с. 69—71)

Список — в *ГБЛ*, ф. 48 (Веневитиновых), к. 55, ед. хр. 11. Впервые — *изд. 1829 г.*, с. 81—83. В конце списка — текст на французском языке, вероятно, также принадлежащий Веневитинову: «Cette pièce est très imparfaite, je le sens moi-même; mais c'est une de ces productions auxquelles on ne touche pas deux fois. Elle est dédiée à ma divinité, et cette dédicace n'est pas simplement poétique. La raison a son Dieu, qu'elle cherche, qu'elle trouve et qu'elle admire; pourquoi le coeur n'aurait-il pas sa religion?» *

В *изд. 1829 г.* отнесено к петербургским стихотворениям Веневитинова. Здесь, как и в стихотворениях «Кинжал» и «К моему перстню» (см. прим. к последнему), отчетливо звучит мысль о самоубийстве, вплоть до прямой переклички строк (ср. ст. 45—49 из «К моей богине» и ст. 20—26 из «К моему перстню»). Вполне возможно, что и стихотворение «К моей богине» было написано тогда же, когда и названные выше стихи (см. прим. к ним), т. е. в декабре 1826 — первой половине января 1827 г. О цензурных осложнениях, вызванных строками: «И дани раболепной службы / Носить кумиру суеты?» — см.: *ЛМ*, с. 344—345.

XXXV

(с. 72—73)

Автограф — в *ГБЛ*, ф. 48 (Веневитиновых), к. 55, ед. хр. 26. Без заглавия. Впервые — *изд. 1829 г.*, с. 84—85. В *изд. 1829 г.* создание стихотворения отнесено к петербургскому периоду жизни Веневитинова.

Ст. 17—20 стихотворения поставлены Белинским эпиграфом к статье «Стихотворения М. Лермонтова».

* Эта пьеса очень несовершенна, я это чувствую сам; но это — одно из произведений, к которым не прикасаются дважды. Оно посвящено моему божеству, и это посвящение — не только поэтическое. Разум имеет своего бога, которого ищет, которого находит и которым восхищается; почему сердцу не иметь своей религии? (*фр.*).

Поэт и друг

(с. 74—77)

Список — в *ГБЛ*, ф. 48 (Веневитиновых), к. 55, ед. хр. 28, № 1. Впервые — *МВ*, 1827, ч. 2, № 7, с. 217—220. Публикация в *МВ* сопровождается следующими строками: «Горькими слезами омочили мы сие стихотворение. Незабвенный друг наш чудесным образом предрек свою судьбу. Через неделю после отправления к нам из Петербурга Элегии, он (на 22-м году от роду) занемог нервической горячкою, которая в 8 дней низвела его в могилу. Как знал он жизнь! Как мало жил! Оставшиеся сочинения его показывают, чего ожидать от него должны были науки и отечество. Друзьям его — не иметь уже полного счастья» (1827, ч. 2, № 7, с. 220) *.

14 февраля 1827 г. Веневитинов пишет брату письмо, полное надежд и творческих планов, а через три недели — отчаянное письмо Погодину, в котором — тоска, предчувствие скорой смерти. По-видимому, стихотворение «Поэт и друг» с его трагическим содержанием и было написано между 14 февраля и 1—2 марта (когда оно было отправлено из Петербурга) 1827 г. Элегия Веневитинова «Поэт и друг» вместе с пушкинскими «Поэтом и чернью», «Разговором книгопродавца с поэтом» и лермонтовским «Журналист, читатель и писатель» была названа Белинским в статье «Разделение поэзии на роды и виды» «превосходнейшим» образцом «лирических произведений в драматической форме».

История создания стихотворения «Поэт и друг» раскрывается благодаря упомянутому выше письму к Погодину от 7 марта, в котором Веневитинов рассказывает о своем тяжелом душевном кризисе (подробно о стихотворении см.: *Маймин Е. А.* Д. Веневитинов. «Поэт и друг».— Сб.: Поэтический строй русской лирики. Л.: Наука, 1973, с. 96—107).

---

* *В Дневнике* Погодина есть запись от 19 марта 1827 г., частично повторяющая эти строки.

Последние стихи

(с. 78)

Список Рожалина — в *ГБЛ*, ф. 48 (Веневитиновых), к. 55, ед. хр. 27. Без заглавия. Впервые — *изд. 1829 г.*, с. 90. Поскольку составители *изд. 1829 г.*— близкие друзья Веневитинова — считали это стихотворение последним из созданных поэтом, можно думать, что написано оно в самом конце февраля или начале марта 1827 г.

Переводы из Гете

Земная участь художника

(с. 79—85)

Перевод драматической поэмы Гете «Земной путь художника» («Künstlers Erdwallen»). Авторизованный список — в *ГБЛ*, ф. 48 (Веневитиновых), к. 55, ед. хр. 30, лл. 2—3. Список (неполный) представляет собой заключительную часть перевода, начиная от слов: «Тогда вы были помоложе». Впервые — *изд. 1829 г.*, с. 95—101. В *изд. 1960 г.* датируется 1826—1827 гг

[1] *Венера Урания.*— Начиная с V—IV вв. до н. э. различались Афродита Урания, олицетворяющая возвышенную, идеальную любовь, и Афродита Пандемос — божество грубой чувственной любви.

Апофеоза художника

(с. 86—98)

Перевод драматической поэмы Гете «Künstlers Apotheose». Авторизованный список — в *ГБЛ*, ф. 48 (Веневитиновых), к. 55, ед. хр. 30, лл. 3—7. В списке пропущено 88 стихов от ст.: «Ты бы хотел обнять в нем красоту» до ст.: «Дороже стоит во сто крат». Впервые — *изд. 1829 г.*, с. 102—116. В *изд. 1829 г.* в монологе продавца пропущены стихи 17—18: «Но здесь не нужны украшенья. / Взгляните: вот произведенье!»,— имеющиеся в списке. В *изд. 1960 г.* датируется 1826—1827 гг.

Отрывки из «Фауста»

I

Фауст и Вагнер

(за городом.)

(с. 99—102)

Отрывок из «Сцены за городом» («Vor den Thor»). Автограф * — в *ГБЛ*, ф. 48 (Веневитиновых), к. 55, ед. хр. 28, № 4. Впервые — *изд. 1829 г.*, с. 119—123.

В январе-феврале 1827 г. Веневитинов работал над переводами из «Фауста». Видимо, первый и второй отрывки имеет в виду Веневитинов, когда пишет брату в письме от 14 февраля 1827 г.: «пришлю славные отрывки из „Фауста“». Об отношении любомудров и, в частности, Веневитинова к творчеству Гете см.: *Жирмунский В.* Гете в русской литературе. Л.: ГИХЛ, 1937, с. 161—206.

II

Песнь Маргариты

(с. 102—103)

Отрывок из сцены «Гретхен за прялкой» («Gretchens Stube»). Автограф — в *ГБЛ*, ф. 48 (Веневитиновых), к. 55, ед. хр. 29, № 1. Впервые — *изд. 1829 г.*, с. 124—126. Перевод выполнен в январе-феврале 1827 г. (см. прим. к первому отрывку).

---

* *В изд. 1960 г.* автограф назван списком. Однако в рукописи — характерное для Веневитинова написание букв, да и сама запись с многочисленными поправками скорее напоминает черновую рукопись, чем список.

III

Монолог Фауста

(в пещере.)

(с. 104—105)

Отрывок из сцены 14 «Лес и пещера» («Wald und Hohle»). Автограф — в *ГБЛ*, ф. 48 (Веневитиновых), к. 55, ед. хр. 29, № 2. Впервые — *МВ*, 1827, ч. 1, № 1, с. 11—12.

19 декабря 1826 г. Веневитинов писал друзьям в Москву: «В первой книжке *МВ* не советую помещать перевод из „Фауста"». Поскольку первый номер *МВ* с этим переводом прошел цензуру 6 декабря 1826 г., а весь ноябрь у Веневитинова прошел в дорожных хлопотах, поисках квартиры и работе над циклом стихов (см. прим. к стихотворению «Поэт»), можно предположить, что перевод «Монолога» был сделан Веневитиновым еще в Москве, до ноября 1826 г.

ПРОЗА

Предисловие

(с. 109—114)

Автором предисловия, по-видимому, был Погодин. Первая фраза предисловия свидетельствует о том, что оно было написано незадолго до выхода книги, т. е. во второй половине 1830 — январе 1831 г. (*Ц. Р. изд. 1831 г.*— 19 января 1831 г.). В это время в Москве из ближайших друзей Веневитинова оставался только Погодин, ибо В. Одоевский, Кошелев, Титов жили в Петербурге; за границей — Рожалин, Соболевский, А. Хомяков, Шевырев. Часто выезжал за границу в это время и И. Киреевский. Автор предисловия обращает внимание читателей на то, что содержание романа «Владимир Паренский» ему рассказывал сам Веневитинов. При этом в *Дневнике* Погодина имеется запись от 9 сентября 1826 г.: «Венев⟨итинов⟩ рассказал мне содержание своего затеянного романа, который мне очень понравился». Эпитет «незабвенный» по отноше-

нию к Веневитинову очень характерен для Погодина (см. прощальное слово издателя в связи с закрытием *МВ*.— *МВ*, 1830, № 16, а также письма Погодина к Шевыреву от 23 марта и 10 июня 1830 г.— *РА*, 1882, кн. 3, ч. 5 и 6, с., соответственно, 162, 152).

[1] *Некоторые обстоятельства...*— Скорее всего, это цензурные осложнения, вызванные отдельными местами из перевода «Эгмонта».

[2] *...одного приятеля...*— Погодина. То, что Погодин говорит о себе в третьем лице, вполне объяснимо. О причине, заставившей Погодина обратиться с этой просьбой к Веневитинову, см. прим. к «Письму к графине NN».

[3] *...к неоконченному роману...*— «Владимир Паренский».

Письмо к графине NN

(с. 115—122)

Автограф — в *ГБЛ*, ф. 48 (Веневитиновых), к. 55, ед. хр. 37. Датировка определяется по записям *Дневника* М. П. Погодина, из которых становится известно, что 13 июня 1826 г. Погодин просит Веневитинова написать письмо о философии, а 17 июня Веневитинов уже присылает ему первое из них. Следовательно, письмо написано между 13—17 июня 1826 г.

В повести «Адель», задуманной в начале июня 1826 г. (см. прим. 3 к письму № 22), Погодин от лица своего героя писал, что хотел бы помочь своей возлюбленной получить самое разностороннее образование. Среди имен тех ученых, с кем она должна познакомиться, он называет Шеллинга и Окена. Он пишет: «Устами великих ученых я посвящу мою Адель в таинства науки... А друзья, которые подчас приедут посетить нас,— с новыми звуками русской лиры, произведениями русского ума» («Повести Михаила Погодина», ч. 3. М., 1832, с. 250). Отождествляя в известной мере содержание повести с реальными событиями своей личной жизни, Погодин обращается к Веневитинову с просьбой написать княжне А. И. Трубецкой

(прообраз героини его повести «Адель») письма с доступным изложением предмета философии.

Графиня NN — княжна Трубецкая Александра Ивановна (1809—1873).

[1] *Элевзинские таинства* — мистерии в Древней Греции, проходившие недалеко от Афин в Элевзине.

[2] *...собственные слова ваши...* — Литературный прием. Слова в кавычках принадлежат Веневитинову.

[3] *Божественному Платону... храм богини.* — Платон — древнегреческий мыслитель, создавший законченное философское учение, имевшее влияние на все последующее развитие философской мысли; в частности, оно было развито в философии Шеллинга. Видимо, через Шеллинга и возник интерес к Платону у Веневитинова, писавшего о нем Кошелеву: «не могу надивиться ему, надуматься над ним».

Анаксагор

(с. 122—127)

Авторизованный список — в *ГБЛ*, ф. 48 (Веневитиновых), к. 55, ед. хр. 35. Впервые — альманах «Денница на 1830 год», с. 100—109.

Историю создания статьи в известной мере объясняют два письма Веневитинова к Кошелеву от середины и конца июля 1825 г. * Исходя из датировки этих писем, из непосредственной близости их содержания к «Анаксагору», а также учитывая сообщение Веневитинова в письме к Кошелеву от начала 20-х чисел июля 1825 г. о том, что он посылает ему статью (см. прим. 5 к письму № 15), можно предположительно датировать статью июлем 1825 г.

Основные мысли в упомянутых письмах Веневитинова и «Анаксагоре»: о начале мира, о трех фазах развития познания, о будущей гармонии и др.— свидетельствуют о самом близком знакомстве его как с натуральной философией Шеллинга (в которой, в част-

* На близость содержания «Анаксагора» и упомянутых писем впервые указал Ю. В. Манн (см.: *Манн*, с. 22).

ности, развивается платоновская теория идей), так и с «Системой трансцендентального идеализма», где Шеллинг пишет и о трех возрастах человечества.

Известный греческий философ Анаксагор умер еще до рождения Платона. У Веневитинова это имя носит условный характер.

[1] *...в одном из наших поэтов описание золотого века...*— В поэме Гесиода (VIII—VII вв. до н. э.) «Труды и дни» — миф о пяти поколениях человечества. Согласно этому мифу, люди начинают с «золотого века» и кончают «железным».

[2] *Но когда я на несколько времени перенесся в этот мир... достигнуть не может?* — В предыдущих публикациях было пропущено слово «новый» (перед: «мир»). Это обнаружено Л. А. Тартаковской (см.: *Тартаковская*, с. 29). Л. А. Тартаковская также впервые обратила внимание на карандашную пометку Веневитинова, относящуюся к данной фразе: «*К нашему времени*, развить». Исходя из этого, Л. А. Тартаковская пишет: «Пометка Веневитинова, «привязывающая» рассуждение Анаксагора непосредственно «к нашему времени», чрезвычайно важна. Она убеждает, что все мысли о золотом веке, о высоких идеалах и горькой действительности лишены у Веневитинова отвлеченности, абстрактности...» (*Тартаковская*, с. 29—30).

[3] *Ты ошибаешься, Анаксагор.*— На эту же «ошибку» указывает Веневитинов Кошелеву, когда убеждает его, что золотой век, или общая гармония, обязательно должны быть в будущем (см. письмо от середины июля 1825 г.).

[4] *...твоей республики?* — Имеется в виду трактат Платона «Государство», где Платон создает свою модель утопического государства — республики, в которой, как он считал, нет места художникам и поэтам. При этом Платон допускал возможность их возвращения в состав ее граждан (см.: *Платон.* Политика или государство. СПб., 1863, с. 504).

[5] *К такому обществу может ли принадлежать поэт...*— Позднее, в статье «Несколько мыслей в план жур-

нала», Веневитинов выскажется более конкретно. Он заговорит непосредственно о слабости современной ему русской поэзии, не способной поднимать сложные общественные проблемы, противопоставляя ей поэзию философскую.

6 *...как философия может объяснить, что такое золотой век.*— Далее в словах веневитиновского Платона почти полностью повторяются основные теоретические положения писем Веневитинова от середины и конца июля 1825 года.

7 *Фидиас*, Фидий (V в. до н. э.) — древнегреческий скульптор.

8 *Итак, Платон... снова ожидает смертных.*— Л. А. Тартаковская пишет: «Последние слова Анаксагора, поверившего в реальность и необходимость прихода золотого века ⟨...⟩, сопровождены весьма многозначительным примечанием поэта. Вот оно, прочтенное полностью: «Представить картину золотого века как необходимое следствие *борения* и проч.»

Все это и дает нам основание укрепиться в высказанной уже мысли: Веневитинов в самом деле связывает свою статью с русской действительностью на заре 1825 г.» (*Тартаковская*, с. 30). Некоторую преувеличенность суждения Л. Тартаковской отметил Ю. В. Манн (см.: *Манн*, с. 24). Соглашаясь с ним, добавлю: понятие «борение» в данном случае Веневитинов употребляет не в политическом, а в философском смысле, имея в виду вторую «ступень» человеческой истории, когда человек вступает в противоречие с природой.

Несколько мыслей в план журнала

(с. 128—133)

Два списка — в *ГБЛ*, ф. 48 (Веневитиновых), к. 55, ед. хр. 59. Оба списка под заглавием: «О состоянии просвещения в России». Впервые — *изд. 1831 г.*, с. 24—32. Во всех предыдущих изданиях датируется 1826 г.

1 *...полную картину развития ума человеческого...*— Об образовательном содержании *МВ* писал редактор

журнала М. П. Погодин (см.: «Ответ издателя на письмо к нему, помещенное в 1-й книжке «Московского вестника».— *МВ*, 1827, ч. 1, № 2, с. 148—152).

Утро, полдень, вечер и ночь

(с. 134—137)

Автограф неизвестен. Впервые — «Урания на 1826 год», с. 74—82. Этюд написан не позднее 26 ноября 1825 г., когда материалы «Урании» прошли цензуру. Вероятнее всего, именно в июле 1825 г., когда Веневитиновым были написаны диалог «Анаксагор» и два письма к Кошелеву от середины июля и конца июля — начала августа 1825 г., основное положение которых о трех периодах развития трансформируется в этюде. На стиль этюда оказало влияние знакомство Веневитинова с произведениями Жана Поля Рихтера (см. о нем прим. к отрывку «О действительности идеального»).

1 *...два серафима, память и желание, с пламенными мечами...*— Возможно, к этим строкам восходит черновой вариант окончания стихотворения Пушкина «Воспоминание» (19 мая 1828 г.):

...Две тени милые — два данные судьбой
Мне ангела во дни былые.
Но оба с крыльями и с пламенным мечом.
И стерегут... и мстят мне оба...

См. об этом статью И. Подольской «Биография или метафора?» — «Литературная учеба», 1979, № 6.

Скульптура, живопись и музыка

(с. 137—140)

Автограф неизвестен. Впервые — *СЛ* на 1827 г., с. 315—323.

Близость содержания произведения к этюду «Утро, полдень, вечер и ночь» позволяет также отнести его создание к 1825 г., тем более, что все дошедшие до нас оригинальные и переводные произведения Веневи-

тинова, датированные 1826 или 1827 гг., лишены того сентиментально-возвышенного стиля, который был характерен для отдельных его прозаических произведений, написанных в 1825 г. (см. еще этюд «13 августа», с. 244—248).

Три эпохи любви

(с. 141—142)

Список Рожалина — в *ГБЛ*, ф. 48 (Веневитиновых), к. 55, ед. хр. 36. Без заглавия. Впервые — *СЦ* на 1829 г., с. 231—234.

Текст — вступление к неоконченному роману Веневитинова «Владимир Паренский» (см. о нем предисловие к *изд. 1831 г.*, а также прим. к письму № 46). Полностью сохранившиеся части романа опубликованы в «Дополнениях».

[1] *Венера Медицейская* — одна из сохранившихся копий Книдской статуи Венеры работы Праксителя.

[2] *...древний Иосиф...* — По библейской легенде, пережил множество испытаний, прежде чем стал фактическим правителем Египта.

Разбор статьи о «Евгении Онегине»

(с. 142—150)

Авторизованный список — в *ГБЛ*, ф. 48 (Веневитиновых), к. 55, ед. хр. 40. Впервые — *СО*, 1825, ч. 100, № 8, с. 371—383. Подпись: — *в*, Москва.

Пятый номер *МТ* со статьей Н. Полевого об «Евгении Онегине» вышел в конце марта; материалы восьмого номера *СО* со статьей Веневитинова должны были быть собраны в начале апреля. Следовательно, статья была написана в конце марта — начале апреля 1825 г.

Веневитинов в этой статье стремится не только выявить несостоятельность позиции Н. Полевого относительно романа, но и обнародовать некоторые теоретические и эстетические установки любомудров, познакомить читателей с их концепцией современной литературы. «Читали ли вы „Онегина"? Каков вам кажется

„Онегин“? Что вы скажете об „Онегине“? — вот вопросы, повторяемые беспрестанно в кругу литераторов и русских читателей»,— писал Булгарин об огромном интересе в России к роману Пушкина (см.: *«Сев. пчела»*, 1826, № 132, 4 ноября, с. 1). Действительно, 18 февраля 1825 г. выходит отдельное издание первой главы «Евгения Онегина», а 26 февраля в цензурный комитет представляются материалы для 5-й книжки *МТ*, среди которых статья Полевого о романе. А уже в 20 числах марта эта книжка *МТ* со статьей Полевого (*Н. Полевой.* «Евгений Онегин». Роман в стихах. Сочинение Александра Пушкина.— *МТ*, 1825, ч. 2, № 5) поступает подписчикам. Однако споры вокруг первой главы «Евгения Онегина» начались еще до ее выхода, в переписке современников Пушкина, и продолжались позже (см., в частности: *Хрестоматия*, с. 137—140, а также: письма В. А. Жуковского, П. А. Плетнева, А. А. Дельвига.— *Пушкин.* Полное собрание сочинений, т. 13. М.— Л.: Изд-во АН СССР, 1937, с. 120, 133, 154). Большинство оказалось не на стороне «Евгения Онегина». «Не знаю, что будет „Онегин“ далее, но теперь он ниже и „Бахчисарайского фонтана“ и „Кавказского пленника“»,— пишет Пушкину Рылеев (*Пушкин*, т. 13, с. 150). С ним единодушны все литераторы-декабристы. Не принимает, например, романа А. Бестужев. Он прямо пишет об этом Пушкину (см. письмо А. Бестужева к Пушкину от 9 марта 1825 г., а также письмо Пушкина к А. Бестужеву от 24 марта 1825 г.— *Пушкин*, т. 13, с., соответственно, 149 и 151), дает довольно сдержанную оценку романа в печати (см. *Бестужев А.* Взгляд на русскую словесность в течение 1824 и начале 1825 годов.— Полярная звезда на 1825 год, с. 183). Об отношении к «Евгению Онегину» писателей-декабристов см.: *Гуковский Г. А.* Пушкин и проблемы реалистического стиля. М.: ГИХЛ, 1957, с. 150—153.

Нужно сказать, что в этой полемике Полевой выступал на стороне Пушкина, заявляя: «издание „Онегина“ положительно доказывает права Пушкина уже не просто на талант, но на что-то выше» (см. *Хрестоматия*, с. 141). И хотя образ главного героя тоже не удовле-

творяет Полевого, он в общем не скупится на похвалы, как не скупится на них и Плетнев в упомянутом выше письме от 22 января 1825 г.

Вот два диаметрально противоположных мнения о «Евгении Онегине». Одно из них высказано Кюхельбекером: «Господина Онегина (иначе же нельзя его назвать) читал ‹...› но ужели это поэзия» (письмо В. Одоевскому от 5 апреля 1825 г.— Там же, стр. 139), другое — Н. Полевым: «В „Онегине“ ‹...› такой гармонии, такого умения управлять механизмом слов и звуков не было и доныне еще нет ни у которого из поэтов русских» (там же, с. 143).

Оценка первой главы Веневитиновым занимает как бы срединное положение. Он сдержан в похвалах, но все его оценки — по существу, доказательны (см.: *Манн*, с. 24—30; *Мейлах Б. С.* Реалистическая система Пушкина в восприятии его современников.— Сб.: Пушкин. Исследования и материалы. Л.: Наука, 1969, с. 11—13; *Мордовченко Н.* Русская критика первой четверти XIX века. М.— Л.: АН СССР, с. 223—226 и др.). Именно эта сдержанность и глубина оценок, видимо, и вызвали известные слова Пушкина о статье Веневитинова в полемике вокруг первой главы (см. статью Е. А. Маймина, с. 453—454).

1 *...не в сравнении с самим собою, не в отношении к своей цели...*— Можно только удивляться литературному чутью Веневитинова, и не только потому, что в том же году Пушкин напишет о полемических статьях Н. Полевого: «Сейчас прочел антикритику Полевого ‹...› не то и не так» (см.: *Пушкин*, X, с. 165. Письмо Вяземскому от 10 августа 1825 г.), но и потому, что слова Веневитинова буквально перекликаются с пушкинскими, сказанными в те же дни: «какая цель у «Цыганов»? ‹...› Цель поэзии — поэзия (там же, X, с. 141. Письмо Жуковскому от 20 апреля 1825 г.).

2 *Полевой* — Николай Алексеевич (1796—1846) — журналист, писатель, критик; издатель и редактор «Московского телеграфа» (1825—1834). Крайне сложные отношения между любомудрами и Н. Полевым час-

тично отразились в письмах Веневитинова за 1825—1827 гг. См. также: *Полевой К. А.* Из «Записок».— *Пушкин в восп. совр.*, т. 2, с. 56.

[3] *...обогатить журнал произведениями Пушкина...*— Более или менее регулярно Пушкин давал свои произведения Н. Полевому лишь в первый год издания его журнала, за все остальные годы он отдал в *МТ* лишь 4 стихотворения, три из которых были небольшими эпиграммами.

[4] *В статье, в которой автор не предположил себе одной цели...*— Сам Веневитинов в это время уже стремился к определенной эстетической системе, разрабатывая историко-философскую концепцию искусства (см. его письма), с позиций которой и критикует рецензию Полевого. Первым в России Веневитинов представлял себе «четкую и связную картину движения форм, при которой вторая форма (соотносимая с современной Веневитинову эпохой.— *М. Ч.*) снимает предыдущую, а затем обе они синтезируются в третьей» (*Манн*, с. 19). Об эстетической системе Веневитинова, о его своеобразной концепции романа см.: *Манн*, с. 13—20, 24—30.

[5] *...произнесть преждевременно своего суждения.*— Н. Полевой рассуждает обо всем романе в целом, хотя известна ему была лишь первая глава. На поспешность суждений Н. Полевого указывал в 1825 году и Грибоедов, упрекая критика в том, что он «по одному только действию» произносил «суд» над всей пьесой Катенина «Андромаха» (см.: *Грибоедов А. С.* Сочинения. М.: ГИХЛ, 1953, с. 530. Письмо Булгарину от января-февраля 1825 г.).

[6] *Многие критики... что «Кавказский пленник», «Бахчисарайский фонтан» вообще взяты из Байрона.*— См., например, мнение Вяземского о «Кавказском пленнике» (*СО*, 1822, № 49, с. 120); Корниолина-Пинского и Кюхельбекера о «Бахчисарайском фонтане» (см., соответственно: *СО*, 1824, № 13, с. 272 и «Мнемозина», ч. 2, с. 40).

[7] *...как не задеть Батте? Но великодушно ли... для унижения старых Аристархов?* — Замечание Веневитинова вызвано иронией Полевого (*МТ*, 1825, ч. 2, № 5,

с. 45—46) над несколько устаревшими к тому времени теоретическими положениями французского теоретика литературы Шарля Батте (1713—1780).

8 *Аристотель... французы, подчинившиеся его правилам... литературы самостоятельной.*— Развивая свою мысль о необходимости дифференцированно подходить к оценке тех или иных явлений в истории литературы (см. прим. 7), Веневитинов иллюстрирует ее примером из истории французской литературы. Некритически отнесясь к наследию Аристотеля, французы пытались возродить в XVIII в. многие его литературно-исторические теории (Батте, Буало), что, по мысли Веневитинова, лишило их литературу самостоятельности, а кроме того, исказило объективную картину действительного значения Аристотеля в истории мировой эстетической мысли.

9 *Поп* Александр (1688—1744) — английский поэт, автор героико-комической поэмы «Похищение локона».

10 *«Модная жена»*— сатирическая сказка И. И. Дмитриева.

11 *«Душенька»* — поэма И. Ф. Богдановича (1743—1803), пользовавшаяся в свое время большим успехом.

12 *...разговоре поэта с книгопродавцем.*— Издание первой главы «Евгения Онегина» открывалось стихотворением «Разговор книгопродавца с поэтом».

13 *...поэзия... имеет в себе самой постоянные свои правила.*— См. прим. 1.

Два слова о второй песни «Онегина»

(с. 151)

Автограф — в *ГБЛ*, ф. 231, II (Погодина М. П.), к. 46, ед. хр. 6. Впервые — *МВ*, 1828, ч. 7, № 4, с. 468—469. Судя по письму Веневитинова от 14 декабря 1826 г., сопровождавшему заметку, она была написана в те же дни, во всяком случае не раньше первой половины декабря.

[1] *...в «Северной пчеле» напрасно сравнивают Евгения Онегина с Чайльд-Гарольдом...*— Имеется в виду отзыв Булгарина о романе после выхода отдельным изданием (20 октября 1826 г.) второй главы «Евгения Онегина» (*«Сев. пчела»*, 1826, № 132, 4 ноября, с. 1—3).

Разбор рассуждения г. Мерзлякова

(с. 152—162)

Авторизованный список — в *ГБЛ*, ф. 48 (Веневитиновых), к. 55, ед. хр. 38. Впервые — *СО*, 1825, № 12, с. 359—373. Подпись: *«-в»*, Москва. Начало работы над статьей, судя по письму Веневитинова к Погодину от 15 мая 1825 г., относится ко второй половине мая 1825 г. В письме от 12 июня 1825 г. к Кошелеву Веневитинов сообщает, что статья о Мерзлякове закончена. Отсюда предположительная датировка: конец мая — начало июня 1825 г.

[1] *Рассуждение г. Мерзлякова «О начале и духе древней трагедии»...*— Статья А. Ф. Мерзлякова «О начале и духе древней трагедии и о характере трех греческих трагиков», помещенная в первой части изданной им книги «Подражания и переводы из греческих и латинских стихотворцев» (ч. 1, М., 1825, с. III—XLI). В книгу были включены фрагменты из трагедий Эсхила, Софокла и Еврипида в переводах Мерзлякова. *Мерзляков* Алексей Федорович (1778—1830) — поэт, переводчик; профессор литературы в Московском университете; его лекции посещал Веневитинов; эстетическим взглядам Мерзлякова были свойственны противоречивость и эклектизм, что и вызвало возражения Веневитинова.

[2] *...надобно основать свой приговор на мысли определенной...*— Отсутствие концепции отмечал Веневитинов и в суждениях другого своего оппонента — Н. Полевого (ср. «Разбор статьи о «Евгении Онегине»).

[3] *...история козла, убитого Икаром...*— Речь в легенде, пересказанной Мерзляковым, идет не об Икаре, под-

нявшемся на крыльях в небо, а о пастухе Икарии, которого бог растительности наделил умением выращивать виноград и делать из него вино. Икарий убивает козла, истреблявшего виноградники, принося его в жертву богу растительности, в честь которого и стали с тех пор проводиться празднества. Веневитинов, вслед за Мерзляковым, воспроизводит имя героя легенды как Икар.

4 *...греческих праздников в честь Вакха.— Вакх* — в греческой мифологии более известный под именем Диониса — бог растительности, покровитель виноградарства и виноделия; из праздничных шествий, посвященных Вакху — вакханалий,— и родилось искусство театра. Об этом пишет в своей статье Мерзляков.

5 *Шапелен — Шаплен* Жан (1595—1674) — французский писатель, поэт, один из предшественников Буало в разработке литературной теории классицизма. Автор тяжеловесной эпической поэмы «Девственница, или Освобожденная Франция», пародированной Вольтером.

6 *Солон* (между 640 и 635 — ок. 559 до н. э.) — афинский политический деятель и законодатель; поэт.

7 *Пизистрат* (605—527 гг. до н. э.) — правитель Афин. *Пизистратиды* — афинские правители, сыновья Пизистрата.

8 *...рапсодии Гомера...*— фрагменты из поэм Гомера «Илиада» и «Одиссея» исполнялись народными певцами-рапсодами как самостоятельные произведения.

9 *Элевзинские таинства* — см. прим. 2 к «Письму к графине NN».

10 *Ав. Шлегель... предполагает...*— Гипотеза немецкого поэта и теоретика литературы Августа-Вильгельма *Шлегеля* (1767—1845), подтвердившаяся найденными отрывками из трагедии Эсхила «Прометей освобожденный», была изложена в его трактате «Vorlesungen über dramatische Künst und Literatur», изданном в 1809—1811 гг.

11 *...пример полного трилога.*— Имеется в виду «Орестея». Перечисляя входящие в трилогию трагедии, Веневитинов третьей, следующей за «Агамемноном»

и «Хоефорами», называет не «Эвмениды»,— трагедию, заключающую трилогию, а другую трагедию Эсхила — «Умоляющие» («Просительницы»).

12 *...был ли Гомер философом?* — См. также письмо № 16, где Веневитинов развивает эту мысль более обстоятельно.

13 *Гномы* — в древнегреческой поэзии — сентенции, облеченные в метрическую форму.

14 *Эдип Колонейский* — герой трагедии Софокла «Эдип в Колоне».

15 *Кронеберг* Иван Яковлевич (1786 или 1788—1838) — профессор Харьковского университета, автор ряда работ по классической филологии. Полное название упомянутой Веневитиновым книги: «Амалтея, или Собрание сочинений и переводов, относящихся к изящным искусствам и древней классической словесности» (ч. 1. Харьков, 1825).

16 *...последнюю речь Алцесты...*— из трагедии Еврипида «Алкеста» («Алкестида»).

17 *...разговор Ифигении с Орестом...*— из трагедии Еврипида «Ифигения в Авлиде».

18 *...пророчество Кассандры...*— из трагедии Эсхила «Агамемнон».

19 *...Тезей говорит... отверсты двери.*— Из трагедии Софокла «Антигона».

Analyse d'une scéne detachée de la tragédie de mr. Pouchkin

(с. 162—170)

Автограф — в *ГБЛ*, ф. 48 (Веневитиновых), к. 55, ед. хр. 39. Впервые (на фр. яз.) — *изд. 1831 г.*, с. 73—78; перевод впервые — *изд. 1862 г.*, с. 191—195; перевод публикуется по *изд. 1862 г.*

Первая книжка *МВ*, где была опубликована «Сцена в Чудовом монастыре» из «Бориса Годунова», вышла в первых числах января 1827 г. Судя по письму Веневитинова к брату, статья была закончена до 22 января 1827 г. (см. письмо № 41). Статья написана для французской газеты «Journal de St. Petersbourg», выходившей в Петербурге в первой половине XIX в.

О полемике вокруг «Бориса Годунова» и месте в ней статьи Веневитинова см., в частности: *Манн*, с. 36—38; *Хрестоматия*, с. 161—173.

[1] *...английскому барду...*— Байрону.

[2] *Мельпомена и Клио* – музы трагедии и истории.

[3] *...труд г. Карамзина...*— «История государства Российского».

[4] *...законы трех единств.*— Законы классицистической драматургии, сформулированные французским теоретиком литературы Буало.

Европа

(с. 170—181)

Перевод «Общих предварительных замечаний» («Allgemeine Vorerinnerungen») к третьему тому книги А.-Г. Л. Герена Ideen über die Politik, der Verkehr und der Handel der vornehmsten Völker den Alten Zeit *. Th. 1—3. Göttingen, 1793—1826. Список под заглавием «Всеобщие предварительные замечания» — в *ГБЛ*, ф. 48 (Веневитиновых), к. 55, ед. хр. 41.

Третий том («Europäische Volker») книги Герена был издан только в 1826 году, и это подтверждает предположение Л. Тартаковской о том, что перевод был сделан Веневитиновым в 1827 г. Подробнее о датировке перевода и истории его создания см. *Тартаковская*, с. 39—43.

[1] *Герен* (Геерен) А.-Г. Л. (1760—1842) — немецкий историк; его работы считались в России очень авторитетными. Многие полагали, что они помогают раскрыть смысл глубинных процессов развития народов, населяющих все пространство земли. Первым «из новейших немецких историков-философов» называет Герена Полевой, сетуя на то, что работы его не переведены на русский язык (см. *МТ*, 1825, ч. 3, № 11, с. 268, 269). Кроме Веневитинова, уделяли внимание Герену и другие любомудры, особенно

* «Идеи о политическом положении и торговле важнейших народов древности» (*нем.*).

Рожалин (см., например, его переводы из Герена: «О „Рамайяне“, индейской* поэме».— *МВ*, 1827, ч. 1, № 4, с. 304—321; «О древней торговле» (там же, ч. 4, № 15, с. 246—277), «О „Магабарате“ („Магабхарате“.— *М. Ч.*), индейской поэме» (там же, № 16, с. 394—408).

2 *Британский Орког* — что имеет в виду Веневитинов, неизвестно.

3 *Тацит* Публий Корнелий (ок. 55 — ок. 120 н. э.) — римский историк и писатель.

4 *Гиббон* Эдуард (1737—1794) — английский историк и политический деятель.

5 *...македоняне владычествовали на берегах Индуса и Нила.*— Имеются в виду завоевания Александра Македонского в IV в. до н. э., при котором македоняне владели территорией, простиравшейся от Египта до Индии.

6 *...Азия и Африка поклонились Цезарю.*— В 48—46 гг. до н. э. Цезарь на территориях Малой Азии, Египта, Сирии, принадлежавших Римскому государству, одержал несколько крупных побед над своими противниками в междоусобной войне.

7 *Монголы проникли до Силезии...*— В 1241—1242 гг. татаро-монгольские завоеватели, захватившие значительную часть Руси, вторглись в Западную Европу.

8 *...арабы покушались наводнить Запад...*— В VII и VIII вв. арабы, владевшие огромной территорией, куда входили многие восточные земли (Халифат), неоднократно предпринимали попытки проникнуть и в Западную Европу; им удалось захватить большую часть Пиренейского полуострова, но дальнейшее их продвижение на Запад было остановлено в VIII в. франкскими войсками под водительством Карла Мартелла (см. след. прим.).

9 *...меч Карла Мартелла принудил их довольствоваться одною частию Испании...*— В 732 г. войска франкского государства, во главе которых стоял

* В XIX в. принято было писать «индейская» вместо «индийская».

военачальник и государственный деятель *Карл Мартелл* (ок. 688—741), одержали победу над арабами в битве при Пуатье, не дав им возможности развить свой успех в Испании.

[10] *...а вскоре Рыцарь Франкский... в их собственном отечестве.*— В 778—779, а также в 796—810 гг. король франков Карл Великий одержал победы над арабами в сражениях в той части Испании, которая еще считалась территорией арабского государства.

[11] *Номады* — кочевники.

[12] *...Кекропс... был первым учредителем правомерных браков...*— Видя одно из преимуществ европейских народов перед другими в упорядочении семейной жизни (см. также след. прим.), Герен в качестве примера приводит имя легендарного *Кекропа*, который, согласно греческой мифологии, был первым царем Аттики и утвердил в ней парные браки.

[13] *...а кто не знает уже из Тацита священного обычая германцев...*— В своей работе «О происхождении германцев и местоположении Германии» (98 г.) Тацит пишет, в частности, о чистоте семейных отношений у древних германцев, придерживавшихся исключительно парного брака.

[14] *Гесперия* — древнегреческое обозначение стран Запада; то ограничивалось Испанией, то распространялось на всю Западную Европу.

[15] *Помона* — богиня плодов.

[16] *Bartel. Путешествие по Сицилии.*— Имеется в виду книга: Bartels Iohann Heinrich. Briefe über Kalabrien und Sizilien, th. I—II. Göttingen, 1787. 2 Aufl. Bd. 1, 1791; Bd. 2, 1789; Bd. 3, 1792. *Бартельс* Иоганн Генрих (1761—1850) — немецкий ученый и общественный деятель.

Сцены из «Эгмонта»

(с. 181—201)

Перевод двух сцен («Дворец правительницы» и «Мещанский дом») из первого действия трагедии Гете «Эгмонт». Список Рожалина — в *ГБЛ*, ф. 48 (Веневитиновых), к. 55, ед. хр. 42. Впервые — *изд. 1831 г.*, с. 95—120.

В списке есть текст, пропущенный при первой публикации, видимо, по цензурным соображениям: «О, мы, повелители! Что мы на волне человечества? Мы думаем управлять ею, а она нас уносит, она нас качает во все стороны». Текст этот заключает начальный монолог правительницы после слов: «отвратить зло» (в *изд. 1956 г.* этот текст ошибочно помещен в конце четвертой реплики правительницы).

Судя по записям в *Дневнике* Погодина от 13 июня и 24 июля 1826 г., Веневитинов работал над переводом именно в июне-июле 1826 г., когда и читал Погодину законченные части.

1 *Сент-Омен... Иперн... Менин, Коминес, Фервик, Лилль...*— города, входившие в состав тогдашней Фландрии.

2 *...вам не подавить нового учения.*— В Нидерландах середины XVI в. почти повсеместно распространилась протестантская вера. Из-за этого еще больше обострились отношения Нидерландов с католической Испанией, от которой они зависели, так как входили в состав Священной Римской империи.

3 *...истинное вероисповедание?* — Католицизм.

4 *...места штатгальтерские...*— территории в Нидерландах времен Священной Римско-Германской империи, принадлежащие королю и руководимые главами исполнительной власти — штатгальтерами. В Нидерландах штатгальтерами были назначены Эгмонт, принц Оранский, Горн.

5 *...ему приятно называться Эгмонтом... предки его были владетелями Гельдерна.*— Титулу принца Гаврского (по названию одноименного с французским города Гавра во Фландрии) Эгмонт предпочитал титул графа Эгмонта (по названию родового замка в Голландии), указывавший на его родство с династией герцогов Гельдерна.

6 *...новым его ливреям и нелепым одеждам его прислужников?* — По предложению Эгмонта знать Нидерландов переодела своих слуг, в одежде которых были детали (рисунки шутовских колпаков на погонах), задуманные как насмешка над кардиналом

в Нидерландах, усиленно боровшимся с протестантизмом.

7 *...орден Золотого Руна...*— Высший испанский орден, учрежденный в 1429 году; им награждались лишь князья и представители высшей знати.

8 *...Гравелингенское сражение.*— Сражение в 1558 г. близ портового города Гравелингена, в котором Эгмонт одержал победу над французами.

ДОПОЛНЕНИЯ

«В чалме, с свинцовкой за спиной...»

(с. 205)

Автограф — в *ГБЛ*, ф. 48 (Веневитиновых), к. 55, ед. хр. 34, л. 2. Без заглавия. Впервые (не полностью) — *изд. 1960 г.*, с. 169—170, примечания. Судя по содержанию, относится к ранним произведениям Веневитинова. Поскольку автограф представляет собой черновую рукопись, а исправления в ней (скоропись) свидетельствуют именно об авторской работе, авторство Веневитинова не вызывает сомнений. В этом — самом раннем из дошедших до нас — стихотворении Веневитинова уже проявился характерный для него художественный прием: останки древних строений вызывают у поэта размышления о прошлом и настоящем (см. также первую песнь «Евпраксии» и «Новгород»).

Освобождение скальда

(с. 206—214)

Перевод поэмы Ш.-Ю. Мильвуа «Отмщение Эгиля» (1808) *. Впервые — «Русская старина», 1914, № 4, с. 120—125.

Н. О. Лернер, который напечатал перевод, приняв его за оригинальное произведение, писал в «Русской

* Впервые на это указано в статье Д. М. Шарыпкина «Скандинавская тема в русской романтической литературе» (сб.: Ранние романтические веяния. Л.: Наука, 1972, с. 147).

старине», что публикует поэму «с его (Веневитинова.— *М. Ч.*) подлинной рукописи, сохранившейся в бумагах его биографа и издателя его сочинений А. П. Пятковского, который пользовался материалами, переданными ему родственниками поэта» (там же, с. 126). Как сообщал Лернер, на титульном листе автографа было написано: «Освобождение скальда. Скандинавская повесть»; на третьей странице было написано: «Освобождение Эгила. Скандинавская повесть».

В русской романтической поэзии первой четверти XIX в. скандинавская тема получила самое широкое распространение (см.: *Шарыпкин Д. М.* Скандинавская тема в русской романтической литературе.— Сб.: Ранние романтические веяния. Л.: Наука, 1972). Значительное место заняла она и в творчестве декабристов, где «возникал образ скальда — борца, воина, свободолюбца» (ук. изд., с. 155). Перевод Веневитинова открывает своеобразный цикл его стихов, близких к декабристской тематике. В их основу легли наиболее распространенные в декабристской поэзии мотивы: история России, борьба за освобождение родины, свободы, личную независимость.

В основе сюжета поэмы Мильвуа «Отмщение Эгиля» — эпизод из жизни Эгиля Скалагримссона, древнеисландского скальда, о котором рассказывал швейцарский ученый Поль-Анри Малле (1730—1807) в своей книге «Памятники поэзии и мифологии кельтов, в частности древних скандинавов», где были собраны легенды и сказания Скандинавии и среди них легенда об умерщвлении Эгилем Скалагримссоном норвежского конунга Эйрика Кровавая Секира. К этой же теме обращался Жуковский при переводе баллады Уланда «Три песни» (1816), в основе которой был тот же сюжет из книги Малле. Из поэмы Мильвуа Веневитинов переводит рассказанную старцем историю об освобождении барда. Полностью ту часть поэмы, в которую входит и переведенный Веневитиновым рассказ, перевел под заглавием «Выкуп барда, или сила песнопения» М. Дмитриев (см.: Драматический альбом для любителей театра и музыки на 1826 год. М., 1826, с. 234—254; *Ц. Р.* — 30 апреля 1825 г.).

Лернер, публикуя поэму, датирует ее 1819—1820. Б. В. Нейман в *изд. 1960 г.*, предполагая, что поэма — оригинальное произведение Веневитинова, связывает ее с «оссиановской» темой и относит к 1823—1824 гг. Не имея каких-либо дополнительных сведений, мы относим перевод к первой половине 20-х годов.

Скальд — древнескандинавский певец и поэт, воспевавший героические деяния своих соплеменников.

7 *Рекнер* (Рагнар, Рагнер) — герой средневекового скальдического сказания — «Смертной песни Рагнара Лодброка», якобы напетой самим датским конунгом. Малле писал в своей книге, переведенной на русский язык еще в XVIII в.: «Регнер знаменитый воин, стихотворец и морской разбойник» (*Малле П.-А.* Введение в историю датскую, ч. I. СПб., 1785, с. 183) *. Сказание было положено на стихи Н. Языковым под названием «Песнь короля Регнера» (напечатана в журнале «Благонамеренный», 1823, ч. 23, № 13).

81 *Вереи* — крюки или дверные петли; столбы, на которые навешивались створки ворот.

Евпраксия

(с. 215—222)

Автограф — в *ГБЛ*, ф. 48 (Веневитиновых-Виельгорских), к. 55, ед. хр. 3, 3 лл.; там же, ед. хр. 34, лл. 1, 3–5.

Не вошедшие в *изд. 1829 г.* отрывки поэмы впервые были опубликованы в *изд. 1956 г.* При первой публикации был изменен порядок расположения некоторых частей поэмы в автографе. Так, три отрывка, которые заключают автограф (от слов: «Вдали, там, где в тени густой» до слов: «В одежде новой облечен»; от: «И в лесе зеленелись ветки» до: «И если верить старине»;

* Книга П.-А. Малле «Памятники поэзии и мифологии кельтов, в частности древних скандинавов», является второй частью его «Введения в историю датскую» и, как и первая, была переведена в 1785 г. на русский язык Ф. Моисеенковым.

от: «Едва ж с костров волною черной» до: «И лес со треском колебался») включены между двумя частями «Первого отрывка», остальные стихи автографа, также без сохранения порядка переписанных в нем строф, помещены после «Второго отрывка». Без пояснения вмонтированы в текст поэмы (как стихи 42—43) стихи: «Потупив очи голубые, сидела с ним рука с рукой», находящиеся на обороте обрезанного листа автографа и в результате оказавшиеся не связанными с сохранившимся текстом. В печатный текст поэмы введен отрывок с лицевой стороны обрезанного листа, начинающийся строкой: «В дворце, средь комнаты огромной» (всего 6 строк), тогда как эти строки на следующем листе переписаны Веневитиновым заново с исправлениями (вместо «дворец» — «терем», вместо «комнаты» — «покои») и продолжены далее. *В изд. 1956 г.* в окончательный текст поэмы введена также строфа (ст. 25—28):

В нем сердце к радости остыло,
И пир ему теперь не мил.
Давно ль он с Евпраксией милой
Восторги юности делил,—

зачеркнутая в автографе, но с восстановительными точками под первой строкой.

Перестановки в тексте автографа, допущенные в *изд. 1956 г.,* нарушают смысловую последовательность частей поэмы. Так, в автографе отрывок, начинающийся словами: «Но между тем, как над рекой / Батый готовит войско в бой» и кончающийся словами: «Любовь к отчизне показать», следует непосредственно после отрывка, начинающегося от слов: «Но грозные татар полки» до: «И в пене конь под ним дымится»,— что — естественно, ибо в этом отрывке говорится о том, что войско Батыя готовится к сражению, и лишь затем следует отрывок: «Но между тем, как над рекой и т. д.». В *изд. 1956 г.* они переставлены; в результате оказывается нарушенной последовательность изложения событий. Переставлен и отрывок от слов: «Вокруг лишь вопли пораженных» до: «Волнам сердитым уступает», он следует в *изд. 1956 г.* за отрывком «Но гроз-

ные татар полки» и т. д., чем нарушается логика повествования. Действительно, в последнем отрывке речь ведется в предположительном плане, о том, как страшен бывает Батый «в жару сраженья», «Когда с улыбкой на устах, / С кинжалом гибельным в зубах, / Как вихрь он на врагов стремится / И в пене конь под ним дымится». В данный же момент: «Батый пред ними (татарами.— *М. Ч.*) на младом коне... и шаль... играет над его главой», т. е. Батый осматривает свои войска. В *изд. 1956 г.* следом за этим отрывком, сплошным текстом идет рассказ уже о бое, о том, что происходит в момент рассказа:

Везде лишь вопли пораженных,
И звон щитов, и блеск мечей...
Ни младости безгрешных дней,
Ни старости седин почтенных
Булат жестокий не щадит...

Никак не вяжутся эти строки с предыдущим описанием «смотра» Батыем своего воинства. К тому же, вряд ли, говоря о бое, поэт стал бы писать о булате, не щадящем «младости безгрешных дней» и «старости седин почтенных». Думается, что в приведенном выше отрывке речь идет о детях и стариках, которых «не щадят» татары и на выручку которым и приходят рязанские воины, ибо далее в автографе следует: «И вдруг раздался стук копыт. / Отряды конницы славянской / Во весь опор стремятся в бой». В автографе этот отрывок следует после начинающегося словами: «Но между тем, как над рекой» и можно предположить, что ему предшествовал (или был задуман) эпизод с описанием нападения татар на русское селение. Кстати, в автографе указанный отрывок начинается с нового листа и, возможно, предполагаемый эпизод оказался утерянным или же не был еще написан автором.

В *изд. 1960 г.* некоторые неточности предыдущего издания были устранены. Так, исключено в нем из основного текста поэмы двустишие: «Потупив очи» и т. д. (строки 42—43) и строки 25—28; правда, к сожалению, вместе с восстановленной затем Веневити-

новым строкой (25-й): «В нем сердце к радости остыло». Восстановлена в *изд. 1960 г.* по автографу последовательность упомянутых в начале примечаний трех отрывков, начинающихся словами «Вдали, там, где в тени густой». Однако остальные указанные перемещения текста автографа, имевшие место в *изд. 1956 г.*, были повторены и в *изд. 1960 г.*

В настоящем издании учитывается последовательность написания частей поэмы по автографу, которая, кстати, сохранена и в напечатанных впервые в *изд. 1829 г.* двух названных выше отрывках. Кроме того, текст поэмы для настоящего издания дан с устранением допущенных при публикации в *изд. 1956 г.* и *1960 г.* неточностей, когда в некоторых случаях были не вполне точно прочитаны строки и слова в автографе, что порой искажало смысл содержания отдельных частей поэмы.

Вот некоторые, наиболее существенные исправления по автографу, осуществленные для настоящего издания:

Изд. 1960 г.	*Наст. изд.*
И в лесе трепетали ветки	И в лесе зеленелись ветки
Сюда стекались наши предки, Теснилися со всех сторон	В автографе эти строки зачеркнуты, вместо них восстановлены зачеркнутые ранее строки: Стекалися со всех сторон Сюда с дарами наши предки
Ударом суеверной стали	Ударами их верной стали
Вдруг гром в бесшумных небесах	Вдруг гром в бестучных небесах
В беседе дружеского круга	В беседах дружеского круга
Столь неожиданный набег Привел моголов в изумленье	В автографе вычеркнуты автором. Исключены и из наст. изд.
Ужасны суздальцев набеги	Ужасен сих бойцов набег
Он сам невольно мчится вслед	Он сам невольно мчится вспять
И вдруг, умчавшись с быстротой	И вдруг, сраженный быстротой

Возникновение у Веневитинова замысла поэмы, возможно, было связано со знакомством с «Думами» Рылеева, вышедшими в конце 1824 г. в Москве. Во всяком случае, поэма была написана не раньше 1823 г., ибо в тексте ее встречаются образы, восходящие к веневитиновскому переводу из Вергилия «Знамения перед смертью Цезаря», датированному 1823 г.

Судя по сохранившимся отрывкам, в основу поэмы был положен известный сюжет о гибели рязанского княжича Федора и его жены Евпраксии во время нашествия Батыя. Сюжет этот передавался в «Истории Государства Российского» Карамзина (т. 3, СПб., 1816, с. 270), в «Русском временнике, сиречь летописце» (ч. I, М., 1820). Однако оптимистический пафос «Евпраксии» (описание победы рязанских ратников над войском Батыя) связывает ее с одноименной трагедией Державина, заканчивающейся разгромом Батыя под Рязанью, что противоречило исторической правде.

В середине 20-х годов к сюжету о княжиче Федоре обратился и Грибоедов, начав работать над трагедией «Федор Рязанский» (см.: *Краснов П. С.* О «Федоре Рязанском».— Русская литература, 1973, № 3, с. 104—107). Случайное ли это совпадение или же результат возможных творческих контактов Грибоедова и Веневитинова? — Вопрос этот требует дополнительных разысканий. Вот некоторые факты из биографий обоих поэтов: Грибоедов часто в середине 20-х годов бывал в Москве, был в приятельских отношениях с В. Одоевским, с которым сам Веневитинов познакомился, по свидетельству Погодина, именно в доме Грибоедовых (см. погодинские записки о Д. Веневитинове.— *ГБЛ*, ф. 231, 1, 28, 2); Веневитинов настоятельно просит Шевырева переслать *МВ* Грибоедову (см. письмо к Шевыреву). Все это позволяет предположить, что контакты между Веневитиновым и Грибоедовым были.

1 *Осетр* — приток Оки.

7—12 *...Разбросил груды кирпичей... приключений?* — Строки перекликаются с размышлениями героя юношеского стихотворения Веневитинова «В чалме, с свинцовкой за спиной...»,

22–27 *Взгляни, как новое светило, / Грозя пылающим хвостом... / Багровым заревом горит.*— Первые две строки этого фрагмента также перекликаются со строками из «Знамений перед смертью Цезаря» (см. предыдущее прим.): «Мы зрели... страшную звезду с пылающим хвостом»,— но в целом фрагмент, по-видимому, восходит к описанию небесного знамения в «Повести временных лет» под 1065: «бысть знаменье на западе, звезда превелика, луче имущи акы кровавы, всходящи с вечера по заходе солнечнѣем... Се же проявляше не на добро, посем бо быша усобице многы и нашествие поганых на Руськую землю, си бо звезда бе акы кровава, проявляющи крови пролитье» (Повесть временных лет, ч. I. М.— Л.: АН СССР, 1960, с. 110). «Повесть временных лет» неоднократно издавалась в России в составе различных летописей (см. например: «Библиотека российская, историческая, содержащая древния летописи, и всякия записки, способствующия к объяснению истории и географии российских древних и средних времен», ч. I, СПб., 1767), а также использовалась в «Истории Государства Российского» Карамзина, и вполне могла быть знакома Веневитинову.

105–106 *Роман, Юрий, Мстислав, Борис, Олег* — рязанские князья. Юрий Игоревич, великий князь рязанский, погиб, попав в плен к монголам. Олег и Роман Ингваричи — племянники князя Юрия; Роман погиб вскоре после падения Рязани при защите Коломны.

126 *...Евпатий — боярин старый...*— По всем летописям Евпатий Коловрат — молодой воин, не принимал участия в защите Рязани, т. к. был в отъезде, и выступил против Батыя со своей дружиной значительно позже.

136–137 *...храбрый сын Батыя, Нагай...*— у Батыя, родившегося в 1208 г., в 1237 г., когда он пришел под Рязань, не могло быть взрослого сына-воина.

Стихи из водевиля

(с. 223—224)

1.

Автограф — в *ГБЛ*, ф. 48 (Веневитиновых), к. 55, ед. хр. 50, л. 2, об. (в тексте водевиля). Публикуется впервые.

2.

Автограф — в *ГБЛ*, ф. 48 (Веневитиновых), к. 55, ед. хр. 50, л. 2, об. (в тексте водевиля). Впервые (как самостоятельное стихотворение) — газета «День», 1913, № 219, 16 августа.

3.

Автограф — в *ГБЛ*, ф. 48 (Веневитиновых), к. 55, ед. хр. 48, л. 1 (в тексте водевиля). Впервые — журнал «Солнце России», 1913, № 26/177, июнь, с. 17.

4.

2 автографа — в *ГБЛ*, ф. 48 (Веневитиновых), к. 55, ед. хр. 48, л. 1, об.; там же, ед. хр. 50, л. 1, об. (в тексте водевиля). Впервые — Солнце России, 1913, № 26/177, июнь, с. 17.

5.

Автограф — в *ГБЛ*, ф. 48 (Веневитиновых), к. 55, ед. хр. 48, л. 2 (в тексте водевиля). Впервые — «Солнце России», 1913, № 26/177, июнь, с. 17.

Публикуя последние три стихотворения, С. М. Шпицер датирует их концом 1826 — началом 1827 гг. Однако, учитывая датировку послания «К С‹карятину›», создание которого непосредственно связано с водевилем (см. прим. к посланию), мы относим создание водевиля к 1825 г.

Четверостишие из водевиля «Неожиданный праздник»

(с. 225)

Автограф (на французском языке, в тексте водевиля «Fête impromptu», написанном Веневитиновым по-французски) — в *ГБЛ*, ф. 48 (Веневитиновых), к. 55,

ед. хр. 46, л. 1. Впервые (перевод четверостишия вместе с переводом водевиля) — *изд. 1940 г.*, с. 101.

Установлено, что водевиль «Неожиданный праздник» написан ко дню именин З. А. Волконской в 1825 г. (см. *изд. 1960 г.*, с. 189). Поскольку день именин Волконской приходился на 11 октября, мы относим время создания водевиля, а следовательно и четверостишия, к первой половине октября 1825 г.

В тексте водевиля данное четверостишие произносит один из действующих лиц — Адольф, поэт, роль которого Веневитинов должен был исполнить сам. (Указав действующих лиц, Веневитинов написал свое имя, как имя предполагаемого исполнителя роли Поэта.— *ГБЛ*, ф. 48, к. 55, ед. хр. 46, л. 1). В четверостишии обыграны названия трех из четырех новелл З. А. Волконской, вышедших отдельным изданием в Москве в 1819 г. под заглавием «Quatre nouvelles» («Четыре новеллы»).

Лаура — восходит к новелле «Laura».

Чащи Бразилии — к новелле «Deux tribus du Brésil».

Долины Кашемира — к новелле «L'enfant de Kachemyr».

Импровизация

(с. 226)

Впервые: «Русский архив», 1866, № 2, с. 259—260. Автограф неизвестен. Печатается по *изд. 1934 г.*, где стихотворение условно датировано 1825 г. На принадлежность стихотворения Веневитинову впервые указал С. А. Соболевский, со слов которого оно и было впервые опубликовано. Подробную атрибуцию стихотворения см. в статье И. И. Грибушина «Еще раз о составе сочинений Д. В. Веневитинова» (Wiener Slavistisches Jahrbuch. Sechzehnter Band, 1970, с. 141—145).

Кинжал

(с. 229)

Автограф — в *ГБЛ*, ф. 48 (Веневитиновых), к. 55, ед. хр. 31. Впервые — газета «День», 1913, № 219. В *изд. 1940 г.* после ст. 20 добавлена строка: «Оставь меня,

забудь меня». Однако поскольку этой строки нет ни в автографе, ни в списке, представленном в цензурный комитет для альманаха «Северные цветы на 1827 год», она не перепечатывалась в последующих изданиях сочинений Веневитинова. Опускается она и здесь.

О датировке стихотворения (декабрь 1826 — первая половина 1827 гг.) см. прим. к стихотворению «К моему перстню». 21 января 1827 г. стихотворение было запрещено публиковать; мотивировка: «автор, представляя в оном человека, преднамеревающегося совершить самоубийство, заставляет его произносить совершенно ложные мысли об аде» (*ЛМ*, с. 343).

Что написано пером, того не вырубить топором

(с. 231—235)

Список — в *ГБЛ*, ф. 48 (Веневитиновых), к. 55, ед. хр. 53. Впервые (отрывок) — *изд. 1956 г.*, с. 22; полностью — сб. Русские эстетические трактаты первой трети XIX века, т. 2. М.: Искусство, 1974, с. 608—611. В последней публикации рукопись ошибочно названа автографом, между тем как написание большинства букв рукописи не соответствует их написанию в веневитиновских автографах. Авторство Веневитинова определяется, в частности, по тому, что здесь, как и во всех статьях Веневитинова этого периода, положено в основу требование целенаправленности, необходимости ясной цели в поступках и рассуждениях. Характерно для статей Веневитинова и требование основополагающей мысли в оценках (см., например: «Постараемся по возможности избрать... одну методу действования»). Мысль о том, что до определенного периода времени русские получали знания как бы в «готовом» виде, питаясь «одними результатами» и принимая их «как истины»,— прямо перекликается с мыслью из статьи «Несколько мыслей в план журнала», где Веневитинов пишет, что Россия все знания получила «извне». Той же рукой, что и статья, выполнен список-перечень прозаических произведений Веневитинова, вошедших в *изд. 1831 г.*, с надписью «Не переписанное» (*ГБЛ*, ф. 48, к. 55, ед. хр. 61, № 4), факт, позволяющий предполо-

жить, что перечень был сделан одним из тех, кто готовил к изданию рукопись Веневитинова и кто мог переписать статью для него.

Из текста статьи следует, что она написана в понедельник 21 апреля; это дает возможность установить и год ее создания — 1824.

1 *...в понедельник... накануне дня...*— По вторникам любомудры собирались на квартире у Веневитинова (см. *изд. 1862 г.*, с. 13).

2 *...какое-нибудь произведение недели...*— Возможно, «Сонет» («Спокойно дни мои...»).

3 *...на алтарь отечества жертву...*— Ср. позднейшую вариацию этих слов в заключительной строке «Жертвоприношения».

О математической философии

Перевод статьи И. Вагнера

(с. 235—240)

Автограф — в *ГБЛ*, ф. 48 (Веневитиновых), к. 55, ед. хр. 61, лл. 16—18. Список Погодина — там же, ф. 231. I (Погодина М. П.), к. 28, ед. хр. 2, л. 215. Впервые (по списку Погодина) — *изд. 1934 г.*, с. 258—262. По автографу публикуется впервые.

Переведена Веневитиновым в июле 1825 г., о чем свидетельствует письмо его Кошелеву от середины июля 1825 г. По этому же письму восстанавливается и история создания перевода.

1 *Вагнер* Иоганн Яков (1775—1834) — немецкий философ-идеалист; друг и последователь Шеллинга в первый период его деятельности; впоследствии отошел от Шеллинга. Статья Вагнера, часть которой перевел Веневитинов, была напечатана в журнале Окена «Isis oder Encyclopädische Zeitung» (1820, N 1); (см. прим. 1 к письму № 14). Статья была вызвана полемикой с другим немецким философом Б. Х. Блише (см. о нем прим. к «Выписке из Блише»), на выступление которого в № 9 того же журнала за 1819 год и ссылается Вагнер. Именно полемической

заостренностью статьи Вагнера можно объяснить излишнюю категоричность его суждений, вызвавших возражение Веневитинова (см. его прим. в тексте статьи).

2 *...пример из анатомии, развитый Океном в его философии...— Окен* Лоренц (1779—1851) — немецкий философ и естествоиспытатель, последователь Шеллинга. Веневитинов делал переводы (не сохранились) из его «Теософии» (см. письмо № 15). В 1817 г. в журнале «Isis...» Окен поместил статью, в которой, в русле натурфилософии, развивал свою «позвоночную теорию» и, пользуясь методом последовательного сравнения, вычисления, доказывал, что черепные кости соответствуют позвонкам и состоят из таких же частей, как и костные сегменты позвоночного столба. Видя в этом пример широких возможностей для познания действительности при помощи математики, Вагнер утверждает преимущество ее перед всеми другими науками. Об этом — статья Вагнера, переведенная Веневитиновым.

3 *Шеллинг в начале своего «Идеалиста»... развитие сей идеи...*— Речь идет о том периоде творчества Шеллинга, когда он в конце XVIII в., считая натурфилософию лишь одной частью философии, переходит к трансцендентальному идеализму, к учению об абсолюте. Не отрицая широких возможностей математики для выражения конечного (в области натурфилософии), Веневитинов тем не менее не считает ее способной выразить бесконечное — абсолют, заключая, что «наука сего абсолюта» — только философия.

4 *...такая математика... исчезла у греков только по смерти Пифагора.*— В основе учения Пифагора (570 — ок. 500 до н. э.) и его последователей действительно лежало представление о всем многообразии физического и духовного как числах, а в материальном мире выделялась прежде всего арифметическо-геометрическая структура. Такое представление о математике не «исчезло у греков» и после Пифагора, а продолжало развиваться его последователями — пифагорейцами.

[5] *...об усилиях Будды, Моисея и Зороастра... с природою...*— Гаутама, по прозванию *Будда* (просветленный) — легендарный основатель религии, возникшей в VI в. до н. э. в Индии. Буддизм получил распространение в Китае, Японии, Бирме и многих других странах Востока. *Моисей* — библейский пророк, которому, по преданию, бог вручил на горе Синай «10 заповедей». *Зороастр* — Заратустра (его имя греческие авторы передавали как Зороастр). По преданию, пророк, основатель зороастризма, религии древних народов Средней Азии, Азербайджана и Ирана. В учениях Будды, Моисея и Зороастра значительное внимание уделялось нравственному совершенствованию человека.

[6] *...он объясняет влияние пророков, приуготовивших... появление Христа.*— Из содержания перевода следует, что, по мысли Вагнера, нравственные искания пророков в известной мере подготовили возможность появления христианства с его религиозно-нравственным содержанием.

Выписка из Блише *

(Ответ Б. Х. Блише на статью И. И. Вагнера)

(с. 240—241)

Автограф — в *ГБЛ*, ф. 48 (Веневитиновых), к. 55, ед. хр. 61, л. 19. Впервые опубликовано Л. А. Тартаковской в сб. «По страницам русской литературы», Ташкент, 1965, с. 90.

Перевод выполнен Веневитиновым в те же дни, что и перевод статьи Вагнера (см. прим. к статье «О математической философии»), т. е. в июле 1825 г.

Блише Б. Х. (1766—1832) — немецкий философ-идеалист, автор книг по философии, которые во времена Веневитинова еще не были переведены на русский язык. Ответ Блише Вагнеру был опубликован в 6-м номере журнала «Isis oder Encyclopädische Zeitung» за 1820 г. Подробнее об истории создания перевода см. письмо № 14 и прим. к нему.

---

* Так назвал свой перевод Веневитинов в письме к Кошелеву от середины июля 1825 г.

О действительности идеального

(с. 241—242)

Перевод отрывка из романа Ж. П. Рихтера «Титан» (1800—1803). Автограф — в *ГБЛ*, ф. 48 (Веневитиновых), к. 55, ед. хр. 44. Публикуется впервые.

Поскольку время наибольшего интереса любомудров к творчеству Рихтера относится к середине 20-х годов, возможно, тогда же выполнен и перевод Веневитинова. Рихтер Иоганн Пауль Фридрих, псевд.: Жан Поль (1763—1825) — немецкий писатель, чьи произведения пользовались известностью в России в первой трети XIX в. (см.: *Тронская М. Л.* Жан Поль Рихтер в России.— Западный сборник, ч. I. М.— Л.: АН СССР, 1937, с. 257—290).

[1] *Филомела* — иносказательно, в поэтическом языке,— соловей.

Золотая арфа

(с. 242—243)

Автограф — в *ГБЛ*, ф. 48 (Веневитиновых), к. 55, ед. хр. 43. Впервые — сб.: По страницам русской литературы. Ташкент, 1965, с. 83—87.

Произведение по стилю и теме очень близко к этюдам Веневитинова «13 август», «Утро, полдень, вечер и ночь» (1825), «Скульптура, живопись и музыка» (1826). Видимо, и «Золотая арфа» написана в 1825—1826 гг.

13 август

(с. 244—248)

Автограф — в *ГИМ*, ф. 281 (Веневитиновой С. В.), № 1041, лл. 1—5. Впервые — *изд. 1934 г.*, с. 198—202.

Из содержания этюда следует, что он написан к 17-летию сестры Веневитинова — Софьи, т. е. в начале августа 1825 г. (Софья родилась 13 августа 1808 г.).

Ответ г. Полевому

(с. 248—260)

Впервые — *СО*, 1825, ч. 104, № 24, с. 25—39, прибавление I.

В письме Кошелеву от конца августа — начала сентября 1825 г. Веневитинов сообщал, что ответную статью против Полевого написал в один день, сразу же по прочтении его статьи; статья Полевого была напечатана в 15 номере *МТ* (с. 1—15, особенное прибавление), который начал раздаваться подписчикам 26 августа (см. *«Моск. вед.»*, 1825, № 68). Следовательно «Ответ г. Полевому» был написан в конце августа 1825 г. Одновременно с Веневитиновым против антикритики Полевого выступил и Н. М. Рожалин со статьей «Нечто о споре по поводу Евг⟨ения⟩ Онегина» (*ВЕ*, 1825, № 17, с. 23—34).

[1] *...несколько замечаний...*— «Разбор статьи о «Евгении Онегине».

[2] *...многие... восставали против мнений и ошибок г. Полевого...*— Сам Полевой подробнейшим образом перечислил все критические замечания, адресованные *МТ*. См.: *МТ*, 1825, ч. 4, № 13, особенное прибавление, с. 7—8.

[3] *...кончает насмешкою и описанием... в Москву.*— Полевой пишет: «Обозначив поэму и стихи Пушкина прилагательным — «прелестные», он (Веневитинов.— *М. Ч.*) не выразил характера его творений и, забыв, что *творения Пушкина* есть *часть* нашей *словесности,* напомнил мне того русского прозаика, который, описывая вшествие царя Михаила Федоровича в Москву, говорит, что *Москва выбежала к нему навстречу*, поставила трон с царем себе на голову и— *внесла в Кремль*!» (*МТ*, 1825, ч. 4, № 15, особенное прибавление, с. 2).

[4] *...объяснение «равноположных» понятий...*— Полевой в своих полемических выступлениях часто домысливал по-своему фразы оппонентов и предлагал свои варианты. Не поняв мысли Веневитинова: «Байрон принадлежит духом не одной Англии, а нашему

времени», Полевой пишет: «После слов: „принадлежа не одной Англии“, вероятно, г. ⟨Веневитино⟩в хотел сказать — „но целой Европе“, ибо Англия и „время“ не могут быть равноположными понятиями» (там же, с. 3).

[5] *...памятниками безумия, невежества и бессилия...*— неуравновешенный характер Тредиаковского (1703—1768), его имущественная зависимость от царского двора, неприятие им современных ему литераторов — вызвали в свое время легенду о его низкопоклонстве и даже безумии (см., например, роман И. И. Лажечникова (1792—1869) «Ледяной дом», опубликованный в 1835 г.).

[6] *...подражанием Ансильонову определению поэзии Гете и Шиллера».*— Полевой и здесь невпопад обвиняет Веневитинова, чьи рассуждения весьма далеки от «определения» французского писателя и историка Ж. П. Ансильона (1767—1837), которое Полевой тут же пересказывает: «Ансильон говорит, что в творениях Гете отражается вся природа, в творениях Шиллера отражается он сам, и что от того происходит разнообразие Гете и односторонность Шиллера» (там же, с. 4).

[7] *Не он ли недавно говорил о сочинении г. Хомякова «Желание покоя», что главная мысль сего стихотворения занята из известного Делилева «Дифирамба»...*— См. *МТ*, 1825, ч. 4, № 13, с. 55. *Хомяков* Алексей Степанович (1804—1860) — поэт, драматург, критик, друг детства Веневитинова (см., например, стихотворение А. Хомякова «К Веневитиновым»), близкий к семье поэта (см. письмо Рожалина к родителям от 15 апреля 1829 г.— *РА*, 1909, кн. 2, с. 565). Время тесного идейного сближения Веневитинова и Хомякова — вторая половина 1826 г. (до отъезда Веневитинова из Москвы) и начало 1827 г., когда в Петербург приехал и Хомяков. До последнего дня жизни Веневитинова А. Хомяков был рядом с ним (см. письмо И. И. Козлова к А. И. Тургеневу от 2 мая 1827 г.— *PC*, 1875, т. 12, с. 748—749). Стихотворение А. Хомякова «*Желание покоя*» было напечатано в «Полярной звезде на 1825 г.» *Делиль*

Жак (1738—1813) — французский поэт; в целом не отступал от классицистических канонов, но испытал некоторое влияние предромантизма.

[8] *«Дон Жуан», «Беппо»* — поэмы Байрона.

[9] *«Hermann und Dorothea» и «Reinecke Fuchs»* — поэмы Гете *«Герман и Доротея»* и *«Рейнеке-Лис».*

[10] *...вроде «Луизы» Фосса...— Фосс* Иоганн Генрих (1751—1826) — немецкий писатель, автор идиллии *«Луиза»* (1795), сентиментальной картины сельской семейной жизни.

[11] *...ставит две словесности в ровную параллель? Какой математик разгадает нам такую загадку?* — В рецензии на «Полярную звезду» Полевой, сравнивая древнюю, т. е. греческую и римскую, словесность с русской, употребляет лишенное смысла выражение «ровная параллель» (см. *МТ*, 1825, ч. 2, № 8, с. 322).

[12] *Не он ли утверждает, что есть музыка а-мольная?* — Во втором номере *МТ* Полевой в рецензии на альманах «Русская Талия» употребляет термин *«а-мольная» музыка.* Напоминая о нем, он пишет в 13 номере *МТ*: «Желая дать понятие о слоге ‹...› неправильном и неверном, я шутя заметил, что соч‹инитель› нашел какую-то крамольную музыку, и говорю, что я слыхал о музыке н-мольной, а-мольной, но о кра-мольной слышу в первый раз» (*МТ*, 1825, ч. 4, № 13, с. 19, антикритика).

[13] *Не в его ли журнале уверяют, что богиня подарков не могла называться Strenno... слог «no»?* — В 15 номере *МТ* за 1825 г. напечатан диалог «Матюша — журналоучка» за подписью Я. Сидоренко, где, высмеивая современных ему журналистов, автор в полемическом задоре утверждает, что в имени мифологической богини подарков — Strenno (Стренно) — не могло быть окончания «no», ибо в латинской грамматике слова женского рода якобы не кончаются на слог «no» (см. *МТ*, 1825, ч. 4, № 15, прибавления, с. 317—318).

[14] *В какой латинской грамматике... имя Juno?* — Высмеивая рассуждения автора «Матюши — журналоучки» относительно окончания «no» в латинской

грамматике, Веневитинов иллюстрирует свои мысли примером правописания слова Juno.

15 *...я напомнил ему о «Модной жене» и о «Душеньке»...*— См. прим. 10 и 11 к «Разбору статьи о Евгении Онегине».

16 *«Похищенный локон»* — ироикомическая поэма А. Попа «Похищение локона».

17 *...приписывать Гете поэмы, которых он никогда не писал...*— Полевой, в своей статье против Веневитинова (*МТ*, 1825, ч. 4, № 15, особенное прибавление, с. 6) ставит «Евгения Онегина» в один ряд с поэмами Байрона и Гете. Веневитинов напоминает ему, что Гете не писал поэм, подобных «Дон Жуану», «Беппо» и «Онегину».

18 *...утверждать, что предмет «Похищенного локона» взят из общежития...*— Выше Веневитинов указывал, что в «Похищенном локоне» действуют фантастические существа, и этим опровергал утверждение Полевого.

Сцена из «Эгмонта»

(с. 261—273)

Перевод сцены («Площадь в Брюсселе») из второго действия трагедии Гете «Эгмонт». Автограф — в *ГБЛ*, ф. 48 (Веневитиновых), к. 55, ед. хр. 42. Впервые — *изд. 1956 г.*, с. 162—168. Датировку перевода см. в прим. к «Сценам из „Эгмонта"», с. 512—513.

1 *...Карл Смелый... Фридрих... Карл Пятый, то сделает Филипп и посредством женщины.— Карл Смелый* (1433—1497) — герцог Бургундский, присоединивший к своим владениям Нидерланды; *Фридрих* (1445—1493) — император Фридрих III; *Карл Пятый* (отрекся от престола в 1555) — король Испании, возглавлявший Священную Римскую империю. *Филипп II* — король Испании, поставивший правительницей Нидерландов Маргариту Пармскую.

2 *...заполонят, бывало, его сына или наследника...*— В 1488 г. нидерландцы, действительно, брали в плен наследника Фридриха III принца Максимилиана, которого тот вызволил лишь при помощи силы.

[8] *...брабанцы...— брабантцы* — жители герцогства Брабант, тогда входившего в состав Нидерландов.

⟨Второе письмо о философии⟩

(с. 274—276)

Автограф — в *ГБЛ*, ф. 48 (Веневитиновых), к. 55, ед. хр. 54. Впервые — *ГМ*, 1914, № 1, январь, с. 266—268.

Вероятнее всего, написано вскоре после первого письма, датированного 13—17 июня 1826 г. Косвенно это подтверждается и тем, что Веневитинов, по уговору с Погодиным, должен был написать несколько писем о философии (см. прим. к «Письму к графине NN»). Об этом свидетельствуют две записи в *Дневнике* Погодина: «22 июня ⟨1826 г.⟩. К Веневит⟨итинову⟩. Понукал, чтоб писал письма поскорее»; «27 июня ⟨1826 г.⟩. Гулял и думал об Ал⟨ександре⟩ Ив⟨ановне Трубецкой⟩, о письме 5 к ней». Последняя запись дает основание предположить, что второе письмо о философии, как и три следующих, не дошедших до нас письма, было написано в июне 1826 г. Во втором письме легко угадываются положения философии Шеллинга, наиболее последовательно изложенные им в «Системе трансцендентального идеализма» (см. об этом, в частности: *Галактионов А. А., Никандров П. Ф.* Русская философия XI—XIX веков. Л.: Наука, 1970, с. 164—165).

Об «Абидосской невесте»

(с. 276—278)

Автограф — в *ГБЛ*, ф. 48 (Веневитиновых), к. 55, ед. хр. 56. Впервые — *ГМ*, 1914, № 1, с. 276—277. Публикуется по автографу.

В конце автографа есть приписка Веневитинова: «Напишите что-нибудь в этом роде, разумеется, не так небрежно; я писал с присеста и экспромтом. Это не обидит Козлова и спасет беспристрастие журнала. Я думал, что напишу несколько замечаний, а между тем намарал почти что рецензию». (В *изд. 1934* и *1956 гг.* приписка опубликована в тексте рецензии.

Учитывая, что по содержанию приписка не входит непосредственно в текст рецензии, мы выносим ее в примечания.) Судя по письму Веневитинова к Погодину от 17 ноября 1826 г., где сообщается, что разбор «Абидосской невесты» уже «сделан», и по тому, что в Петербург, откуда заметка была выслана, Веневитинов приехал 8—9 ноября 1826 г., можно предположить, что она была написана между 8—17 ноября 1826 г. В № 148 «Северной пчелы» помещен критический разбор «Абидосской невесты». В этом номере газеты напечатано начало разбора за подписью *Ф. Б.* (Булгарин).— См.: Критический разбор повести в стихах «Абидосская невеста», соч. Байроном, переведенной И. И. Козловым.— «Северная пчела», 1826, № 148, с. 3—4; № 149, с. 3—4; № 150, с. 3—4.

1 *В переводе И. И. Козлова...*— Перевод вышел отдельным изданием в 1826 г.

Владимир Паренский

Отрывки из неоконченного романа

(с. 278—287)

Список Рожалина — в *ГБЛ*, ф. 48 (Веневитиновых), к. 55, ед. хр. 36. Впервые (введение под названием «Отрывки из неоконченного романа») — *СЦ* на 1829 г., с. 231—234; полностью сохранившиеся отрывки — *изд. 1956 г.*, с. 142—149.

Роман был задуман Веневитиновым перед переездом его в Петербург — см. запись из *Дневника* Погодина от 9 сентября 1826 г.: «Веневитинов рассказал мне содержание своего затеянного романа, который мне очень понравился». Но осуществить свой замысел Веневитинов, вероятно, смог лишь в Петербурге, откуда пишет друзьям о работе над романом. См. предисловие к *изд. 1831 г.*: «Роман сей был главным предметом мыслей Д. Веневитинова в последние месяцы его кратковременной жизни» (с. 110). См. о романе в кн. История русского романа. М.— Л., 1962, т. 1, с. 268.

ПИСЬМА

1. А. Н. Веневитиновой

(с. 321—323)

Автограф — в *ИРЛИ*, ф. 415 (Веневитинова Д. В.), № 1, лл. 7—8. Впервые — *изд. 1934 г.*, с. 275—277.

Веневитинова Анна Николаевна (1782—1841) — мать поэта.

1 *...в деревне...* — Имение Веневитиновых — село Новоживотинное Воронежского уезда Воронежской губернии, где Веневитиновым принадлежало несколько сел и деревень. Вот выписка из Прошения А. Н. Веневитиновой, а также Алексея и Софьи Веневитиновых на имя Николая I, написанного в январе 1831 г., где достаточно подробно сказано о воронежских владениях Веневитиновых: «Из числа оставшегося после покойного моего Анны мужа ‹...› недвижимого имения, состоящего Воронежской губернии и уезда в селе Новоживотинном — 244; в деревне Кулешове — 8, в деревне Маховатке — 253; Землянского уезда в деревне Ольховатке — 140, в селе Благовещенском — 330, в деревне Ивановке — 133 и в деревне Рубцовой — 137, а всего по нынешней 7-й ревизии — 1245 мужского пола душ» (*ГБЛ*, ф. 48 Веневитиновых), к. 55, ед. хр. 62, л. 2.

2 *Губернатор* — Кривцов Николай Иванович (1791—1843) — близкий приятель Пушкина, посвятившего ему два стихотворения; генерал, участник Отечественной войны 1812 г., брат декабриста С. И. Кривцова. Знакомство Веневитинова с Кривцовым — интересно с точки зрения его контактов с окружением Пушкина и декабристов.

3 *Лев Алексеевич* — возможно, дальний родственник Веневитиновых *Лев Алексеевич* Веневитинов.

4 *Предводитель* — Чарыков Алексей Андреевич – губернский предводитель дворянства, полковник.

5 *Шотт* — лицо не установленное; вероятно, знакомый Веневитиновых.

6 *M-elle Веневитинова* — видимо, одна из воронежских родственниц Веневитиновых.

[7] *...его женою...*— Кривцовой Екатериной Федоровной (умерла в 1861 г.) — сестрой декабриста Ф. Ф. Вадковского.

[8] *...дело Норберга...*— Что это за дело, установить не удалось.

[9] *Александра Патроновна.*— Родственницу или знакомую Веневитиновых с этим отчеством установить не удалось. Возможно, Веневитинов сделал описку или же назвал кого-то так в шутку («Патроновна» вместо «Петровна». См. письмо № 2, где он говорит тоже явно в шутку о «Софье Патроновне»).

[10] *Данила Иванович* — управляющий воронежскими имениями Веневитиновых.

[11] *Герке* Кристиан Иванович (см. прим. к стихотворению «К. И. Герке»).

[12] *Андрей* Филимонов — камердинер Веневитиновых.

2. *С. В. Веневитиновой*

(с. 323—327)

Автограф — в *ИРЛИ*, ф. 415 (Веневитинова Д. В.), № 1, лл. 9—10. Впервые — *изд. 1934 г.*, с. 280—284. Судя по содержанию, письмо написано в те же дни, что и предыдущее письмо от 15 августа, сразу же по приезде из Воронежа в с. Новоживотинное, т. е. в середине августа 1824 г.

С. В. Веневитинова — сестра поэта (см. о ней прим. к стихотворению «Любимый цвет»).

[1] *... трех человек...* — Веневитинова в поездке сопровождали камердинеры Андрей Филимонов (см. письмо № 1) и Павел (см. письмо № 6).

[2] *...на обедах у Буало...*— Имеется в виду третья сатира Буало, где описывается обед, присутствующие на котором оказались в крайней тесноте. В изданиях XIX в. сатира печаталась с разными редакторскими названиями, в частности: «Déscription d'un festin ridicule» («Описание курьезного пиршества»).

[3] *Геништа* Иосиф Иосифович (1795—1853) — композитор, близкий знакомый семьи Веневитиновых, учитель музыки Софьи Веневитиновой. «На художественное развитие композитора (Геништы.— *М. Ч.*)

оказала большое влияние дружба с Д. В. Веневитиновым» (*Алексеев А. Д.* Русская фортепианная музыка. М.: АН СССР, 1963, с. 74). Геништа — автор многих популярных романсов.

4 *...мелодии из хора «Фрейшютца».*— Хор в опере немецкого композитора-романтика К.-М. Вебера (1786—1826), написанной в 1820 г.; на русской сцене шла под названиями «Вольный стрелок» и «Волшебный стрелок».

5 *Иппокрена* — ключ на вершине горного хребта Геликон в Беотии. По преданию, появился от удара копыта коня Пегаса и обладал чудесным свойством вдохновлять поэтов.

6 *Софья Патроновна* — по-видимому, знакомая Веневитиновых. См. также прим. 9 к письму № 1.

7 *Байло* — грек, который обучал Веневитинова греческому языку.

8 *Дорер* — отставной капитан французской службы, гувернер Веневитинова.

9 *Г-жа Дорер* (урожденная Обер) — Софья Николаевна — жена гувернера Веневитиновых, близкий к их семье человек.

3. *С. В. Веневитиновой*

(с. 328—330)

Автограф — в *ИРЛИ,* ф. 415 (Веневитинова Д. В.), № 1, лл. 1—2. Впервые — *изд. 1934 г.,* с. 277—280.

Судя по словам: «Я вам уже говорил, что дорога от Тулы до нашего имения была ‹...› красива»,— письмо написано позднее предыдущего, но как и оно — ранее письма от 26 августа, т. е. между 16—26 августа 1824 г.

1 *...до нашего имения...*— т. е. с. Новоживотинного.

2 *...я нашел здесь только тень прошлого.*— Веневитинов был в с. Новоживотинном в раннем детстве.

3 *...другое наше имение.*— Об имениях Веневитиновых в Воронежской губернии см. прим. 1 к письму № 1.

4 *M-lle Софи* — возможно, одна из знакомых сестры поэта.

4. *С. В. Веневитиновой*

(с. 331—333)

Автограф — в *ИРЛИ*, ф. 415 (Веневитинова Д. В.), № 1, лл. 11—13. Впервые — *изд. 1934 г.*, с. 285—286.

Датировка устанавливается по фразам: «сегодня вторник», а также «Я не забыл дня св. Наталии»; этот день приходился на вторник 26 августа 1824 г.

[1] *...за трудовую неделю.*— Как видно из писем Веневитинова, он отдает много сил в эти дни упорядочению дел в имениях.

[2] *...веселитесь у гр. П.*— Возможно, речь идет о графине Наталии Алексеевне Мусиной-Пушкиной (1784—1829), с которой Веневитиновы были в родстве. О семейном визите к ней Веневитинов упоминает в письме к А. Н. Кошелеву от конца августа — начала сентября 1825 г. «Пушкины» — так для краткости называли Мусиных-Пушкиных современники в дружеской переписке.

[3] *Когда знаком с местом, где происходит действие...*— Веневитиновы находились в родстве с Мусиными-Пушкиными, поэтому вполне вероятны посещения Веневитиновым их дома.

[4] *...к вашим именинам...*— т. е. к 17 сентября.

5. *А. Н. Веневитиновой*

(с. 333—335)

Автограф — в *ИРЛИ*, ф. 415 (Веневитинова Д. В.), № 1, лл. 3—4. Впервые — *изд. 1934 г.*, с. 287—289.

Веневитинов сообщает, что «через два, три дня» в Москву возвращается сопровождавший его в поездке по имениям камердинер Андрей Филимонов. В следующем письме (см. прим. к письму № 6) от 3—5 сентября, предполагая, что Филимонов в Москве, Веневитинов напоминает родным, чтобы с ним передали романсы Геништы. Следовательно, 3—5 сентября камердинер уже собирался обратно к Веневитинову, и письмо было написано дней за 7—8 (время на дорогу плюс «два, три дня») до этих чисел. Зная, что 26 августа Веневитинов уже писал домой (см. прим. к письму

№ 4), можно предположить, что письмо написано в самом конце августа, скорее всего 27—31 августа 1824 г.

1 *...после наших расследований...*— Веневитинов ездил по воронежским имениям, чтобы устранить многочисленные злоупотребления властью доверенных лиц, собиравших подати с крестьян, крепостных Веневитиновых.

2 *...Рубцовских крестьян...*— Деревни Рубцовая и Ивановка (см. ниже) — принадлежали Веневитиновым (см. прим. 1 к письму № 1).

3 *...мы отправляем Андрея...*— Речь идет об Андрее Филимонове (см. прим. 12 к письму № 1).

4 *Донцов* — воронежский помещик, знакомый Веневитиновых.

5 *Василий Львович* — по-видимому, Пушкин (1766—1830) — поэт, дальний родственник Веневитиновых. О дружеских отношениях между В. Л. Пушкиным и Веневитиновыми свидетельствует рекомендательное письмо В. Л. Пушкина к Гнедичу от 30 октября 1826 г.: «Родственник мой, Дмитрий Владимирович Веневитинов, отправляется в С. Петербург, и я его рекомендую в дружбу вашу. Он того достоин и по воспитанию своему и по своим склонностям. Он читает Гомера ‹...› на греческом языке» (*ИРЛИ* 167/1).

6. С. В. Веневитиновой

(с. 335—338)

Автограф — в *ИРЛИ,* ф. 415 (Веневитинова Д. В.), № 1, лл. 5—6. Впервые — *изд. 1934 г.*, с. 289—292.

Веневитинов упоминает в письме, что «вторник» провел в гостях у «Олениной». Это не мог быть вторник 26 августа, ибо в этот день Веневитинов уже писал письмо сестре (см. письмо № 4), но ничего не сообщил о посещении Олениной. Не мог это быть и вторник 9 сентября: в этот день Веневитинов уже собирался уезжать из деревни (см. письмо № 7 и прим. к нему). Следовательно, речь идет о вторнике 2 сентября. Вероятно, письмо было написано после вторника, между средой и пятницей, т. е. 3—5 сентября 1824 г.

[1] *Оленина* — По-видимому, Оленина Варвара Алексеевна (1802—1877) — жена дальнего родственника Веневитиновых Г. Н. Оленина (1797—1843), сестра А. А. Олениной, с которой был знаком Пушкин.
[2] *Андрей Филимонов* — камердинер.
[3] *Геништа* Иосиф Иосифович.
[4] *Мещерские* — князья *Мещерские* Платон Алексеевич (1805—1889) и Александр Алексеевич (1807 — не ранее 1864) — сослуживцы Веневитинова по Московскому архиву. Веневитинов был более дружен с младшим Мещерским — Александром.
[5] *Дорер-сын* — гувернер.
[6] *Дорер-отец* — его отец.

7. *А. Н. Веневитиновой*

(с. 339—340)

Автограф — в *ИРЛИ,* ф. 415 (Веневитинова Д. В.), № 1, с. 16—17. Впервые — *изд. 1934 г.,* с. 292—294.

Веневитинов сообщает в письме, что собирается выехать в Москву во вторник или в среду. Это не вторник 16 и не среда 17 сентября, ибо к этим дням (именины его сестры Софьи) Веневитинов предполагал уже быть в Москве (см. письмо № 4 и прим. 4 к нему). Это и не вторник 2 сентября, поскольку комментируемое письмо — последнее из деревни. Следовательно, он собирался выехать во вторник 9 или в среду 10 сентября, и письмо было написано перед этими днями, т. е. 3—8 сентября 1824 г.

[1] *Данила Иванович* — см. прим. 10 к письму № 1.

8. *С. В. Веневитиновой*

(с. 341—343)

Автограф — в *ИРЛИ,* ф. 415 (Веневитинова Д. В.), № 1, лл. 14—15. Впервые — *изд. 1934 г.,* с. 294—297.

Написано также в последние дни пребывания в Новоживотинном, т. е. 3—8 сентября 1824 г.

[1] *Наталия Яковлевна* — видимо, работница в усадьбе Веневитиновых.
[2] *Танаис* — старое название Дона.

9. Н. И. Гречу
(с. 344)

Автограф — в *ГБЛ,* ф. 48 (Веневитиновых), к. 55, ед. хр. 40. Приписано к списку «Разбора статьи о «Евгении Онегине». Впервые — *изд. 1956 г.,* с. 251.

Датируется по времени окончания работы над статьей (см. прим. к «Разбору статьи о «Евгении Онегине»), т. е. мартом — началом апреля 1825 г.

Греч Николай Иванович (1787—1867) — писатель, журналист; редактор журнала «Сын отечества» с 1812 до 1839 г.; издатель (совместно с Булгариным) «Северной пчелы». В 1825 г. Веневитинов напечатал в «Сыне отечества» три крупные статьи: «Разбор статьи о «Евгении Онегине», «Разбор рассуждения г. Мерзлякова», «Ответ г. Полевому». Однако отношения у него с Гречем так и не сложились: свою неприязнь к Булгарину Веневитинов, видимо, переносил и на Греча.

1 *...сообщить вам несколько замечаний о влиянии философии на поэзию.*— Судя по всему, Веневитиновым была задумана статья, в которой он хотел теоретически обосновать отношение поэтов-любомудров к философской поэзии. Действительно, в самом тексте «Разбора статьи о «Евгении Онегине», как и в других статьях этого периода, при требовании «одной основной мысли» в рассуждениях, т. е. концепции, есть немало положений, восходящих к представлению о единстве философской мысли и поэтического созерцания. Подтверждается предположение о статье и письмами Веневитинова. Так, в письме Кошелеву от 12 июня 1825 г. поэт сообщает, что вместе со статьей «против Мерзлякова» («Разбор рассуждения г. Мерзлякова») он работает и над какой-то другой, которая «еще не спела́». В письме к Кошелеву от конца июля 1825 г., рассуждая о философии и поэзии, Веневитинов пишет: «эти разбросанные мысли... займут большое место в моей статье о влиянии философии ⟨на поэзию⟩». Статья эта или не была написана, или не дошла до нас, но сам факт существования ее замысла, еще не отмеченный в литературе о Веневитинове,— знаменателен, ибо до-

полняет наше представление об исканиях Веневитинова в области создания философской поэзии.

10. Г. Н. Оленину

(с. 344—345)

Автограф — в *ГПБ*, архив Олениных, д. 845. Публикуется впервые.

Оленин Григорий Николаевич (1797—1843) — дальний родственник Веневитиновых. В 18 лет поступил на военную службу. В 1823 г. женился на своей однофамилице, старшей дочери А. Н. Оленина, Варваре Алексеевне. По ее свидетельству, Г. Н. Оленина «очень любил Пушкин» (см.: *ЛН*, т. 58, с. 482—484).

1 *Озеров* — По-видимому, имеется в виду Петр Иванович Озеров (1778—1843) — член Государственного Совета, первоприсутствующий сенатор в общем собрании Московских департаментов правительствующего Сената.

2 *Малиновский* Алексей Федорович (1762—1840) — историк, археограф, писатель, переводчик. С 1814 г. до конца жизни — начальник Московского архива министерства иностранных дел.

3 *...на ваше дело...*— О каком «деле» идет речь, не известно.

11. М. П. Погодину

(с. 346)

Автограф — в *ГБЛ*, ф. 231, II (Погодина М. П), к 46, ед. хр. 6, л. 16 (5). Впервые — *изд. 1934 г.*, с. 297.

1 *...1-ю часть переводов Мерзлякова.*— «Подражания и переводы из греческих и латинских стихотворцев А. Мерзлякова», ч. I, М., 1825.

12. В редакцию журнала «Сын отечества»

(с. 346)

Автограф — в *ГБЛ*, ф. 48 (Веневитиновых), к. 55, ед. хр. 38. Впервые — *изд. 1956 г.*, с. 252.

Письмо написано в конце авторизованного списка статьи «Разбор рассуждений г-на Мерзлякова», пред-

назначавшейся для журнала «Сын отечества» (см. прим. к статье). Датируется по времени начала и окончания работы над статьей: вторая половина мая — начало июня 1825 г.

13. *А. И. Кошелеву*

(с. 346—348)

Список М. П. Погодина — в *ГБЛ*, ф. 231, I (Погодина М. П.), к. 28, ед. хр. 2. Впервые (не полностью, до слов: «только дайте еще вылежаться») — *Колюпанов*, т. I, кн. 2, с. 114—115; полностью — *изд. 1934 г.*, с. 297—299. Написано 12 июня 1825 г.

Кошелев Александр Иванович (1806—1885) — сослуживец Веневитинова по Московскому архиву; один из ближайших друзей Веневитинова, автор «Записок» (Берлин, 1884), в которых, в частности, рассказывается о деятельности кружка любомудров и Веневитинове.

1 *...давно не видался...*— Кошелев эти дни находился в своем имении, в селе Ильинском Бронницкого уезда Московской губернии.

2 *...сочетает все веселия... с важною определенностью математика...*— Общая увлеченность русского общества математикой в первой трети XIX в. (это, в частности, отмечал в 1824 г. «Вестник Европы», ч. 136, № 6, с. 126) коснулась и любомудров, особенно Кошелева и Веневитинова (см. письма Веневитинова к Кошелеву), воспринимавших ее с философских позиций. «Философия с математикой неразрывны»,— пишет Кошелев в одном из своих писем в эти годы (*Колюпанов*, т. I, кн. 2, с. 66). Об увлеченности математикой Веневитинова см., в частности: *Смиренский Б. В.* Эстетические и философские воззрения Д. В. Веневитинова.— Филологические науки, 1969, № 6, с. 46; *Алексеев М. П.* Пушкин. Л.: Наука, 1972, с. 24—25.

3 *Франкер* Луи Бенжамен (1773—1849) — французский математик, автор популярной в России книги «Полный курс чистой математики».

[4] *...поздно приходят в архив...*— Кошелев в «Записках» так описывает отношение «архивных юношей» к работе: «Служба в архиве заключалась в разборке, чтении и описи древних столбцов. Понятно, как такое занятие было для нас мало увлекательно. Впрочем, начальство было очень мило, оно не требовало от нас большой работы» (*Кошелев*, с. 9).

[5] *...примеры Кошелева и Мещерского.*— Кого из двух братьев Мещерских (см. о них прим. к письму № 6) имеет в виду Веневитинов,— неизвестно.

[6] *...трудился над годом своим...*— Служащие в Московском архиве иностранных дел должны были составлять свод документов за определенный год об отношениях России с каким-нибудь государством.

[7] *...прочел статью кн⟨язя⟩ Вяземского...*— В начале июня 1825 г. в *МТ* (ч. 3, № 10, с. 158—165) была напечатана одобрительная рецензия Вяземского на вышедшую в Москве в 1825 г. небольшую книжечку (65 с.) Дениса Давыдова «Разбор трех статей, помещенных в «Записках» Наполеона», в которой, в частности, опровергалась попытка Наполеона умалить роль русских партизан в войне 1812 г.

[8] *...статью Одоевского... отделал он Дмитриева?*— В развернувшейся в 1825 г. полемике вокруг комедии «Горе от ума», отрывки из которой были в том же году напечатаны в «Русской Талии», В. Одоевский решительно выступил против критиков, отрицавших социальную направленность комедии Грибоедова. В его статье «Замечания на суждения Мих. Дмитриева о комедии «Горе от ума» (*МТ*, 1825, ч. 3, № 10, приложение, с. 1—11), которую имеет в виду Веневитинов, отвергались многочисленные, но не глубокие и пристрастные придирки М. Дмитриева (см. его статью «Замечания на суждения «Телеграфа» — *ВЕ*, 1825, ч. 140, № 6). *Одоевский* Владимир Федорович (1804—1869) — писатель, литературный и музыкальный критик, журналист; руководитель «Общества любомудрия», издатель (совместно с В. Кюхельбекером) альманаха «Мнемозина»; близкий друг Веневитинова. *Дмитриев* Михаил Александрович

(1796—1866) — критик, поэт; в дальнейшем сблизился с любомудрами, активно сотрудничал в *МВ*.

9 *Кн⟨язь⟩ Черкасский* Петр Дмитриевич (умер в 1852).— В его доме любомудры проводили заседания в начале своей деятельности. Погодин в своих «Воспоминаниях о Веневитинове» писал о князе Черкасском: «Человек очень образованный, любознательный и живой» (*ГБЛ*, ф. 231, I (Погодина М. П), к. 28, ед. хр. 2).

10 *...статью свою против Мерзлякова...*— «Разбор рассуждения г. Мерзлякова».

11 *Другая же еще не спелá.*— См. прим. 1 к письму 9.

12 *Бестужев* — по-видимому, Александр Александрович (1797—1837) — писатель, критик, издатель (совместно с К. Ф. Рылеевым) альманаха «Полярная звезда»; декабрист. В мае 1825 г. Бестужев находился в Москве (выехал из нее — 23 мая) и мог попросить у Веневитинова статью для своего альманаха.

13 *...вашего Шеллинга...*— В письме № 15 Веневитинов указывает название книги Шеллинга: «Натуральная философия».

14 *Мое почтение вашей маменьке.*— Кошелевой Дарье Николаевне (умерла в 1835).

15 *Брат...*— Веневитинов Алексей Владимирович (1806—1872) также служил в Московском архиве и был связан личными отношениями с многими любомудрами.

14. А. И. Кошелеву

(с. 348—351)

Список М. П. Погодина — в *ГБЛ*, ф. 231, I (Погодина М. П.), к. 28, ед. хр. 2, л. 215. Впервые (не полностью, до слов: «Тем очень замедляется чтение») — *Колюпанов,* т. I, кн. 2, с. 115—117; полностью—*изд. 1934 г.,* с. 300—302.

Поскольку письмо содержит начало спора Веневитинова с Кошелевым, продолжение которого следует в письме от конца июля 1825 г., то оно, скорее всего, написано также в июле 1825 г.

1 «*Isis*»—«Isis oder Encyclopädische Zeitung» — журнал, издававшийся немецким философом, последователем

Шеллинга Лоренцом Океном (1779—1851) с 1817 по 1848 г. Восторженный отзыв Веневитинова о журнале не расходился с мнением о нем других русских почитателей Шеллинга. Вот что пишет, например, профессор Петербургского университета Д. М. Велланский (1774—1847) в письме к В. Одоевскому от 17 июля 1824 г. в связи с изданием альманаха «Мнемозина»: «Весьма много материалов для вашего издания можете вы найти в немецком журнале, издаваемом Океном: «Isis oder Encyclopädische Zeitung von Oken»... Из всех европейских ученых журналов «Isis» есть совершеннейший» (*РА*, 1864, кн. 7—8, с. 805).

2 *...перевел я ученый спор между Вагнером и Блише.*— См. переводы Веневитинова статей Вагнера и Блише в наст. изд. и прим. к ним.

3 *...свое замечание к статье Вагнера...*— См. прим. Веневитинова в тексте статьи.

4 *...нет начала спора.*— Полемика возникла после появления статьи Блише, опубликованной в 9 номере журнала Окена за 1819.

5 *...обратимся к нашему спору...*— Письма Кошелева к Веневитинову неизвестны, но ответы Веневитинова позволяют предположить, что спор, в основном, велся вокруг содержания понятия «цель познания». В споре Веневитинов проявляет глубокое знание как «Натуральной философии» Шеллинга, так и его «Системы трансцендентального идеализма».

6 *...положении первого человечества.*— Те же мысли Веневитинов развивает в «Анаксагоре».

7 *Книга «Бытия»... дает вам понятие о... состоянии первобытного человека.*— Ссылкой на библейскую легенду о первом человеке, рассказанную в «Бытии», Веневитинов иллюстрирует свою мысль о первом этапе познания мира человеком.

8 *...показаться романтизмом...* — В современном Веневитинову издании понятие «романтизм» определялось, например, следующим образом: «Романтизм говорит: станем дурачить людей; станем потчевать их всяким вздором... Романтизм еще отвергает всякую опытность, ставит воображение против разу-

ма» (*Снядецкий И.* О творениях классических и романтических.— *ВЕ*, 1819, № 8, с. 286, 302).

9 *...тогда родилась философия, когда человек раззнакомился с природою...*— Те же мысли Веневитинов развивает в «Анаксагоре».

10 *Посмотрите, как бог беседует с человеком... всем дал имена.*— Приводя пример из второй главы «Бытия», в которой, в частности, рассказывается о том, что бог, создав животных и птиц, «привел их к человеку, чтобы видеть, ...как наречет человек всякую душу живую», Веневитинов обращает внимание на то, что человек здесь даже эту задачу решает без усилия, все воспринимая как должное. Тем самым Веневитинов подкрепляет свою мысль о неразделенности человеческого сознания с природой в первобытном состоянии.

11 *..пройдите Золотой век древних стихотворцев...*— См. прим. 2 к диалогу «Анаксагор».

12 *...с книгою Моисея...*— Имеется в виду первая из пяти («Бытие», «Исход», «Левит», «Число», «Второзаконие»), приписываемых пророку Моисею, книг начального раздела («Пятикнижие») Ветхого завета, в которой говорится о сотворении мира и первых людях.

13 *...новое издание с переводом латинским...*— Это издание Веневитинов называет в письме: «Аста эстетика», «издание Аста». Имеется в виду «Собрание сочинений Платона в 11 т., выходившее в Лейпциге с 1819 по 1832 гг.; оно было снабжено научными и текстологическими комментариями, латинским переводом. Издание подготовлено немецким философом и филологом Георгом-Антоном-Фридрихом Астом (1778—1841).

14 *...графу С. П-му, книгопродавцу.*— Лицо не установленное.

15. А. И. Кошелеву

(с. 351—352)

Список М. П. Погодина — в *ГБЛ*, ф. 231, I (Погодина М. П.), к. 28, ед. хр. 2, л. 213. Впервые (не полностью, от слов: «Меня попеременно развлекали...» и до

слов: «мало обработан наш ученый язык» — *Колюпанов,* т. I, кн. 2, с. 114; полностью — *изд. 1934 г.,* с. 307—308.

Говоря о книге Шеллинга, увезенной по ошибке, Веневитинов добавляет, что книгу вернут «на этой неделе». В письме от конца июля он пишет, что книга «на днях ⟨...⟩ прибудет». Следовательно, письмо было написано в начале 20-х чисел июля 1825 г.

1 *...кн⟨язь⟩ Черкасский...* — см. прим. 9 к письму № 13.

2 *...Шеллинг... будет... сокрушать?* — Веневитинов имеет в виду книгу Шеллинга «Натуральная философия».

3 *...неожиданный приезд Хомякова...* — Летом 1825 г. А. Хомяков был в Москве проездом, направляясь в отпуск за границу после двухлетнего пребывания в Петербургском лейб-гвардии конном полку.

4 *...математикою, которая теперь в моих глазах... самый совершенный плод на древе человеческих познаний.* — См. переводы Веневитинова статей Вагнера и Блише, а также прим. к письму № 14.

5 *...статью...* — Все известные нам статьи Веневитинова, написанные к этому времени, уже упоминались им в письмах. Вероятнее всего, Веневитинов имеет в виду диалог «Анаксагор», где были изложены те мысли, которые особенно волновали его в этот период (см. прим. к «Анаксагору» и к письмам Кошелеву). Правда, те же мысли нашли отражение и в этюде «Утро, полдень, вечер и ночь», написанном в том же году, но стиль и содержание его никак не подходит к определению «статья», да и сам Веневитинов в письме к Погодину (см. письмо № 21) называл этюд не статьей, а «пиесой».

16. А. И. Кошелеву

(с. 353—355)

Список М. П. Погодина — в *ГБЛ,* ф. 231, I (Погодина М. П.), к. 28, ед. хр. 2, л. 214. Впервые (не полностью, до слов: «Младенец не философ») — *Колюпанов,* т. I, кн. 2, с. 117—119; полностью — *изд. 1934 г.,* с. 303—305.

В письме упомянуто («Телеграф» обещает мне ответ») напечатанное в № 13 *МТ* уведомление о том, что в ближайшее время журнал даст ответ на антикритики, в том числе, и на статью «г-на «—*в*» (Веневитинова.— *М. Ч.*), где опровергались мои (Н. Полевого.— *М. Ч.*) замечания на «Онегина», поэму А. С. Пушкина» (*МТ*, 1825, ч. 4, № 13, с. 1, 8). 13-я книжка *МТ* поступила в продажу 22 июля (см.: «Моск. вед.», 1825, № 58, 22 июля). Следовательно, письмо было написано в конце июля 1825 г.

1 *...ваши замечания на статью мою.*— На «Разбор рассуждения г. Мерзлякова».

2 *Стремился ли он сосредоточить и развить рассеянные понятия...*— Важное замечание поэта-философа, характеризующее один из методологических принципов изображения в философской поэзии: концентрация общих представлений и конечный направленный вывод.

3 *...в моей статье о влиянии философии.*— См. прим. 1 к письму № 9.

4 *Пиндар* (ок. 518—442 или 438 до н. э.) — древнегреческий поэт. Сочинял торжественную хоровую лирику, т. е. песнопения, предназначавшиеся для исполнения на празднествах, а также эпиникии, предназначавшиеся для прославления победителей на общегреческих состязаниях, которые составляли часть религиозных празднеств.

5 *Клопшток* Фридрих Готлиб (1724—1803) — немецкий поэт. Автор эпической поэмы «Мессиада».

6 *...душа его была в гармонии с природой...*— Строка почти дословно перенесена в статью «Анаксагор». Вся часть письма, начиная от слов «Гомер. Философ ли он?», повторена затем в «Анаксагоре».

7 *Гамс* — знакомый Веневитинова, который по ошибке увез у него книгу Шеллинга (см. письмо № 15). Возможно, что Веневитинов имеет в виду поэта-эмигранта Гамбса (см. прим. 1 к письму № 20).

8 *...«Телеграф» обещает мне ответ...*— В особенных прибавлениях к 13 номеру *МТ* Полевой перечисляет все критические статьи в его адрес, в том числе и ве-

невитиновскую (см. прим. 1 к статье «Ответ г. Полевому»), на которые собирается дать ответ.

9 *...его прочие антикритики...* — В том же 13 номере (см. предыдущее прим.) Полевой отвечает сразу нескольким своим оппонентам (см. *МТ*, 1825, ч. 4, № 13, особенные прибавления, с. 2—64).

10 *...не будете мне советовать отвечать...* — О причинах, по которым Веневитинов все же ответил Н. Полевому, см. письмо № 18.

11 *Перевод Окена...* — По-видимому, речь идет о переводе «Теософии» Окена, о которой Веневитинов писал в письме № 14.

12 *...влияния на образование нашего ученого языка...* — Одна из конкретных задач, которую ставили перед собой любомудры. Веневитинову удалось найти ясный и точный стиль для своих статей (см. *Манн*, с. 14—15, 30; сб.: Теория литературных стилей. М.: Наука, 1976, с. 89, 95, 97—99).

17. А. И. Кошелеву

(с. 355)

Список М. П. Погодина — в *ГБЛ*, ф. 231, I (Погодина М. П.), к. 28, ед. хр. 2, п. 213. Впервые — *изд. 1934 г.*, с. 299. Написано 9 августа 1825 г.

1 *...сей книге...* — По предположению Ю. Манна, весьма основательному (см.: *Манн*, с. 19), речь идет о книге А. И. Галича «Опыт науки изящного» (М., 1825). «Опыт науки изящного» — одна из первых изданных в России работ по эстетике, где доказывалось, что прекрасное совпадает с истиной, а потому эстетика и философия неразрывно связаны друг с другом. Эти мысли не могли не привлечь внимания Веневитинова, ибо прямо перекликались с его мыслями о единстве философии и художественного творчества.

18. А. И. Кошелеву и А. С. Норову

(с. 356—357)

Список М. П. Погодина — в *ГБЛ*, ф. 231, I (Погодина М. П.), к. 28, ед. хр. 2, л. 214. Впервые (не полно-

стью, до слов: «...и их сегодня отправлю в ваш дом») — *Колюпанов,* ч. 1, кн. 2, с. 119; полностью — *изд. 1934 г.,* с. 305—307.

За неделю до того как было написано письмо, вышел 15 номер *МТ* со статьей Н. Полевого против Веневитинова. 26 августа этот номер уже «раздавался подписчикам» («Моск. вед.», 1825, № 68, 26 августа). Следовательно, письмо можно датировать концом августа — началом сентября 1825 г.

1 *...к тетке...*— Родных теток у Веневитинова не было (сестры отца умерли задолго до рождения поэта, мать сестер не имела). Следовательно, речь идет об одной из более дальних родственниц Веневитинова.

2 *Графиня Пушкина.*— См. прим. к письму № 4.

3 *...мне посвященную статью...*— Антикритика Н. Полевого «Толки о «Евгении Онегине», соч. А. С. Пушкина» против «Разбора статьи о «Евгении Онегине» Веневитинова (*МТ*, 1825, ч. 4, № 15, с. 1—11 (особенное прибавление).

4 *...предполагает зависть к известности Пушкина...*— О полемике вокруг первой главы «Евгения Онегина» и литературе по вопросу см. прим. к «Разбору статьи о «Евгении Онегине».

5 *...выбрать другую сферу действия.*— В это время любомудры готовили уже свое первое печатное издание — альманах «Урания на 1826 год», материалы которого прошли цензуру 25 ноября 1825 г.

6 *...Рожалин послал в «В⟨естник⟩ Е⟨вропы⟩» славное письмо...*— О Рожалине см.: прим. к «Посланию к Рожалину» («Я молод, друг мой...»); о его статье см.: прим. к «Разбору статьи о «Евгении Онегине».

7 *Киреевский* Иван Васильевич (1806—1856) — писатель, критик, активный сотрудник *МВ*, сослуживец Веневитинова по архиву и один из его ближайших друзей; автор опубликованного в альманахе «Денница на 1830 год» и ставшего широко известным, благодаря высокой оценке Пушкина, «Обозрения русской словесности за 1829 год», где он не только говорит о своеобразии таланта Веневитинова, но и одним из первых указывает на перспективность философского направления в русской лирике (см.: *Ки-*

реевский И. В. Полное собрание сочинений, М., 1911, т. 2, с. 27).

8 *...отправлю в ваш дом.*— Из Московского дома Кошелева корреспонденция пересылалась ему в с. Ильинское.

9 *Киреевский послал вам Шеллинга и Окена...*— видимо, имеются в виду переводы И. Киреевского, не дошедшие до нас.

10 *...выписка из Блише...*— См. перевод статьи Блише, с. 240—241.

11 *Александр Сергеевич* — Норов (ум. в 1870 г.) — поэт, переводчик, сотрудник Московского архива, друг детства Кошелева и его сосед по имению: имение Норова — с. Надеждино — находилось в 45 верстах от с. Ильинского.

12 *...моя статья...*— «Ответ г. Полевому».

13 *...а «Тартюфа»...*— Над переводом «Тартюфа» работал Норов.

19. А. И. Кошелеву и А. С. Норову

(с. 357—358)

Список М. П. Погодина — в *ГБЛ,* ф. 231, I (Погодина М. П.), к. 28, ед. хр. 2, л. 213. Впервые — *изд. 1934 г.,* с. 302—303.

1 *Княжны Ухтомские.*— У князя Ухтомского Ивана Михайловича (1759—1829), женатого на Маргарите Михайловне Кошелевой, родственнице А. Кошелева, было пять дочерей: Прасковья, Дарья, Анна, Анастасия и Маргарита.

2 *Александр Сергеевич.*— Норов (см. прим. 11 к письму № 18).

3 *...один философиею...*— Кошелев.

4 *...другой поэзиею...*— Норов. Биограф Кошелева Н. Колюпанов писал: «Слабое здоровье, вследствие изуродовавшего его ушиба, мешало службе А. С. Норова в архиве, и он постоянно числился в отпуску, проживая у отца в деревне. Там Александр Сергеевич занимался литературой и писал стихи» (*Колюпанов,* т. I, кн. 2, с. 53).

5 *...славную книгу...*— Погодин переписал лишь не-

сколько слов из немецкого названия книги, по которым восстановить полное название книги оказалось невозможным.

20. ⟨Ф. Я.⟩ Эвансу

(с. 359)

Автограф — в *ЦГАЛИ*, ф. 1043 (Веневитинова Д. В.), оп. 1, ед. хр. 3. Публикуется впервые.

Эванс (Томас) Фома Яковлевич (1785—1849) — преподаватель английского языка в Московском университете; англичанин, живший долгое время в России (Фома Яковлевич — русская транскрипция его имени). Установление факта знакомства Веневитинова с Эвансом знаменательно еще и в том отношении, что через него Веневитинов мог быть знаком и с англичанкой Клэр Клэрмонт, возлюбленной Байрона; с 1824 по 1828 г. она жила в Москве. С ней Эванс долгое время поддерживал дружеские связи, как и с поэтом Гамбсом (см. прим. 7 к письму № 16), которого она опекала.

1 *...партитуры...*— Эванс превосходно играл на виолончели, выступал в домашних концертах. Видимо, выступал он и в салоне З. Волконской.

21. М. П. Погодину

(с. 359)

Автограф — в *ГБЛ*, ф. 231, II (Погодина М. П.), к. 46, ед. хр. 6, л. 20 (2). Впервые — *изд. 1934 г.*, с. 308—309.

Речь в письме идет о корректурных листах альманаха «Урания на 1826 год», материалы которого прошли цензуру 26 ноября 1825 г.; поскольку в продажу альманах поступил в самом начале января 1826 г. («Моск. вед.», 1826, № 3, 9 января, с. 52), мы датируем письмо концом ноября — декабрем 1825 г.

1 *Моя пиеса...*— Философский этюд «Утро, полдень, вечер и ночь».

2 *...принадлежит... вам...*— Погодин был издателем и редактором «Урании», для которой предназначался этюд.

[3] *Вместо слов... поставьте...*— Исправления Веневитинова были учтены при публикации этюда.

22. *М. П. Погодину*

(с. 360)

Автограф — в *ГБЛ*, ф. 231, II (Погодина М. П.), к. 46, ед. хр. 6, л. 145 (42). Впервые (не полностью от слов: «повесть ваша...» и до слов: «пошел спать») — *Барсуков*, кн. 2, с. 27; полностью — *изд. 1934 г.*, с. 309. Текст письма, публиковавшегося ранее с некоторыми неточностями, печатается с исправлениями по автографу.

Датировано по записи из Дневника Погодина от 17 июня 1826 г.: «Получ‹ил› Геца от Вен‹евитинова› и письмо».

[1] *Письмо так спешил окончить...*— Веневитинов имеет в виду свое «Письмо к графине NN», которое было написано по предложению Погодина (см. запись из *Дневника* Погодина от 13 июня 1826 г.): «‹...› советовал ему (Веневитинову.— *М. Ч.*) писать о философии» (см. также прим. к «Письму к графине NN»).

[2] *...по адресу прекрасной графине...*— княжне А. И. Трубецкой. То, что письмо о философии было адресовано именно княжне, подтверждается записью из *Дневника* Погодина, сделанной в день получения письма — 17 июня 1826 г.: «Получ‹ил›... от Вен‹евитинова›... письмо. Прочел про себя, потом с княжною. Очень был рад, что она понимает. Говорил с нею и шутил о графине».

[3] *Повесть Ваша...*— «Адель», задуманная Погодиным во время его пребывания на Девичьем поле под Москвой на летней даче семьи князя И. Д. Трубецкого, в доме которого он был домашним учителем. Влюбленный в младшую дочь Трубецких — Александру, Погодин решает описать ее жизнь (см. записи в *Дневнике* Погодина за июнь 1826 г.; а также: *Барсуков,* кн. 2, с. 23—24). 2-го июня 1826 г. Погодин записывает в *Дневнике*: «Вздумал написать Адель... Приступил к Адели». Под именем Адель, заимство-

ванным из известного стихотворения Пушкина, Погодин скрывает княжну Александру Трубецкую. Веневитинов хорошо знал княжну и, видимо, одно время тоже был увлечен ею, о чем мы можем судить по дневниковым записям Погодина: «31 июля 1826 г. Веневитинов и Александра Ивановна. Досадно ли мне, что заслонил меня? Клянусь, что нет, я одинаково люблю его и ее, но что-то неприятное на сердце»; «20 августа 1826 г. К Венев⟨итинову⟩. Думал о нем и Ал⟨ександре⟩ Ив⟨ановне⟩. Я думаю с равнодушием личным, как бы желая женить их... они были бы счастливы». Именно Александре Трубецкой посвятил Веневитинов стихотворение «Новгород» (см. прим. к стихотворению, с. 477). Трубецкой Иван Дмитриевич (умер в 1827) — камергер, троюродный брат С. Л. Пушкина, отца поэта; его жена — Екатерина Александровна (умерла в 1831), их дети Аграфена (умерла 1861), Николай (1807—1874), Александра (см. прим. 1 к «Письму к графине NN»).

4 *О «Валленштейне» ни слова...*— В Дневнике (14—30 мая 1826 г.) Погодин записывает: «Начал переводить Валленштейна... переводил весь день понемногу. Еще трудны стихи. Перевод начал с удовольствием. Если бы удался!». И далее изо дня в день Погодин пишет в *Дневнике* о работе над переводом трагедии Шиллера. Еще одна запись из *Дневника*: «13 июня 1826 г. Веневит⟨инов⟩. Прочел ему Валленштейна». Перевод Погодиным трагедии Шиллера «Валленштейн» и имеет в виду Веневитинов в письме. Начиная с конца XVIII в. произведения Шиллера получают распространение в России (см.: *Данилевский Р. Ю.* Шиллер и становление русского романтизма.— Сб.: Ранние романтические веяния. Л.: Наука, 1972, с. 3—95). «Из германских поэтов романтической школы имя Шиллера известнее прочих в российской литературе»,— писал в 1823 году известный русский критик (*Сомов О.* О романтической поэзии.— Сб.: Труды Вольного общества любителей российской словесности, 1823, ч. 23, кн. 3, с. 304). Увлечены были Шиллером и Погодин (см.: *Барсуков*, кн. 2, с. 18—20), и Веневитинов.

[5] *В моем «Götz» не достает 6-ти страниц на конце...*— Имеется в виду немецкое издание драмы Гете «Гец фон Берлихинген» (написана в 1773 г.). Из записей в Дневнике Погодина явствует, что драму он задумал перевести 9 июня 1826 г. 13 июня 1826 г. Погодин записывает: «Попросил у него (Веневитинова.— *М. Ч.*) Геца». Эту книгу вместе с комментируемым письмом и прислал Веневитинов Погодину 17 июня 1826 г. (см. приведенную выше запись). 21 сентября 1826 г. Погодин пишет в Дневнике: «Веневити⟨нову⟩... посвятил Геца».

[6] *...до них еще далека песнь.— «До них»* — тех 6-ти страниц, которых недоставало в веневитиновском экземпляре издания «Геца фон Берлихингена». «*Далека песнь*» — Веневитинов имеет в виду, что Погодин еще не начинал перевода.

23. *Родным*

(с. 360—361)

Автограф — в *ИРЛИ,* ф. 415 (Веневитинова Д. В.), № 1, л. 18. Впервые (не полностью, от слов: «Мы приехали» и до слов: «всею душою») — *РА*, 1885, с. 122; полностью — *изд. 1934 г.,* с. 309—310.

Письмо написано в четверг 4 ноября 1826 г. (убедительную аргументацию датировки см.: *Л. Тартаковская,* с. 105).

[1] *...рад, что путешествую с Воше...*— Карл Август *Воше* — француз, библиотекарь и секретарь графа И. С. Лаваля; Воше возвращался через Москву в Петербург после того, как проводил в Сибирь дочь графа Е. И. Трубецкую к ее мужу декабристу С. П. Трубецкому. Княгиня З. А. Волконская — родственница Лавалей — содействовала совместному путешествию Веневитинова с Воше, надеясь, что благонадежная репутация Веневитинова избавит Воше от преследования жандармов (см. об этом: *М. Веневитинов*, с. 19—22; *Колюпанов*, т. I, кн. 2, с. 112; *Гаррис М. А.* Зинаида Волконская и ее время. М., 1916, с. 84). Сохранилась запись из дневника декабриста М. И. Пущина от 30 сентября 1826 г.: он на-

зывает Воше первым человеком, познакомившимся с положением декабристов на каторге и высоко отзывается о его человеческих качествах (*ИРЛИ,* Р 1, оп. 22, № 3971).

² *Софи* — сестра Веневитинова.

³ *Кн⟨ягиня⟩ Зинаида* — Волконская.

⁴ *Софи Дорер* — см. прим. 9 к письму № 2.

⁵ *Федор* — Хомяков Федор Степанович (1808—1829) — брат А. Хомякова, друг Веневитинова. Ф. Хомяков путешествовал вместе с Веневитиновым, возвращаясь после проведенного в Москве отпуска в Петербург, где он служил в Азиатском департаменте министерства иностранных дел.

24. С. В. Веневитиновой

(с. 362—364)

Автограф — в *ИРЛИ,* ф. 415 (Веневитинова Д. В.), № 1, лл. 20—21. Впервые (не полностью, до слов «наслаждаться душой всем виденным») — *ГМ,* 1914, № 1, с. 270; полностью — *изд. 1934 г.,* с. 312—313.

В письме указано, что оно написано в четверг. Судя по содержанию письма, оно — первое из Петербурга, значит, оно не могло быть написано в четверг 4 ноября (Веневитинов в этот день писал письмо родным из Торжка по пути в Петербург. См. письмо № 23 и прим. к нему) и в четверг 18 ноября: этим числом датировано другое письмо сестре (см. письмо № 26). По-видимому, письмо было написано 11 ноября 1826 г.

¹ *Хитровы.*— Возможно, *Хитрово* Алексей Захарович (1776—1854) — государственный контролер и его жена — дальняя родственница Веневитиновых — Мария Алексеевна (до замужества — графиня Мусина-Пушкина; 1782—1863). «Хитровы», «Хитрова» — так часто произносилась фамилия Хитрово («Хитровой», например, часто подписывалась известная меценатка, друг Пушкина Е. М. Хитрово.— См.: Пушкин в восп. совр., т. 1, с. 405—406).

² *Граф Нессельроде* Карл Васильевич (1780—1862) — управляющий министерством иностранных дел, в

Азиатский департамент которого перевелся Веневитинов.

[3] *...нескольких дней отдыха...*— Причину столь благожелательного отношения начальства к Веневитинову отчасти объясняет свидетельство племянника поэта М. А. Веневитинова: «Когда Дмитрий Владимирович представлялся своему новому начальству в Министерстве иностранных дел, то Родофиникин (К. К. Родофиникин — директор Азиатского департамента.— *М. Ч.*) после продолжительного с ним разговора, был поражен его болезненным видом и к своему отзыву о нем, как о человеке, подававшем большие надежды и обещавшем Азиатскому департаменту много пользы вследствие прекрасного знания греческого языка, прибавил в своем словесном докладе графу Нессельроде: «Но мы им не долго воспользуемся, у него смерть в глазах, он должен умереть» (*М. Веневитинов,* с. 123).

[4] *Княжна Алина.*— См. прим. 14 к письму № 26.

[5] *Дамы Окуловы* — близкие знакомые Веневитиновых, дочери камергера А. М. Окулова (1766—1821): Анна (1794—1861) — впоследствии камер-фрейлина, Софья (1795—1872), Варвара (1802—1879), Елизавета (1806—1886) и Дарья (1811—1865). Все они обладали неплохими голосами, а Елизавету современники называли даже «Соловьевой» (см.: *Пушкин.* Письма последних лет. Л.: Наука, 1969, с. 438).

[6] *Мещерский.*— Александр, с которым дружил Веневитинов.

[7] *Софи* — Дорер (см. прим. 9 к письму № 2).

[8] *Марчелло* Бенедетто (1686—1739) — итальянский композитор, завоевавший популярность своими псалмами, написанными на один и несколько голосов.

[9] *Виельгорский — граф Виельгорский* (Вьельгорский, Вельгорский) Михаил Юрьевич (1788—1856) — музыкальный деятель, композитор, автор одной из первых русских симфоний, а также многих популярных романсов; давний знакомый Веневитиновых; переехал из Москвы в Петербург в 1823 г.

[10] *Алексей* — брат поэта; в дни, когда писалось письмо, находился в Воронежской губернии.

25. *М. П. Погодину*

(с. 364—365)

Автограф — в *ГБЛ*, ф. 231, II (Погодин), к. 46, ед. хр. 6. Впервые (не полностью, от слов: «Дельвига по сих пор не мог видеть» до конца) — *Барсуков,* кн. 2, с. 65; полностью — *изд. 1934 г.,* с. 313—314.

1 *«Мнемозина»* — альманах; издавался в 1824—1825 гг. В. Ф. Одоевским и В. К. Кюхельбекером.

2 *...переводы Мерзлякова...*— «Подражания и переводы из греческих и латинских стихотворцев» (см. прим. 1 к «Разбору рассуждения г. Мерзлякова»).

3 *Карбоньер* Лев Львович (1770—1836) — председатель Главного цензурного комитета, назначенный на эту должность в 1826 г.

4 *Соц* Василий Иванович (1788—1841) — секретарь особого цензурного комитета при Министерстве полиции, критик.

5 *Вот причины, причины верные, по которым отсылаю «Годунова».*— Сцену «В Чудовом монастыре» из «Бориса Годунова», предназначавшуюся для первого номера *МВ*, Погодин отправил Веневитинову, чтобы тот передал ее в цензуру. Об этом Погодин сообщил 15 ноября 1826 г. Пушкину: «Отрывок из «Годунова» отправлен в С.-Петербургскую цензуру» (*Пушкин.* Полное собрание сочинений, М.— Л.: АН СССР, 1937, т. 13, с. 306).

6 *Я Рожалину писал...*— Письмо не сохранилось.

7 *Дельвига по сих пор не мог видеть. Какая-то судьба мешает нам знакомиться.*— Веневитинов познакомился с Дельвигом или в тот день, когда было написано письмо, т. е. 17 ноября, или на другой день. Во всяком случае, в письме сестре от 18 ноября он уже пишет, что проведет вечер «у Дельвига». Чуть позже Веневитинов уже рассказывает о своих дружественных отношениях с Дельвигом. Дружба эта была отмечена даже Пушкиным (см. письмо Пушкина к Дельвигу от 2 марта 1827 г.— *Пушкин,* т. 10, с. 225). О взаимоотношениях Дельвига и Веневитинова см.: *Дельвиг А. И.* Полвека русской жизни, Воспоминания, т. I. М.—Л.: Academia, 1930, с. 74—

75; а также: *Вацуро В. Э.* «Северные цветы». История альманаха Дельвига-Пушкина. М.: Книга, 1978, с. 103—105, 109, 110).

8 *...к Пушкиным...*— Семья С. Л. Пушкина, отца поэта, с которой Веневитиновы находились в дальнем родстве.

9 *Впрочем, на него можем надеяться.*— Веневитинов предполагает сотрудничество Дельвига в *МВ*. Однако, несмотря на дружбу поэтов, произведений Дельвига в журнале любомудров *МВ* — не появлялось.

10 *«Абид‹осской› нев‹есты›» разбор...*— Разбор этот был выполнен Веневитиновым, но в *МВ* не печатался.

11 *Сегодня переезжаю...*— На новую квартиру, во флигель дома В. С. Ланского, Веневитинов переехал только 22 ноября.

12 *...шаг решительный сделан.*— Поездка Веневитинова в Петербург имела определенные мотивы (кроме официального перемещения по службе), о которых писал Погодин в *Дневнике* 23 июля 1826 г.: «Приехал Веневитинов. Говорили об осужденных. Все жены едут на каторгу. Это делает честь веку. Да иначе и быть не могло. У Веневитинова теперь такой план, который у меня был некогда ‹...›. Служить, выслуживаться, быть загадкою, чтобы, наконец, выслужившись, занять значительное место и иметь больший круг действий».

13 *Я долго не отвечал тебе на первое твое письмо...*— Письмо неизвестно.

14 *...ваш праздник...*— Вероятно, имеется в виду 22 ноября — день именин Погодина.

15 *...милого-премилого Шевырева.*— Видимо, Веневитинов был очень привязан к своим московским друзьям: вспомним его обращение и к Погодину: «милый Михалушка». *Шевырев* Степан Петрович (1806—1864) — критик, историк литературы; один из трех (Веневитинов, А. Хомяков, Шевырев) поэтов, представлявших философскую поэзию любомудров. Ведущий критик *МВ*; его статьи определяли идейное лицо журнала. О критических выступлениях Шевы-

рева в *МВ* см.: *Манн,* с. 150—163; прим. к ст. «К любителю музыки», письмо № 43 и прим. к нему. Именно Шевыревым были сказаны едва ли не самые проникновенные слова о Веневитинове, свидетельствующие о его искренней любви к поэту: «Переходя к поэтам нового поколения, мы невольно предаемся чувству скорби, не замечая в ряду их незабвенного Веневитинова, для которого слишком рано наступила пора его славы. Он, как мгновенная звезда, пролетел от земли к небу — и исчез, надолго оставив за собою свое лучезарное сияние. Его собственная душа, чуждая постороннего влияния, видна в его поэзии» («Обозрение русской словесности за 1827 год».— *МВ*, 1828, ч. 7, № 1, с. 74).

26. С. В. Веневитиновой

(с. 365—368)

Автограф — в *ИРЛИ,* ф. 415 (Веневитинова Д. В.), № 1, лл. 22—23. Впервые — *изд. 1934 г.,* с. 314—317.

1 *...у кн⟨ягини⟩ Зинаиды?*— Волконской.

2 *...я надеюсь, что мы, наконец, в понедельник переедем на нашу квартиру...*— В понедельник, т. е. 22 ноября.

3 *...на обед к г. Батюшкову...*— *Батюшков* Павел Львович (1765—1848) — сенатор, дядя поэта К. Н. Батюшкова.

4 *...его дочерьми...*— Елизаветой и Анной Батюшковыми.

5 *Кутайсовы* — Граф *Кутайсов Павел Иванович* (1782—1840) — сенатор, председатель Общества поощрения художеств, член управления императорскими театрами и его жена графиня *Кутайсова Прасковья Петровна* (1784—1870).

6 *...данным мне отдыхом.*— Веневитинову после определения его на службу в Петербурге был предоставлен кратковременный отпуск (см. письмо № 24).

7 *Княгиня* — З. Волконская.

8 *...письмо к Алексею...*— брату поэта.

9 *...напишу... моей тетушке.*— См. прим. 1 к письму № 18.

10 *...провел один вечер у кня⟨гини⟩ Софи Волконской...— Княгиня Волконская Софья* Григорьевна (1785—1868) — жена министра двора П. М. Волконского, сестра декабриста С. Г. Волконского. Посещение Веневитиновым дома Волконских весьма примечательно. Здесь все было проникнуто любовью к Сергею Волконскому. Так, жена декабриста М. Н. Волконская писала мужу 10 апреля 1826 г. в Петропавловскую крепость: «Милый друг, вот уже три дня как я живу у твоей прекрасной и добрейшей матери. Я не буду говорить ни о трогательном приеме, который она мне оказала, ни о той нежности, поистине материнской, которую она проявляет ко мне. Ты знаешь ее значительно лучше, чем я, так что ты мог заранее себе представить, как она отнесется ко мне» («Литературная газета», 1975, № 50, 10 декабря, с. 7). Немаловажен и другой факт, который следует из сопоставления двух писем. 21 октября 1826 г. С. Г. Волконская пишет брату: «Я хочу тебе рассказать, как разместилась Мари (М. Н. Волконская.— *М. Ч.*): в нижнем этаже — знай, что это лишь на первое время — она займет три хороших комнаты окнами во двор» (там же). Через два месяца — 21 декабря графиня А. Г. Лаваль писала своей дочери Е. И. Трубецкой, уже уехавшей к мужу, декабристу С. П. Трубецкому, в Сибирь: «Княгиня Мария Волконская уезжает сегодня вечером, чтобы ехать в вашу местность» (сб. Литературное наследие декабристов. Л.: Наука, 1971, с. 182). Следовательно, Веневитинов посещал дом Волконских в те дни, когда там жила М. Н. Волконская, и мог встречаться с ней.

11 *...беседовали с кн⟨яжной⟩ Алиной...*— Княжна Волконская Александра (Алина) Петровна (1804—1859) — дочь С. Г. и П. М. Волконских. В связи с восторженными отзывами Веневитинова о княжне интересно привести свидетельства о ней других современников. 8—20 августа 1827 г. В. А. Жуковский писал из г. Эмса в Германии поэту И. И. Козлову: «Здесь теперь княгиня Софья Волконская и Алина. Вот целый месяц почти, как я с ними ежедневно

вижусь и так к этому привык, что будет очень больно с ними расстаться. Алина прелестное, милое, доброе, умное создание. Она стоит счастья и авось будет иметь его» (*Жуковский В. А.* Сочинения, СПб., 1878, т. 6, с. 469). Произвела впечатление Алина Волконская и на Пушкина, который писал о ней А. И. Тургеневу 14 июля 1824 г.: «вы изумитесь правоте и верности прелестной ее головы» (*Пушкин*, т. X, с. 97).

12 *...мое почтение кн⟨ягине⟩ Зинаиде...*— Волконской Зинаиде Александровне, которая была в самых близких отношениях с родственниками своего мужа Н. Г. Волконского (см., в частности: *М. Веневитинов*, с. 119; *Волконская М. Н.* Из «Записок».— Пушкин в восп. совр., т. 1, с. 214; *Грот К. Я.* Дневник И. И. Козлова.— Старина и новизна, 1906, кн. 11, с. 47).

13 *Окуловы.*— См. прим. 5 к письму № 24.

14 *Скажите Алек⟨сандру⟩ Мещерскому... не забывать моих советов.*— Какие советы имеет в виду Веневитинов и какие именно «школы» должны открываться — неизвестно. Мещерский просил Веневитинова прислать ему «школьные уставы» (см. письмо № 39 и прим. 4 к нему), т. е. упомянутые здесь «программы».

15 *Воше.*— См. прим. 1 к письму № 23.

16 *Когда увидите Трубецких, передайте им мой привет и пришлите псалмы Марчелло через кн⟨яжну⟩ Агрип⟨пину⟩... или через ее брата.*— *Агриппина*—Трубецкая Аграфена (Агриппина) Ивановна; *брат* — Трубецкой Николай Иванович. О том, что Аграфена и Николай действительно собирались побывать в Петербурге, свидетельствует запись в *Дневнике* Погодина от 8 июля 1826 г.: «Шутили с Аграфеной Ивановной ⟨...⟩ с нашим Николенькою повезти ⟨...⟩ в Петербург». *Псалмы Марчелло* — см. прим. 8 к письму 24.

27. *А. В. Веневитинову*

(с. 369)

Автограф неизвестен. Впервые — *изд. 1862 г.*, с. 22. Судя по содержанию, это первое из писем, адресованных Веневитиновым брату. Но первое письмо Веневитинов написал ему в Воронеж «в субботу» после 18 ноября (см. письмо № 26). Этот день не мог быть субботой 27 ноября, потому что в это время Веневитинов был сильно болен (см.: *Ф. Хомяков*, с. 223), а в начале декабря Алексей уже вернулся в Москву (см. письмо № 31); поэтому предположительно можно датировать письмо субботой 20 ноября 1826 г.

28. *М. П. Погодину*

(с. 369—371)

Автограф — в *ГБЛ*, ф. 231, II (Погодина М. П.), к. 46, ед. хр. 6, лл. 191—192 (6—7). Впервые — *изд. 1934 г.*, с. 324—326.

1 *...записку твою...*— Неизвестна.

2 *...в письме Титова...*— Письмо неизвестно. *Титов* Владимир Павлович (1807—1891) — литератор, участник общества любомудров, сослуживец Веневитинова по Московскому архиву; один из главных сотрудников *МВ*, автор нескольких статей в первых номерах журнала: он выразил в них некоторые эстетические установки любомудров; переводчик (совместно с С. П. Шевыревым и Н. А. Мельгуновым) книги Ваккенродера и Тика «Об искусстве и художниках. Размышления отшельника, любителя изящного» (М., 1826) — своеобразного манифеста ранних романтиков, во многом определявшего эстетические взгляды любомудров.

3 *...выбрать отрывок...*— Из стихотворной повести «Княгиня Наталья Долгорукая».

4 *...если ты сам напишешь...*— Погодин написал это письмо Козлову (см. письмо № 32).

5 *...украсить своими стихами...*— Стихотворений И. Козлова в *МВ* не появлялось.

6 *...несколько стихотворных пьес Рожалину...*— По-ви-

димому, среди них «Моя молитва» и «Жертвоприношение».

7 *Отнимать у Полевого «Вадима» не годится...*— Об идейных разногласиях между любомудрами и Н. Полевым см. статьи Веневитинова «Разбор статьи о «Евгении Онегине» и «Ответ г. Полевому»; см. также прим. к этим статьям; *«Вадим»* — неоконченная поэма Пушкина, большой фрагмент из нее (начиная от слов: «Свод неба мраком обложился...» и кончая: «И рассвело») все же был опубликован в *МВ* (*МВ*, 1827, ч. 5, № 17, с. 3—7). В *МТ* поэма не печаталась.

8 *...и 10 000 рублями.*— В «Ultimatum»'е Погодина было оговорено, что Пушкин получает 10 тысяч рублей «с проданных тысячи двухсот экземпляров».— *МВ* (см.: *ЛН*, т. 16—18, с. 681).

9 *Посылаю тебе несколько мыслей об «Абидосской невесте».*— Веневитинов имеет в виду свою заметку «Об «Абидосской невесте».

10 *Письмо мое к Рожалину...*— Письмо неизвестно.

11 *..к нему буду на днях писать.*— См. письмо № 30.

12 *...почтение Аграфене Ивановне и княжне.— Аграфене* и Александре Трубецким (см. прим. 3 к письму № 22).

29. *М П. Погодину*

(с. 371)

Автограф — в *ГБЛ,* ф. 231, II (Погодина М. П.), к. 46, ед. хр. 6. Впервые — *изд. 1934 г.*, с. 318.

1 *...несколько строк об «Онегине»...*— См. статью «Два слова о второй песни «Онегина».

2 *...давно вышедшей в свет...*— Вторая глава романа Пушкина вышла отдельным изданием 20 октября 1826 г.

30. *С. А. Соболевскому*

(с. 371—373)

Автограф — в *ИРЛИ,* ф. 244 (Соболевского), оп. 17, № 136, лл. 231—232 об. Впервые (по копии С. А. Соболевского) — *РС*, 1875, т. 12, с. 220—221. По автографу, с исправлением неточностей, имевшихся в копии и по-

вторенных во всех публикациях, печатается впервые.

Соболевский Сергей Александрович (1803—1870) — библиофил и библиограф, автор многих популярных в свое время эпиграмм, один из ближайших друзей Пушкина и Веневитинова, названный в договоре («Ultïmatum») Погодина о журнале среди главных сотрудников *МВ* (см.: *ЛН,* т. 16—18, с. 681). Деятельность Соболевского в журнале в основном сводилась к чисто организаторским функциям, о чем он писал сам в письме Погодину от 10 сентября 1827 г.: «Я в вашем деле человек не посторонний, ибо я был, так сказать, посредником между вами и Пушкиным» (там же, с. 695). Об участии Соболевского в *МВ* см., в частности: *ЛН*, т. 16—18, с. 732—741. Именно благодаря Соболевскому до нас дошли слова Пушкина, сказанные по поводу статьи Веневитинова о первой главе «Евгения Онегина»: «Это единственная статья, которую я прочел с любовью и вниманием». (*Пятковский А. Н.* Биографический очерк.— *изд. 1862 г.*, с. 21)

[1] *Одоевский.*— В. Ф. Одоевский (см. о нем прим. 8 к письму № 13).

[2] *...ты уже знаешь, что я был болен...*— О болезни Веневитинова см. письмо Ф. Хомякова к его брату поэту А. Хомякову от 3 декабря 1826 г. (*Ф. Хомяков,* с. 223—225).

[3] *Она женщина превеселая и милая...*— Княгиня Одоевская (урожденная Ланская) Ольга Степановна (1797—1872) — жена В. Одоевского, хозяйка литературного салона. «С тех пор, как Одоевский начал жить в Петербурге своим хозяйством (с 1826 г., после свадьбы.— *М. Ч.*), открылись у него вечера однажды в неделю, где собирались его друзья и знакомые — литераторы, ученые, музыканты, чиновники» (*Погодин М. П.* Воспоминания о князе В. Ф. Одоевском.— Сб.: В память о князе В. Ф. Одоевском. М., 1869, с. 57).

[4] *Ты споришь против... к⟨нягини⟩ Вол⟨конской⟩ о стихах Муравьева.*— Свое неодобрительное отношение к стихам Муравьева Соболевский высказывал С. Веневитиновой и З. Волконской, которым стихи нравились. *Муравьев* Андрей Николаевич (1806—1874) —

поэт, писатель; находился в дружеских отношениях с любомудрами, был частым посетителем салона З. А. Волконской (см.: *Муравьев А. Н.* Знакомство с русскими поэтами. Киев, 1871, с. 13). В этой книге Муравьев передал, в частности, и свои впечатления от встреч с Веневитиновым (см. с. 12—13). Первый сборник стихов А. Муравьева «Таврида» вышел менее чем через месяц после данного письма (цензурное разрешение — 3 января 1827 г.). Однако еще до выхода книги стихи А. Муравьева были достаточно известны в рукописях (см., например, письмо П. А. Вяземского к А. И. Тургеневу от 20 ноября 1826 г., в котором он писал о том, что слышал произведения А. Муравьева, прочитанные по рукописям.— «Архив братьев Тургеневых», вып. 6, Пг., 1921, с. 48).

5 *...погоняешь Погодина...*— Об инертности Погодина в отношении деятельности журнала см. письмо Веневитинова Погодину от 7 января 1827 г.; письмо Н. М. Рожалина Соболевскому от 18 сентября 1827 г. (*ЛН*, т. 16—18, с. 738). Сам Погодин писал впоследствии о своем отношении к журналу: «Московский вестник» все-таки был мой hors d'oeuvre * я не отдавался ему весь» (Пушкин в восп. совр., т. 2, с. 32).

6 *...ругаешь Полевого...*— То, что *МВ* станет выступать против редакции «Московского телеграфа», не вызывало сомнения у сотрудников *МТ*. Так, брат и соредактор Н. Полевого К. А. Полевой писал в своих записках: «Услышали мы, что Пушкин основывает свой журнал «Московский вестник», под редакцией г. Погодина и при участии всех членов бывшего Раичева общества, *всех недовольных «Московским телеграфом»* (курсив мой.— *М. Ч.*; *Пушкин в восп. совр.*, т. 2, с. 56). И хотя Веневитинов и писал Погодину 19 декабря 1826 г., что «брань начинать нам рано», выпады против Н. Полевого встречались уже в первых номерах *МВ* (см. прим. к стихотворению «К любителю музыки», к письму № 43). Сам Соболевский в печати с полемикой не выступал и,

* Побочным занятием (*фр.*).

видимо, Веневитинов имеет в виду его острые шутки и эпиграммы, которые быстро расходились по всей Москве в списках.

7 *...выжимаешь из Шевырева статьи...*— Начиная с первой книжки *МВ*, Шевырев активно участвует в журнале, печатая, кроме стихов, статьи, по которым читатели могли знакомиться с эстетической программой *МВ*: это «Разговор о возможности найти единый закон для изящного».— *МВ*, 1827, ч. 1, № 1, с. 32—51; «Замечания на замечание кн. Вяземского о начале русской поэзии». — Там же, № 3, с. 201—208; «Разговор об истине и правдоподобии в искусстве».— Там же, № 8, с. 335—348; и др.

8 *Понукай Пушкина...*— См. выше об обязанностях Соболевского в *МВ*.

9 *...надобно, чтобы в каждом № было его имя...*— За четыре года участия в журнале «Московский вестник» Пушкин напечатал в нем 33 поэтических произведения, причем почти все они публиковались впервые. «Соперничать» с *МВ* по числу пушкинских публикаций мог только альманах Дельвига «Северные цветы», в котором с 1827 г. по 1830 г. (время выхода *МВ*) было опубликовано тоже 33 поэтических произведения Пушкина. Остальные периодические издания намного уступали вышеназванным по количеству пушкинских публикаций; так, в альманахе «Полярная звезда» напечатано 17 стихотворений Пушкина, в журнале «Сын отечества» — 14, в «Московском телеграфе» — 9 стихотворений и 2 заметки, и т. д.

10 *...от... журнала много ожидают...*— См. прим. к письмам №№ 37, 41, 43.

11 *...сам Пушкин писал сюда об нем.*— Письма Пушкина в Петербург о «Московском вестнике», написанные в конце 1826 г., не сохранились. Однако известно письмо его в Дерпт Н. М. Языкову, датированное теми же днями; в нем идет речь также о «Московском вестнике»: «Вы знаете по газетам, что я участвую в «Московском вестнике», следственно и вы также. ⟨...⟩ Непременно будьте же наш. ⟨...⟩ Рады ли вы журналу? пора задушить альманахи —

Дельвиг наш» (*Пушкин,* т. 10, с. 223). Пушкин пишет о согласии Дельвига, которого он, следовательно, тоже приглашал участвовать в *МВ*. Об этом письме мог рассказать Веневитинову сам Дельвиг. В течение полутора лет «Московский вестник» был одной из постоянных тем пушкинской переписки. 1 июля 1828 г. Пушкин писал Погодину: «Пора уму и знаниям вытеснить Булгарина и Федорова... Вперед! и да здравствует «Московский вестник» (*Пушкин*, т. 10, с. 248).

12 *Скажи нашим, чтобы они не щадили Бул⟨гарина⟩, Воей⟨кова⟩...— Булгарин* Фаддей Венедиктович (1789—1859) — писатель, журналист, редактор и издатель (вместе с Н. И. Гречем) газеты «Северная пчела» и журнала «Сын отечества». *Воейков* Александр Федорович (1778—1839) — поэт, критик, журналист, редактор и издатель газеты «Русский инвалид»; в разные годы издавал журналы «Сын отечества», «Славянин» и др.; как и Булгарин, отличался крайней беспринципностью взглядов.

13 *Дельвиг... поможет...*— См. прим. 7 к письму № 25.

14 *...Крылов не откажется от участия.— Крылов* Иван Андреевич. О том, что Веневитинов встречался с Крыловым, свидетельств не сохранилось. Произведений Крылова в *МВ* напечатано не было.

15 *...двумя первыми нумерами...*— Мнение о них Веневитинов высказывал в письмах.

16 *Стильтон* — особый сорт сыра.

17 *Дай мне записку к Грефу...— Греф* — один из старейших петербургских книгопродавцев, в магазине которого продавалась преимущественно иностранная литература.

31. С. В. Веневитиновой

(с. 373—376)

Автограф — в *ИРЛИ,* ф. 415 (Веневитинова Д. В.), № 1, лл. 25—26. Впервые — *изд. 1934 г.,* с. 319—323.

1 *...Алексей опять с вами.*— Алексей Веневитинов вернулся в Москву из поездки по воронежским имениям Веневитиновых в начале декабря.

2 *...не проходит и дня, чтобы я не отправил в Москву, по меньшей мере, два письма...*— Многие письма Веневитинова из Петербурга не сохранились. Известно лишь 24 его письма в Москву из Петербурга.

3 *Катенин* Павел Александрович (1792—1853) — поэт, драматург, критик. Иронизируя над разговорчивостью Катенина, Веневитинов, видимо, имеет в виду еще и увлечение Катенина декламацией, сказавшееся на характере его поведения в обществе.

4 *Пушкин должен быть в Москве...*— Пушкин вернулся в Москву 19 декабря.

5 *...в вашем литературном споре с Соболевским...*— Имеется в виду спор сестры поэта с С. А. Соболевским о стихах А. М. Муравьева (см. также письмо № 30 и прим. 4 к нему).

6 *Л. В. Герпер* — знакомый Веневитиновых.

7 *...празднества 3-го числа.* — День именин пророчицы Софонии. Видимо, кроме дня святой Софии 30 октября в семье Веневитиновых отмечался еще и этот день как день именин сестры Софьи.

8 *...помогло ...письмо Рожалина.*— Письмо не сохранилось. Видимо, Н. М. Рожалин тоже описал Веневитинову празднование 3-го декабря, так как жил в это время в доме Веневитиновых (см.: *Кошелев*, с. 13).

9 *...провел вечер у гр⟨афини⟩ Лаваль...*— *Лаваль* Александра Григорьевна (1772—1850) — жена управляющего 3-й экспедиции особой канцелярии Министерства иностранных дел, французского эмигранта графа И. С. Лаваля; хозяйка известного в Петербурге салона. «А. Г. Лаваль обладала природным умом и твердым характером, которые сочетались в ней с прекрасным образованием, полученным в семье. Она увлекалась искусством, литературой, имела блестящий дом на Английской набережной, где были собраны коллекции картин, скульптур, древностей» (*Вайнштейн А. Л., Павлова В. П.* К истории повести Пушкина «Гости съезжались на дачу...».— Временник Пушкинской комиссии. Л.: Наука, 1966, с. 40). Семье Лавалей Веневитинова, скорее всего, рекомендовала З. Волконская, которая была падчерицей се-

стры А. Г. Лаваль — А. Г. Козицкой, по мужу княгини Белосельской-Белозерской. Несомненно, что большую роль в сближении Веневитинова с Лавалями сыграло и то, что в Петербург из Москвы он приехал вместе с библиотекарем Лавалей А. Воше (см. о нем прим. 1 к письму № 23).

10 *...старшая дочь...*— Лаваль (в замужестве графиня Борх) Софья Ивановна (1809—1871). Веневитинов называет Софью «старшей» потому, что ее старшие сестры не жили с родителями: одна была с мужем в Сибири, вторая — Зинаида (по мужу Лебцельтерн) жила в это время в Австрии.

11 *...ту, которая живет у кн⟨ягини⟩ Белосельской* (сестры А. Г. Лаваль, см. выше.— *М. Ч.*)...— Лаваль (в замужестве графиня Корвин-Коссаковская) Александра Ивановна (1811—1886).

12 *Пришлите мне с Александром...*— Мещерским.

13 *...элегию Геништы...*— Вероятно, «Элегия» И. И. Геништы на стихи Пушкина «Погасло дневное светило...». «Элегия», по свидетельству П. А. Вяземского, впервые была исполнена во время первого после ссылки приезда Пушкина в Москву в сентябре 1826 г. в салоне З. Волконской (*Пушкин в восп. совр.*, т. 1, с. 148).

14 *А. Кутайсова* — По-видимому, графиня *Кутайсова* Анна Павловна, ибо Александра Павловна Кутайсова, вторая дочь графов Кутайсовых (см. о них прим. 5 к письму № 26), была в это время замужем за князем А. А. Голицыным.

15 *Алина* — Княжна Волконская Александра Петровна (см. прим. 11 к письму № 26).

16 *Оленька* — лицо неустановленное.

17 *M-elle Окулова* — По-видимому, старшая сестра В. А., Д. А., Е. А. и С. А. Окуловых (см. прим. 5 к письму № 24) — *Окулова* Анна Алексеевна (1794—1861) — близкая ко двору, впоследствии — камер-фрейлина.

18 *Уварова* Екатерина Сергеевна (1791 — после 1858) — сестра декабриста М. С. Лунина, преданно любившая своего брата, а позднее распространявшая его, написанные в Сибири, сочинения и письма (см. о ней: *Павлюченко Э.* Ты — моя сестра... не подверже-

на чувству страха.— Наука и жизнь, 1970, № 9, с. 85—94). Знакомство Веневитинова с семьями жен декабристов (с семейством Лавалей), с семьями самих декабристов (семейство Волконских в Петербурге, сестра М. С. Лунина) еще не освещено в науке, хотя эти факты, вместе с другими, уже известными сведениями о близости Веневитинова к декабристам, представляют значительный интерес; изучение их может осветить многие важные страницы биографии поэта.

19 *Батюшковы* — семья *Батюшкова* Павла Львовича (см. прим. 3 и 4 к письму № 26).

20 *...брата...*— Лунина Михаила Сергеевича (1787—1845). Декабрист, автор знаменитых «Писем из Сибири».

21 *Хомяков* — Федор Степанович (см. прим. 5 к письму № 23).

32. В канцелярию издателей «Московского вестника»

(с. 377—379)

Автограф (рукою Веневитинова и В. Одоевского) — в *ГБЛ*, ф. 231, II (Погодина М. П.), к. 46, ед. хр. 6, л. 195 (1). Впервые (с пропусками) — *Барсуков*, кн. 2, с. 66—68; полностью, написанное рукой Веневитинова,— *изд. 1934 г.*, с. 323—324. В настоящем издании текст «Рапорта» публикуется полностью.

1 *...с приложением статьи под № 9.*— Статья неизвестна.

2 *Под мои статьи можете ставить «В» или «-в»...*— За подписью «—*в*» Веневитинов печатал свои статьи в «Сыне отечества». В *МВ* статьи Веневитинова, кроме опубликованного в 1828 г. его разбора 2-й главы «Евгения Онегина», не печатались. За подписью «*В*» в *МВ* был опубликован перевод повести Гофмава «Магнетизер» Дмитрия и Алексея Веневитиновых (*МВ*, 1827, ч. 5, № 19, с. 244—301; Веневитиновым переведено начало повести до слов: «Другая дверь— единственный выход из комнаты»).

3 *Письмо твое... Козлову.*— По совету Веневитинова, Погодин написал письмо к И. Козлову с просьбой принять участие в *МВ*. *Козлов* Иван Иванович

(1779—1840) — поэт, переводчик. Судя по письмам Веневитинова, он очень сдружился с Козловым, часто бывал в его доме.

4 *«Кн. Долгорукая»* — Стихотворная повесть И. Козлова «Княгиня Наталья Долгорукая», над которой поэт работал в это время.

5 *П⟨ушкин⟩ сам в Москве.*— Пушкин приехал в Москву — 19 декабря. Возможно, о своем скором приезде в Москву Пушкин писал или Веневитинову (возможность такая не исключена; во всяком случае, на одно свое письмо к Веневитинову в Петербург Пушкин указывает сам в письме к Дельвигу от 2 марта 1827 г. — *Пушкин,* т. 10, с. 225), или одному из его знакомых, вероятнее всего — Дельвигу.

6 *Энигматических твоих фраз...*— загадочных: от «энигма» — загадка (*греч.*).

7 *...не советую помещать перевод «Фауста»...*— Перевод Веневитинова «Монолог Фауста в пещере» все же был напечатан в *МВ* (см. прим. к переводу).

8 *«Валленштейнов лагерь»* — перевод трагедии Шиллера, сделанный Шевыревым. Два отрывка из перевода были напечатаны в *МВ* (*МВ*, 1828, ч. 7, № 2, с. 137—148; там же, ч. 9, № 16, с. 341—407).

9 *...чего ж долго искать? Тут не нужно к⟨н⟩. Долгорукой.*— Героиня Козлова настойчиво, но безуспешно искала своего мужа. Веневитинов хотел сказать, что не нужно долго искать других произведений, если под рукой у редакции — перевод Шевырева.

10 *Мещерский* — вероятно, Александр.

11 *«Путешествие Монтеня по Италии».*— Описательное обозначение двухтомного издания книги М. Монтеня «Journal d'un voyage en Italie par la Suisse et Allemagne en 1580—1581. Paris, 1774».

12 *Умори свою старуху...*— Кого имеет в виду Одоевский, установить не удалось.

13 *...твоим однокорытником Глинкою.*— Композитор М. И. *Глинка.* С 1818 по 1821 гг., до своего переезда в Москву, Соболевский вместе с Глинкой учился в благородном пансионе при педагогическом училище в Петербурге. В письме к Погодину от 11 декабря 1826 г. В. Одоевский писал, что в его доме собирают-

ся фанатично преданные музыке люди «и мы гремим на всю улицу» (см.: *Одоевский В. Ф.* Музыкально-литературное наследие. М.: Музгиз, 1956, с. 37). Судя по письму к Соболевскому, среди участников музыкальных вечеров у Одоевского, видимо, бывал и Глинка.

14 *Малютку...*— Шевырев был небольшого роста.

15 *В «Моей молитве» перемените стих...*— Поправка Веневитинова была учтена при публикации стихотворения.

33. А. В. Веневитинову

(с. 379)

Автограф неизвестен. Впервые — изд. 1862 г., с. 23. Написано в первые месяцы пребывания Веневитинова в Петербурге.

1 *Andrieux* (Андрие, Андре) — петербургский ресторатор. По свидетельству современников, в заведении Андре обедали «все люди лучшего тона» (см.: *Пушкин в восп. совр.*, т. 1, с. 419).

34. С. А. Соболевскому

(с. 380)

Автограф — в *ИРЛИ*, ф. 244 (Соболевского С. А.), оп. 17, № 136, л. 230. Впервые — газета «Вечерняя Москва», 1927, № 165.

Слова: «Наконец, дождался ты Пушкина», и то, что уже 19 декабря 1826 г. Веневитинов знал о предстоящем приезде Пушкина в Москву (см. письмо № 32), позволяет предположить, что письмо написано не ранее конца декабря 1826 и не позднее начала 1827 г.

1 *... твое поганое письмо...*— Шутливая характеристика письма, по-видимому, связана с довольно свободной (а то и просто бесцеремонной) манерой Соболевского вести себя по отношению к окружающим его людям, в том числе и к друзьям, впрочем, редко обижавшимся на него и ценившим его за искренность.

2 *...прими от меня... ящик вонючего Стильтона.*— См. прим. 16 к письму № 30.

35. *А. В. Веневитинову*

(с. 380)

Автограф неизвестен. Впервые — *изд. 1862 г.*, с. 24. Письмо не датировано. Судя по вопросу Веневитинова, связанному с выходом *МВ* и его сообщению о том, что он втягивается в работу, письмо написано в январе 1827 г.

[1] *...мир с Персией...* — Война России с Персией продолжалась с 1826 по 1828 гг.

[2] *Бутенев* Аполлинарий Петрович (1787—1866) — дипломат, член Государственного совета, с 1821 по 1828 год — начальник переводческой экспедиции Министерства иностранных дел, в которой служил Веневитинов.

36. *А. В. Веневитинову*

(с. 381)

Автограф неизвестен. Впервые (не полностью, от слов: «увивались около» до: «от него меду») — *изд. 1862 г.*, с. 24; В *изд. 1934 г.* не полностью, до слов: «...швыряли друг в друга стихами» (с. 327). Список: *ИРЛИ*, ф. 415, оп. 1, д. 4.

[1] *...обедал вместе с Гречем и Булгариным...* — Речь идет о встрече Веневитинова с Гречем и Булгариным во время обеда в ресторане Андре, который посещали многие петербургские литераторы и где постоянно обедал сам Веневитинов. Заочное знакомство с Гречем и Булгариным у Веневитинова возникло еще в 1825 г., когда он сотрудничал в редактируемом ими журнале «Сын отечества». Знакомство это носило официальный характер (см. письмо № 9). В Петербурге Греч и Булгарин, видимо, пытались установить с Веневитиновым более тесные отношения, рассчитывая через него войти в контакт с молодыми московскими литераторами. Однако Веневитинов решительно отказался от сближения с ними, довольно резко характеризуя в своих письмах Булгарина. Мнение о Булгарине он высказывает ему самому в ироничном и язвительном письме, написан-

ном вместе с А. Хомяковым (см. письмо № 44 и прим. к нему).

² *Мицкевич* — Адам *Мицкевич,* высланный из Литвы, жил в России с конца 1824 по 1827 г. Судя по этому письму, Веневитинов, по-видимому, предполагал привлечь Мицкевича к сотрудничеству в *МВ.* См. также прим. 6 к письму № 47.

³ *...С⟨еверную⟩ П⟨челу⟩, Арх⟨ив⟩ и С⟨ын⟩ От⟨ечества⟩...— «Северная пчела»* (1825—1864) — политическая и литературная газета. До 1831 г. ее редактировал Ф. Булгарин. После поражения декабрьского восстания «Северная пчела» стала реакционным изданием. *«Северный архив»* (1825—1828) — журнал истории, статистики, правоведения, издававшийся Булгариным и Гречем. *«Сын отечества»* (1812—1852) — исторический, литературный и политический журнал. Основан Н. И. Гречем. В 1825 — 1828 выходил под редакцией Греча и Булгарина. После поражения декабрьского восстания журнал придерживался консервативно-монархического направления.

37. *М. П. Погодину*

(с. 381—382)

Автограф — в *ГБЛ,* ф. 231, II (Погодина М. П.), к. 46, ед. хр. 6, л. 209 (3). Впервые — *изд. 1934 г.,* с. 327—328.

¹ *...писал я к брату...*— Письмо неизвестно.

² *Как можно писать об «Аб⟨идосской⟩ не⟨весте⟩» во втором № журнала!* — Эти слова косвенно указывают на причину, по которой заметка Веневитинова «Об «Абидосской невесте», предназначавшаяся для *МВ,* не была опубликована: Погодин отложил публикацию до второго номера, Веневитинов же хотел, чтобы она появилась в первой книжке.

³ *Отнес ли ты мой «Новгород»...*— Стихотворение Веневитинова Погодин должен был передать княжне Александре Трубецкой (см. также прим. к стихотворению «Новгород»).

⁴ *Получаешь ли ты иностранные журналы?* — О необходимости следить за иностранной периодикой Ве-

невитинов писал также в письме к С. П. Шевыреву от 28 января 1827 г.

5 *Заставляй переводить из них все ученые статьи, объявляй о всех открытиях, что поддерживает «Телеграф».*— В *МТ* постоянно печатались переводы статей по различным отраслям науки, а с 12 номера в 1825 г. стали печататься материалы под общим названием «Новейшие открытия и изобретения».

6 *Мы азиатцы... только по журналам.*— В более развернутом виде эта мысль уже встречалась в статье Веневитинова «Несколько мыслей в план журнала».

7 *...жертвовать своими правами... требованиям публики.*—См. письмо № 41 и прим. к нему.

8 *Молодцы петербургские журналисты... твой договор с Пуш⟨киным⟩, имена всех сотрудников.*— Видимо, в Петербурге стало известно об «Ultimatum»'е Погодина, в котором, в частности, оговаривались денежные отношения между Пушкиным и редакцией *МВ* (см. прим. 8 к письму № 28), а также были названы имена главных сотрудников журнала: Веневитинова, Мальцова, Рожалина, Соболевского, Титова, Шевырева (см. *ЛН*, т. 16—18, с. 681).

9 *Ужасно ругает «Телеграф»...*— Булгарину было за что ругать журнал Полевого: почти в каждом его номере давались материалы, направленные против него, под каким бы псевдонимом он ни выступал, *Д. Р. К., А. Ф.*, или под своим именем. Дело дошло до того, что Полевой однажды даже раскрыл читателям тайну одного из псевдонимов (*А. Ф.*) Булгарина (см. *МТ*, 1825 г., ч. 4, № 13, особенное прибавление.)

10 *Я вас!*— В «Энеиде» Вергилия с этим возгласом обращался к ветрам Нептун.

38. С. В. Веневитиновой

(с. 382—385)

Автограф — в *ГИМ*, ф. 281 (Веневитиновой С. В.), № 1041, лл. 8—9. Впервые (не полностью, с произвольным соединением отрывков нескольких писем Веневитинова сестре) — *ГМ*, 1914, № 1, с. 271—272; полностью — *изд. 1934 г.*, с. 328—331.

1 *Алексей* — Веневитинов.

2 *...о причинах, объясняющих мое молчание.*— В письме № 35 Веневитинов жаловался на занятость.

3 *К⟨няжна⟩ Алина* — А. П. Волконская (см. прим. 11 к письму № 26).

4 *Завадовская.*— Графиня *Завадовская* Елена Михайловна (1807—1874) — известная петербургская красавица, которой посвящали стихи Пушкин, Вяземский, И. Козлов.

5 *Кутузов.*— Возможно, *Кутузов* Лонгин Иванович (1769—1845) — генерал, член российской Академии наук.

6 *«Прециоза» Вебера* — опера Вебера, написанная им в 1820 г.

7 *Виельгорский* Матвей Юрьевич (1794—1866) — известный русский виолончелист и музыкальный деятель, брат Михаила Ю. Виельгорского. Восторженную оценку концертам братьев Виельгорских дал в своих статьях В. Одоевский (см., например, его статьи «Взгляд на Москву в 1824 г.»— *МТ*, 1825, № 1, с. 3—6; «О музыке в Москве и о московских концертах в 1825 г.»— там же, № 8, с. 129—137).

8 *...накануне своего отъезда.*— Матвей Ю. Виельгорский переехал в Петербург в конце декабря 1826 г.

9 *...в канцелярии.*— т. е. в канцелярии Азиатского департамента.

10 *Скарятин* — см. прим. 1 к посланию «К С⟨карятину⟩».

11 *...послать вам с Пушкиным...*— *Пушкин* Лев Сергеевич (1805—1852). Судя по письму Л. Пушкина к Соболевскому от 17 января 1826 г. (*ЛН*, т. 16—18, с. 730), он был давно знаком с Софьей Веневитиновой и даже увлечен ею. Возможно, тогда же с ним познакомился и Веневитинов. Встречаться в Петербурге они могли, в частности, в доме Дельвига, где Л. Пушкин был частым гостем (см. *Дельвиг А. И.* Полвека русской жизни. Воспоминания, т. 1. М.—Л.; Academia, 1930, с. 73). В январе 1827 г. Л. Пушкин определился юнкером в Нижегородский драгунский полк и должен был отправиться через Москву для прохождения службы в Грузию. Уехал он из Петербурга не в первой половине января, как предпо-

лагалось, а лишь в конце его (см. письмо С. М. Дельвиг к А. Н. Карелиной от 31 января 1827 г.— *Модзалевский Б. Л.* Пушкин. Л.: Прибой, 1923, с. 203).

12 *...иконы... писаны нашими лучшими академиками.*— С. А. Бессоновым, В. Л. Боровиковским, К. И. Брюлловым, А. Е. Егоровым, А. И. Ивановым, О. А. Кипренским, Г. И. Угрюмовым, В. К. Шебуевым.

39. С. В. Веневитиновой

(с. 385—388)

Автограф — в *ИРЛИ*, ф. 415 (Веневитинова Д. В.), № 1, лл. 34—35. Впервые (не полностью, от слов: «В конце недели» и до: «не можешь себе представить») — *ГМ*, 1914, № 1, с. 272; полностью — *изд. 1934 г.*, с. 331—334.

Написано позже письма сестре от 8 января 1827 г., в котором Веневитинов обещал заказать свой портрет; в комментируемом письме Веневитинов сообщает, что обещанный портрет еще не заказал. Написано раньше письма к матери от 14 января 1827 г., в котором Веневитинов пишет, что отослал обещанные виды Петербурга сестре с госпожой Карус: в данный момент он только еще собирается передать их с Л. Пушкиным. По-видимому, письмо написано между 9—13 января 1827 г.

1 *Псалом Марчелло я получил...*— См. письмо № 24, прим. 8.

2 *Княгиня* — З. Волконская.

3 *Александр* — Мещерский.

4 *...сведения о школьных уставах... получу...*— 14 мая 1826 г. был учрежден «комитет устройства учебных заведений» («комитет 14 мая»), которому напуганное декабрьским восстанием правительство поручило пересмотреть старые и составить новые уставы низших и средних училищ, высших учебных заведений. Разработки школьных уставов Веневитинову мог доставить В. Одоевский, служивший в Петербурге в министерстве народного просвещения.

5 *...Л. Пушкин уезжает в Грузию...*— см. прим. 11 к письму № 38.

6 *...в двух приведенных вами стихах...*— По-видимому, Софья в письме (не сохранилось) к брату делала замечания по поводу двух строк из его стихотворения; какое из своих стихотворений имеет в виду Веневитинов, установить не удалось.
7 *...писать Алексею...*— Брата в эти дни не было в Москве.
8 *...обращайтесь к... Рожалину.*— По отзывам современников, Рожалин блестяще владел многими языками, в том числе и немецким.
9 *...люди, которых вы видите...*— Софью Веневитинову постоянно окружали друзья Дмитрия, бывавшие в их семье.

40. А. Н. Веневитиновой

(с. 388—390)

Автограф — в *ИРЛИ*, ф. 415 (Веневитинова Д. В.), № 1, лл. 28—29. Впервые — *изд. 1934 г.*, с. 334—336.

1 *Пишу вам в день праздника...*— 14 января — день рождения матери поэта.
2 *Виельгорский* — Матвей Юрьевич.
3 *Г-жа Карус* — московская знакомая Веневитиновых, возможно, *Карус* Мария-Флорентина (1781—1844), урожденная Дорер.
4 *Мальцов* Иван Сергеевич (1807—1880) — сослуживец Веневитинова по Московскому архиву; был в дружеских отношениях с многими любомудрами, в «Ultimatum»'е Погодина назван одним из «главных» сотрудников «Московского вестника»; часто бывал в Петербурге, куда затем и переехал.
5 *...ответил на ваши письма...*— Письма неизвестны.
6 *П⟨ушкин⟩* — Лев Сергеевич (см. письмо № 38 и прим. 11 к нему).
7 *Кутузов* Лонгин Иванович (см. прим. 5 к письму № 38).
8 *Ланской* Василий Сергеевич (1754—1831) — управляющий министерством внутренних дел (с 1823 по 1827 г.).
9 *Г-жа Уварова* Екатерина Сергеевна (см. прим. 18 к письму № 31).

10 *Ее муж исчез...*— Камергер Федор Александрович Уваров (1780—1827) 7 января 1827 г. вышел из дома и не вернулся; предполагали, что он утопился в Неве.

41. М. П. Погодину

(с. 390—391)

Автограф — в *ГБЛ,* ф. 231, II (Погодина М. П.), к. 46, ед. хр. 6, л. 207 (4). Впервые (не полностью, от слов «Он по росту...» и до «...от первого нумера») — *Барсуков,* кн. 2, с. 76; полностью — *изд. 1934 г.*, с. 326.

Веневитинов мог получить вторую книжку *МВ*, о которой пишет, не раньше 18 января (в Москве она вышла 15 января.— См.: *«Моск. ведом.»,* 1827, № 4, 12 января, с. 125). А первый номер *МВ* (из письма следует, что Веневитинов еще не знаком с ним) он прочитал не позже 24 января (см. письмо к брату от 24 января 1827 г.). Следовательно, письмо было написано между 18—24 января 1827 г.

1 *...заглянул в «Московский вестник»...*— во второй номер журнала.

2 *...по росту никак не сравнится с «Телеграфом».*— Во втором номере *МВ* было всего 78 с.

3 *Пишете... просто объявления о всех книгах.*— Во втором номере *МВ* напечатаны: изложение Погодиным содержания книги Эверса «Древнейшее право Руси»; отзыв В. Титова на книгу Ф. Глинки «Опыты Аллегорий»; а также объявление о выходе альманаха «Северная лира на 1827 год». Если два первых материала (особенно погодинский) лишь знакомили с содержанием книг, без должной критической характеристики, то третий — и вовсе был перечнем произведений, напечатанных в альманахе.

4 *...первые нумера разукрась получше.*— Вот что впоследствии писал Погодин относительно своих просчетов в издании журнала: «Мы были уверены в громадном успехе ⟨...⟩. Но, увы, мы жестоко ошиблись в своих расчетах, и главною виной был я ⟨...⟩ во-первых, я не хотел пускать, опасаясь лишних издержек, более четырех листов в книжку до тех пор,

пока не увеличится подписка, между тем как «Телеграф» выдавал книжки в десять и двенадцать листов; во-вторых, я не хотел прилагать картинок мод, которые, по общим тогдашним понятиям, служили первою поддержкой «Телеграфа» (*Пушкин в восп. совр.*, т. 2, с. 31—32). Именно на эти упущения указывал Веневитинов и в данном письме, и в других. Интересно, что с замечаниями Веневитинова перекликается мнение о *МВ* Пушкина, высказанное в письме Погодину от 31 августа 1827 г.: «Главная ошибка наша была в том, что мы хотели быть слишком дельными...» (*Пушкин*, т. 10, с. 235).

5 *...к⟨няжне⟩ А⟨лександре⟩ И⟨вановне⟩...*— Трубецкой.

42. А. В. Веневитинову

(с. 391)

Автограф неизвестен. Впервые — *изд. 1862 г.*, с. 16—17 — от слов: «Скажи Погодину...». Список — *ИРЛИ*, ф. 415, оп. 1, д. 4. В списке дата: 22 янв⟨аря⟩.

1 *Сцены Пимена...*— т. е. «Сцены в Чудовом монастыре» из «Бориса Годунова». Очевидно, статья Веневитинова об этой сцене (см. с. 162—170) к этому времени была завершена.

2 *Улыбышев* Александр Дмитриевич (1794—1858) — один из первых русских музыкальных критиков. Редактор «Journal de Sanct-Petersbourg», французской газеты, выходившей в Петербурге в первой половине XIX в.

3 *Лаваль* Иван Степанович (умер в 1846 г.). При Александре I был членом Главного правления училищ. Позднее служил в министерстве иностранных дел и редактировал «Journal de Sanct-Petersbourg».

4 *...прибавил листочек к журналу... что он не разнообразит его?*— В своих письмах из Петербурга Веневитинов постоянно напоминает друзьям о необходимости сделать *МВ* доступным для более широкого круга читателей.

43. *С. П. Шевыреву*

(с. 391—394)

Автограф — в *ГБЛ*, ф. 213 (Погодина), к. 46, ед. хр. 66. Впервые (не полностью, начиная от слов: «Мне давно...» и кончая: «...известие о смерти Ланжуине...», с пропусками) — *Барсуков*, кн. 2, с. 76—79; полностью — *изд. 1934 г.*, с. 336—339; полностью (с уточнениями по автографу) — *ЛН*, т. 16—18, с. 688—690. Публикуется по автографу с исправлением допущенных в предыдущих изданиях неточностей.

1 *Сегодня получил я письмо твое...* — Письмо неизвестно.

2 *Публика ожидает от него статей дельных...* — Еще в преддверии первого номера *МВ* любомудры предполагали в своем издании, «опираясь на твердые начала новейшей философии, представить ‹...› полную картину ума человеческого». Так заявлял Веневитинов в статье «Несколько мыслей в план журнала». О том же писал во втором номере *МВ* и Погодин, который очерчивал даже круг читателей, относя к ним тех людей, кто принимает «живое участие в общем деле человеческого образования». «Термометром сего образования в отечестве» и видится Погодину *МВ* (см.: «Ответ издателя на письмо к нему, помещенное в первой книжке «Московского вестника». — *МВ*, 1827, ч. 1, № 2, с. 148—152; см. также объявление Погодина в «Московских ведомостях» (1826, № 97, 27 ноября). Мнение «публики» о журнале выразил Н. М. Языков, который писал, что «Московский вестник» выступает в «чине строгом, разборчив, горд, аристократ» (послание «Н. А. Вульфу», 1828).

3 *...мало листов: во всех журналах, кажется, больше.* — В первой книжке *МВ* было 82 с., во второй — 78 с. Такое количество страниц, действительно, намного уступало числу страниц в соответствующих номерах, скажем, «Московского телеграфа»: *МТ*, 1827, ч. 13, № 1 — 141 с. (100 с. — непосредственно журнального текста+41 с. особенных прибавлений); № 2 — 140 с. (78 с.+52 с.), — однако оно было не

меньше, чем, к примеру, в таком известном тогда журнале, как «Вестник Европы»: *ВЕ*, 1827, № 1 — 80 с.; № 2 — 79 с.

4 *...слишком крупны статьи.*— В первом, например, номере *МВ* из 82-х с.— 19 с. приходилось на статью Шевырева «Разговор о возможности найти единый закон для изящного», а 15 с.— на разбор Погодиным книги Эверса «Древнейшее право Руси», т. е. две статьи занимали почти 50% объема журнала.

5 *...по получении иностранных журналов...*— См. письмо к М. П. Погодину (7 января 1827 г.).

6 *Брань начинать нам рано.*— В первом номере *МВ* напечатано резкое «Письмо к издателю» (*МВ*, 1827, ч. 1, № 1, с. 76—82) Шевырева, в котором он решительно выступает против невежества и равнодушия в обществе, требуя очистить дорогу сатире, чтобы обличать «маскарад нашего света». Видимо, Веневитинов предостерегает Шевырева от излишней резкости, от несколько поспешной попытки противопоставить *МВ* другим журналам.

7 *Я уже говорил П⟨огоди⟩ну, что с «Телеграфом»... жить в ладу...*— См. письмо № 28. Несмотря на предостережения Веневитинова, Погодин в «Ответе издателя», хотя и не называя фамилии, делает выпад против Полевого; обещание Погодина «помещать насмешки над невеждами, над всезнайками» в данном контексте для современников имело вполне определенный адрес: насмешливо — «всезнайкой» и прямо — «невеждой» называли Полевого многие литературные противники.

8 *Ширяев* Александр Сергеевич (умер в 1841 г.) — книгопродавец и издатель, комиссионер Московского университета, принимавший подписку на *МВ* в конце 1826 г.

9 *...печатать в газетах подлости?*— Видимо, Веневитинов имеет в виду примечание «Северной пчелы» к объявлению об издании *МВ*, помещенное в ней в конце декабря 1826 г.: «Некоторые из иногородних наших подписчиков поручили нам подписаться на журнал, издаваемый А. С. Пушкиным. Наудачу мы выписали для них журнал, издаваемый г. Погоди-

ным, в котором наш первоклассный поэт обещал участвовать преимущественно. Впрочем, просвещенные и привычные читатели журнальных объявлений и журналов знают, что значит преимущественное участие поэтов в журналах. О сем можно справиться в объявлении о «Сыне отечества» на 1821 год и в книжках сего журнала (имеется в виду несоответствие предполагаемых и действительных участников журнала.— *М. Ч.*) в течение 1820 и 1821 годов» («Сев. пчела», 1826, № 156). Во втором номере *МВ*, с которым, судя по письму, уже познакомился Веневитинов, в «Ответе издателя» было указано Погодиным на этот выпад «Сев. пчелы» (см.: *МВ*, 1827, ч. 1, № 2, с. 149).

10 *Критику выходящих книг возьму я охотно на себя...*— Из написанных в Петербурге письменных отзывов Веневитинова о современных ему изданиях известно лишь три: заметка о второй главе «Евгения Онегина», рецензия на сцену в Чудовом монастыре из «Бориса Годунова» и заметка о переводе Козловым поэмы «Абидосская невеста» Байрона.

11 *Я было писал разбор альманахов...*— Разбор не сохранился.

12 *...но... он уже сделан...*— Во второй и третьей книжке *МВ* напечатан критический разбор «Альманахи на 1827 г.» (*МВ*, 1827, ч. 2, № 1, с. 67—87; № 2, с. 175—181). Автором первой трети разбора (а возможно и всего его) был В. Одоевский (см. прим. 1 к письму В. Одоевского к Погодину от 29 апреля 1827 г.— *ЛН*, т. 16—18, с. 692). Понятно, что Веневитинов, находившийся в те дни в постоянном контакте с В. Одоевским, знал об этом разборе.

13 *...до другого случая.*— Веневитиновский разбор альманахов в *МВ* так и не появился.

14 *Cousin издал книгу прекрасную...*— *Cousin* — Кузен Виктор (1792—1867) — французский философ-эклектик, в 20-х годах XIX в. широко популярный в России. Веневитинов имеет в виду книгу Кузена «Философские отрывки», изданную в 1826 г. (Fragments philosophiques, par Victor Cousin, Paris, 1826, in. 8, pag. L. et 436). Книга эта подвергалась критике со

стороны любомудров, указывавших на ее несамостоятельность (см. *МВ,* 1828, ч. 12, № 21—22, с. 129—144; № 23—24, с. 313—325); тем не менее они признавали ее значительным явлением в философской литературе, ибо она представляла собой обширный свод философских знаний, а также знакомила с методологией научного познания (см. там же, соответственно: № 21—22, с. 129; № 23—24, с. 324). Книга была посвящена вопросам, в те годы особенно интересовавшим Веневитинова. Статья в *МВ,* напечатанная за подписью: *М.*, по-видимому, была написана Н. Мельгуновым, подписывавшим так свои произведения в периодике. Мельгунов Николай Александрович (1804—1867) — писатель, композитор-любитель, переводчик, сослуживец Веневитинова по Московскому архиву.

15 *...об ней статью...*— Статья неизвестна.

16 *... в том же журнале.*— Журнал Кузена «Глобус» («Le Globe»), издававшийся им в 1824—1830 гг. Вот как характеризовал журнал современник Веневитинова А. И. Тургенев: «Советую подписаться на «Globe» французский, под фирмою Кузеня (Cousin) ‹...› В нем почти одна литература, но серьезная и важная. О политике только тогда, когда она имеет отношение к литературе или к какой-либо книге ‹...› ...привожу его в пример рассмотрения литературы и наук, со стороны их влияния на гражданское общество» (*Тургенев А. И.* Хроника русского. Дневники (1825—1826). М.— Л.: Наука, 1964, с. 10).

17 *Abbé Mérian — Мериан* Андре-Адольф (1772—1828) — дипломат, ученый, автор работ по языкознанию. Установить контакты с Мерианом, а через него и с Клапротом Веневитинову могла помочь З. Волконская, которая была знакома с ученым и до приезда в Москву из Парижа, занималась науками под его руководством.

18 *Klaprot — Клапрот* Генрих-Юлий (1783—1835) — ориенталист и путешественник, друг Мериана. Веневитинову, видимо, действительно удалось договориться с Мерианом и Клапротом относительно их участия в *МВ.* Так, в письме к С. А. Соболевскому

от 13 сентября 1827 г. Рожалин сообщал: «Клапрот и аббат Мериан прислали ⟨...⟩ по статье для напечатания в нашем журнале» (*ДН*, т. 16—18, с. 734). Через несколько дней, 18 сентября, в письме к Соболевскому Рожалин добавляет: «Имя «Московского вестника» хоть и негромко, но и не так похабно, как ты утверждаешь. На него многие обращают внимание и мы скоро выскочим с небывалой новостью: l'abbé Mérian и Клапрот прислали нам своих статей, из которых Клапротова любопытна и важна. Это первый пример сотрудничества таких славных ученых в русском журнале» (там же, с. 739). По неизвестным причинам в *МВ* была опубликована лишь одна статья Клапрота «Примечания к Страбонову описанию берегов Азовского моря» (*МВ*, 1827, ч. 5, № 20, с. 454—457). В *МВ* были напечатаны четыре рецензии на работы Клапрота: «Исторические карты Клапрота» (*МВ*, 1827, ч. 4, № 15, с. 307—311), «Об имени Киргиз-Кайсацкого народа и отличии его от подлинных или диких народов» (*МВ*, 1827, ч. 4, № 16, с. 432—462), «Сочинения гг. Шампольона, Клапрота и Зейффарта об Египетских иероглифах» (*МВ*, 1827, ч. 5, № 19, с. 334—343), «Замечание на мнение Клапрота о жилище киргизов» (*МВ*, 1828, ч. 7, № 3, с. 344—352).

19 *Гульянов* Иван Андреевич (1789—1841) — ученый-египтолог; член российской Академии, секретарь русского посольства в Брюсселе; был в дружеских отношениях к Клапротом. Впоследствии познакомился и с Погодиным (см. письмо Погодина к Шевыреву от 20 ноября 1830 г.— *РА*, кн. 3, № 5, 6. М., 1882, с. 178).

20 *Сенковский* Осип Иванович (1800—1856) — журналист, писатель, критик, в совершенстве знавший арабский язык и писавший, в частности, повести из жизни восточных народов.

21 *Вашингтон.*— Ирвинг *Вашингтон* (1783—1859) —американский писатель-романтик. «Вашингтон Ирвинг ⟨...⟩ в двадцатых годах наполнял по преимуществу страницы наших журналов, благодаря тому, что из его сочинений можно было выбирать небольшие пове-

сти, удобные для помещения в целом виде в журналах» (*Колюпанов*, т. I, кн. 1, с. 509). Конечно, популярность Ирвинга в России начала XIX в. объяснялась гораздо более существенными причинами и, в частности, созвучием его творчества подъему гражданского романтизма в русской литературе (о многочисленных публикациях произведений Ирвинга в русских журналах 20-х годов XIX в. см.: *Колюпанов*, т. I, кн. 1, с. 478, 509, 527, 570, 575).

22 *Тик* Людвиг (1773—1853) — немецкий писатель-романтик. Говоря о публикации произведений Тика, Веневитинов стремился не только привлечь читателей к *МВ*, но и учитывал близость идейных и эстетических позиций Тика и любомудров (см.: *Данилевский Р. Ю.* Людвиг Тик и русский романтизм.— Сб.: Эпоха романтизма. Л.: Наука, 1975, с. 76—79). В «Московском вестнике» были напечатаны лишь два произведения Тика: повесть «Пиетро Апоне» (*МВ*, 1828, ч. 7, № 4, с. 407—445; ч. 8, № 5, с. 6—54) и повесть-сказка «Белокурый Экберт» (*МВ*, 1830, ч. 2, № 6, с. 119—150).

23 *Возьмите... мой перевод из Гофмана и докончите его.*— Веневитинов перевел начало повести Гофмана «Магнетизер». Остальная часть была переведена братом поэта А. Веневитиновым. Полностью совместный их перевод появился в *МВ* в 1827 г. (*МВ*, 1827, ч. 5, № 19, с. 244—301) под заглавием «Что пена в вине, то сны в голове» (так первоначально назвал свою повесть Гофман.— См.: Э. Т. А. Гофман. Крейслериана. Житейские воззрения кота Мурра. Дневники. М.: Наука, 1972, с. 507). В изд. 1831 г. отрывок, переведенный Веневитиновым, назван «Что пена в стакане, то сны в голове».

24 *...несколько переводов из иностранных журналов.*— Какие именно свои переводы имеет в виду Веневитинов — неизвестно.

25 *Он посылает вам три пьесы.*—Возможно, это те стихи А. Хомякова, которые были опубликованы в ближайших номерах *МВ*: «В альбом» (*МВ*, 1827, ч. 1, № 4, с. 252), «Младость» (*МВ*, 1827, ч. 2, № 5, с. 4), «Старость» (там же, с. 6). Предположение это тем

вероятнее, что последующие стихи А. Хомякова в *МВ* появились лишь спустя три месяца.

26 *...«Элегию» да «3 участи».*— См. прим. к стихам, с. 491, 483. В *МВ* стихи не были напечатаны.

27 *Не пугайтесь гонений... Дм⟨итриева⟩...*— *Дмитриев* Иван Иванович (1760—1837) — поэт, намного переживший ту эпоху в поэзии, которую он представлял в России вместе с Карамзиным — эпоху предромантизма. Приводя цитату из письма Веневитинова в своей книге, Н. Барсуков считает недовольство Веневитинова недоразумением (см.: *Барсуков,* кн. 2, с. 77—78). Думается, что основания для недовольства у Веневитинова все же были. 29 декабря 1826 г. Погодин записывает в *Дневнике*: «Странен Дмитриев. Зачем ему на стороне отзываться невыгодно, когда так лестно у себя». Предположение не будет казаться неосновательным, если вспомнить неодобрительное отношение Дмитриева к молодым литераторам и то, что почти в то же время, а именно — 19 февраля 1827 г., Дмитриев крайне невыдержанно и резко высказывается о стихотворении Шевырева «Сон», напечатанном в 4 номере *МВ* (*МВ*, 1827, ч. 1, № 4, с. 249—250). Впервые сообщил об этом в своем Дневнике Ф. Малевский (см.: *Цявловская Т. Г.* Пушкин в Дневнике Франтишка Малевского. — *ЛН*, т. 58. М.— Л.: 1952, с. 226). См. также комментарий к записи Ф. Малевского в кн.: *Алексеев М. П.* Пушкин. Л.: Наука, 1972, с. 51. Снисходительное, а порой и высокомерное отношение Дмитриева к молодым литераторам вынужден был отметить в своих мемуарах даже племянник поэта М. А. Дмитриев: «Равняя всех своих знакомых своею ровною ко всем приветливостью, он (И. И. Дмитриев.— *М. Ч.*) любил, однако, чтоб они не забывались, и чтоб всякий знал свое место» (*Дмитриев М. А.* Мелочи из запаса моей памяти. М., 1869, с. 123).

28 *Не пугайтесь гонений... Дав⟨ыдова⟩.*— *Давыдов* Иван Иванович (1794—1863) — профессор Московского университета, философ и филолог. О возможных разногласиях между любомудрами и идеалистом Давыдовым, автором проникнутой шеллингианскими

идеями книги «Вступительная лекция о возможности философии как науки» (М., 1826), можно делать только предположения. Скорее всего, эти разногласия основывались на том, что любомудры, являясь единомышленниками Давыдова в отношении к философии Шеллинга, в гораздо меньшей степени интересовались опытными науками, математикой, отдавая предпочтение философии в широком значении этого слова (см., например, перевод В. Одоевского главы из «Духа христианства» Шатобриана: «Отрывок о математике».— *ВЕ*, 1821, ч. CXVI, № 4, с. 283—287; ч. CXVII, № 5, с. 51—55; примечание Веневитинова к своему переводу статьи «О математической философии» Вагнера). Давыдов же ставил математику «выше всего, почитая ее необходимою для трансцендентального идеализма» (*Снегирев И. Й.* Дневник, ч. 1. М., 1904, с. 68). Во всяком случае, разногласия между Давыдовым и ближайшим окружением Веневитинова существовали, о чем непосредственно свидетельствует дневниковая запись Погодина от 12 мая 1826 г.: «Отправился на лекции к Давыдову. Насилу пробился сквозь толпу. Много говорил Давыдов неловко. Досталось всем нашим сестрам по серьгам. Думал о статейке против лекции... *Давыдов — не учитель»* (курсив мой.— *М. Ч.*). О недовольстве Давыдовым писал Погодин в Дневнике и в записи от 24 июля 1826 г.

29 *Дм⟨итриев⟩ завистлив, и ему бы хотелось уронить хоть сколько-нибудь Пушкина.*— Об отношениях между Пушкиным и И. И. Дмитриевым см.: *Макагоненко Г.* Пушкин и Дмитриев.— Русская литература, 1964, № 4.

30 *Напечатайте следующие стихи...*— Эпиграмма Веневитинова на И. Дмитриева. Форма эпиграммы пародирует форму вышедших в 1826 г. в Москве коротких переводных басен И. Дмитриева «Апологи в четверостишиях».

31 *...перевод из Шиллера...*— Перевод неизвестен.

32 *Из «Фауста» кое-что пришлю непременно.*— См. прим. к письму № 46.

33 *«Валлен⟨штейнов⟩ лаг⟨ерь⟩»* — см. прим. к письму № 32.

34 *Из романа ничего еще вырвать не могу.*— В Петербурге Веневитиновым был начат роман «Владимир Паренский». Именно этот роман («большое сочинение») имеет в виду Веневитинов в письме к брату от 14 февраля 1827 г. Роман остался неоконченным. См. о нем с. 534. Полностью сохранившиеся части романа «Владимир Паренский» напечатаны в «Дополнениях» (с. 278—287).

35 *Послание мое к Рожалину...*— «Послание к Р⟨ожали⟩ну» (1826).

36 *Поцелуй Титова за статью на аллегории.*— Рецензия В. П. Титова на книгу Ф. И. Глинки «Опыты Аллегорий или иносказательных описаний в стихах и прозе» опубликована во втором номере *МВ* (*МВ*, 1827, ч. 1, № 2, с. 128—137).

37 *Поцелуй сам себя за «Разговор».*— Статья Шевырева «Разговор о возможности найти единый закон для изящного» напечатана в первой книжке *МВ* (*МВ*, 1827, ч. 1, № 1, с. 32—51).

38 *...не худо бы поместить известие о смерти Ланжуине...*— *Ланжуине* Жан Дени (1755—1827) — французский политический деятель. Известия о его смерти в *МВ* не появлялось.

39 *«Convers⟨ations⟩ Lexicon»* — имеется в виду: «Allgemeine deutsche Real-Encyklopädie für die gebildeten Stände (*Conversation Lexicon)*» — «Энциклопедический словарь», изданный Ф. А. Брокгаузом и выдержавший до 1827 г. шесть изданий в Германии и Голландии.

40 «*Biog⟨raphie⟩ des cont⟨emporains⟩*» — Биографический словарь «Biographie nouvelle des contemporains, ou dictionnaire historique et raisonne...», v. 10, P. 1823, 451—453. На указанных страницах словаря помещены сведения о Ланжуине.

41 *Жандр* Андрей Андреевич (1789—1873) — переводчик, друг Грибоедова. Произведения Жандра в *МВ* не публиковались. Познакомить Веневитинова с Жандром могли Хомяковы, с которыми Жандр за-

нимался русской словесностью в 1815 г., когда семья Хомяковых жила в Петербурге.

42 *...мы с ним дружны, как сыны одной поэзии.*— См. письмо № 36 и прим. к нему.

43 *Грибоедов.*— О возможных его контактах с Веневитиновым см. прим. к поэме «Евпраксия».

44 *Зачем это газетное объявление о «Сев⟨ерной⟩ лире»?* — Во втором номере *МВ* был напечатан перечень произведений, помещенных в альманахе «Северная лира» на 1827 год» (*МВ*, 1827, ч. 1, № 2, с. 138—139).

45 *У него также есть хорошие переводы из Шлегеля.*— Перевод А. Веневитинова статьи Шлегеля «О трех единствах в драме» был напечатан в *МВ* в мае-июне 1827 г. (*МВ*, 1827, ч. 3, № 10, с. 149—166; № 11, с. 256—273).

44. Ф. В. Булгарину

(с. 395)

Автограф — в *ЦГАЛИ*, ф. 1031 (Булгарина Ф. В.), оп. 2, ед. хр. 2. Рукою Веневитинова на оборотной стороне листа — обращение: «Почтеннейшему Фаддею Венедиктовичу». Остальная часть письма написана рукой Хомякова. Из письма следует, что Веневитинов и Хомяков лично знакомы с Булгариным. Поскольку Веневитинов познакомился с ним лишь после приезда в Петербург, письмо было написано во время пребывания его в столице. Об этом же свидетельствует тот факт, что Веневитинов на обратной стороне листа не поставил фамилии: очевидно, письмо было передано Булгарину с посыльным. А. Хомяков приехал в Петербург 25 января 1827 г. Следовательно, письмо было написано в конце января—феврале 1827 г.

1 *...за вашу посылку...*— Установить, что это за посылка — не удалось. Однако, принимая во внимание фразу «И нас не пощадит Улан», можно предположить, что речь идет о какой-то статье Булгарина, в которой он выступает с нападками на кого-либо из литераторов — знакомых Веневитинова и А. Хомякова.

[2] *...подвигами старого воина...*— Явная насмешка. И Веневигинов и А. Хомяков не могли не знать о бесславной воинской карьере Булгарина. Начав в 1806 г. воевать против французов, Булгарин затем оказывается в армии Наполеона и даже участвует в походе на Россию, а в 1814 г. попадает в плен.

[3] *...И нас не пощадит Улан.*— Намек на то, что после окончания в 1806 г. Петербургского сухопутного кадетского корпуса Булгарин служил в уланском полку.

45. С. В. Веневитиновой

(с. 395—397)

Автограф — в *ИРЛИ*, ф. 415 (Веневитинова Д. В.), № 1, лл. 31—32. Впервые (не полностью, от слов: «Я хотел бы тебе рассказать» до: «в области искусства», с неверной датировкой) — *ГМ*, 1914, № 1, с. 270—271; полностью — *изд. 1934 г.*, с. 339—341.

[1] *Бутенев* — см. прим. 2, к письму № 35.

[2] *...днем ангела.*— 3 февраля.

[3] *Алексей* — Веневитинов.

46. А. В. Веневитинову

(с. 397)

Автограф неизвестен. Впервые — *изд. 1862 г.*, с. 342—343.

[1] *...большое сочинение...*— Роман «Владимир Паренский».

[2] «*Участи*».— Стихотворение «Три участи».

[3] *К юбилею Гете...*— Восьмидесятилетие Гете должно было отмечаться лишь в 1829 г., поэтому не совсем понятно, почему именно Веневитинов напомнил о нем в начале 1827 г.

[4] *...отрывки из «Фауста».*— Известно три перевода отрывков из «Фауста», выполненных Веневитиновым: «Монолог Фауста в пещере», «Песнь Маргариты»,

сцена «Фауст и Вагнер». Над последними двумя Веневитинов работал в эти дни.

[5] *Третья книжка «Московского вестника»...*— Вышла 1—2 февраля 1827 года («Моск. вед.», 1827, № 10, 2 февраля, с. 362).

47. *С. В. Веневитиновой*

(с. 397—399)

Автограф — в *ИРЛИ*, ф. 415 (Веневитинова Д. В.), № 1, лл. 36—37. Впервые — *изд. 1934 г.*, с. 341—342.

Датировка установлена на основании фразы: «Вчера Филармоническим обществом ⟨...⟩ было исполнено целиком новое произведение Керубини ⟨...⟩. Это месса для большого оркестра». Месса Керубини прозвучала в Петербурге 3 марта 1827 г. (см.: *Ливанова Т. Н.* Музыкальная библиография русской периодической печати XIX века, вып. 2. М., 1963, с. 96). Следовательно, письмо было написано 4 марта 1827 г.

[1] *Геништа* — см. прим. 3 к письму № 2.

[2] *В четверг...*— 2 марта.

[3] *В пятницу...*— 3 марта.

[4] *Виельгорский* — Матвей Юрьевич.

[5] *...музыкальное общество...*— Салон братьев Виельгорских в Петербурге.

[6] *...не шлете вы мне переводов Мицкевича?* — Живший в 1825—1827 гг. в Москве Адам Мицкевич был связан с любомудрами, о чем свидетельствует запись из Дневника Погодина от 24 октября 1826 г. Погодин рассказывает об обеде, организованном любомудрами по поводу окончательного решения об издании *МВ*. На этом обеде, где, кроме самих любомудров, было только самое ближайшее их окружение, присутствовал и Мицкевич, причем, как записывает Погодин, здесь «с удовольствием пили за здоровье Мицкевича». Присутствие на обеде Веневитинова позволяет предположить, что он был лично знаком с польским поэтом.

[7] *Алексей* — Веневитинов.

[8] *Герке* — см. прим. к стихотворению «К. И. Герке».

48. М. П. Погодину

(с. 399—400)

Впервые — *изд. 1934 г.,* с. 343—344.

[1] *Я еду в Персию.*— См. также письмо № 35.

[2] *Сонечка* — сестра поэта.

[3] *У Строгановых слыхал Ленсберна.*— О том, каких именно Строгановых имел в виду Веневитинов, сведений нет. Возможно, речь шла о салоне графини Софьи Владимировны Строгановой (1775—1845), где часто собирались люди искусства, и где мог быть и пианист Ленсберн.

[4] *Киреевский* — по-видимому, Иван Васильевич (см. прим. 7 к письму № 18).

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ ПРОИЗВЕДЕНИЙ Д. В. ВЕНЕВИТИНОВА

СОДЕРЖАНИЕ

ВАРИАНТЫ
(Подготовил М. А. Чернышев)

Текст

I

СТИХОТВОРЕНИЯ

ПИСЬМА

ПРИЛОЖЕНИЯ

Д. В. Веневитинов

СТИХОТВОРЕНИЯ
ПРОЗА

Утверждено к печати редколлегией серии «Литературные памятники» АН СССР. Редактор издательства *О. К. Логинова.* Художник *Е. М. Дробязин.* Художественный редактор *Т. П. Поленова.* Технический редактор *Р. М. Денисова.* Корректоры *Н. М. Вселюбская, Е. В. Шевченко*

ИБ № 15020

Сдано в набор 01.10.79. Подписано к печати 28.05.80 Формат 70×90 1/32 Бумага типографская № 2. Гарнитура елизаветинская. Печать высокая. Усл. печ. л. 22,9. Уч.-изд. л. 25.9. Тираж 25000 экз. Тип. зак. 2396. Цена 3 р. 40 коп. Издательство «Наука» 117864 ГСП-7, Москва, В-485, Профсоюзная ул., 90. 2-я типография издательства «Наука», 121099, Москва, Г-99, Шубинский пер., 10

3 р. 40 к.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»